

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 10, № 5, 2017

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Решением
Минобрнауки РФ
журнал «Экономические
и социальные
перемены: факты,
тенденции, прогноз»
включен в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны
быть опубликованы
основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой
степени кандидата
наук, на соискание
ученой степени доктора
наук по научным
специальностям:
22.00.00 –
социологические
науки; 08.00.00 –
экономические науки.

Журнал размещается в
следующих рефератив-
ных и полнотекстовых
базах данных:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access
Journals (DOAJ), RePEC,
Ulrich's Periodicals
Directory, ВИНТИ
РАН, Российский
индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала
направляются в
Библиотеку Конгресса
США и в Германскую
национальную
экономическую
библиотеку.

Все статьи проходят
обязательное
рецензирование.
Высказанные в статьях
мнения и суждения
могут не совпадать
с точкой зрения
редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Жак Сапир, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESP), Центр исследований индустриализации (CEMI), Париж, Франция)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Пейтер Оуй (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Тюзи Байджан, кандидат наук, профессор (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Чжан Шууха, доктор, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Кибиткин А.И., д.э.н., проф. (Мурманский государственный технический университет, Мурманск, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некителов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (ЦЭМИ РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Загребельный А.В., ответственный секретарь к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Задумкин К.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Теребова С.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.vscs.ac.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2017

FEDERAL AGENCY
FOR SCIENTIFIC ORGANIZATIONS

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
«VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES»

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 10, no. 5, 2017

The Journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal "Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast" is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The Journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEC, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The Journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the Journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the Journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the Journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

CHIEF EDITOR

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD: FOREIGN MEMBERS

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, doctor of economics, professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, doctor of sociology, professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

EDITORIAL BOARD: RUSSIAN MEMBERS

D.V. Afanasyev, Ph.D. in sociology, associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, doctor of economics, professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, doctor of economics, professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

V.V. Ivantsev, RAS academician (Institute of Economic Forecasting of RAS, Moscow, Russia)

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia)

A.I. Kibitkin, doctor of economics, professor (Murmansk State Technical University, Murmansk, Russia)

S.V. Kuznetsov, doctor of economics, professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

E.B. Len'chuk, doctor of economics, professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, doctor of engineering (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

EDITORIAL STAFF

E.S. Gubanova, doctor of economics, professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy chief editor, doctor of economics, associate professor (Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia)

A.V. Zagrebel'nyi, executive secretary, Ph.D. in philology (Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia)

K.A. Zadumkin, Ph.D. in economics (Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Ph.D. in economics (Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia)

G.V. Leonidova, Ph.D. in economics, associate professor (Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia)

M.V. Morev, Ph.D. in economics (Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Ph.D. in economics (Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia)

S.V. Terebova, Ph.D. in economics, associate professor (Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia)

O.V. Tret'yakova, Deputy chief editor, Ph.D. in philology (Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, doctor of economics, associate professor (Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, doctor of economics (Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А. Незавершенное дело Президента. Система государственного управления не готова к снятию с ручного режима 9

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- Шрёдер А., Шабунова А.А., Попов А.В., Соловьева Т.С., Головчин М.А.
Социальные инновации как эффективный ответ на современные вызовы в сфере образования 21
- Лажнецов В.Н. Концепция программного решения проблем формирования и развития территориально-хозяйственных систем.....37

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- Калашников К.Н. Качество государственного управления: критерии оценок в сравнительно-территориальных фреймах.....51

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Феномен неравномерности социально-экономического развития городов и районов Мурманской области: специфика, тенденции, прогноз, регулирование 66

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

- Хмелева Г.А., Тюкавкин Н.М., Свиридова С.В., Чертопьятов Д.А.
Кластерное развитие региона на основе инноваций в условиях санкций (на примере нефтехимического комплекса Самарской области) 83
- Смотряцкая И.И., Шувалов С.С. Развитие института публичных закупок (к формированию новой модели контрактной системы закупок) 99

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Котлярова С.Н., Лаврикова Ю.Г., Аверина Л.М. Роль локализации промышленного производства в политике импортозамещения 115
- Салина Т.К. Территориальная декомпозиция сбалансированной системы показателей оценки первичных энергоресурсов ТЭК СЗФО для обеспечения его устойчивого развития..... 128

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- Игнатова И.В., Игнатов Е.С. Развитие предпринимательства в регионе:
факторы и проблемы 143

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Тихонов А.В., Леньков Р.В. Роль института высшего образования в решении
проблем социокультурной модернизации регионов 158
- Корнейко О.В. Ценностные ориентации современного предпринимательства
в России..... 169

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

- Торцев А.М., Студёнов И.И., Белоусов А.Н. Сравнительный анализ
отечественных подходов к возмещению вреда, наносимого водным
биоресурсам 184

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

- Копытова Е.Д. К вопросу о взаимодействии власти, бизнеса и общества
в решении задач развития территорий..... 197

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

- Гулин К.А., Усков В.С. Тренды четвертой промышленной революции
(Рецензируется: Шваб К. Четвертая промышленная революция:
монография: пер. с англ. (Top Business Awards)) 216
- Андрианова Е.В., Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф. V Тюменский
международный социологический форум и XIII Всероссийская
научно-практическая конференция по программе «Социокультурная
эволюция России и её регионов» 222

Приложение.

- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 228
- Правила приёма статей 235
- Информация о подписке 241

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

- Ilyin V.A. The President's Unfinished Work. Public Administration System Is Not Ready to Function Without Manual Control 9

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

- Schröder A., Shabunova A.A., Popov A.V., Solov'eva T.S., Golovchin M.A. Social Innovation as an Effective Response to Modern Challenges in Education 21
- Lazhentsev V.N. A Concept for Program Solution to the Issues of Formation and Development of Territorial-Economic Systems 37

THEORETICAL ISSUES

- Kalashnikov K.N. Public Administration Quality: Assessment Criteria in Comparative Territorial Frames 51

SPATIAL ASPECTS OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

- Skuf'ina T.P., Baranov S.V. The Phenomenon of Unevenness of Socio-Economic Development of Cities and Districts in the Murmansk Oblast: Specifics, Trends, Forecast, Regulation 66

INNOVATION DEVELOPMENT

- Khmeleva G.A., Tyukavkin N.M., Sviridova S.V., Chertopyatov D.A. Cluster Development of the Region on the Basis of Innovation Under the Sanctions (Case Study of the Petrochemical Complex in the Samara Oblast).....83
- Smotrinskaya I.I., Shuvalov S.S. Development of the Government Procurement Institution (Toward the Formation of a New Model for the Contract Procurement System) 99

BRANCH-WISE ECONOMY

- Kotlyarova S.N., Lavrikova Yu.G., Averina L.M. The Role of Industrial Production Localization in the Import Substitution Policy 115
- Salina T.K. Territorial Decomposition of Balanced Scorecard for Evaluation of Primary Energy Resources in Fuel and Energy Sector in the Northwestern Federal District to Ensure Its Sustainable Development 128

REGIONAL ECONOMY

- Ignatova I.V., Ignatov E.S. Development of Entrepreneurship in the Region:
Drivers and Problems 143

SOCIAL DEVELOPMENT

- Tikhonov A.V., Len'kov R.V. The Role of Institute of Higher Education in Solving
the Issues of Socio-Cultural Modernization of Regions 158
- Korneiko O.V. Value Orientations of Modern Entrepreneurship in Russia 169

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

- Tortsev A.M., Studenov I.I., Belousov A.N. Comparative Analysis of Domestic
Approaches to Compensation for Damage Caused to Water Bioresources 184

YOUNG RESEARCHERS

- Kopytova E.D. Revisiting the Development of Cooperation Between the State,
Business, and Society in Addressing Territorial Development Issues 197

SCIENTIFIC REVIEWS. OPINIONS

- Gulin K.A., Uskov V.S. Trends of the Fourth Industrial Revolution (A review of the
monograph: Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Translated
from English (Top Business Awards)) 216
- Andrianova E.V., Davydenko V.A., Romashkina G.F. 5th Tyumen International
Sociological Forum and 13th All-Russian Scientific-Practical Conference
on the Program "Socio-Cultural Evolution in Russia and Its Regions" 222

Appendix.

- Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society** 228
- Article Submission Guidelines 235
- Subscription Information 241

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.1

УДК 338.24, ББК 65.050.1

© Ильин В.А.

Незавершенное дело Президента

Система государственного управления не готова к снятию с ручного режима

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru

2017 год — год столетия Русской революции и «финишная прямая» перед президентскими выборами 2018 года. Оба события актуализируют проблематику эффективности государственного управления и качества властвующих элит — основополагающих, системообразующих вопросов, от которых зависит уровень жизни каждого гражданина России, устойчивое функционирование её социально-экономической системы и национальная безопасность государства в глобальных масштабах.

Многие эксперты придерживаются мнения о том, что события Октябрьской революции 1917 г. следует рассматривать с объективных

исторических позиций, стараясь избегать прямых аналогий с сегодняшним днем. «Необходимо взглянуть на те события во всех оттенках, стать выше борьбы сторон, справедливо и беспристрастно вспомнить о победителях и о жертвах»¹. Однако без видения исторических параллелей невозможно выучить уроки прошлого и, соответственно, предотвратить необдуманные шаги в будущем, которые, как показывает исторический опыт России, могут иметь катастрофические последствия. «Любое историческое исследование позволяет спрогнозировать будущее, хотя, как правило, ничему не учит. Люди совершают ошибки все так же...»²

¹ Нарышкин С.Е. Выступление на 1-м заседании Организационного комитета по подготовке и проведению мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России (23.01.2017) [Эл. рес.]. — Реж. дост.: <http://rushistory.org/proekty/100-letie-revolutsii-1917-goda/pervoe-zasedanie-organizatsionnogo-komiteta-po-podgotovke-i-provedeniyu-meropriyatij-posvyashchennykh-100-letiyu-revolutsii-1917-goda.html>

² Нарочницкая Н. (президент Фонда исторической перспективы). Выступление на 1-м заседании Организационного комитета по подготовке и проведению мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России (23.01.2017) [Эл. рес.]. — Реж. дост.: <http://rushistory.org/proekty/100-letie-revolutsii-1917-goda/pervoe-zasedanie-organizatsionnogo-komiteta-po-podgotovke-i-provedeniyu-meropriyatij-posvyashchennykh-100-letiyu-revolutsii-1917-goda.html>

Для цитирования: Ильин, В.А. Незавершенное дело Президента. Система государственного управления не готова к снятию с ручного режима / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 5. — С. 9-20. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.1

For citation: Ilyin V.A. The President's unfinished work. Public administration system is not ready to function without manual control. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 9-20. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.1

Ростовский М.: «Ни в начале, ни в конце XX века в нашей стране не было силы, заинтересованной в сохранении и развитии государства. Эта сила всегда возникала и побеждала на этапе выхода из острейшего политического кризиса. Но на точке входа в кризис ее не было. И в 1917 году, и в 1991 году доминировали частные интересы: групповые, индивидуальные, местнические и так далее. Проблема России – и России образца февраля 1917 года, и России в другие моменты ее истории – заключалась в отсутствии механизма сложения векторов воли различных групп в единый общенациональный интерес, общенациональную волю»³.

С этой точки зрения следует отметить, что Николай II, по свидетельству некоторых историков, не обладал теми необходимыми качествами, которые позволили бы ему «сформулировать» адекватный ответ на внутренние вызовы, вставшие перед страной по объективным историческим причинам, и на внешние вызовы, которые были уготовлены Российской империи ведущими мировыми державами того времени – Англией и США. Неспособность управлять страной в ручном режиме, держа на

Самсонов А.: «Николай II не обладал железной волей отца Александра III и прадеда Николая I, чтобы противостоять изощренному и коварному врагу («цивилизованному Западу»), а также способностями и беспощадностью Петра I, чтобы коренным образом перестроить Россию. Для того чтобы она устояла в мировой войне и смогла победить, выйти обновлённой. А без коренной трансформации, старая, Романская Россия выжить не могла. Слишком глубокие противоречия лежали в её основе. За три столетия своего существования запас прочности «Белой империи» был исчерпан»⁴.

³ Ростовский М. Путин и призрак революции: почему в России может повториться 1917 год [Эл. рес.] // Московский комсомолец. – 2017. – 2 марта. – Реж. дост.: <http://www.mk.ru/politics/2017/03/02/putin-i-prizrak-revolyucii-pochemu-v-rossii-mozhet-povtoritsya-1917-god.html>

⁴ Самсонов А. Политика Николая II сотворила революцию 1917 года [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://krasvremya.ru/politika-nikolaya-ii-sotvorila-revolyuciyu-1917-goda/>

личном контроле вопросы внешней политики и пресекая в самом зародыше первые симптомы грядущей Революции, стала одной из главных причин событий 1917 г.

Ситуация повторилась в 1991 г., когда произошёл распад Советского Союза. И здесь снова усматриваются и интересы западных стран, и неспособность главного человека в системе управления (М. Горбачева) проявить политическую волю и принимать сложные политические решения в интересах сохранения национального суверенитета.

Тощенко Ж.Т.: «Горбачев оказался на пике исторического вызова времени, но не сумел проявить себя как создатель, творец, предложивший обществу новые идеи, новое видение будущего. Он не обладал стратегическим мышлением, не понимал сути состояния и тенденций развития происходящих процессов, был беспринципным, нерешительным, постоянно опаздывающим с принятием решений»⁵.

Совершенно иными (можно даже сказать, противоположными) личностными характеристиками и, соответственно, стилем управления обладали люди, которые в кризисные для страны периоды находили в себе силы брать на себя ответственность за решение ключевых вопросов национальной безопасности во внешнеполитической и во внутренней социально-экономической жизни страны. Так, несмотря на методы, за которые по-прежнему критикуют политику Ивана Грозного и И. Сталина, каждому из них в свое время удалось предотвратить развал страны изнутри и одновременно – отразить нападение внешних врагов.

Таким образом, стиль управления, за которым всегда стоит конкретная личность, является одним из ключевых факторов, определяющих ход российской истории. И события XX века указывают на то, что в переломные моменты в стране возникает необходимость ручного режима государственного управления, что требует соответствующих качеств от национального лидера, принимающего личную ответственность за ключевые решения во внутренней и внешней политике.

⁵ Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.

Во всех четырех вышеперечисленных случаях национальный лидер был вынужден отвечать как минимум на трехсторонние вызовы: внешние военные угрозы, социальное недовольство населения динамикой уровня и качества жизни и политические интриги внутри управленческой системы, по сути, готовящие почву для потенциального краха российской государственности. С достоинством Россия выходила из таких ситуаций только в том случае, когда национальный лидер «включал» режим ручного управления и лично контролировал решение вопросов внутренней и внешней политики, находя в себе силы принимать жесткие решения в интересах национальной безопасности.

Существует ли режим ручного управления государственной системой сегодня? Есть ли в нем необходимость? И возможны ли альтернативы? — актуальность этих вопросов возрастает по мере приближения нового политического цикла, который в случае выдвижения кандидатуры В. Путина и его победы на президентских выборах 2018 г. станет последней «шестилеткой» его президентства⁶.

Следует отметить, что сам термин «ручное управление» впервые озвучил именно действующий Президент РФ в 2007 году, памятном россиянам прежде всего как год, когда В. Путиным была произнесена знаменитая «мюнхенская речь», по сути, определившая основные принципы внешней политики России на десятилетия вперед. В последующие годы Президент неоднократно возвращался к этому термину, употребляя его преимущественно в адрес Правительства, неэффективно выполняющего его указы, хотя по итогам последней «Прямой линии» В. Путин высказался на этот счет более

осторожно: «Я уж не сказал бы, что все только в ручном управлении, в ручном режиме делается, хотя мы видим иногда и вещи, требующие особого внимания, в том числе со стороны правительства и с уровня президента»⁷.

Путин В.В.: «Нужно все держать на контроле. Если потребуется, хотя кому-то это не нравится, но в данном случае это абсолютно оправданно, нужно включать режим так называемого ручного управления. В данном случае ничего здесь зазорного нет... И я прошу вас и сегодня выстроиться именно на такой режим работы, чтобы было понятно, кто за что отвечает, как складывается ситуация на крупнейших системообразующих предприятиях страны, как это отражается на уровне занятости населения, как решаются вопросы социального характера на предприятиях, что происходит в моногородах. Все эти вопросы должны быть отражены в соответствующих планах, они должны быть прописаны и должны быть назначены ответственные за это люди»⁸.

Как отмечают эксперты, метафора «ручное управление» государством появилась по аналогии с управлением самолетом. «Обычно самолет идет в автоматическом режиме управления, но вот система перестает работать, возникает чрезвычайная ситуация, и пилот переходит к системе ручного управления»⁹.

Приведенная аналогия с самолетом не случайна, так как государство, которое во все исторические периоды являлось главным субъектом, инициирующим развитие страны (в широком смысле этого слова: социальное, экономическое, политическое, культурное и т.д.), иногда становится врагом самому себе. Это происходит в тот момент, когда внутренние противоречия в стране достигают своего апогея,

⁶ Четвертый президентский срок В.В. Путина (в случае его участия и победы на президентских выборах 2018 г.) по действующей Конституции РФ заканчивается в 2024 г., то есть с начала его первого президентского срока пройдет 24 года. С момента образования Российской империи (то есть за последние 300 лет) более 20 лет страной управляли лишь 7 человек:

- 1) Пётр I Великий — 39 лет (с 1682 по 1721 г.);
- 2) Екатерина II Великая — 34 года (с 1762 по 1796 г.);
- 3) Александр I — 24 года (с 1801 по 1825 г.);
- 4) Николай I — 30 лет (с 1825 по 1855 г.);
- 5) Александр II — 26 лет (с 1855 по 1881 г.);
- 6) Николай II — 23 года (с 1894 по 1917 г.);
- 7) Иосиф Виссарионович Сталин — 31 год (с 1922 по 1953 г.).

⁷ Интервью В.В. Путина телеканалу НТВ по итогам «Прямой линии» [Эл. рес.] // Информационный портал Газета.ru. — Реж. дост.: <https://www.gazeta.ru/social/2017/06/18/10727153.shtml#page1>

⁸ Стенограмма выступления В.В. Путина на итоговой встрече с членами Правительства [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. — Реж. дост.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/473278>

⁹ Не может быть «ручного управления государством» (мнение доктора исторических наук В. Багдасаряна) [Эл. рес.] // Портал «Родон» (30.10.2012). — Реж. дост.: <http://www.rodon.org/society-121030111939>

«обнуляются» и к власти приходит единственная доминирующая политическая сила, и тогда властвующая элита становится неспособной к самоограничению и достижению консенсуса в целях сохранения страны. Система перестает работать в автоматическом режиме, и возникает необходимость в переходе на режим «ручного управления».

Внутри политической элиты появляются отдельные группировки, представители которых начинают борьбу за власть. И пока конкретные лица во властвующей элите занимаются борьбой за расширение сфер влияния, свои прямые обязанности (управление страной в соответствии с национальными интересами, обеспечение национальной безопасности, укрепление национального суверенитета) они реализуют по остаточному принципу, от чего, в первую очередь, страдают национальные интересы и интересы национальной безопасности.

Ростовский М.: «На протяжении большой части истории нашего государства самым сильным политическим игроком в стране неизменно является центральная власть. Но иногда у этого доминирующего политического игрока появляется смертельно опасный соперник в виде... самого себя. Иногда в структурах российской центральной власти запускаются процессы внутреннего гниения, внутренней деградации, внутреннего распада. И если эти процессы заходят достаточно далеко, то центральная власть внезапно рушится словно картонный домик – а вместе с ней разрушается и несущий каркас нашей государственности»¹⁰.

Воеводина Т.: «СССР рухнул фактически на пике военного и индустриального могущества, вернее, на застойном скольжении с него. И это крушение было воспринято огромным числом граждан с восторгом и энтузиазмом, прошло под бурные и продолжительные аплодисменты. Свержение «совка», если судить по всем этим настроениям, не было ни заговором, ни переворотом – это было подлинно народное дело. Хотя, конечно, были там и заговор, и переворот, и предательство, но без народной поддержки, и даже не поддержки – живого участия – не получилось бы ничего»¹¹.

Именно так «ковалась» Революция 1917 года и именно так рушилась советская эпоха.

Сегодня на всех этажах властной иерархии также наблюдаются хитросплетения политических интриг. Об этом наглядно свидетельствуют данные мониторингового исследования холдинга «Минченко консалтинг» «Политбюро 2.0». Авторы регулярно публикуемых докладов о политической системе пишут о том, что в 2011–2012 гг. «элита была распределена между двумя, пусть и не равнозначными, полюсами – премьер-министром Владимиром Путиным и президентом Дмитрием Медведевым»¹², однако уже летом 2012 г. политическая система в России приняла такую форму, в которой Медведев оказался «лишь одним из нескольких значимых игроков, наравне с главами госкомпаний «Роснефть» и «Ростех» Игорем Сечиным и Сергеем Чемезовым, главой Администрации президента Сергеем Ивановым и его первым заместителем Вячеславом Володиным, мэром Москвы Сергеем Собяниным, бизнесменами Геннадием Тимченко и Юрием Ковальчуком... На уровне отдельных министерств и ведомств у участников узкого круга сложились свои сети дружественных руководителей и их заместителей, сотрудников ключевых департаментов. Распределение влияния между группами коснулось и регионов – практически у каждого из членов Политбюро 2.0 возник свой пул губернаторов»¹³. Функционал формальной главы правительства в этой системе был серьезно ограничен, а роль главного арбитра досталась Президенту.

Таким образом, в сложившейся в России системе государственного управления наблюдается всё больше «равнозначных игроков», они образуют «дружественные сети», между ними «усиливается конкуренция», и конкуренция эта, во-первых, происходит не только

¹⁰ Ростовский М. Путин и призрак революции: почему в России может повториться 1917 год [Эл. рес.] // Московский комсомолец. – 2017. – 3 марта. – Режим доступа: <http://www.mk.ru/politics/2017/03/02/putin-i-prizrak-revolyucii-pochemu-v-rossii-mozhet-povtoritsya-1917-god.html>

¹¹ Чего «совкам» в «совке» не хватало? [Эл. рес.] // Литературная газета. – 2015. – № 33 (6521). – 26 авг. – Режим доступа: <http://lgz.ru/article/-33-6521-26-08-2015/chego-sovkam-v-sovke-ne-khvatalo/>

¹² Политбюро 2.0: реновация вместо демонтажа: доклад коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг» от 23.08.2017. – С. 2.

¹³ Там же.

«В данный момент правящая элита, помимо решения собственно управленческих задач, ориентирована на то, чтобы обеспечить свою устойчивость на длительный временном промежутке. Для этого ей необходимы:

1. Конвертация власти в собственность (через новый этап приватизации, использование бюджетных средств и преференций со стороны властных структур для развития прибыльных бизнесов, создания новых «рент»);
2. Обеспечение передачи обретенной в 1990–2000-х годах собственности по наследству;
3. Легитимации приобретенной собственности, как в России, так и за рубежом.

Второй задачей правящей элиты является укрепление составляющей ее коалиции, отсев нежелательных членов и ограниченное привлечение новых.

Правящая элита России может быть описана в модели советского коллективного властного органа — Политбюро ЦК КПСС. Процесс властвования нацелен, в первую очередь, на поддержание сложившегося межкланового баланса... **Российская власть — это конгломерат кланов и групп, которые конкурируют друг с другом за ресурсы. И роль Владимира Путина в этой системе остается неизменной — это роль арбитра и модератора»¹⁴.**

на федеральном, но и на региональном уровне (конкретных «министерств, ведомств, департаментов»), а во-вторых, цель этой борьбы «дружественных кланов» — не продвижение идей по реализации национальных интересов, а борьба за власть и экономические ресурсы страны. Другими словами, речь можно вести не просто о противостоянии двух политических сил — патриотов и либералов¹⁵, а о возникновении нескольких равнозначных по своей

влиятельности центров, которые занимаются «перетягиванием одеяла» за счет использования своих конкурентных преимуществ. И большой вопрос — какой из двух факторов (отсутствие единого вектора, деконсолидация властвующих элит или «Холодная война 2.0», набирающая обороты с момента прихода Путина к власти и особенно после его выступления на Мюнхенской конференции в 2007 г.) является сегодня доминирующей угрозой для национальной безопасности. Ведь, по большому счету, когда речь идет о внешних угрозах, вполне понятен «условный противник», и талантливому стратегу (коим, безусловно, является Президент) вполне понятны действия, которые необходимо предпринять и которые найдут поддержку среди населения.

Во «внутренней войне», которую вынужден вести В. Путин, чтобы не допустить своего рода «феодальной раздробленности» политической системы, всё гораздо сложнее, однако последствия ее могут быть для страны не менее судьбоносными и трагическими, чем внешняя экспансия.

В своей статье в предыдущем номере журнала мы приводили ряд фактологических данных и экспертных оценок, показывающих, что «за последние 25 лет в рядах властвующей элиты прочно укоренился „капитализм для своих“. Он стал основой политико-экономического устройства страны»¹⁶. Основная часть её производственных фондов (82%) находится в частной собственности. В государственной собственности — 18% производственных фондов, причем за период с 2000 по 2015 г. значение этого показателя снизилось на 7 п.п. (с 25 до 18%; *таблица*)¹⁷.

¹⁴ Большое Правительство Владимира Путина и Политбюро 2.0: доклад коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг». — 2012. — С. 2.

¹⁵ Стариков Н.В.: «Ни для кого не секрет, что в российской власти есть противостояние между либералами и патриотами. Это противостояние началось не сегодня, оно существовало на протяжении всех 90-х и нулевых годов. О чем идет речь? Есть два пути развития страны. Часть российской элиты, которую можно назвать либералами, считает, что Россия должна в большей степени отказаться от своих национальных особенностей, от своих национальных интересов и постараться встроиться в мировую систему со всеми ее плюсами и со всеми огромными минусами. Другая часть элиты — патриоты — считает, что только тогда наше государство может быть сильным и мощным, когда оно будет отстаивать исключительно свои интересы, и будет строить свой независимый цивилизационный проект. Вот в двух словах смысл противоречий. Президент вынужден балансировать и находить определенные компромиссы, точки взаимодействия с обоими флангами этого властного противостояния» (Стариков Н.В. «Правительство либералов должно уйти» (18.06.2014) [Эл. рес.] // Блог Н.В. Старикова. — Реж. дост.: <https://nstarikov.ru/blog/41345>).

¹⁶ Ильин В.А. Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — № 4. — С. 9–40.

¹⁷ Губанов С.С. Антинаучный миф (о 70% госсектора) и его социальный подтекст // Экономист. — 2017. — № 8. — С. 6, 12.

Основные фонды по формам собственности (на конец года; по полной учетной стоимости)

Год	Млн. руб. (1990 г. – млрд. руб.)			В процентах к итогу		
	Все основные фонды	В том числе по формам собственности		Все основные фонды	В том числе по формам собственности	
		государственная	негосударственная		государственная	негосударственная
1990	1927	1754	173	100	91	9
2000	17464172	4366043	13098729	100	25	75
2010	93185612	17705266	75480346	100	19	81
2011	108001247	19440224	88561023	100	18	82
2012	121268908	21828403	99440505	100	18	82
2013	133521531	24033876	109487655	100	18	82
2014	147429656	26537338	120892318	100	18	82
2015	160725261	28930547	131794714	100	18	82

Источники: Губанов С.С. Антинаучный миф (о 70% госсектора) и его социальный подтекст // Экономист. – 2017. – №8. – С. 6.; Российский статистический ежегодник, 2016: стат. сб. – М.: Росстат, 2016. – С. 288.

Другая «наболевшая» проблема российского общества – высокий уровень неравенства населения, который, по оценкам экспертов, в 2 раза превышает предельно допустимый уровень. В принципе динамика неравенства, как было доказано экономистом Т. Пикетти, за последние 110 лет была подвержена характерным общемировым изменениям с падением неравенства в середине XX века и последующим ростом в 1980–1990-е годы.

По данным Федеральной службы государственной статистики, коэффициент фондов в России составляет 16.

По оценкам экспертов, 8 – это предельно критическое значение коэффициента фондов¹⁸, достижение которого свидетельствует «о высоком уровне рисков функционирования социальных отношений, угрозе перехода в состояние повышенной неустойчивости, слабой предсказуемости и, следовательно, о необходимости оперативного вмешательства органов управления с целью изменения опасных тенденций»¹⁹.

По рекомендациям ООН данный показатель не должен превышать 8–10, «иначе ситуация в демократической стране чревата социальными катаклизмами»²⁰.

Россия не исключение, однако исключением для России является психологический фактор – поведение тех самых представителей наиболее богатых слоев населения, которые аккумулируют свой капитал в офшорах, пренебрегая интересами национального развития. «Если при высоком неравенстве сбережения не трансформируются в инвестиции, которые создают новые рабочие места, то тогда неравенство облачается в «черные одежды» и становится могильщиком экономического роста»²¹.

Именно поэтому к 100-летию Революции неравенство в России вернулось к уровню 1905 года (рисунок). Доля доходов 10% самых богатых россиян в совокупном доходе за период с 1905 по 2015 г. практически не изменилась (примерно 46–48%) или, другими словами, на 10% жителей страны приходится почти половина доходов всего населения. Приведенная диаграмма является одним из наиболее ярких доказательств неэффективности государственной системы управления за последние 30 лет и незавершенного дела Президента по национализации властвующих элит, ответственных за уровень и динамику качества жизни россиян, а также вопросы обеспечения национальной безопасности.

¹⁸ Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник РАН. – 2012. – Т. 82. – №7. – С. 587–614.

¹⁹ Локосов В.В. Метод предельно критических показателей и оценка человеческого потенциала // Экономика. Налоги. Право. – 2012. – №5. – С. 72.

²⁰ Калабеков И.Г. Российские реформы в цифрах и фактах [Эл. рес.]. – Режим доступа: <http://refru.ru/income16.pdf>

²¹ Гайва Е., Гурова Т., Обухова Е. Не в отдельно взятой стране // Эксперт. – 2017. – №38. – 18–24 сент. – С. 23.

Стратегической недалекостью политических элит (а точнее, «зашоренностью» взглядов во время борьбы за капитал и политические ресурсы) можно объяснить и тот факт, что до сих пор в оценках эффективности деятельности органов власти уделяется крайне недостаточное внимание субъективным оценкам населения. Президент неоднократно говорил о том, что именно общественное мнение является главным критерием работы власти²² (и в

этом смысле не случайно в перечень критериев оценки деятельности губернаторов был введен показатель удовлетворенности населения²³), однако и сегодня эксперты говорят о том, что этот принцип не работает. По крайней мере, на системном уровне.

Уязвимость российской экономики и ее негативные последствия, отражающиеся на динамике уровня и качества жизни населения²⁴, — возможно, главные, но не единственные

²² В.В. Путин:

2013 г. — «Надо, чтобы все руководители любого ранга: и в президентских структурах, и в Правительстве, чувствовали и понимали, что рядовые граждане внимательно следят за результатами нашей работы и дают свои оценки. Ориентироваться нужно именно на мнение граждан... От того, насколько общество доверяет действиям власти, конечно, зависит наша общая эффективность и конкурентоспособность» (стенограмма «Прямой линии» с Президентом РФ В.В. Путиным от 25.04.2013 [Эл. рес.] // Российская газета. — Реж. дост.: <http://www.rg.ru/2013/04/25/stenogramma-site.html>).

2016 г. — «Многие существующие критерии не отражают системных изменений в региональной экономике и социальной сфере, не свидетельствуют об улучшении инвестиционного климата, о повышении уровня жизни граждан... Нам, конечно, нужно с вами добиваться того, чтобы результаты работы, экономическая эффективность деятельности той или иной региональной команды напрямую отражались на уровне жизни граждан, проживающих на той или другой территории, чтобы не было разрыва между бумажными отчётами и социальным самочувствием граждан» (селекторное совещание «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» 29 октября 2016 г.).

2017 г. — «Муниципальный уровень власти максимально близок к людям, к их реальным заботам, а значит, диалог, стремление получить обратную связь должны быть приоритетом в работе местной власти. Только при постоянном, неформальном, заинтересованном общении с жителями можно узнать, почувствовать, что их действительно волнует, и вместе с гражданами добиваться решения насущных задач, строить планы развития» (заседание Совета по развитию местного самоуправления 5 августа 2017 г. / <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55301>).

²³ Указ Президента РФ от 21 августа 2012 г. №1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

²⁴ Подробнее о субъективном восприятии людьми динамики своего материального положения и социального самочувствия можно узнать из «Мониторинга общественного мнения о состоянии российского общества» (см. приложение к журналу), в котором представлены результаты регулярных опросов, проводимых ВолНЦ РАН на территории Вологодской области.

Горшков М.К.: «Чтобы оценивать эффективность работы чиновников, нужно вводить, вводить и еще раз вводить к сухим цифрам объективных показателей развития экономики показатели субъективного характера. Насколько высока степень удовлетворенности людей разными аспектами жизни: удовлетворены ли Вы уровнем жизни? Вашей зарплатой? Качеством здравоохранения? Образованием, которое получают Ваши дети? Качеством досуга?..

У нас 15 пунктов таких показателей. Их кто-то учитывает? Ими кто-то интересуется? **Если бы эти показатели были включены в общий объем государственной статистики, я боюсь, половины чиновников не стало бы на своих местах»²⁵.**

доказательства деконсолидации политических сил в сложившейся в России системе государственного управления. Об этом говорят и многочисленные эпизоды из повседневной российской действительности: факты коррупции чиновников, невыполнение Правительством майских указов Президента, непродуманные правительственные решения (монетизация льгот в 2004 г., система «Платон» в 2015 г. и др.).

Из числа последних таких фактов — банкротство «ВИМ-авиа», которое стало очередным²⁶ сигналом постепенно назревающего кризиса отрасли гражданской авиации и, по большому счету, системы государственного управления в целом.

Эксперты отмечают: «Правительство затянуло решение проблемы, что спровоцировало кризис в открытой форме... Состояние авиационной отрасли в России в целом созвучно состоянию российской экономики: проблемы замалчиваются, принимаются решения, направленные на тушение пожара, а не предотвращение его предпосылок, отрасль перестала быть стратегической для государства, перейдя в режим капиталистического функционирования, когда категория «прибыль» определяет стоимость маршрутов, уровень безопасности, качество услуг и прочее»²⁷.

²⁵ Выступление М.К. Горшкова в программе «Вечер с В. Соловьевым», эфир от 15.06.2017.

²⁶ Подобные сигналы были, например, в 2014 г.: уход с рынка 12 туроператоров и банкротство «Трансаэро».

²⁷ Кравченко Л.И. ВИМ-авиа и кризис отечественной гражданской авиации [Эл. рес.] // Политический мир. — 2017. — 5 окт. — Реж. дост.: <http://polit-mir.ru/vim-avia-i-krizis-otechestvennoy-grazhdanskoy-aviatsii-11995.html>

Кравченко Л.И.: Главная проблема гражданской авиации – «утрата государственного контроля над отраслью посредством масштабной приватизации, включая приватизацию аэропортов. Как только частный бизнес пришел в отрасль, особенно это касается аэропортов, ставки стали рыночными, в основе не какие-то абстрактные для бизнесмена категории «национальной безопасности», «государственных интересов», в основе вполне рыночный термин – прибыль и конкуренция. Высокие ставки обслуживания судов в аэропортах – такова перспектива бизнеса. К чему такой подход приводит, хорошо видно на примере аэропорта Домодедово, в котором бизнес не стал обеспечивать должные меры безопасности, что привело к трагическим последствиям в виде взрыва 24 января 2011 года, в результате чего погибли 37 и были ранены 170 человек»²⁸.

Не менее очевидны симптомы кризиса и в российской науке — «кузнице» знаний, являющихся главным фактором национальной конкурентоспособности в мире высоких технологий и научно-технического прогресса. «Конфликт между правительством, постоянно пытавшимся реформировать РАН, и Академией, которая сражалась за остатки финансирования и организации системы институтов, возник еще в далекие 90-е, когда рухнуло финансирование науки»²⁹. В 2013 г. в режиме «спецоперации (или блицкрига)»³⁰ была проведена реформа РАН, начавшая процесс ее реорганизации. В марте 2017 г. Академия осталась без президента в результате самоотвода всех кандидатов на эту должность. И лишь в сентябре 2017 г. Президент поддержал выбор академиков, утвердив на пост президента РАН кандидатуру А. Сергеева — директора нижегородского Института

²⁸ Кравченко Л.И. ВИМ-авиа и кризис отечественной гражданской авиации [Эл. рес.] // Политический мир. — 2017. — 5 окт. — Реж. дост.: <http://polit-mir.ru/vim-avia-i-krizis-otechestvennoy-grazhdanskoy-aviatsii-11995.html>

²⁹ Академия скандалов [Эл. рес.] / А. Максимова, А. Гурьева, А. Гнилицкая, В. Лейбин // Журнал «Эксперт-онлайн». — 2017. — 7 апр. — Реж. дост.: http://expert.ru/russian_reporter/2017/03/akademiya-skandalov/

³⁰ Полтерович В.М. Реформа РАН: экспертный анализ // Общественные науки и современность. — 2014. — №1. — С. 8.

прикладной физики РАН; человека, которого «сквозь зубы» поздравляет правительство, «отчаянно лоббировавшее на этих выборах совсем других кандидатов»³¹.

Чуйков А.: «Сергеев крайне неудобный и в хорошем смысле недоговороспособный собеседник для недоучек из правительства. У него есть известное в научном мире имя и есть чёткая и самостоятельная программа по выводу академии из того кризиса, в который её загнали фурсенки и ковальчуки»³².

Таким образом, существующие на сегодняшний день условия, характеризующиеся отсутствием консолидации политических элит на принципах реализации национальных интересов и обеспечения национальной безопасности, а также обусловленные этим фактором негативные процессы в экономике, динамике уровня и качества жизни широких слоев населения делают режим ручного управления страной не просто оправданным, а необходимым. По сути, именно он поддерживает в людях «последнюю надежду» на действия «главного арбитра» политической системы.

И тогда возникает закономерный вопрос: что мешает Президенту объявлять о «неполном служебном соответствии» или «утрате доверия» своевременно и комплексно, не доводя развитие очевидных предвестников кризиса до крайней точки, привлекая к ответственности за каждый подобный случай не только чиновников, непосредственно отвечающих за какую-либо отрасль, но и тех представителей властвующих элит, которые продвигают их по служебной лестнице?

Отвечая на этот вопрос, следует отметить, что за три президентских срока В. Путину удалось создать систему государственного управления, в которой, хотя и остается по-прежнему много изъянов, но он является главным арбитром, обладающим широкими возможностями для ее трансформации.

³¹ Чуйков А. Учёные и «АН» победили «дракона» Фурсенко. Главой РАН стал настоящий физик, а не привластный проходимец // Аргументы недели. — 2017 — № 38(580). — 28 сент.

³² Там же.

Постепенную реализацию Президентом этих возможностей мы наблюдаем в последние несколько лет. По мере того как подходит к своему завершению его третий президентский срок и одновременно входит в привычное (хотя и напряженное) русло развитие международных отношений с США, В. Путин всё более активно проявляет себя как «регулирующий» именно внутривластной системы: интенсивно идет обновление губернаторского корпуса, вследствие чего у экспертов «складывается ощущение, что Владимир Путин уже запустил процесс принципиального изменения состава управленческой элиты России, которая должна позволить избежать «украинского», предельно конфликтного сценария в 2024 году. Возможно, у этого процесса есть и более короткая цель — достаточно широкая трансформация управленческой элиты окажет сдерживающее или даже отрезвляющее влияние не в далеком 2024-м, а уже в 2018 году»³³. Кроме того, эксперты отмечают, что «мощный политический потенциал, пока не нашедший отражения в партийном квартете, копится в Госдуме, которая под руководством спикера В. Володина, с одной стороны, обновилась с точки зрения элитарного и отраслевого представительства, с другой — прошла суровую дисциплинарную модернизацию, усилила экспертную составляющую своей работы... Как кажется, после президентских выборов будет предпринята попытка вновь оживить политические процессы в стране за счет омоложения и модернизации партий, а сама Дума наберет вес и будет играть более самостоятельную роль в системе принятия решений»³⁴.

Таким образом, режим ручного управления по-прежнему включен и, как показывают приведенные выше факты, включен небезосновательно. По-видимому, он необходим до тех пор, пока Президенту не удастся выполнить свою главную задачу — создание системы законных сдержек и противовесов, при которых политическая вертикаль на всех этажах власти способна к самовозобновлению без утраты своего качества. Решение этой задачи имеет историческое значение

³³ Политически удачная, но экономически рискованная конструкция // Эксперт. — 2017. — №36. — 4–10 сент. — С. 13.

³⁴ Джанашия В., Скоробогатый П. 22 кадра // Эксперт. — 2017. — №36. — 4–10 сент. — С. 19.

для страны и, по сути, является фундаментом для преемника В. Путина. Однако системные сбои государственного управления за последние 15 лет показывают, что, по-видимому, оно откладывает-ся на период до 2024 года...

Ростовский М.: «Сегодня все по-прежнему держится на воле одного человека. Эта ситуация должна измениться. Обязательно должна – пока она не изменится, опасность повторения синдрома внутренней деградации центральной власти будет нависать над Россией как дамоклов меч. Но, к сожалению, такие перемены не происходят одновременно. Минимальное условие таких перемен – несколько десятилетий спокойного и стабильного развития страны. В отличие от Америки Россия еще долго не будет готова к переходу на «политический автопилот». В обозримом будущем наша страна будет управляться в «ручном режиме». А это значит, что политические уроки февраля 1917 года будут актуальны для нас еще очень долго»³⁵.

Четвертый президентский срок, так или иначе, должен будет подвести черту под итогами деятельности главы государства по реализации целей, намеченных им еще в 1999 году³⁶.

Причем за этот период Президент должен будет не только завершить создание политической системы, способной автономно и эффективно решать повседневные проблемы населения, но и обеспечить ее жизнеспособность, то есть апробировать опытным путем, преодолев политические или экономические кризисы и внося в нее необходимые коррективы. Это крайне сложная, но исторически ключевая задача, на реализацию которой остается не так много времени.

Последняя (или, лучше сказать, финальная) шестилетка В. Путина в рамках действующего законодательства должна будет завершить процесс национализации элит, что даст возможность во многом «снять» и режим ручного управления. Таким образом, она позволит окончательно ответить на вопрос, был ли период президентства Путина периодом упущенных возможностей или это был период правления талантливого лидера, который за счет своих личных качеств, в режиме ручного управления обеспечил переход страны на новый этап развития – с момента развала СССР, через болезненную и долгую адаптацию общества к постсоветским условиям существования, до государства, являющегося одним из центров многополярного мира и подтверждающего этот статус не только на международной политической арене, но и в динамике уровня и качества жизни населения.

³⁵ Ростовский М. Путин и призрак революции: почему в России может повториться 1917 год [Эл. рес.] // Московский комсомолец. – 2017. – 2 марта. – Реж. дост: <http://www.mk.ru/politics/2017/03/02/putin-i-prizrak-revolyucii-pochemu-v-rossii-mozhet-povtoritsya-1917-god.html>

³⁶ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий: «Ключ к возрождению и подъему России находится сегодня в государственно-политической сфере. Россия нуждается в сильной государственной власти и должна иметь ее. Это не призыв к тоталитарной системе. История убедительно свидетельствует, что все диктатуры, авторитарные системы правления преходящи. Непреходящими оказываются только демократические системы. При всех их недостатках ничего лучшего человечество не придумало. Сильная государственная власть в России – это демократическое, правовое, дееспособное федеративное государство.

Я вижу следующие направления его формирования:

- рационализация структуры органов государственной власти и управления, повышение профессионализма, дисциплины и ответственности государственных служащих, усиление борьбы с коррупцией;
- перестройка государственной кадровой политики на основе принципа отбора лучших специалистов;
- создание условий, благоприятствующих становлению в стране полнокровного гражданского общества, уравновешивающего и контролирующего власть;
- повышение роли и авторитета судебной ветви власти;
- совершенствование федеративных отношений, в том числе в бюджетно-финансовой сфере;
- разветвление активной и наступательной борьбы с преступностью». [Источник: Независимая газета. – 1999. – 30 дек. [Эл. рес.]. – Реж. дост.: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html]

Литература

1. Большое Правительство Владимира Путина и Политбюро 2.0: доклад коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг». – 2012. – 11 с.
2. Глазьев, С.Ю. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием / С.Ю. Глазьев, В.В. Локосов // Вестник РАН. – 2012. – Т. 82. – №7. – С. 587-614.
3. Губанов, С.С. Антинаучный миф (о 70% госсектора) и его социальный подтекст / С.С. Губанов // Экономист. – 2017. – №8. – С. 3-27.
4. Ильин, В.А. Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных» / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – № 4. – С. 9-40.
5. Локосов, В.В. Метод предельно критических показателей и оценка человеческого потенциала / В.В. Локосов // Экономика. Налоги. Право. – 2012. – №5. – С. 71-75.
6. Политбюро 2.0: реновация вместо демонтажа: доклад коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг» от 23.08.2017. – 21 с.
7. Полтерович, В.М. Реформа РАН: экспертный анализ / В.М. Полтерович // Общественные науки и современность. – 2014. – №1. – С. 5-28.
8. Тощенко, Ж.Т. Фантомы российского общества / Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.

Сведения об авторе

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Ilyin V.A.

The President's Unfinished Work

Public Administration System Is Not Ready to Function Without Manual Control

References

1. *Bol'shoe Pravitel'stvo Vladimira Putina i Politbyuro 2.0: doklad kommunikatsionnogo kholdinga "Minchenko konsalting"* [Big Government of Vladimir Putin and the Politburo 2.0: report of communications holding company "Minchenko consulting"]. 2012. 11 p. (In Russian).
2. Glaz'ev S.Yu., Lokosov V.V. Otsenka predel'no kriticheskikh znachenii pokazatelei sostoyaniya rossiiskogo obshchestva i ikh ispol'zovanie v upravlenii sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem [Estimation of the maximum critical values of indicators of the state of the Russian society and their use in the management of socio-economic development]. *Vestnik RAN* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2012, vol. 82, no. 7, pp. 587-614. (In Russian).
3. Gubanov S.S. Antinauchnyi mif (o 70% gossektora) i ego sotsial'nyi podtekst [Unscientific myth (about the 70% of the public sector) and its social implications]. *Ekonomist* [Economist], 2017, no. 8, pp. 3-27. (In Russian).
4. Ilyin V.A. Razvitie grazhdanskogo obshchestva v Rossii v usloviyakh "kapitalizma dlya izbrannykh" [Development of civil society in Russia in conditions of "capitalism for the few"]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2017, no. 4, pp. 9-40. (In Russian).

5. Lokosov V.V. Metod predel'no kriticheskikh pokazatelei i otsenka chelovecheskogo potentsiala [A method of extremely critical indicators and the assessment of human potential]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Law], 2012, no. 5, pp. 71-75. (In Russian).
6. *Politbyuro 2.0: renovatsiya vmesto demontazha: doklad kommunikatsionnogo kholdinga "Minchenko konsalting" ot 23.08.2017* [Politburo 2.0: renovation instead of dismantling: report of communications holding company "Minchenko consulting" from August 23, 2017]. 21 p. (In Russian).
7. Polterovich V.M. Reforma RAN: ekspertnyi analiz [The reform of RAS: an expert analysis]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2014, no. 1, pp. 5-28. (In Russian).
8. Toshchenko Zh.T. *Fantomy rossiiskogo obshchestva* [The phantoms of the Russian society]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2015. 668 p. (In Russian).

Information about the Author

Vladimir Aleksandrovich Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.2

УДК 334.02, 316.422, ББК 65.244(2Рос)

© Шрёдер А., Шабунова А.А., Попов А.В., Соловьева Т.С., Головчин М.А.

Социальные инновации как эффективный ответ на современные вызовы в сфере образования

**Антониус
ШРЁДЕР**

Центр социальных исследований технического университета Дортмунда
Дортмунд, Германия, 44339, Эвингер Плац, д. 17
E-mail: schroeder@sfs-dortmund.de

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Россия, 160014,
ул. Горького, д. 56а
E-mail: aas@vscc.ac.ru

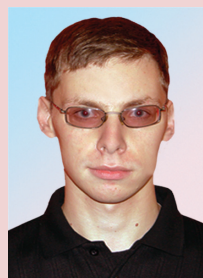
**Татьяна Сергеевна
СОЛОВЬЕВА**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Россия, 160014,
ул. Горького, д. 56а
E-mail: solo_86@list.ru

**Андрей Васильевич
ПОПОВ**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Россия, 160014,
ул. Горького, д. 56а
E-mail: ai.popov@yahoo.com

**Максим Александрович
ГОЛОВЧИН**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Россия, 160014,
ул. Горького, д. 56а
E-mail: mag82@mail.ru

Для цитирования: Социальные инновации как эффективный ответ на современные вызовы в сфере образования / А. Шрёдер, А.А. Шабунова, А.В. Попов, Т.С. Соловьева, М.А. Головчин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 21-36. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.2

For citation: Schröder A., Shabunova A.A., Popov A.V., Solov'yeva T.S., Golovchin M.A. Social innovation as an effective response to modern challenges in education. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 21-36. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.2

Аннотация. Система образования в современном мире выступает двигателем прогресса. С одной стороны, формируя человеческий капитал, она способствует общественному развитию и повышению конкурентоспособности экономик, с другой стороны, является своеобразным адаптационным механизмом к изменениям глобального рынка труда. В то же время образовательные системы стран мира постоянно сталкиваются с определенными вызовами и проблемами, обусловленными усилением процессов глобализации, информатизации, интеграции, развитием экономики знаний и т.д. Одним из эффективных инструментов преодоления данных вызовов являются социальные инновации. В статье актуализируются проблемы, связанные с развитием социальных инноваций в системе образования. Цель работы заключается в выделении специфических характеристик социальных инноваций в сфере образования, анализе современного состояния социальных инноваций в России на примере системы образования, выделении драйверов и барьеров развития социальных инноваций в российской сфере образования на материалах исследования по проекту «Social Innovation: Driving Force of Social Change» (SI-DRIVE) Седьмой рамочной программы Европейского союза, одним из участников которого являлся ФГБУН «Вологодский научный центр РАН». Сделан акцент на реализации и продвижении социальных инноваций в системе российского образования. По результатам кейсовых исследований выявлены главные факторы, затрудняющие развитие социальных инноваций в образовании, такие как недостаток финансирования, наличие административных и нормативно-правовых барьеров. Приведены примеры успешных проектов, позволяющие говорить о том, что основными драйверами реализации социальных инициатив выступают харизматичное руководство, поддержка органов власти, активный спрос, развитие партнерских сетей. В заключение сформулированы рекомендации, направленные на комплексное содействие развитию социальных инноваций в российской системе образования.

Ключевые слова: социальные инновации, система образования, социальное предпринимательство, глобализация, равенство, управление.

Введение

В современных условиях, быстро меняющихся под воздействием процессов глобализации, во всех сферах человеческой жизнедеятельности происходят определенные трансформации, переориентация целей и приоритетов развития. Система образования, как институт, отвечающий за адекватную подготовку людей к профессиональной, социальной, творческой и другим видам деятельности, не исключение. Образовательные системы стран мира в настоящее время сталкиваются с рядом вызовов, среди которых можно выделить неравенство в доступе к образованию, недостаточное финансирование, проблемы качества образования и грамотности, социализации мигрантов, адекватности образовательного контента требованиям современности и т.д. [14, 15, 20, 22].

Стратегия развития Европы до 2020 года [17] определяет общие социальные вызовы для европейских государств, так или иначе связанные с образованием и обучением на протяжении всей жизни, такие как:

- стареющее общество;

- дефицит навыков в трудовой деятельности, а также глобальной конкуренции;
- высокий уровень безработицы.

Поскольку европейские рынки труда являются национально многопрофильными и динамично развивающимися, навыки, компетенции и квалификационные требования, необходимые для социального и экономического участия населения, должны постоянно корректироваться. Это включает в себя помимо навыков, связанных с профессиональной деятельностью, знания и компетенции, а также смежные навыки: умение учиться и брать на себя инициативу, предпринимательские навыки, способствующие трудоустройству и созданию бизнеса. Кроме того, важно лучше идентифицировать необходимые навыки, компетенции и квалификации и управлять их наличием в целях предотвращения несоответствия квалификации или профессиональных навыков требованиям рабочих мест [24].

Концепция непрерывного образования (с охватом всех видов обучения, включая неформальное и информальное обучение) рассма-

тривается как адекватный ответ на постоянные и глубокие технологические, социальные, экономические и демографические изменения. Непрерывное обучение руководствуется стратегическими целями и оптимизацией задач и целей, которые определены Европейской комиссией, среди которых доступность дошкольного образования, уменьшение количества случаев ухода/отсева из школы и повышение количественных и качественных показателей участия населения в непрерывном образовании [23].

На решение глобальных проблем образования направлен ряд проектов. К примеру, назовем проект глобальной грамотности, являющийся некоммерческим, направленным на повышение грамотности населения различных стран мира на основе создания кластеров высокой грамотности, где дети и взрослые имеют непосредственный доступ к книгам и программам, пропагандирующим культуру грамотности [27].

Российской Федерации в условиях вызовов глобализации и экономики знаний также приходится находить решения вышеозначенных, а также ряда специфических проблем. Особое место среди данных вызовов занимает информационно-технологический, связанный со сменой технологий, развитием цифровой среды и с обусловленными этими проблемами устареванием знаний и прогнозом востребованности тех или иных компетенций [4, с. 162; 5, с. 660]. Кроме того, имеет место интеллектуальный вызов – конкуренция за высококвалифицированную рабочую силу в условиях несоответствия вакансий и условий труда ожиданиям выпускников и компетенций выпускников требованиям работодателей [1; 6, с. 38]. Интернационализация образования (унификация образовательных стандартов, программы двойных дипломов, академическая мобильность и т.д.) ставит вопрос о сохранении единства образовательного пространства России. Одной из важных задач является преодоление административно-управленческого вызова, суть которого состоит в бюрократизации образования, увеличении объемов «бумажной» работы, недостаточном финансировании [10, с. 115; 12, с. 10]. Помимо этого остаются нерешенными проблемы старения кадров, ограниченности доступа к

качественному образованию, невключенности образовательных организаций в инновационные процессы [3, с. 38] и т.д.

Как показывает мировая практика, эффективным способом ответа на современные вызовы системам образования выступают социальные инновации¹. Например, проект «Rock Your Life! Mentoring» [28] (Германия) для людей с низким уровнем образования направлен на развитие их знаний и талантов таким образом, чтобы они могли найти соответствующую работу. Проект сотрудничает с несколькими компаниями, которые готовы предоставить молодым людям возможность выйти на рынок труда. Инициатива «Abuelas cuentacentos» [13] (Аргентина) акцентирует внимание на проблеме повышения качества образования, улучшения навыков чтения и понимания у младших школьников через активное участие пожилых людей. Проект помогает также установлению диалога между поколениями и дает возможность пожилым людям чувствовать себя нужными обществу. Данная программа была воспроизведена в Бразилии, Колумбии, Чили и Мексике. Исследование возможностей социальных инноваций для решения социальных проблем и развития территорий представляет одно из важных научных направлений. Причем значимость развития социальных инноваций понимается и органами власти, в частности, в Европе, где это направление социальной политики ЕС отражено в «Стратегии Европа-2020».

Цель настоящей статьи – выделение специфических характеристик социальных инноваций в сфере образования, анализ их современного состояния в России, а также выявление драйверов и барьеров их развития на основе кейсовых исследований и определение направлений комплексного содействия их продвижению в российской системе образования.

¹ В данном исследовании под социальной инновацией понимается новая комбинация или конфигурация социальных практик в определенных областях деятельности или социальных контекстах, побуждаемая определенными акторами или группами акторов целенаправленным адресным методом с целью лучшего удовлетворения или решения потребностей или проблем, чем это возможно в сложившейся практике, окончательно принятая и институционализированная как новая социальная практика [21, с. 9]).

Социальные инновации в сфере образования имеют ряд особенностей:

1. Нацеленность проектов социальных инноваций в образовании, в отличие от проектов в других областях, не на создание уникального продукта (товара, услуги), а на выработку оригинального решения образовательных проблем. В связи с этим социальные инновации в образовании не имеют столь ощутимых реальных экономических результатов, которыми социальные предприниматели могли бы сразу же воспользоваться. Данные проекты скорее нацелены на создание базы для достижения эффектов, ощутимых лишь в отдаленной перспективе (формирование высококвалифицированного кадрового резерва для предприятий и организаций, трудоустройство молодежи по окончании школы, колледжа или вуза, социализация представителей незащищенных слоев населения).

2. Наличие широкой аудитории, требующей дробления на конкретные адресные группы.

3. Междисциплинарность и мультипроблемность инноваций. Сами по себе социальные образовательные проекты, решая основные проблемы образования, затрагивают и острые вопросы функционирования других сфер — науки, здравоохранения, социальной защиты, экологии, предпринимательства, занятости.

4. Широкое использование информационных площадок и технологических платформ в сети Интернет.

5. Инициативность в создании подобных проектов в большей степени негосударственных организаций. Однако в связи с необходимостью ориентироваться в динамично меняющемся образовательном пространстве, по мере продвижения проектов, в их реализацию активно включаются наиболее представительные деятели науки, образования и ряда смежных сфер.

6. Развертывание социальных проектов в образовании, происходящее медленными темпами, что обусловлено строгой регламентацией образовательной деятельности, наличием бюрократических ограничений.

7. Ориентация российских предпринимателей, реализующих проекты социальных инноваций в образовании, на стратегию «Вначале

знакомство с правилами и опытом, а потом — развертывание деятельности». Связано это, прежде всего, с тем, что образование во многих странах — это сфера, формально регламентированная государством. Учесть всю ее специфику в ходе развертывания предпринимательской деятельности невозможно, потому что организация может не пройти государственную регистрацию, не получить лицензию, если не будет всех необходимых документов или если деятельность не будет в чем-то соответствовать утвержденным стандартам. Поэтому предприниматели, работающие в этой сфере, как правило, имеют большой опыт работы и репутацию профессионалов.

Для российской действительности социальные инновации — относительно новое явление [11, с. 70]. В отличие от развитых стран Европы, где ключевую роль играет гражданское общество, в России особое место в распространении социальных инициатив отводится органам власти, которые, понимая важность их развития, стимулируют процессы социальной активности в приоритетных для государства направлениях. Это объясняется наличием множества барьеров (административных, законодательных, финансовых и т.д.), по этой причине, к примеру, представители бизнес-сообщества не спешат реализовывать проекты социальных инноваций. Отчасти это связано и с научно-технической направленностью инновационной политики России — ориентацией на технологические новшества, от развития которых напрямую зависят темпы экономического роста. Тем не менее первая наиболее крупная инициатива по поддержке социальных инноваций, и в частности социального предпринимательства, принадлежит частному бизнесу — компании ЛУКОЙЛ, президентом которой является В. Алекперов, основавший в 2007 г. Фонд региональных социальных программ (ФРСП) «Наше будущее». Несмотря на определенные трудности, процесс внедрения социальных нововведений получил всероссийское распространение. Согласно данным ФРСП «Наше будущее», с 2007 по 2016 г. в рамках деятельности организации на территории страны было реализовано 187 инновационных проектов [2].

Материалы и методы. Методология SI-DRIVE

Необходимо отметить, что серьезной проблемой для реализации подобных проектов в сфере образования является низкий уровень доверия населения к деятельности социальных предпринимателей как представителей бизнеса, непонимание природы социальных

инноваций. Так, по данным исследовательской группы «ЦИРКОН», заметная доля (48%) россиян полагается в решении социальных проблем только на государство и лишь 4% – на негосударственные структуры [9].

В таблице 1 приведены некоторые примеры проектов социальных инноваций, реализуемых в российской сфере образования.

Таблица 1. Проекты социальных инноваций в российской сфере образования

Социальная потребность	Стадии обучения	Область практики	Проекты
1. Равные возможности получения образования	Дошкольное образование	Внедрение инвариативных (как правило, негосударственных) форм дошкольного образования	Проект «Ассоциация частных детских садов» (Тюменская область)
			Проект «Развитие индивидуального предпринимательства в сфере дошкольного образования «Дошкольник»» (Хабаровский край)
			«Центр развития инновационных форм дошкольного воспитания и образования, семейных детских садов» (Красноярский край)
			Проект «Билдинг-сад» (Самарская область)
	Начальное и среднее образование Дополнительное профессиональное образование	Объединение усилий государства и частных структур по социальной адаптации и профессиональной подготовке инвалидов, воспитанников детских домов, лиц пожилого возраста, а также развитие социальной активности и ответственности молодежи	Межрегиональный агрокомплекс «Школа фермеров» (Пермский край) Проект «Инклюзивное образование лиц с ограниченными возможностями» (Республика Татарстан)
2. Совершенствование образовательных возможностей	Дошкольное образование Начальное и среднее образование Третичное образование	Эффективное объединение усилий государственных и негосударственных структур, направленное на развитие интеллектуальных способностей и творческих задатков детей и молодежи	Проект «Развитие научно-исследовательского и предпринимательского потенциала российских университетов («ЭВРИКА»)» (г. Санкт-Петербург, Нижегородская область)
			Проект «Ученик года» (Вологодская область)
			Проект «Создание эффективной системы выявления задатков и развития способностей детей в ДОУ и школе» (Чувашская Республика)
			Проект «Региональная модель выявления, развития молодых талантов в условиях дополнительного образования» (Ставропольский край)
			Проект «Зеленые школы России» (Краснодарский край)
			Проект «Сообщество одаренных детей» (Омская область)
			Проект «Лифт в будущее» (г. Москва)
			Проект «Центры молодежного инновационного творчества» (Республика Татарстан, г. Москва)
			Инновационный семейный центр образования и досуга «Дом для всей семьи» (г. Москва)

Социальная потребность	Стадии обучения	Область практики	Проекты
3. Недостаток профессиональных навыков, компетенций	Начальное и среднее образование Третичное образование Дополнительное профессиональное образование Профессиональное обучение	Формирование профессиональных компетенций, необходимых для инновационной экономики, на основе новейших (в том числе, дистанционных) технологий	Проект «Центр инструкционного дизайна в образовании» (г. Москва)
			Проект «Ранняя подготовка инновационных кадров для экономики города» (Новосибирская область)
			Проект «E-GENERATION. Лидеры новой индустриализации в России» (Мурманская область, Ленинградская область, Тульская область, Волгоградская область, Пермский край, Ставропольский край, Краснодарский край)
			Проект «Предпринимательский всеобуч» (Ростовская область)
			Проект «Всероссийский фармацевтический кадровый резерв» (г. Москва)
			Проект «Центр по энергосбережению» (г. Москва, Московская область)
			Проект «Школа экологического предпринимательства» (Иркутская область)
			Проект «Академия фармацевтической и биотехнологической промышленности» (Ярославская область)
			Проект «Универсариум» (г. Москва)
			Проект «StudRezerv» (Новосибирская область)
	Начальное и среднее образование Третичное образование	Формирование профессиональной ориентации и профессионального призвания молодежи	Проект «Город профессий 360+» (Тюменская область)
			«Полеты По Вертикали» (Липецкая область)
4. Улучшение участия взрослых в образовании и профессиональном обучении	Дополнительное профессиональное образование	Формирование новых стратегий для обучения в течение всей жизни	Проект «Повышение компьютерной грамотности людей пожилого возраста» (Вологодская область)
			Проект «Обучение компьютерной грамотности людей пожилого возраста» (Республика Бурятия)
			Проект «Тимуровцы информационного общества» (Омская область)
			Школа быстрого чтения Олега Андреева (г. Москва, г. Санкт-Петербург)
Источник: составлено авторами.			

Сравнительный анализ российского опыта реализации проектов социальных инноваций в области образования позволил выделить их основные особенности:

- нацеленность на разработку оригинального решения тех или иных проблем в сфере образования;

- наличие временного лага в проявлении осязаемого реального экономического эффекта;

- охват широкого круга населения;
- междисциплинарная природа проектов;
- большая роль информационных технологий;

- преобладание частной инициативы в разработке проектов;

- медленные темпы реализации проектов в силу бюрократических ограничений и строгой регламентации деятельности в сфере образования.

Необходимо отметить, что исследование опыта социального предпринимательства в сфере образования значительно затрудняется недостаточной разработанностью статуса и критериев деятельности социального предпринимателя. По этой причине на сегодняшний момент решение вопроса отнесения тех или иных проектов к разделу социальных инноваций требует привлечения мнений экспертов.

Одним из наиболее масштабных исследований социальных инноваций является международный проект Седьмой рамочной программы Европейского Союза «Social Innovation: Driving Force of Social Change» (SI-DRIVE) [25], ориентированный на распространение знаний о социальных инновациях в трех основных направлениях:

- интеграция теории и методологии исследований в целях углубления понимания социальных инноваций, ведущих к глобальной новой парадигме инноваций;

- проведение европейского и глобального картирования социальных инноваций в восьми крупнейших регионах мира в соответствии с различными социальными, экономическими, культурными, историческими и религиозными контекстами;

- обеспечение значимости социальных инноваций для управленцев и специалистов-практиков с использованием углубленного анализа и кейсовых исследований в семи областях практики, включая европейские и мировые сравнения, форсайт и круглые столы по вопросам политики.

В проекте SI-DRIVE участвуют 14 партнеров из 11 стран-членов ЕС и 11 партнеров со всех континентов, а также 13 членов правления, в целом — 30 стран по всему миру. От России партнером выступает ФГБУН «Вологодский научный центр РАН». Исследование посвящено семи основным областям практики: это образование, занятость, окружающая среда и изменение климата, энергетика, транспорт и мобильность, здравоохранение и социальная защита, сокращение бедности и устойчивое развитие [25].

На первом этапе исследования были определены первоначальная концепция, общие задачи и методология, в том числе рабочее определение социальных инноваций и основные научные положения, что было отражено в кри-

тическом обзоре литературы [19], посвященном теоретическим аспектам их изучения. На этой основе разработаны методики и инструментарий для первого эмпирического этапа (глобальное картирование социальных инноваций, включающее более 1000 кейсов; *рис. 1*), позволяющего получить представление о социальных инновациях в выбранных регионах и областях политики (на национальном, европейском и глобальном уровнях).

Сформированная база данных стала отправной точкой для определения типичных проектов в соответствующих областях политики и регионах мира, на основании чего было выбрано 82 проекта для углубленного исследования (второй эмпирический этап). Результаты эмпирических фаз позволили провести сравнительный анализ в каждой из областей политики и окончательно оформить теоретико-методологическую концепцию, а также сформулировать политические и прогнозные рекомендации.

В центре внимания качественных исследований находится динамическая взаимосвязь между социальными инновациями, областями практики² и различными механизмами социальных изменений. Все эти механизмы отражены в пяти ключевых измерениях SI-DRIVE (*рис. 2*), в соответствии с которыми основной целью кейсовых исследований является направленность на лучшее понимание:

- процессов и динамики социальных инноваций в контексте социальных изменений (институционализация, диффузия и имитация социальных практик);

- функций и ролей акторов и сетей для развития, распространения, имитации и институционализации социальных инноваций;

- идентификации факторов критического успеха (и провалов), ведущих к социальным изменениям [21].

Область политики «Образование и обучение в течение всей жизни» на первом этапе была представлена 211 кейсами, из которых для углубленного исследования отобраны 18 проектов социальных инноваций из шести глобальных регионов мира, таких как: Северная Европа

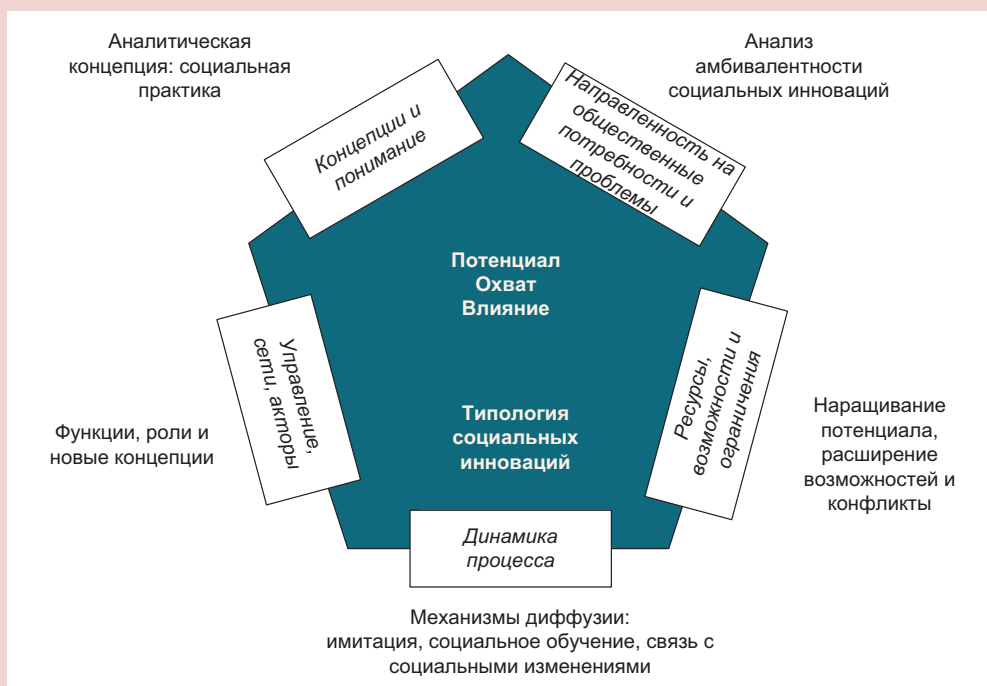
² Области практики представляют собой схожие инициативы в обобщенной группе социальных инноваций, например различные локальные виды микрофинансирования в рамках общей области практики — микрофинансирования.

Рисунок 1. Количество проектов, принимающих участие в SI-DRIVE

Источник: Howaldt J., Kaletka C., Schröder A. Mapping the world of social innovation. Key results of a comparative analysis of 1005 Social innovation initiatives at a glance. – TUDO: Dortmund, 2016. – p. 6.

Рисунок 2. Пять ключевых измерений SI-DRIVE

Источник: Howaldt, J., A. Schröder, C. Kaletka, D. Rehfeld, J. Terstriep: Mapping the World of Social Innovation: A Global Comparative Analysis across Sectors and World Regions. – Dortmund: TU, 2016. – p. 5.

Таблица 2. Краткая информация о проектах

Критерий	«Тимуровцы информационного общества»	«Научно-образовательный центр ФГБУН ВолНЦ РАН» (НОЦ ФГБУН ВолНЦ РАН)
Старт проекта	2009 год	2001 год
Организатор проекта	Российское агентство развития информационного общества (РАРИО)	ФГБУН Вологодский научный центр РАН (ФГБУН ВолНЦ РАН)
Основатель проекта	Александр Анатольевич Айгистов (генеральный директор РАРИО)	Владимир Александрович Ильин (научный руководитель ФГБУН ВолНЦ РАН)
Цель проекта	Реализация методической разработки «КиберЛикбез», направленной на ликвидацию компьютерной безграмотности социально незащищенных граждан	Создание многоступенчатой системы подготовки и переподготовки высококвалифицированных кадров для науки, экономики и органов власти региона

Источники: Направление: Тимуровцы информационного общества [Электронный ресурс] // Агентство развития информационного общества РАРИО. – Режим доступа: <http://rario.ru/projects/timurovci.php>; Научно-образовательный центр ИСЭРТ РАН: 10 лет. От идеи до реализации: в 2 кн. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – Кн. 1: Подсистема дополнительного школьного образования. – 138 с.

(Финляндия, Швеция, Литва), Западная Европа (Германия, Австрия), Восточная Европа (Болгария, Хорватия, Черногория, Румыния), Россия, Латинская Америка (Боливия, Чили, Аргентина), Северная Африка (Египет). Для достижения целей исследования были проведены углубленные интервью с различными акторами (участниками) социальных инновационных проектов³.

На основе проведенного Вологодским научным центром РАН кейсового исследования осуществлен анализ передового опыта решения проблем системы образования в рамках двух успешных российских проектов – «Тимуровцы информационного общества» (г. Москва) и «Научно-образовательный центр ФГБУН ВолНЦ РАН» (г. Вологда; табл. 2), отобранных по итогам первого этапа проекта SI-DRIVE. Проекты имеют разные цели, концептуальные установки, действуют в разных географических, экономических и организационных условиях. Объединяет их то, что за несколько лет они достигли значительных успехов в своей деятельности и имеют достаточный потенциал для дальнейшего развития.

Обсуждение результатов кейсового исследования

Основные этапы реализации проектов представлены на рис. 3. В рамках исследования мы попытались определить, какие факторы и тренды в экономической и общественной жизни

³ Далее в работе будут использоваться данные углублённых интервью с А.А. Ганиным («Тимуровцы информационного общества», Г.В. Леонидовой и Е.С. Мироненко (НОЦ ФГБУН ВолНЦ РАН).

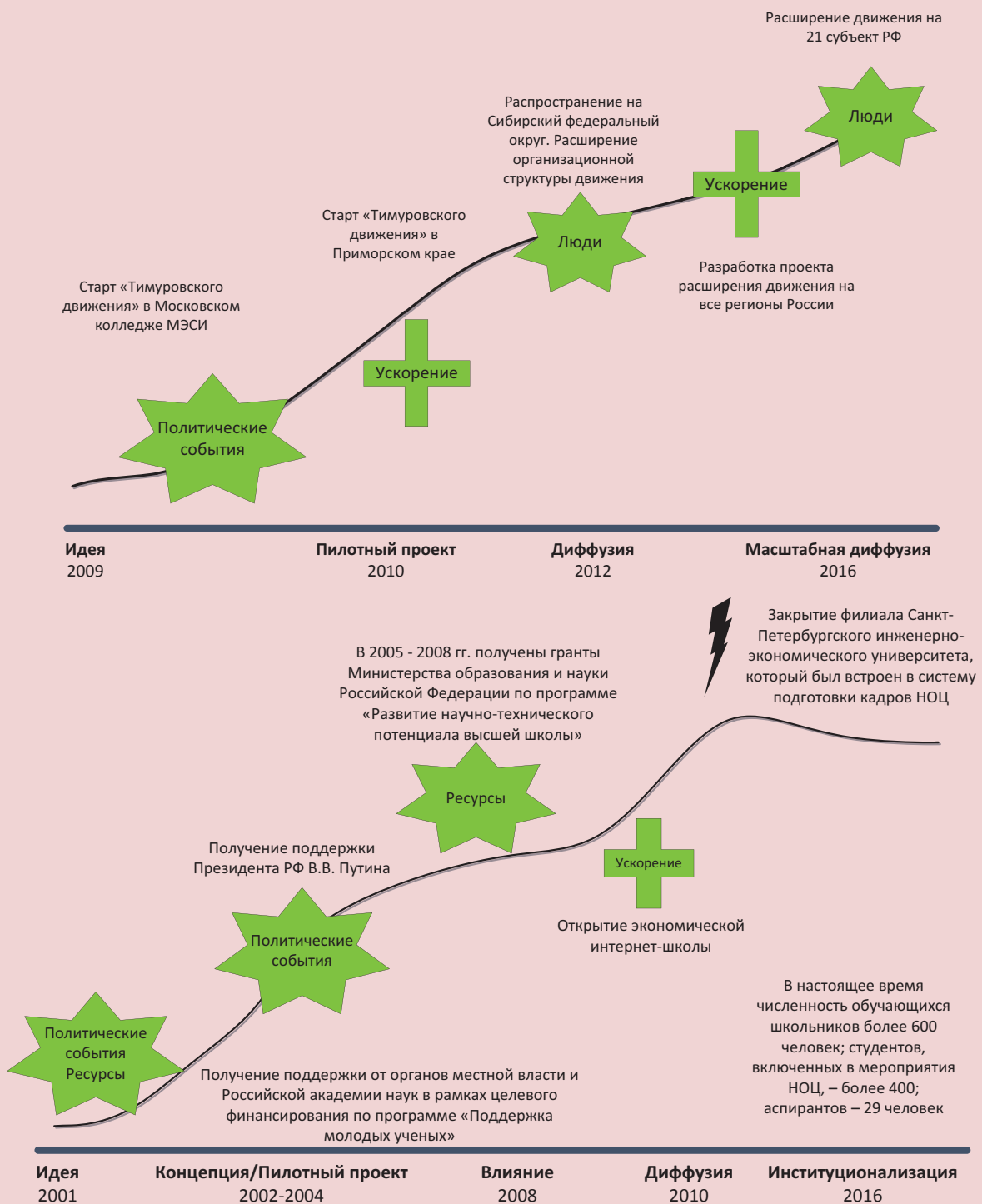
оказывают влияние на успех социальной инновации в образовательной сфере.

Прежде всего, стоит отметить, что успех образовательного проекта в определенной мере зависит от того, насколько его идея встроена в общий контекст государственной политики. Наибольшую поддержку получают инициативы, отражающие заявленные в стратегии развития государства задачи и являющиеся их логичным продолжением. Так, куратор проекта «Тимуровцы информационного общества» А.А. Ганин говорит о том, что к идее разработки «компьютерного ликбеза» для взрослых и социально незащищенных групп населения привела полемика, развернувшаяся в обществе вокруг содержания государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» и степени реализации ее требований в части использования портала госуслуг: «...В данный ресурс (портал госуслуг) вкладывались значительные финансы, а процент использования был мизерный, что вызывало непонимание и острую критику в обществе и средствах массовой информации».

В то же время причины подобного положения были самоочевидны. Людям старшего поколения (потенциальным пользователям услуг этого портала), в силу возрастных особенностей, крайне сложно пользоваться электронными средствами и технологиями, а также осуществлять социальное общение. Таким образом, реализация проекта предоставляла возможности реальной экономии средств, выделенных государством на реализацию целей программы: «...Важным элементом проекта яв-

Рисунок 3. Биография проектов «Тимуровцы информационного общества» и «НОЦ ФГБУН ВолНЦ РАН»

Источник: Schröder A., Kuszmierz L., Asenova D., Damianova Z., Dimova A., Bernal M.E., Cecchini S., Morales B., El Zoheiry A.H., Wageih M., David A., Golovchin M., Kuzmin I., Popov A., Soloveva T., Terebova S., Andersson T., Hultman S., Stumbryte G., Tinfavičienė I., Kalac S., Karzen M., Turza B., Brunn L., Domanski D., Ariton D., Schörpf P., Holtgrewe U. Social innovation in Education and Lifelong Learning: case study results. – TUDO: Technische Universität Dortmund, 2017. – P. 64, 69.

ляются возможности, которые он предоставляет по экономии государственных бюджетных средств. В 2014 году в ходе реализации «тимуровского движения» было сэкономлено для госбюджета более 15 млрд. рублей» (А.А. Ганин).

Однако встроенности в контекст государственной политики для реализации социальной инновации бывает недостаточно. Мощным драйвером для старта и дальнейшего развития проекта является харизма инициатора. Успех масштабных инициатив обеспечивается только в случае, если у истоков социальной инновации стоит личность, имеющая авторитет и уважение в обществе, государственных структурах. «...Первостепенную роль в становлении проекта сыграла позиция руководителя РАРИО (Российского агентства развития информационного общества) Айгистова Александра Анатольевича, которая заключается в том, что каждый человек должен свободно пользоваться электронными государственными услугами вне зависимости от своего местоположения и возраста» (А.А. Ганин). «Опыт научной и руководящей работы и умение находить правильные решения со стороны В. Ильина является неотъемлемым фактором успешности проекта» (Г.В. Леонидова).

Для того чтобы социальная инновация смогла безболезненно перейти от этапа зарождения концепта к его реализации и развитию, необходима диффузия, которая обеспечивается доступным тиражированием идеи проекта сторонними акторами.

Как подчеркивает руководитель проекта «Тимуровцы информационного общества» А.А. Ганин, «методика нашего проекта типовая и легко тиражируется. Стратегия разработчиков заключается в создании программно-методологической базы для проведения «компьютерного ликбеза», которую без труда и особых затрат можно «копировать» в регионах, развивая на ее основе образовательные структуры...» Расширение деятельности НОЦ Вологодского научного центра РАН является одним из его приоритетных направлений. В настоящий момент услугами НОЦ охвачено 14 субъектов РФ и несколько стран СНГ. В дальнейшем планируется расширение зоны охвата.

Возникающие в ходе диффузии отношения между акторами часто приводят к зарождению новых партнерских связей, а также расшире-

нию организации, отвечающей за проект, появлению в ее структуре региональных филиалов. Примером такого «расширения» служит проект «Тимуровцы информационного общества», который образует разветвленную зонтичную организацию: генеральный секретариат (федеральный штаб) – региональные комиссариаты – объединения волонтеров-«тимуровцев». По сей день проект расширяется за счет участников из регионов России: педагогов-организаторов, волонтеров, бизнеса. «Заимствований идеи нашего проекта очень много. В основном проекты-имитаторы перенимают название «Тимуровцы...» Федеральный штаб движения не запрещает им это делать, а, наоборот, всячески поощряет их» (А.А. Ганин). Поскольку деятельность НОЦ ФГБУН ВолНЦ РАН направлена на различные категории обучающихся, то в процесс активного сотрудничества были вовлечены школы города Вологды, а затем и районов Вологодской области, а также других регионов России и стран СНГ. Налажено взаимодействие не только со школами, но и с вузами, институтами РАН, общественными организациями, предприятиями и т.д. «Различные связи со средствами массовой информации, профессиональными сообществами, общественными и государственными организациями, образовательными и научными учреждениями сыграли значительную роль в продвижении и развитии НОЦ» (Г.В. Леонидова).

Стремление обеспечить условия тиражирования как залог расширения и развития проекта определяет достаточно легкое отношение социальных инноваторов к защите авторских прав. «Мы, конечно, думали об оформлении торговой марки, но пока не видим необходимости в защите авторских прав на идею проекта, чтобы не отпугнуть потенциальных акторов от ее тиражирования в регионах» (А.А. Ганин). «Нет, все наработки проекта являются открытыми для использования» (Е.С. Мироненко).

Успех социальной инновации не в последнюю очередь обеспечивается и возможностями акторов по преодолению ментальных барьеров, недопонимания программных целей проекта участниками образовательных отношений, становящимися (даже сами того не желая) контрагентами реализации инициативы. По словам руководителя проекта «Тимуровцы информационного общества», «...организаторы столкнулись

с тем, что директора и учителя школ, на базе которых было запланировано проводить «ликбезы», неохотно участвовали в мероприятиях, боясь за сохранность школьных материальных ценностей, опасаясь за санитарно-эпидемиологическую обстановку в образовательной организации после посещения ее стен «посторонними» пожилыми людьми» (А.А. Ганин).

Немаловажное значение в развитии и функционировании проектов имеют технологии, которые позволяют повысить эффективность процесса диффузии инноваций. «На базе НОЦ функционирует Экономическая интернет-школа, в образовательном процессе используются электронные дневники, проводятся интерактивные мероприятия, телемосты, скайп-конференции и т.д. Именно применение интернет-технологий и появление возможности интерактивного обучения позволило значительно расширить географию проекта» (Е.С. Мироненко). «Современные технологии (компьютерные и интернет-технологии) играют основную роль в проекте. С их помощью осуществляется образовательный процесс. За редким исключением, они предоставляются акторам на безвозмездной или благотворительной основе» (А.А. Ганин).

Заключение

Таким образом, изучив опыт практической реализации социальных инновационных проектов в области образования, можно сделать вывод о том, что основной движущей силой социальных инноваций является харизматичное руководство и стратегия развития, так же как и совместимость с образовательной системой. Наличие четкого плана действий по внедрению и расширению деятельности проектов и грамотное руководство позволяют избежать многих сложностей. Кроме того, важным драйвером развития социальных инноваций в образовании является поддержка со стороны органов государственной власти, причем не только формальная, но и финансовая. Реализация по-

добных проектов очень востребована среди населения, а применение информационных технологий позволяет ускорить процесс диффузии инноваций. Междисциплинарный характер инновационных инициатив предполагает взаимодействие акторов различных сфер экономики, науки, политики и гражданского общества, что дает возможность сконцентрировать общие усилия на решении той или иной социальной проблемы. Основным фактором, тормозящим процесс развития социальных проектов в образовании, выступает недостаточное финансирование, которое, в особенности на пилотном этапе реализации проекта, существенно ограничивает темпы распространения инноваций. Наличие некоторых административных и нормативно-правовых барьеров также выступает серьезной проблемой реализации социальных инноваций. Нивелирование данных барьеров позволит существенно упростить процесс внедрения социальных инновационных инициатив в сфере образования.

Кроме того, необходимо понимание органами власти своей важной роли в развитии социальных инноваций не только посредством их финансирования и стимулирования, но и координации и интеграции в действующую образовательную систему. При этом весомым фактором является межсекторное сотрудничество и взаимодействие, активное включение гражданского общества (в том числе активных пользователей/получателей помощи), что ведет к созданию социальной инновационной ЭКО-системы [18, с. 12]. Современный подход к социальным инновациям должен быть ориентирован на расширение возможностей образования и обучения на протяжении всей жизни, должен давать возможность раскрыть потенциал социальных инноваций на основе благоприятной инновационной среды, обеспечивающей эффективное участие гражданского общества и интеграцию всех заинтересованных сторон.

Литература

1. Брызгалина, Е.В. Управление образованием как ответ на вызовы системе образования современной России: социально-философские основания [Электронный ресурс] / Е.В. Брызгалина, В.В. Миронов // Альманах «Пространство и Время». — 2015. — Т. 9. — № 2. — Режим доступа: http://j-spacetime.com/actual%20content/t9v2/2227-9490e-aprov_r_e-ast982.2015.54.php
2. Годовой отчет [Электронный ресурс] / Фонд региональных социальных программ «Наше будущее». — Режим доступа: http://www.nb-fund.ru/about-us/about_annual_report_t/

3. Комаров, К.Ю. Методологические основы разработки инновационной модели территориального образовательного пространства [Текст] / К.Ю. Комаров // Образование и наука. – 2012. – № 5. – С. 37-50.
4. Кравцов, В.В. Смешанное обучение как ответ на вызовы современному образованию [Текст] / В.В. Кравцов, Н.Н. Савельева, Т.В. Черных // Образовательные технологии и общество. – 2015. – Т. 18. – Вып. 4. – С. 659-669.
5. Леонидова, Г.В. Ключевые вызовы сферы образования в контексте формирования экономики знаний [Текст] / Г.В. Леонидова // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. – 2014. – № 44. – С. 160-165.
6. Леонидова, Г.В. Проблемы эффективности государственного управления. Сфера образования территорий: состояние и перспективы развития [Текст]: монография / Г. В. Леонидова, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева; под ред. А.А. Шабуновой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 153 с.
7. Направление: Тимуровцы информационного общества [Электронный ресурс] / Агентство развития информационного общества РАРИО. – Режим доступа: <http://ratio.ru/projects/timurovci.php>
8. Научно-образовательный центр ИСЭРТ РАН: 10 лет. От идеи до реализации [Текст]: в 2 кн. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – Кн. 1: Подсистема дополнительного школьного образования. – 138 с.
9. Официальный сайт исследовательской группы «ЦИРКОН». – Режим доступа: <http://www.zircon.ru/>
10. Петрусевич, А.А. Современные вызовы развитию образования [Текст] / А.А. Петрусевич, Ш.Ж. Джамбулова // Омский научный вестник. – 2015. – № 2 (136). – С. 114-117.
11. Соловьева, Т.С. Социальные инновации в сфере занятости: региональный опыт [Текст] / Т.С. Соловьева, А.В. Попов // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2015. – № 2. – С. 65-85 (70)
12. Янченко, И.В. Информационный и технологический вызовы образованию как точки роста [Текст] / И.В. Янченко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 2-5. – С. 8-10.
13. Abuelas cuentacuentos [Electronic resource] / Breve Historia. – URL: <http://www.fundamgiardinelli.org/abuelascuentacuentos/>
14. Challenges for education with equity in Latin America and the Caribbean [Electronic resource] // draft report №6 of Regional Preparatory Meeting 2011 United Nations Economic and Social Council Annual Ministerial Review ECOSOC – AMR. – URL: <http://www.un.org/en/ecosoc/newfunct/pdf/6.challenges.for.education.with.equity.web.pdf>
15. Clement, J. Education Challenges in Wales [Electronic resource] / J. Clement // The Public Law Project Wales Conference. – 2013. – URL: <http://www.publiclawproject.org.uk/resources/132/education-challenges-in-wales>
16. EDUCATION FOR ALL 2000-2015: achievements and challenges [Text]. – United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization: UNESCO Publishing 2015. – 499 p.
17. Europe 2020 [Electronic resource] // European Commission. – URL: http://ec.europa.eu/europe2020/index_en.htm
18. Howaldt, J. Mapping the World of Social Innovation: A Global Comparative Analysis across Sectors and World Regions [Text] / J. Howaldt, C. Kaletka, A. Schröder. – Dortmund : TUDO, 2016. – 33 p.
19. Howaldt, J. Theoretical approaches to social innovation – A critical literature review [Text] / J. Howaldt, A. Butzin, D. Domanski, C. Kaletka. – Dortmund : Sozialforschungsstelle, 2014. – 163 p.
20. Lall M., House C. The Challenges for India's Education System [Electronic resource] / M. Lall, C. House // ASP Briefing paper. – 2005. – № 05/03. – URL: <http://www.streetchildrenresources.org/wp-content/uploads/2013/03/challenges-for-india-education.pdf>
21. METHODOLOGY REVIEW: Research Propositions, Data Collection and Analysis Framework [Text] / A. Schröder, V. Weerakkody, R. El-Haddadeh, K. Kapoor, A. Butzin, V. Boelman, A. Scoppetta, M. Weber, P. Schaper-Rinkel, S. Dhondt, P. Oeij. – TUDO – Technische Universität Dortmund, 2014. – 128 p.
22. Otara, A. The Future of Education and Its Challenges in Africa [Text] // International Journal of Humanities and Social Science. – 2012. – Vol. 2. – № 9. – 151-156 pp.
23. Schröder, A. Implementing innovative structures to improve lifelong learning - a social innovation process : the example Hessencampus [Electronic resource] / A. Schröder // ZSI Discussion Paper. – 2012. – URL: №28. http://www.sfs.tu-dortmund.de/cms/en/social_innovation/publications/DP28_Schroeder.pdf
24. SI-DRIVE Policy Briefs on Social Innovation in Education and Lifelong Learning [Electronic resource]. – URL: https://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/policy_briefs/pb_si-drive_education_2015.pdf

25. Social Innovation – Driving Force of Social Change [Electronic resource] / About. – URL: www.si-drive.eu
26. Social innovation in Education and Lifelong Learning: case study results [Text] / Schröder A., Kuschmierz L., Asenova D., Damianova Z., Dimova A., Bernal M.E., Cecchini S., Morales B., El Zoheiry A.H., Wageih M., David A., Golovchin M., Kuzmin I., Popov A., Soloveva T., Terebova S., Andersson T., Hultman S., Stumbryte G., Tinfavičienė I., Kalac S., Karzen M., Turza B., Brunn L., Domanski D., Ariton D., Schörpf P., Holtgrewe U. – TUDO: Technische Universität Dortmund, 2017. – P. 64, 69.
27. The Global Literacy Project, Inc. [Electronic resource] / About Us. – URL: http://www.glpinc.org/Web_pages/About_Us.htm
28. Über Uns [Electronic resource] / Rock Your Life! Mentoring. – URL: <http://www.rockyourlife.de>

Сведения об авторах

Антониус Шрёдер – старший научный сотрудник, Центр социальных исследований технического университета Дортмунда (Германия, 44339, г. Дортмунд, Эвингер Плац, д. 17; e-mail: schroeder@sfs-dortmund.de)

Александра Анатольевна Шабунова – доктор экономических наук, доцент, врио директора, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@vscs.ac.ru)

Андрей Васильевич Попов – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

Татьяна Сергеевна Соловьева – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: solo_86@list.ru)

Максим Александрович Головчин – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mag82@mail.ru)

Schröder A., Shabunova A.A., Popov A.V., Solov'eva T.S., Golovchin M.A.

Social Innovation as an Effective Response to Modern Challenges in Education

Abstract. The system of education is an engine of progress in the modern world. On the one hand, it shapes human capital thus contributing to social development and improving the competitiveness of economies; on the other hand, it is a kind of mechanism that helps adapt to changes in the global labor market. At the same time, educational systems all over the world are continuously faced with certain challenges and problems associated with the development of globalization, informatization, integration, knowledge economy, etc. Social innovations are one of the effective tools to address these challenges. The article brings to the fore the issues associated with the development of social innovation in the system of education. The goal of the work is to highlight specific characteristics of social innovation in education, to analyze the current state of social innovation in Russia on the example of the system of education, to highlight drivers of and barriers to the development of social innovation in Russian education under the research project “Social Innovation: Driving Force of Social Change” (SI-DRIVE) of the Seventh Framework Programme of the European Union, one of the participants of which was Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences. The paper emphasizes the implementation and promotion of social innovation in the Russian education system. According to the results of case studies, major factors that hinder the development of social innovation in education include lack of financing, and various administrative and regulatory barriers. We provide examples of successful projects showing that the main drivers of social initiatives include charismatic leadership, governmental support, strong demand,

and development of partnership networks. In conclusion, we give recommendations aimed to provide comprehensive assistance to the development of social innovation in the Russian education system.

Key words: social innovation, education system, social entrepreneurship, globalization, inequality, governance.

References

1. Bryzgalina E.V., Mironov V.V. Upravlenie obrazovaniem kak otvet na vyzovy sisteme obrazovaniya sovremennoi Rossii: sotsial'no-filosofskie osnovaniya [Education management as a response to the challenges of educational system of modern Russia: social and philosophical foundations.]. *Al'manakh Prostranstvo i Vremya* ["Space and Time" Journal], 2015, vol. 9, no. 2. Available at: http://j-spacetime.com/actual%20content/t9v2/2227-9490e-aprovr_e-ast9B2.2015.54.php (In Russian).
2. *Godovoi otchet. Fond regional'nykh sotsial'nykh programm "Nashe budushchee"* [Annual report. The Fund for Regional Social Programs "Our Future"]. Available at: http://www.nb-fund.ru/about-us/about_annual_report_t/ (In Russian).
3. Komarov K.Yu. Metodologicheskie osnovy razrabotki innovatsionnoi modeli territorial'nogo obrazovatel'nogo prostranstva [Methodological bases of development of innovative models of territorial educational space]. *Obrazovanie i nauka* [Education and science], 2012, no. 5, pp. 37-50. (In Russian).
4. Kravtsov V.V., Savel'eva N.N., Chernykh T.V. Smeshannoe obuchenie kak otvet na vyzovy sovremennomu obrazovaniyu [Blended learning as a response to the challenges of modern education]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo* [Educational technology and society], 2015, vol. 18, no. 4, pp. 659-669. (In Russian).
5. Leonidova G.V. Klyuchevye vyzovy sfery obrazovaniya v kontekste formirovaniya ekonomiki znaniy [Key challenges of the education sector in the context of the emerging knowledge economy]. *Ekonomika i sovremennyy menedzhment: teoriya i praktika* [Economics and modern management: theory and practice], 2014, no. 44, pp. 160-165. (In Russian).
6. Leonidova G.V., Golovchin M.A., Solov'eva T.S. *Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya. Sfera obrazovaniya territorii: sostoyanie i perspektivy razvitiya: monografiya* [Public administration efficiency. Education sphere in the territories: current state and development prospects: monograph]. Ed. by A.A. Shabunova. Vologda: ISERT RAN, 2014. 153 p. (In Russian).
7. Napravlenie: Timurovtsy informatsionnogo obshchestva [Direction: "Timurovtsy" of information society]. *Agentstvo razvitiya informatsionnogo obshchestva RARIO* [Agency of information society development RARIO]. Available at: <http://rario.ru/projects/timurovci.php> (In Russian).
8. *Nauchno-obrazovatel'nyi tsentr ISERT RAN: 10 let. Ot idei do realizatsii: v 2 kn. Kn. 1: Podsystema dopolnitel'nogo shkol'nogo obrazovaniya* [ISED RAS Research and Educational Center: 10 years. From inception to implementation: in two books. Book 1: Supplementary school education sub-system]. Vologda: ISERT RAN, 2013. 138 p. (In Russian).
9. *Ofitsial'nyi sait issledovatel'skoi gruppy "TsIRKON"* [Official website of ZIRCON Research Group]. Available at: <http://www.zircon.ru/> (In Russian).
10. Petrushevich A.A., Dzhambulova Sh.Zh. Sovremennye vyzovy razvitiyu obrazovaniya [Modern challenges to education development]. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk scientific bulletin], 2015, no. 2 (136), pp. 114-117. (In Russian).
11. Solov'eva T.S., Popov A.V. Sotsial'nye innovatsii v sfere zanyatosti: regional'nyi opyt [Social innovation in employment: a regional experience]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)* [Art of administration], 2015, no. 2, pp. 65-85 (70). (In Russian).
12. Yanchenko I.V. Informatsionnyi i tekhnologicheskii vyzovy obrazovaniyu kak tochki rosta [Information and technological challenges to education as the points of growth]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Topical issues of the humanities and the natural sciences], 2016, no. 2-5, pp. 8-10. (In Russian).
13. *Abuelas cuentacuentos. Breve Historia*. Available at: <http://www.fundamgiardinelli.org/abuelascuentacuentos/>
14. *Challenges for education with equity in Latin America and the Caribbean. Draft report No. 6 of Regional Preparatory Meeting 2011 United Nations Economic and Social Council Annual Ministerial Review ECOSOC*. Available at: <http://www.un.org/en/ecosoc/newfunct/pdf/6.challenges.for.education.with.equity.web.pdf>
15. Clement, J. Education challenges in Wales. *The Public Law Project Wales Conference*. 2013. Available at: <http://www.publiclawproject.org.uk/resources/132/education-challenges-in-wales>

16. *EDUCATION FOR ALL 2000-2015: achievements and challenges*. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization: UNESCO Publishing 2015. 499 p.
17. Europe 2020. *European Commission*. Available at: http://ec.europa.eu/europe2020/index_en.htm
18. Howaldt J., Kaletka C., Schröder A. *Mapping the World of Social Innovation: A Global Comparative Analysis across Sectors and World Regions*. Dortmund: TUDO, 2016. 33 p.
19. Howaldt J., Butzin A., Domanski D., Kaletka C. *Theoretical approaches to social innovation – A critical literature review*. Dortmund: Sozialforschungsstelle, 2014. 163 p.
20. Lall M., House C. The Challenges for India's Education System. *ASP Briefing paper*, 2005, no. 05/03. Available at: <http://www.streetchildrenresources.org/wp-content/uploads/2013/03/challenges-for-india-education.pdf>
21. Schröder A., Weerakkody V., El-Haddadeh R., Kapoor K., Butzin A., Boelman V., Scoppetta A., Weber M., Schaper-Rinkel P., Dhondt S., Oeij P. *METHODOLOGY REVIEW: Research Propositions, Data Collection and Analysis Framework*. TUDO – Technische Universität Dortmund, 2014. 128 p.
22. Otara A. The future of education and its challenges in Africa. *International Journal of Humanities and Social Science*, 2012, vol. 2, no. 9, pp. 151-156.
23. Schröder A. Implementing innovative structures to improve lifelong learning - a social innovation process: the example Hessencampus. *ZSI Discussion Paper*, 2012, no. 28. Available at: http://www.sfs.tu-dortmund.de/cms/en/social_innovation/publications/DP28_Schroeder.pdf
24. *SI-DRIVE Policy Briefs on Social Innovation in Education and Lifelong Learning*. Available at: https://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/policy_briefs/pb_si-drive_education_2015.pdf
25. *Social Innovation – Driving Force of Social Change*. About. Available at: www.si-drive.eu
26. Schröder A., Kuschmierz L., Asenova D., Damianova Z., Dimova A., Bernal M.E., Cecchini S., Morales B., El Zoheiry A.H., Wageih M., David A., Golovchin M., Kuzmin I., Popov A., Soloveva T., Terebova S., Andersson T., Hultman S., Stumbryte G., Tinfavičienė I., Kalac S., Karzen M., Turza B., Brunn L., Domanski D., Ariton D., Schörpf P., Holtgrewe U. *Social Innovation in Education and Lifelong Learning: Case Study Results*. TUDO: Technische Universität Dortmund, 2017. Pp. 64, 69.
27. *The Global Literacy Project, Inc. About Us*. Available at: http://www.glpinc.org/Web_pages/About_Us.htm
28. *Über Uns. Rock Your Life! Mentoring*. Available at: <http://www.rockyourlife.de>

Information about the Authors

Antonius Schröder – Senior Research Associate, Social Research Centre, Dortmund University of Technologies (17, Evinger Platz, Dortmund, 44339, Germany; e-mail: schroeder@sfs-dortmund.de)

Aleksandra Anatol'evna Shabunova – Interim Director, Doctor of Economics, Associate Professor, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Andrei Vasil'evich Popov – Junior Research Associate, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

Tat'yana Sergeevna Solov'eva – Junior Research Associate, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: solo_86@list.ru)

Maksim Aleksandrovich Golovchin – Ph.D. in Economics, Research Associate, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mag82@mail.ru)

Статья поступила 04.09.2017.

Концепция программного решения проблем формирования и развития территориально-хозяйственных систем

**Виталий Николаевич
ЛАЖЕНЦЕВ**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация, 167982, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru

Аннотация. В статье систематизированы проблемы территориального развития с позиции теорий и концепций, которые характерны для традиционной социально-экономической географии. К таковым отнесены проблемы: районно-комплексная, узловая народнохозяйственная и территориально-отраслевая. Роль социально-экономической географии в научном объяснении и решении данных проблем усиливается, поскольку она имеет научно-исследовательские программы, раскрывающие диалектику познания территориальной организации общества и хозяйства на основе не одной теории и не простого набора теорий, а их междисциплинарного синтеза. Научно-исследовательская программа относительно автономна от практики и «передает» ей только свои важнейшие результаты, в том числе для организации программно-целевого управления. Цель статьи – включить в методологию изучения территориальной организации хозяйства анализ взаимосвязи категорий «проблема» и «программа». Опираясь на опыт отечественных и зарубежных исследований, автор показывает, что комбинация «проблема–программа» дает дополнительный эффект в научном объяснении территориального развития, если «проблема» представлена в виде сложного теоретического или практического вопроса, ответ на который требует как базовых, так и новых знаний, а «научно-исследовательская программа» – как одна из основных единиц науки (по И. Лакатосу). В таком случае структурно-функциональная динамика развития конкретного региона рассматривается со стороны организации деятельности по решению проблем определенного типа с опорой на исследовательские и хозяйственные программы. Переход от исследовательских к хозяйственным программам, по мнению автора,

Для цитирования: Лаженцев, В.Н. Концепция программного решения проблем формирования и развития территориально-хозяйственных систем / В.Н. Лаженцев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 37-50. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.3

For citation: Lazhentsev V.N. A concept for program solution to the issues of formation and development of territorial-economic systems. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 37-50. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.3

целесообразно осуществлять в определенной последовательности, а именно в той, какую «проживает» сама проблема по этапам: научно-поисковому, научно-техническому и организационно-экономическому. Приведены примеры по проблеме совмещения трех начал общественного развития — экономической эффективности, социальной справедливости и экологического благополучия, анизотропной модели комплекса коммуникационных сетей (по Р. Доманьски), в рамках которой данная проблема могла бы быть рассмотрена, проблемного подхода к анализу территориальной структуры хозяйства регионов Европейского Севера России.

Ключевые слова: проблема, программа, территориальное развитие, территориальные комплексные и территориально-отраслевые проблемы, хозяйственная программа, научно-исследовательская программа.

Проблема — неудовлетворительное состояние целеустремленной общественной системы, выход из которого требует преодоления определенных трудностей, в том числе в части получения новых знаний. Проблема как категория научного познания и приобретения практического опыта в настоящее время во все большей мере рассматривается с точки зрения методологии и организации мыслительной деятельности. Это значит, что проблема должна быть осознана как отражение реальной или желаемой действительности; в ходе ее решения необходимо получить новые знания не только о рассматриваемом объекте и множестве предметов, его характеризующих, но и о самой деятельности. В нашем случае речь идет о деятельности особого рода, которую Г.П. Щедровицкий обозначил как «становление, оформление и частичное обособление проектирования», когда рассматривается соотношение естественного и искусственного в объектах нашей деятельности [22, с. 67, 68]. Проектирование здесь трактуется весьма широко, включая все стадии прогнозирования, составления программ, технических и социальных проектов.

В книге Р. Акоффа и Ф. Эмери «О целеустремленных системах» проведена генеральная мысль: будущее может быть приближено к тому, каким его проектирует субъект управления [1]. Е.Н. Князева, усиливая данную методологическую позицию, отмечает: «...Человек в своих процессах восприятия, мышления и деятельности не столько отражает окружающий мир, сколько активно творит, конструирует его»¹. Поэтому формулировка проблемного

вопроса во многом зависит от мировоззрения управленца или научного работника, от выбора ими ценности и цели. Здесь проблемность выражается в неоднозначности философско-методологических трактовок категории «цель», которая «служит побудителем действия, моментом его причинной обусловленности и регуляции...» [14, с. 182].

Следует также различать «целенаправленность» в объективном смысле и «целеустремленность» в субъективном. Объективное отражает закономерности и тенденции естественно-исторических процессов. Субъективное фиксирует оценку данных процессов в рамках определенным образом организованной мыслительной деятельности, а именно путем *целенолагания* (наши намерения), *целееопределения* (корректировка намерений под влиянием конкретных обстоятельств), *целереализации* (выбор специфических средств получения намеченного результата) [3].

Слово «проблема» в быту применяется весьма часто, но, как правило, не по сути дела. В науке и управлении от такого рода простоты надо отказаться. Если решаемая задача действительно сложная, но при этом все исходные данные известны и не противоречивы, то она не является проблемой. Научные работники, занимающиеся тематикой территориального развития, склонны «проблему» рассматривать как категорию познания, к которой применимы типология и классификация.

В условиях планово-директивной экономики сложилась традиция при размещении производительных сил СССР рассматривать проблемы трех видов: районно-комплексная, узловая народнохозяйственная, территориально-отраслевая.

¹ Князева Е.Н. Синергетически конструируемый мир [Эл. ресурс] — Реж. дост.: <http://spknrdynmov.narod.ru/KnyzevaElena/htm> (дата обращения: 22. 08. 2017).

В основании выявления и решения *районно-комплексной проблемы* лежал опыт разработки и выполнения Плана ГОЭЛРО, а в последующем – проведение технико-экономических расчетов по различным вариантам оптимизации пространственных параметров производственных комплексов. Классическими стали, например, многовариантные расчеты Н.Н. Колосовского по Ангарскому проекту и Урало-Кузнецкому комбинату [9], И.П. Бардина, А.Е. Пробста и В.В. Рикмана по Северной угольно-металлургической базе на основе углей Печорского бассейна и железных руд Кольско-Карельского региона [6] и др. В ИЭ и ОППСО АН СССР в районно-комплексном ключе рассматривались проблемы формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и развития зоны Байкало-Амурской магистрали. Данный вид проблем характеризовался одновременно и как производственно-технологический, и как социально-экономический.

В настоящее время (уже с учетом особенностей рыночной экономики и ее государственного регулирования) следовало бы попытаться аналогичным образом рассмотреть и сделать технико-экономические расчеты по ряду районно-комплексных проблем, например, по вариантам реконструкции и перспективного развития Северного морского пути, Волжского речного пути, строительства и комплексного развития зоны, предполагаемой к строительству железной дороги Архангельск – Сыктывкар – Соликамск (Белкомур) и др. Это не возврат к планово-директивному мышлению, но осознание необходимости включения особо важных народнохозяйственных объектов в систему программного управления, характерного для всех развитых стран.

Районно-комплексная проблема непосредственно не связана с экономическим районированием, но решается с учетом накопленного научно-технического, трудового и производственного потенциала экономических районов, где она «размещается». В связи с этим обстоятельством напомним, что В.М. Четыркин (один из основателей теории порайонной организации хозяйства и общества) сомневался в правильности использования слова «районно», поскольку речь идет не о районах, а скорее о зонах технологически и экономически связанных между собой предприятий, производственной

и социальной инфраструктуры. Но указанное название «закрепилось», и его, по-видимому, менять не следует.

В.М. Четыркину принадлежит идея *узловой народнохозяйственной проблемы*, специфической для каждого района, «которая связывает в единый узел все факты и явления, свойственные данному району, которая тем самым раскрывает сущность взаимозависимостей и взаимодействий, объединяющих многообразную производственную деятельность в единое производственное целое (комплекс); которая вместе с тем выявляет и характер внутреннего и внешнего обмена веществ, совершающегося в процессе производства, в процессе трудовой деятельности людей, которая тем самым в процессе своего разрешения обеспечивает наиболее рациональное развитие, углубление и укрепление общегосударственной производственной специализации района» [20, с. 61].

Процитированное определение, действительно, соответствует философской трактовке категории «проблема», вместе с тем его трудно конкретизировать и использовать в изучении районов. Поскольку научный авторитет Владимира Михайловича Четыркина был и остается высоким, постольку некоторые экономисты-географы (включая автора данной статьи) «с удовольствием» ссылаются на указанное определение узловой народнохозяйственной проблемы, но за проблему выдают то, чем они занимаются; у каждого получается своя узловая проблема. Такая методологическая погрешность в принципе не вредит тому или иному исследованию, так как оно обычно изначально не нацелено на выявление и изучение «проблемы» в строгом понимании В.М. Четыркина.

Вопрос о следовании Четыркину пока остается открытым, во всяком случае, для автора. Чтобы приблизиться к методологически правильному толкованию узловой народнохозяйственной проблемы, обратим внимание на следующую позицию В.М. Четыркина: *одна и та же социально-экономическая задача в разных районах решается разными методами с учетом сложной системы природных и экономических условий*. К этому ключевому положению добавим тезис о том, что методы характеризуют разнообразие деятельности; деятельность должна быть системно организована; проблема самой реальной жизни (неудовлетворительное состо-

яние чего-либо) смещается в сторону проблемы организации деятельности по разрешению данной неудовлетворенности.

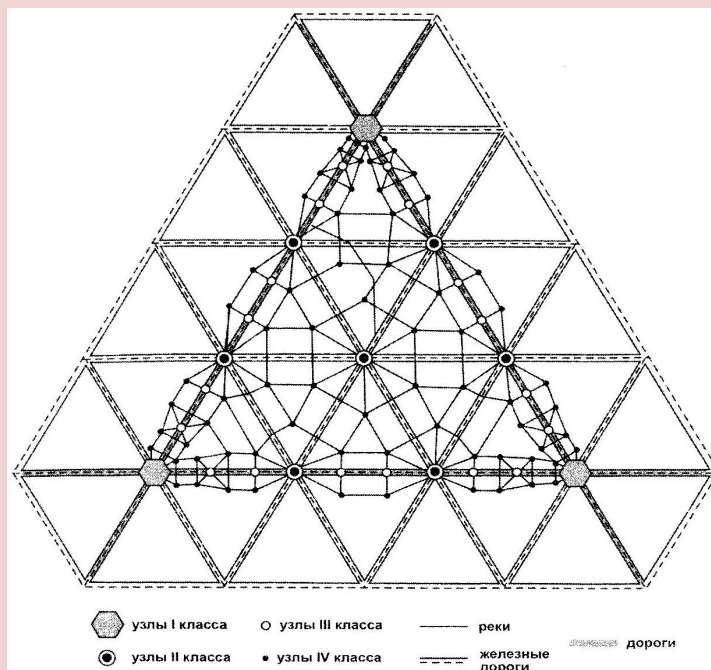
Такой ход рассуждений наиболее конструктивно выражен в статье А.И. Чистобаева и Ю.Н. Баженова, опубликованной в 1985 г. и повторенной в сокращенном виде в книге [21]. «Совокупность различных социально-экономических и природных факторов, влияющих на обеспечение общности и целостности территории, создает в процессе развития своеобразное сочетание проблем, решаемых на данной территории. Определение границ решения проблемы есть не что иное, как районирование проблемы, а разработка методологии, теории и методики такого районирования – проблемное районирование» [там же, с. 145].

Пример 1. Проблема совмещения трех начал общественного развития – экономической эффективности, социальной справедливости и экологического благополучия – применительно к Миру и большим странам рассматривается, как правило, в виде идеологической или политической доктрины. Конструктивно же данная проблема может быть показана на уровне территорий, имеющих специфические характеристики общественных форм организации про-

изводства, расселения населения, природных комплексов и климата. Эти три характеристики в рамках проблемного районирования должны быть как-то между собой согласованы, чтобы ни одна из них не оказалась в ущербном положении. Попытаться выполнить такого рода согласование в различных вариантах и различными методами можно начиная (как нам представляется) с уровня такого социально-экономического района, центр (или центры) которого (более развитая часть) и периферия (менее развитая) пространственно находятся во взаимной зависимости и связаны единой коммуникационной сетью. Вопрос о том, является ли данная проблема узловой народнохозяйственной (по Четыркину) (?), пока не имеет однозначного ответа.

Пример 2. Польский географ-экономист Р. Доманьски, изучая перемещения людей, материальных ценностей и информации, пришёл к выводу, что в наибольшей степени приближения к действительности теоретическая система организации социально-экономического пространства приобретает форму *анизотропной структуры, когда свойства неравных объектов зависят от направления движения экономических потоков внутри данной системы* [4, с. 40] (рисунок).

Анизотропная модель комплекса коммуникационных сетей [4, с. 41].

С развитием транспорта и средств связи, по мере возрастания значения социальных услуг и необходимости их скоростной доставки, в том числе в глубинные районы, модели (подобные анизотропной) становятся всё более конструктивными; они увязываются с величиной центров (узлов), пропускной способностью линейной инфраструктуры и устойчивостью экологического каркаса, а в итоге — с территориальной организацией общества и его хозяйства.

Еще раз обратим внимание на формулировку узловой народнохозяйственной проблемы. В ней В.М. Четыркин отметил понятия «взаимозависимость и взаимодействие», «внутренний и внешний обмен веществ», которые как раз и характеризуют анизотропную модель территориального комплекса коммуникационных сетей.

Следовательно, совокупность теорий и моделей территориального развития можно рассматривать в качестве задания на изучение проблемы: в какой мере территориальная связность элементов хозяйственной деятельности предопределяет характер их концентрации или деконцентрации, а также конфигурацию социально-экономического пространства (?); в какой мере свойства и качества самой территории влияют на выбор норм и правил экономического поведения хозяйствующих субъектов, вынужденных считаться с социально-инфраструктурными и природно-экологическими ограничениями отдельных мест (?); может ли проблема согласования экономической эффективности, социальной справедливости и экологического благополучия рассматриваться относительно обособленно в границах территориального комплекса коммуникационный сетей (?).

Пример 3. Если обозначенную модель Р. Доманьски использовать в границах «треугольника» Вологда — Архангельск — Сыктывкар и учесть усиление внешней ориентации северо-европейских территорий на решение арктических задач, то мы увидим прежде всего необходимость совершенствования комплекса коммуникационных сетей, а именно: дальнейшее развитие Архангельского морского порта как опорной базы Северного морского пути;

строительство железной дороги «Белкомур»² (правое ребро модели); строительство и ремонт автодорог; реконструкцию водных путей на Печоре, Северной Двине, Сухоне, Вычегде и других реках³. Далее обратим внимание на хозяйственные узлы различного класса (в модели Р. Доманьски выделено четыре класса). По этим признакам территориальную структуру хозяйства Двино-Печоры можно характеризовать как линейно-узловую с наличием «глубинки» (экономически удалённой периферии). Здесь реки и транспортные магистрали предопределили конфигурацию расселения людей на длительную историческую перспективу.

² Совокупность научно-исследовательских, научно-технических и организационно-экономических оснований железной дороги Архангельск — Сыктывкар — Соликамск — Пермь (Белкомур) вполне достаточна для начала ее строительства. Дополнительно можно было бы указать следующее: создание надежной железнодорожной магистрали, соединяющей Сибирь и Урал с Европейским Севером России с учётом арктического вектора развития мирохозяйственных связей является естественно-исторической необходимостью и жизненной потребностью более миллиона жителей данных регионов. Основное значение Белкомура — создание благоприятных условий жизнедеятельности. Без этой магистрали социально-экономическое пространство России характеризуется как ущербное.

³ В анизотропной модели комплекса коммуникационных сетей Р. Доманьски отразил существенную роль рек. Мы также подчеркнем особую роль в территориальном развитии Европейского Севера России рек: Печоры, Северной Двины, Мезени, Онеги, Вычегды, Сухоны. Они в значительной мере предопределяют конфигурацию расселения населения, роль судоходства и водоснабжения, северо-арктический вектор хозяйственного освоения территории, экологические параметры охраны окружающей среды. Нельзя не отметить, что гидрографический порядок содержания рек последние 20 лет заметно ухудшился. Реки вышли из-под контроля человека. Отсутствие речных мелиораций, дноуглубительных работ, обустройства берегов отрицательно повлияло на режим водотоков. Более разрушительными стали половодья, увеличилось число миандр и затонов, исчез фарватер, возникли непроходимые судами с осадкой 50–80 см барьеры в устьях притоков. Даже на Печоре сквозное судоходство стало затруднительным. Все это снизило уровень и качество жизни большого числа людей, которые раньше считали свою деятельность именно «речной». Весенне-летний завоз «в глубинку» стал возможным только на маломерных судах, и потому его цена возросла в 1,5–2 раза. Это также характеризует пример неудовлетворительного состояния социально-экономического пространства Европейского Севера России.

С учетом северных условий мы выделили три типа территориально-хозяйственных систем: 1) «опорные» хозяйственные комплексы; 2) удаленные от них промышленные центры (промышленная периферия), которые базируются на разработке природных ресурсов и обслуживании инфраструктурных коммуникаций (это, как правило, центры циклического развития, затухание которых со временем становится неизбежным, если не возникнет иная база экономики); 3) периферия сельского типа (не только сельско- и лесохозяйственная, но и та, для которой характерен сельский уклад жизни). Население Европейского Севера России (ЕСР) по указанным типам систем размещается следующим образом (табл. 1).

Развитие ЕСР в современных условиях связано уже не столько с крупными народнохозяйственными проектами создания новых топливно-энергетических, минерально-сырьевых и лесопромышленных баз (что ранее рассматривалось в рамках решения районно-комплексных проблем), сколько с совершенствованием существующих региональных и локальных хозяйственных систем на основе научно-технического прогресса и межрегиональной интеграции. Первостепенным делом становится социальное и экологическое обустройство хозяйственных комплексов и отдельных промышленных центров, сельской периферии; необходимо обеспечить продление срока эксплуатации действующих промыслов, шахт, горнорудных и лесопромышленных комбинатов с использованием новейших технологий, сбалансированное использование биоресурсов северных морей, тундры и таежных территорий, создание инфраструктуры Северного морского пути и приобщение местной экономики к нуждам оборонных объектов. Именно на дан-

ном поле деятельности следовало бы вести поиск узловой народнохозяйственной проблемы.

Размещение производительных сил в значительной мере обусловлено решением *территориально-отраслевых проблем*. Их суть заключается в том, что разные отрасли хозяйства по-разному реагируют на комплекс природных, экономических и социальных условий того или иного района. Проблема здесь заключается в разнообразии методов приспособления конкретной отрасли хозяйства к местным условиям. Наиболее ярко территориально-отраслевая проблема проявляется в жилищном строительстве на территориях экстремального климата. Ее игнорирование привело к широко распространенной деформации оснований зданий и сооружений в Воркуте, Норильске, Магадане и других поселениях Арктики и Крайнего Севера. Крупные инженерные сооружения (гидроэлектростанции, мосты, тоннели, трубопроводы, железные дороги...) весьма чувствительны к тектоническим разломам и сейсмике; ведение лесного и сельского хозяйства – к биоклиматическим характеристикам местности и т.д. Поэтому актуальной стала задача возрождения экспериментального и зонального проектирования, региональных институтов, какими ранее были «горпроект» и «промстройпроект».

Решение обозначенных и других проблем требует выборочного программного оформления. Та или иная проблема должна пройти своего рода проверку на предмет того, надо ли ее вывести из системы стандартного структурно-функционального управления и ввести в специально организованное программное управление.

Программа в хозяйственной деятельности является инструментом управления и планирования. Впереди программы стоят анализ (что

Таблица 1. Распределение населения ЕСР по типам территориально-хозяйственных систем (ТХС), на 01. 01.2016 г., в %*

ТХС	Мурманская обл.	Респ. Карелия	Вологодская обл.	Архангельская обл. (с НАО)	Респ. Коми	ЕСР в целом
Опорные ТХС	81,6	49,4	72,7	60,7	78,9	69,1
Промышленная периферия	7,2	19,5	4,5	11,8	6,1	9,2
Периферия сельского типа	11,2	31,1	22,8	27,5	15,0	21,7
Итого	100	100	100	100	100	100
Численность населения, тыс. чел.	762	630	1187	1174	857	4610

* Расчеты автора.

имеем?), концепция (что хотим?), стратегия (что делаем?); программа же отвечает на вопрос – как делаем?, то есть определяет порядок решения конкретной проблемы с полным описанием действий и способов достижения поставленных целей; ранее это называлось сетевым планированием. Проблемы, которые нуждаются в программном решении, должны быть выявлены на стадии разработки стратегии.

Задачу программирования относительно нашей темы можно определить как взаимоувязку трех видов рассмотренных выше проблем (районно-комплексной, узловой народнохозяйственной и территориально-отраслевой) в границах конкретных районов и с обязательным учетом специфики деятельности структур управления хозяйством. Имеется в виду, что многие функции государства в части размещения производства перешли в сектор фирменного (корпоративного) планирования. Но генеральная линия территориального развития страны должна остаться в ведении государства. Здесь уместно вспомнить слова известного американского географа-экономиста Р. Эстолла, который в противовес рыночной эйфории писал: «...При системе свободного предпринимательства (согласно теории Мюрдаля) в случае появления заметных различий в уровне развития экономики между отдельными районами (какой бы ни была причина этого) «естественные» силы экономического развития имеют тенденцию способствовать дальнейшему росту благосостояния преуспевающих районов, часто в ущерб другим. Чтобы избежать этого, необходима соответствующая сила. В современных условиях такой силой должно быть вмешательство государства» [23, с. 385].

Р. Эстолл приводит примеры такого вмешательства правительства США. В 1968 г. оно выделило шесть районов экономического развития, не совпадающих с границами штатов: «Четыре угла», «Плато Озарк», «Аппалачи», «Прибрежные равнины», «Новая Англия», «Верхние Великие озера» [там же, с. 394]. Для каждого из них была разработана и реализована программа ускоренного развития (реконструкции) за счет стимулирования предпринимательства, федеральных субвенций и налоговых льгот. Напомним также, что правительство Ф. Рузвельта отреагировало на кризис 1930-х гг.

(в части регулирования территориального развития) программой «Теннеси» с весьма интересной системой договорных отношений между Управлением программой, штатами и федерацией [2].

И в нашей стране имеется понимание весьма четкого разграничения функций государства и бизнеса в реализации стратегий и программ развития регионов. Так, В.А. Крюков считает: «Дальневосточную экономику можно сдвинуть с места за счет присутствия сильного государства в структуроопределяющих проектах и инвестициях – дороги, порты, энергетика. Но при этом все остальное должно быть отдано на волю и склонность к риску тех, кто готов реализовать себя и получить высокий результат (как плату за риск)... Вопрос – как привести интеллект в дальневосточную экономику... Не надо бояться, что это будет сырьевая экономика, надо сделать так, чтобы это была сырьевая, но интеллектуальноемкая экономика, основанная на активности склонных к риску и творчески ориентированных предпринимателей»⁴. Формальная сторона такого подхода в настоящее время проявляется достаточно четко. Функционирует Министерство РФ по развитию Дальнего Востока, координирующее деятельность по реализации государственных программ и федерально-целевых программ; создана Корпорация развития Дальнего Востока, управляющая территориями опережающего социально-экономического развития, куда (по идее) должен прийти бизнес.

Но будем помнить, что при таком раскладе сил актуализируется задача правильной оценки не только общей эффективности государства и корпораций, но и последствий их разделенной деятельности для всех регионов страны [7]. В прошлые годы такого рода ответственность была дифференцирована по уровням власти, включая министерства, и «привязана» к программам определенного территориального типа: маятниковым, фронтальным, очаговым (включая формирование программно-целевых ТПК), локальным [15]. В настоящее время такого рода ответственность перед территориями должна быть, по-видимому, обозначена в

⁴ Крюков В.А. О развитии Дальнего Востока [Эл. рес.] – Реж. дост.: <https://www.sbras.ru/ru/news/39274/> (дата обращения: 24.08.2017 г.).

договорных отношениях между участниками формирования и реализации территориальных программ.

В научной работе «программа» также занимает особое место. Имре Лакатос впервые доказал, что научно-исследовательская программа является одной из основных единиц научного знания; она (программа) представляет совокупность теорий, связанных общностью основополагающих идей и принципов; ее методология объясняет относительную автономию теоретической науки [12]. И. Лакатос писал: «Согласно моей методологической концепции, исследовательские программы являются величайшими научными достижениями и их можно оценивать на основе *прогрессивного* или *регрессивного сдвига проблем* (курсив наш. – В.Л.); при этом научные революции состоят в том, что одна исследовательская программа (прогрессивно) вытесняет другую. Эта методологическая концепция предлагает новый способ рациональной реконструкции науки... В соответствии с моей концепцией фундаментальной единицей оценки должна быть не изолированная теория или совокупность теорий, а «исследовательская программа»⁵.

Согласование внутренних структурных элементов научно-исследовательской программы (аксиом, гипотез, теорий), как правило, приводит к междисциплинарности. Это и понятно, поскольку любой объект комплексного изучения многопредметен. Кроме того, междисциплинарность увеличивает возможность опровержения той или иной научно-исследовательской программы, что является важнейшим условием диалектики научного знания. В рамках одной науки такое опровержение порой затруднено, но вполне осуществимо со стороны других наук.

Работа в рамках «проблема – программа» для российских географов, экономистов, философов вроде бы привычна и ее технология более-менее понятна. В экономической географии она кратко выражается в тезисе: «Проблемное районирование – это составная часть программно-целевого планирования» [21,

⁵ Лакатос И. Методология исследовательских программ. – М.: Аст: Ермак, 2003. – С. 274-275. – Режим доступа: // <http://vikent.ru/enc/1929/> (дата обращения: 21.08. 2017 г.)

с. 146]. Примером широкого методологического рассмотрения пары «проблема – программа» служит сборник научных трудов [8], в котором еще в 1987 г. показана роль исследовательской программы в развитии всей науки (М.А. Розов: «...Наука – это и есть... не что иное, как способ существования и развития таких программ» – с. 11) и ее отдельных дисциплин, в том числе экономической и социальной географии (В.А. Шупер: «Все лучшие теоретические результаты географов были получены путем построения исследовательских программ с переносом в них категорий и методов математики и ряда других наук» – с. 203–219). Более свежий пример – монография П.А. Минакира и А.Н. Демьяненко, в которой труды И. Лакатоса осознанно используются применительно к пространственной экономике, именно как к научно-исследовательской программе [16]. Философы обращают наше внимание также на различие между исследовательскими и коллекторскими (собирательными) программами. В последних отсутствует исследование как процесс получения нового знания, но показана система научных результатов, необходимых для уяснения сути предстоящей к решению проблемы [19].

Подчеркнем еще одно важное обстоятельство. Методология программно-исследовательского мышления порой приводит к выводу о необходимости смены парадигмы той или иной науки. Такое «чрезвычайное» решение относительно экономической географии предлагает принять А.Е. Левинтов: от экономической к хозяйственной географии, от района к региону, от районирования производства к выделению территориальных типов хозяйственных укладов [13]. Это означало бы перестройку структуры исследовательских программ, что в принципе нельзя исключить, но можно попытаться опровергнуть, предоставив научному сообществу другую исследовательскую программу в рамках привычных «лейтмотивов» в географии общественного развития [5].

Использование научно-исследовательских программ в формировании и реализации программ хозяйственной деятельности – это тоже своего рода проблема, одна из сложных задач прикладного значения. С учетом вышесказанного будем исходить из того, что то или иное учение в об-

ласти территориального развития, излагающее последовательность и связанность теорий изучения конкретных или абстрактных экономико-географических систем под углом зрения решения научных и/или практических проблем (включая формирование культуры географического мышления) в определенной мере является научно-исследовательской программой. Действительно, многие авторы теоретических трудов по социально-экономической географии и региональной экономике излагают свои мысли в программном ключе (с чем мы имеем дело, что и как надо делать в соответствии со сменой значения определенных теорий территориальной организации общества), но большинство из них реализацией своих программных установок занимаются крайне редко. Еще реже авторы доказывают целесообразность замены ранее представленных научно-исследовательских программ своей программой, исходя из практических соображений. И это не случайно, поскольку переход от теории к практике требует специального методологического объяснения.

В книге [10] автора данной статьи сделана попытка обозначить переход от научно-иссле-

довательской программы к хозяйственной программе путем ответа на вопросы: как совокупность взаимоувязанных учений и научных концепций о территориальном развитии (учение о геосистемах, теория социального пространства, научные концепции «функция места», «центр – периферия», «региональная собственность», «территориальное хозяйствование» и др.) перевести в плоскость реального развития конкретных территорий с учетом их свойств и качеств? (табл. 2). Сделать это предложено с помощью систематизации и организации служб географической деятельности и переоформления содержания территориального планирования. Однако могут быть и другие суждения.

Интерес представляют вопросы: возможна ли комбинация указанных теорий и концепций в одной исследовательской программе, если они полностью или частично «отрицают» друг друга (?) (по-видимому, что-то придется исключать); не является ли подбор подходящих теорий и концепций коллекторской программой, но не научно-исследовательской?

Хотя автор стремился выполнить сопряжение основных понятий и методов смежных наук

Таблица 2. Формирование научно-исследовательской программы по тематике территориального развития [10]

Теории и концепции	Краткая формулировка исходной позиции для исследовательской программы по тематике территориального развития
Социально-экономическая география	
Теория районообразования и ТПК-подход	Производительные силы образуют территориальные сочетания (комплексы)
Теория линейно-узловых структур	Размещение населения и производства имеет форму территориальных узлов, коммуникационных сетей и экономических ландшафтов
Концепция «центр–периферия»	Негативный синдром периферийности преодолевается путем приобщения экономически удаленных территорий к научно-техническому потенциалу центральных мест
Идея субъектных регионов и межрегиональных пространств	Регион является ареной деятельности и интересов различных региональных субъектов, в том числе отдельно взятого человека. Человек уникален и уникальна его среда
Теория социально-экономического пространства	Каждый вид социальной и экономической деятельности пространственно ограничен. Какая деятельность, такое и пространство
Учение о геосистемах	Природные и общественные геосистемы имеют размерную сопряженность и образуют комплексы «природа – население – хозяйство»
Концепция «функция места»	Определенная часть географического пространства несет (или может нести) хозяйственную функцию, обусловленную ее природными и социальными характеристиками
Региональная экономика	
Концепция региональной собственности и территориального хозяйствования	Регионы (субъекты федерации), муниципалитеты и территории общественного самоуправления наделены собственностью, которую они приумножают и используют ради общественного блага
Механизм развития территориально-хозяйственных систем	Механизмы хозяйства, хозяйствования и управления хозяйством имеют специфическую форму проявления применительно к территориальному развитию.

(в первую очередь, социально-экономической географии и региональной экономики), полагая, что такое сопряжение предопределяет смысл междисциплинарности и иногда приводит к новому научному результату в изучении территориально-хозяйственных систем, все же остается сомнение в правильности выбора алгоритма получения синтезированного знания и его включения в программу хозяйственной деятельности.

По проблемам территориального развития всего ЕСР автор обнаружил лишь одну книгу, написанную в ключе «научно-исследовательская программа» [18]. Она опубликована в 1966 году и посвящена изучению природных условий и естественных ресурсов в связи с определенными направлениями ресурсопользования. Именно она более всего побудила автора считать программы по Северу исследовательскими, если:

- природная, экономическая и социальная основы жизнедеятельности конкретных общностей людей представлены как единое целое – в виде природно-хозяйственных комплексов (геосистем);
- в изучении конкретных геосистем учтены «сквозные» северные специфические характеристики (климатический дискомфорт, места вечная мерзлота, полярные дни и ночи, снег и лед, недостаток тепла и избыток влаги, недо-

статок ультрафиолета, уникальные природные ресурсы, традиционное хозяйство коренных этносов и т.п.);

- кроме «сквозных» характеристик учтена специфика конкретных районов⁶ [11; 2017].

Переход от научно-исследовательских программ к программам хозяйственного развития выражен в 1972 г. В.С. Преображенским таким образом: «Чаще всего научная проблема совершенствует следующий путь: она бывает проблемой научно-поисковой, потом становится проблемой научно-технической, а затем переходит в проблему экономическую и организационную. Понимание этих различий весьма существенно для правильной организации труда ученых, для рационального построения системы географических служб» [17, с. 16].

На научно-поисковой стадии «жизни» проблемы происходит научное объяснение содержания объекта исследования; расположение свойств, качеств и отношений изучаемого объекта в определенном порядке; аналитическое разделение объекта на части и последующая их группировка по существенным основаниям многое другое, что и составляет суть научно-исследовательской программы.

Научно-техническая стадия трансформирует теорию к практическим нуждам, выделяя теоретические результаты, наиболее важные для решения конкретных задач.

⁶ Например, *Карело-Кольский район* ЕСР характеризуют: Балтийский щит, сжатое пространство мирового водораздела, денудационные (обнаженные, слегка прикрытые рыхлыми четвертичными отложениями) равнины, сложный горный рельеф, активная рудная и нерудная минерализация; обилие озер и «гидроэнергетических» малых рек, незамерзающее побережье Баренцева моря; пограничное (скандинаво-финское) положение. Перечисленные характерные черты данного района предопределяют требования к модернизации горной и лесной промышленности, обустройству западного берега Белого моря, совершенствованию транспортных и электроэнергетических коммуникаций, развитию туризма и созданию природоохранных систем с учётом мирового значения меридиональной озёрной полосы, формированию ареалов северного экологически чистого земледелия, координации взаимоотношений с Финляндией, Швецией и Норвегией.

Двино-Печорский район ЕСР включает северо-восток Восточно-Европейской равнины (в геологическом плане – Русской платформы) с весьма активной тектоникой и минералообразованием (геологический потенциал северо-востока Русской платформы вместе с северным и полярным Уралом, по расчетам автора, в 5–6 раз выше, чем ее остальных частей, что выразилось в накоплении углеводородов и концентрации твёрдых полезных ископаемых); полноводные реки, которые могли бы использоваться как транспортные артерии и источники рыболовства, обширные заливы Белого моря, ландшафтное разнообразие тайги и тундры, протяженный по всей южной границе региона мировой водораздел; этнокультурная специфика. С позиции данной характеристики можно определить, что для Двино-Печоры наиболее актуальными являются вопросы комплексного использования ресурсов Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции и Тимано-Североуральского минерально-сырьевого сочетания. В лесном хозяйстве первоочередными здесь становятся задачи лесоэкономического районирования и снятия угроз, связанных с нежелательной сменой лесобразующих пород и усыханием еловых лесов. Потенциал сельского хозяйства в зонах средней и южной тайги и зоне смешанных лесов необходимо повысить мерами по восстановлению и повышению плодородия почв, а в зонах лесотундры и тундры – сохранением мхов и лишайников как кормовой базы оленеводства.

Таблица 3. Программное решение проблемы формирования и развития территориально-хозяйственных систем (ТХС), удовлетворяющих требованиям экономической эффективности, социальной справедливости и экологического благополучия

Программа	Предмет деятельности в области:		
	Экономической	Социальной	Экологической
Научно-исследовательская	Повышение эффективности за счет сбалансированного использования территориальных ресурсов общественного предназначения	Преодоление социальной уязвимости периферии в границах территориальных общностей людей	Выделение природно-хозяйственных комплексов как объектов общественного воспроизводства
Научно-техническая	Технико-экономические расчеты оптимизации территориальных балансов ресурсов общественного предназначения	Проектирование социального пространства комфортной жизнедеятельности	Геоэкологическое проектирование и разработка пропорций воспроизводства природно-ресурсного потенциала территорий
Организационно-экономическая	Совершенствование механизмов территориальной организации хозяйства	Разработка норм и правил социального обеспечения населения с учетом природно-географических особенностей его расселения	Разработка норм и правил выполнения экологических функций с учетом особенностей природно-ресурсных циклов

Организационно-экономическая стадия включает ранжирование и последовательность практических действий в направлении достижения поставленных целей; формирование организационных структур и институтов по управлению процессом освоения нового знания; тиражирования опытно-конструкторских изделий в массовое производство и пользование.

Применительно к тематике территориального развития структура программирования показана в *табл. 3*. Из нее следует необходимость учитывать опасность утрированной простоты в понимании взаимосвязи между наукой и практикой. Наука обращается к практике на основе теории, в виде попытки проверить достоверность своих исследовательских программ; практика к науке – на основе опыта, в том числе опыта разработки и реализации хозяйственных программ и других документов стратегического планирования. На стыке возникает особого рода методология получения рецептурного знания о том, как переходить от теории к практической деятельности.

Укажем также на одно важное обстоятельство: для практических нужд трансформируется не сама научно-исследовательская программа,

а ее результаты, в случае если практика готова к их использованию. Именно данное обстоятельство обеспечивает относительную автономию развития теории.

Таким образом, среди проблем территориального развития (районно-комплексной, узловой народнохозяйственной, территориально-отраслевой) наиболее сложной для понимания и практического применения является узловая народнохозяйственная проблема конкретного района (региона). Автор допускает, что к данному виду проблемы можно отнести неоднозначность выбора средств и методов согласования трех составляющих общественного развития – экономической эффективности, социальной справедливости и экологического благополучия – с учетом свойств и качеств конкретных природно-хозяйственных комплексов. Не все социально-экономические проблемы вводятся в систему программно-целевого управления, а только те, которые не могут быть решены с помощью стандартного структурно-функционального управления. Целевая программа обязательно должна включать блок обобщения важнейших результатов соответствующих научно-исследовательских программ.

Литература

1. Акофф, Р.О. целеустремленных системах [Текст] / Р. Акофф, Ф. Эмери; пер. с англ. под ред. И.А. Ушакова. – М.: Советское радио, 1974. – 272 с.
2. Бачило, И.Л. Правовая основа решения региональных проблем (опыт освоения ресурсов долины Теннесси) [Текст] / И.Л. Бачило // Известия СО АН СССР. – Сер.: Регион: экономика и социология. – 1990. – Вып. 1. – С. 54-64.

3. Дмитриева, Т.Е. Организация прогнозирования территориального развития [Текст] / Т.Е. Дмитриева, В.Н. Лаженцев // Экономика региона. – 2010. – № 4. – С. 157-164.
4. Доманьски, Р. Экономическая география: динамический аспект / Ришард Доманьски: пер. с пол. – М.: Новый хронограф, 2010. – 376 с. – (Серия «Социальное пространство»).
5. Лейтмотивы географических исследований: каковы они и нужны ли нам? [Текст] / А.В. Дроздов, В.Л. Каганский, Е.Ю. Колбовский, А.И. Трейвиш, В.А. Шупер // Известия РАН (Серия географическая). – 2017. – № 3. – С. 118-128.
6. Дьяков, Ю.Л. Северная угольно-металлургическая база СССР: возникновение и развитие [Текст] / Ю.Л. Дьяков. – М.: Мысль, 1973. – 255 с.
7. Ильин, В.А. Эффективность государственного управления: точка зрения главного редактора / В.А. Ильин. – Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2015. – 320 с.
8. Исследовательские программы в современной науке [Текст]. – Новосибирск: Наука, 1987. – 320 с.
9. Колосовский, Н.Н. Проблемы территориальной организации производительных сил Сибири [Текст] / Н.Н. Колосовский; ред. Т.М. Калашникова. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1971. – 200 с.
10. Лаженцев, В.Н. Содержание, системная организация и планирование территориального развития [Текст] / В.Н. Лаженцев; под ред. А.И. Татаркина. – Екатеринбург – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2014. – 236 с.
11. Лаженцев, В.Н. Междисциплинарный синтез и исследовательская программа (с примерами по географии Севера России) [Текст] / В.Н. Лаженцев // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2017. – № 1 (29). – С. 102-108.
12. Лакатос, И. История науки и её рациональные реконструкции [Текст] / Имре Лакатос // Вопросы философии. – 1995. – № 4. – С. 135-154.
13. Левинтов, А.Е. От района к региону: на пути к хозяйственной географии [Текст] / А.Е. Левинтов // Известия АН СССР. – Серия географическая. – 1994. – № 6. – С. 120-129.
14. Макаров, М.Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии [Текст] / М.Г. Макаров; отв. ред. В.Г. Иванов. – Л.: Наука, 1977. – 188 с.
15. Методологические положения подготовки региональных программ различного уровня [Текст]. – Новосибирск: ИЭ и ОПП СО АН СССР, 1989. – 98 с.
16. Минакир, П.А. Очерки по пространственной экономике [Текст] / П.А. Минакир, А.Н. Демьяненко; отв. ред. В.М. Полтерович. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. – 272 с.
17. Преображенский, В.С. Беседы о современной физической географии [Текст] / В.С. Преображенский. – М.: Наука, 1972. – 167 с.
18. Север европейской части СССР. Природные условия и естественные ресурсы СССР [Текст]. – М.: Наука, 1966. – 452 с.
19. Стёпин, В.С. Философия науки и техники [Текст] / В.С. Стёпин, В.Г. Горохов, М.А. Розов. – М.: Гардарики, 1996. – 267с.
20. Четыркин, В.М. Проблемные вопросы экономического районирования [Текст] / В.М. Четыркин. – Ташкент: ФАН Узб. ССР, 1967. – 123 с.
21. Чистобаев, А.И. О жизни и географии с любовью... [Текст] / А.И. Чистобаев. – Книга 2: Избранные статьи, интервью, персоналии. – Санкт-Петербург – Смоленск: Универсум, 2005. – 464 с.
22. Щедровицкий, Г.П. Избранные труды [Текст] / Г.П. Щедровицкий. – М.: Шк. культ. полит., 1995. – 800 с.
23. Эстолл, Р. География США [Текст] / Р. Эстолл. – М.: Прогресс, 1977. – 428 с.

Сведения об авторе

Виталий Николаевич Лаженцев – член-корреспондент РАН, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru)

Lazhentsev V.N.

A Concept for Program Solution to the Issues of Formation and Development of Territorial-Economic Systems

Abstract. The paper systematizes problems of territorial development from the perspective of the theories and concepts that are characteristic of traditional socio-economic geography. These problems include the area-integrated, nodal-economic and territorial-industrial ones. The role of socio-economic geography in finding scientific explanation and solution to these problems becomes more important, since it has research programs that reveal the dialectic of the knowledge of territorial organization of society and economy based not on a single theory or on a set of theories, but on their interdisciplinary synthesis. The research program is relatively autonomous from practice and gives it only its most important results that can be used for the organization of program-target management, as well. The goal of the paper is to include an analysis of the relationship between the categories “problem” and “program” in the methodology of research on territorial organization of economy. Based on the experience of national and foreign research, we show that the “problem-program” combination gives an additional effect in the scientific explanation of territorial development, if the “problem” is presented in the form of a complex theoretical or practical question, the answer to which requires both basic and new knowledge, while the “research program” is presented as one of the main units of science (according to I. Lacatos). In this case, the structural-functional dynamics of development of a particular region is considered from the aspect of organizing the work on addressing the problems of a particular type based on research and economic programs. We think that it is advisable to make a transition from research programs to economic programs according to a definite sequence, namely the one which the very problem “goes through” by the following stages: scientific search, scientific-technological and organizational-economic. The paper provides examples on the problem of combining the three principles of social development: economic efficiency, social justice and environmental well-being, the anisotropic model of a complex communication networks (according to R. Domański), in the framework of which this problem could be considered, and the problem approach to the analysis of territorial economic structure in the regions of the European North of Russia.

Key words: problem, program, territorial development, territorial complex and territorial-sectoral problems, economic program, scientific research program.

References

1. Ackoff R. Emery F. *O tselestremlynykh sistemakh* [On Purposeful Systems]. Translated from English. Ed. by I.A. Ushakov. Moscow: Sovetskoe radio, 1974. 272 p. (In Russian).
2. Bachilo I.L. Pravovaya osnova resheniya regional'nykh problem (opyt osvoeniya resursov doliny Tennesi) [The legal basis of the solution of regional problems (the experience of resource development in the Tennessee valley)]. *Izvestiya SO AN SSSR. Ser. Region: ekonomika i sotsiologiya* [Proc. of Siberian Branch, USSR Ac. Sci. Series Region: Economy and sociology], 1990, no. 1, pp. 54-64. (In Russian).
3. Dmitrieva T.E., Lazhentsev V.N. Organizatsiya prognozirovaniya territorial'nogo razvitiya [The organization of forecasting of territorial development]. *Ekonomika regiona* [Region's economy], 2010, no. 4, pp. 157-164. (In Russian).
4. Domański R. *Ekonomicheskaya geografiya: dinamicheskii aspekt* [Economic geography: the dynamic aspect]. Translated from Polish. Moscow: Novyi khronograf, 2010. 376 p. (Series “Social space”). (In Russian).
5. Drozdov A.V., Kaganskii V.L., Kolbovskii E.Yu., Treivish A.I., Shuper V.A. Leitmotivy geograficheskikh issledovaniy: kakovy oni i nuzhny li nam? [Keynotes of geographical research: what are they and do we need them?]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Proc. of RAS. Geographical series], 2017, no. 3, pp. 118-128. (In Russian).
6. D'yakov Yu.L. *Severnaya ugol'no metallurgicheskaya baza SSSR: vzniknovenie irazvitie* [Northern coal and metallurgical base of the USSR: origin and development]. Moscow: Mysl', 1973. 255 p. (In Russian).

7. Ilyin V.A. *Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya: tochka zreniya glavnogo redaktora* [The efficiency of public administration: the point of view of the chief editor]. Vologda: Institut sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii RAN, 2015. 320 p. (In Russian).
8. *Issledovatel'skie programmy v sovremennoi nauke* [Research programs in modern science]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 320 p. (In Russian).
9. Kolosovskii N.N. *Problemy territorial'noi organizatsii proizvoditel'nykh sil Sibiri* [Problems of territorial organization of productive forces of Siberia]. Ed. by T.M. Kalashnikov. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1971. 200 p. (In Russian).
10. Lazhentsev V.N. *Soderzhanie, sistemnaya organizatsiya i planirovanie territorial'nogo razvitiya* [The contents, system organization and planning of territorial development]. Ed. by A.I. Tatarkin. Yekaterinburg – Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN, 2014. 236 p. (In Russian).
11. Lazhentsev V.N. *Mezhdistsiplinarnyi sintez i issledovatel'skaya programma (s primerami po geografii Severa Rossii)* [Interdisciplinary synthesis and a research program (with examples of geography of the Russian North)]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Proc. of Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS], 2017, no. 1 (29), pp. 102-108. (In Russian).
12. Lakatos I. *Istoriya nauki i ee ratsional'nye rekonstruktsii* [The history of science and its rational reconstruction]. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 1995, no. 4, pp.135-154. (In Russian).
13. Levintov A.E. *Ot raiona k regionu: na puti k khozyaistvennoi geografii* []. *Izvestiya AN SSSR. – Seriya geograficheskaya* [Proc. of USSR Ac. Sci. Series Geographical], 1994, no. 6, pp. 120-129. (In Russian).
14. Makarov M.G. *Kategoriya "tsel'" v marksistskoi filosofii i kritika teleologii* [The category of "purpose" in the Marxist philosophy and the critique of teleology]. Executive editor V.G. Ivanov. Leningrad: Nauka, 1977. 188 p. (In Russian).
15. *Metodologicheskie polozeniya podgotovki regional'nykh programm razlichnogo urovnya* [Methodological provisions of preparation of regional programs of different levels]. Novosibirsk: IE i OPP SO AN SSSR, 1989. 98 p. (In Russian).
16. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N. *Ocherki po prostranstvennoi ekonomike* [Essays in spatial economics]. Executive editor V.M. Polterovich. Khabarovsk: IEI DVO RAN, 2014. 272 p. (In Russian).
17. Preobrazhenskii V.S. *Besedy o sovremennoi fizicheskoi geografii* [Discussions about modern physical geography]. Moscow: Nauka, 1972. 167 p. (In Russian).
18. *Sever evropeiskoi chasti SSSR. Prirodnye usloviya i estestvennye resursy SSSR* [The North of the European part of the USSR. Natural conditions and natural resources of the USSR]. Moscow: Nauka, 1966. 452 p. (In Russian).
19. Stepin V.S., Gorokhov V.G., Rozov M.A. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of science and technology]. Moscow: Gardariki, 1996. 267 p. (In Russian).
20. Chetyrkin V.M. *Problemye voprosy ekonomicheskogo raionirovaniya* [Problematic issues of economic regionalization]. Tashkent: "FAN" Uzb. SSR, 1967. 123 p. (In Russian).
21. Chistobaev A.I. *O zhizni i geografii s lyubov'yu... Kniga 2: Izbrannye stat'i, Interv'yuu. Personalii* [About life and geography with love... Book 2: Selected articles. Interviews. Personalities]. Saint Petersburg – Smolensk: Universum, 2005. 464 p. (In Russian).
22. Shchedrovitskii, G.P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Shk. Kul't. Polit., 1995. 800 p. (In Russian).
23. Estall R. *Geografiya SShA* [A modern geography of the United States]. Moscow: Progress, 1977. 428 p. (In Russian).

Information about the Author

Vitalii Nikolaevich Lazhentsev – RAS Corresponding Member, Doctor of Geography, Chief Research Associate, Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North of the Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru)

Статья поступила 14.09.2017.

Качество государственного управления: критерии оценок в сравнительно-территориальных фреймах

Константин Николаевич

КАЛАШНИКОВ

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: konstantino-84@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — обобщение, систематизация и развитие ряда ключевых теорий и концепций качества государственного управления. Автором систематизированы и критически осмыслены концептуальные основы исследования и оценки эффективности и качества государственного управления. Установлено, что традиционные «функционалистские» подходы, опирающиеся на оценку достигнутых социально значимых результатов или экономической рост, важны, особенно в контексте использования программно-целевого метода управления, но недостаточны. Новизна работы: в отличие от учёных, предлагающих методики оценок, базирующиеся на тривиальных показателях социально-экономического развития регионов, автор обосновывает важность использования в оценке качества государственного управления комплексного подхода, позволяющего учесть не только «результативность», но и качество процедурных механизмов государственного управления (автономность исполнительной власти в выборе механизмов реализации установленных политических целей; уровень прозрачности и объективности механизмов отбора и должностного продвижения, а также профессионализации государственных служащих). Методы исследования — системный анализ и прикладная концептуализация. Как источники базовых критериев качества государственного управления в статье предлагаются три: 1) система критериев модели современного государства М. Вебера; 2) теория беспристрастных государственных институций Б. Ротштейна; 3) концепция внутренней автономии П. Эванса. Практическая значимость статьи состоит в том, что в ней подробно и на примерах из россий-

Для цитирования: Калашников, К.Н. Качество государственного управления: критерии оценок в сравнительно-территориальных фреймах / К.Н. Калашников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 5. — С. 51-65. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.4

For citation: Kalashnikov K.N. Public administration quality: assessment criteria in comparative territorial frames. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 51-65. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.4

ской практики управления показано, что использование теоретически обоснованных критериев оценки качества государственного управления сопряжено с целым комплексом сложных проблем как общеметодологического, так и инструментального характера. Многие из этих проблем на сегодняшний день не решены. В заключительной части статьи автор, обращаясь к реальному опыту регионов, анализирует сложности, встречающиеся в реализации обозначенных концепций в рамках практической оценки качества правительственного управления. Перспективным вектором развития данного научно-исследовательского направления автор называет разработку методического инструментария оценки качества государственного управления на субфедеральном уровне с опорой на обоснованные в настоящей статье методологические критерии, которые в современной практике государственного управления нередко игнорируются.

Ключевые слова: качество государственного управления, вебериянское государство, теория беспристрастных государственных институций, концепция внутренней автономии.

Введение

Проблемы качества и эффективности государственного управления находятся сегодня в центре внимания как органов исполнительной власти, так и исследователей самых различных научных направлений (вопрос о целесообразности разделения управления по сферам, в том числе в государственном и коммерческом секторах, сам по себе интересен, но всё-таки требует отдельного обсуждения)¹. Однако это многообразие исследовательских проектов и публикуемых работ, которые нередко весьма поверхностны и страдают «функционалистским» уклоном, скрывает практически полное отсутствие ценных методических подходов к оценке качества государственных институтов и, что более важно, — игнорирование поиска объективных критериев для этой оценки.

Вместе с тем в русле политической и социологической науки сформировались несколько базовых концепций, использование которых создаёт предпосылки для объективной оценки качества государственного управления как на уровне исполнительной власти территории в целом, так и в рамках отдельных отраслей. Стоит выделить как минимум три самостоятельных и продуктивных направления в оценке качества государственного управления. Во-первых, это процедурная модель М. Вебера, основанная на принципах подбора, ротации и материального вознаграждения кадров государствен-

ной службы, что является одним из важнейших аспектов эффективного управления [2]. Процедурные аспекты получили развитие в теории беспристрастности государственных институций Б. Ротштейна и Й. Тёреля, выдвигающих беспристрастность как самостоятельный критерий качества государственного управления [14; 22]. Нельзя не отметить научный вклад в развитие исследуемой сферы американских учёных П. Эванса и М. Дженсена, уделивших внимание проблемам делегирования полномочий и формирования механизмов эффективной коммуникации в иерархических структурах микро- и макроуровней, что оказалось чрезвычайно востребованным для глубокого осмысления проблем качества государственного управления в современных политических и экономических условиях [15; 16]. Ф. Фукуяма обозначил ключевые и наиболее распространённые ошибки измерений качества государственного управления, среди которых — использование в ряду критериев оценки показателей достигнутого результата и игнорирование в их формировании экзогенных факторов, будь то политический контекст, активность гражданского общества или участие местных сообществ. Разрабатывая альтернативу спорным методическим подходам, он предложил в оценке качества управления опираться на смычку критериев «работоспособность — автономия» [21].

Однако серьёзной методологической проблемой остаётся разрешение противоречий между выделенными теоретическими направлениями, которые, как правило, имеют не принципиальный, а частный характер. В настоящей статье предпринимается попытка обо-

¹ Г. Саймон писал, что различия между правительственным и неправительственным управлением значительно преувеличены и касаются скорее степени, чем существа дела [5].

значить эти противоречия и предложить меры по их нивелированию, что позволит сделать ещё один шаг в направлении формирования оптимальных методологических структур для оценки качества государственного управления. Несмотря на то что применение каждого подхода сопряжено с целым рядом проблем инструментального характера, их подробный анализ не входит в задачи статьи. Её цель — концептуализация сложностей и ограничений применения, прежде всего в пространственных измерениях, методик оценки качества государственного управления, а также попытка обобщить существенные критерии, на которые должны опираться подобные оценки.

Почему развитие институтов «негативной свободы» не может рассматриваться как объективный критерий качества государственного управления

Известно, что современная политическая система должна строиться на трёх главных опорах — сильном государстве, верховенстве закона и демократической справедливости, находящихся в устойчивом системном равновесии [12]. Однако, хотя большинство западных стран успешно достигли этого структурного баланса, многие развивающиеся страны всё ещё демонстрируют различные варианты дихотомии в обозначенных векторах развития. Так, дисбаланс между демократическим развитием и формированием либеральных институтов, описанный Ф. Закарией в работе «Возникновение нелиберальных демократий», состоит в том, что политические лидеры, обладающие доверием народа и достаточной легитимностью, придя к власти или даже будучи неоднократно переизбранными, часто склонны действовать вразрез с конституционными нормами [28]. Ф. Фукуяма, в свою очередь, указывает на примеры расхождения в развитии государственных институтов и того, что можно назвать институтами «ограничения власти» или, обращаясь к терминологии И. Берлина, институтами «негативной свободы» [1; 20]. Примеры диссонанса между становлением современных государственных структур, с одной стороны, и успехами в защите гражданских свобод и демократии — с другой, настолько очевидны, что могут быть обнаружены даже на таких укрупнённых данных,

как оценки Всемирного банка² [17] (см. приложение 1). Они свидетельствуют об отсутствии прочной причинно-следственной связи между тремя обозначенными переменными, а потому демократическое развитие не может рассматриваться в качестве достаточной предпосылки для создания зрелых государственных институтов. Формирование работоспособных бюрократических структур оказывается независимой и значительно более сложной задачей, чем организация и проведение свободных выборов [19].

Вместе с тем концепция качества государственного управления («good governance»), впервые появившаяся в документах Программы развития ООН, в качестве главных критериев «должного» управления, наряду с эффективностью исполнительной власти, понимаемой как некий компромисс между затратами и достигаемым результатом, называет также состояние институтов гражданского общества, демократичности и верховенства закона [24]. С одной стороны, такая постановка проблемы кажется вполне адекватной. Вряд ли можно игнорировать и отрицать те высокие ожидания, которые возлагаются в современном мире на институты гражданского общества в повышении эффективности бюрократических структур, идёт ли речь о борьбе с коррупцией или контроле качества и доступности социальных услуг. С другой стороны, есть ряд причин усомниться в продуктивности подобного широкого подхода к выбору критериев качества государственного управления. Оставляя в стороне девиации, когда гражданские объединения, призванные контролировать правительства, формируются по инициативе самой власти как декоративные и сервильные структуры, а потому не влияют на принятие решений, обратим внимание на ограничения принципиального свойства. Прежде всего, нельзя не отметить, что внешний

² Методика Всемирного банка (авторы — Д. Кауфманн, А. Краай и М. Мастрucci) отличается широтой географического представительства и возможностью динамических сопоставлений (имеются данные по устоявшейся методике с 1996 г.). Инструментарий Всемирного банка позволяет выявлять ценные факты и закономерности. Помимо фиксации общей международной картины по основным составляющим оценки качества государственного управления представляет интерес изучение изменения ситуации за широкие временные периоды и в связке показателей.

контроль, каким бы он ни был, сам по себе не способен создавать эффективные институты и механизмы исполнительной власти «с нуля». Напротив, критически необходим базовый уровень качества государственных институтов, который существует как самостоятельная «константа» и не зависит от внешних влияний [20]. Кроме того, контроль должен быть умеренным, а бюрократические структуры должны обладать достаточной степенью автономии и независимости от переменчивой политической конъюнктуры и колебаний общественного мнения. Именно на идее о соблюдении баланса между автономией в принятии решений и контролем результатов основана концепция внутренней автономии П. Эванса [15]. Органам исполнительной власти стоит поддерживать критический взгляд со стороны общества, однако это внимание, во-первых, ещё не гарантирует практических успехов и, во-вторых, при нарушении оптимальных границ может породить такие формы политической коррупции, как клиентелизм. Следовательно, для объективной оценки качества управления принципиально важно отделение деятельности органов исполнительной власти и её аппарата от развития институтов демократической справедливости и главенства права [21].

Таким образом, осознавая роль институтов «негативной свободы» в повышении качества государственных структур и обеспечении прозрачности процесса принятия решений, мы всё же не должны ни преувеличивать их значения в росте качества государственного управления, ни тем более включать их в систему его оценки.

Почему качество государственного управления должно анализироваться независимо от политического контекста

Оценка качества государственного управления связана и с необходимостью разделения политики и собственно управления. Если первая — это деятельность государства в сфере всеобщих и глобальных вопросов, то вторая — его действия в сфере реализации конкретных мер. Чтобы объективно оценить качество исполнительной власти, мы должны устранить из области оценки параметры политических предпочтений. Такие выдающиеся исследователи и государственные деятели, как Й. Блунчли, М. Вебер и В. Вильсон, не раз подчёркивали

принципиальную важность этого разграничения: управление может быть плохим или хорошим независимо от политического контекста³ [13; 23; 26]. Немецкий социолог М. Вебер в известной лекции «Политика как призвание» разделяет, условно говоря, политического вождя (харизматика) и бесстрастного служащего канцелярии [23]. Аналогичную позицию выражает и В. Вильсон в эссе «Наука государственного управления», говоря, что сфера государственного управления является частью политической жизни лишь в той мере, в какой машина составляет неотъемлемую часть производственного процесса. «Если я вижу убийцу, по-особому натачивающего свой нож, — пишет В. Вильсон, — я могу позаимствовать у него способ заточки ножа, но не его намерение совершить преступление. Точно так же, если я вижу закоренелого монархиста, который является хорошим руководителем государственного учреждения, я могу перенять его методы ведения дел, при этом не изменяя своим республиканским убеждениям» [26]. Возникшая веком позже теория беспристрастных государственных институций, по сути, основана на той же мысли о дихотомичности демократической системы, которая имеет две стороны, управляемые противоположными нормами: ангажированностью представительного процесса и беспристрастностью — исполнительного [22]. Поддерживая это теоретическое основание, Ф. Фукуяма принимает его в качестве исходной предпосылки для описания общих черт методологической базы оценки правительства. В качестве существенного признака государственного управления он вводит момент игнорирования характера (демократическая она или авторитарная) действующей в стране власти [21]. Именно в этом нюансе, как нам представляется, заключается смысл парадоксальных и широко распространённых в политической публицистике пассажей о том, что в некоторых странах с авторитарной формой правления жить совсем не хуже,

³ Известная фраза И.В. Прангишвили «Нет бедных и богатых стран, есть плохое и хорошее управление» в афористичной форме показывает, что качество управления имеет самостоятельную ценность не только вне политического, но и экономического контекста. Качество государства, таким образом, представляет собой некое соотношение между ресурсными возможностями и достигаемыми результатами.

чем в либеральных демократиях. Странную и возмутительную путаницу между понятиями «государство» и «демократия» можно увидеть и в критике «цветных» революций, в том числе и со стороны их участников, позднее разочаровавшихся в том, что демократические «перевороты» не обеспечили роста благосостояния. В действительности решение таких насущных и рутинных проблем, как снабжение населённых пунктов питьевой водой, обеспечение жителей услугами образования и здравоохранения, борьба с безработицей и бедностью, — это задачи государственных, а вовсе не демократических институтов [10; 19].

Российские учёные В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян и другие в книге «Качество и успешность государственных политик и управления» также подчёркивают свою приверженность обозначенному принципу двойственности. Предлагаемый ими подход к оценке качества государственного управления основан на сопоставлении результатов управленческой деятельности и публично заявленных целей. Впрочем, критикуя альтернативные методики за их подверженность влиянию фактора политических предпочтений, авторы всё же обращаются к методу экспертных опросов, который, как известно, сам не лишён субъективизма [6].

Стирание политических полутонов порождает целый ряд проблем интерпретации. Действительно, если мы берёмся измерять качество управления, игнорируя политические аспекты, нам придётся беспристрастно оценивать (вероятно, эти оценки могут быть и высоки) работу министерства обороны США при вторжении в Ирак или операцию по «возвращению Крыма» Россией. Если мы соглашаемся с этим принципом, то фактически получаем трезвый аргумент и в пользу анализа советского управления с позиций поиска «лучших практик», или, подойдя к проблеме с противоположной стороны, мы уже не можем объяснить любой провал советского правительства порочностью самой социалистической идеи. Номенклатурный принцип государственной кадровой политики, существовавший в советские годы, по определению предполагал наполнение «аппарата» политическими назначенцами, однако далеко не всегда оно было произвольным, про-

фессиональные качества «соискателей» также принимались во внимание. Однако можем ли мы высоко оценить работу исполнительной власти, которая самоотверженно исполняет противоречивые, абсурдные и «уничтожительные» для самой представительной власти директивы? Не противоречит ли это процедурным требованиям?

Разделение между политикой и управлением сопряжено и с трудностями чисто инструментального характера. Например, легко дать общие конституционные гарантии предоставления бесплатных социальных услуг, но реализовать их на практике — чрезвычайно сложно. Например, оценивая результаты деятельности министерств, мы столкнёмся с необходимостью разобраться, где начинаются и где заканчиваются объективные возможности высшего структурного подразделения повлиять на ситуацию, а где открывается поле для диалога между гражданским обществом и законодательными органами власти с бесконечно ускользающим горизонтом консенсуса. Действительно, можно назвать множество примеров, когда стрелы критики справедливее направить не на орган исполнительной власти, а на гражданское общество, недостаточно активно отстаивающее интересы населения, скажем, при распределении бюджетных средств. Что, если не отсутствие политической традиции в достижении консенсуса между гражданским обществом и органами власти, прежде всего законодательной, в формировании желаемых параметров и ориентиров развития системы здравоохранения в России, привело к образованию её эклектичной и внутренне противоречивой формы?

Какие критерии могут быть положены в основу оценок качества государственного управления

Пожалуй, самым востребованным подходом к измерению качества государственного управления является оценка социального эффекта. С этих позиций оценить качество управления означает ответить на вопрос: насколько государство выполняет свои базовые функции, обеспечивая доступ населения к общенациональным (например, обороноспособность) и локальным (дорожно-транспортная инфраструктура, питьевая вода и др.) общественным благам. Общественные блага приносят пользу на ограничен-

ной территории, а потому могут лечь в основу региональных исследований эффективности органов исполнительной власти.

Напомним, что эксперты Всемирного банка выделяют три вида функций государства по степени сложности: минимальные, средней степени сложности и функции активного вмешательства. Минимальные функции, являющиеся базовыми, формируют основы государства: это оборона, обеспечение внутреннего порядка, защита прав собственности. По мере того как государство успешно решает перечень минимальных задач, оно может претендовать на выполнение и более «энергичных» функций [27].

Таким образом, разрабатывая проблему качества государственного управления в данной территории, мы должны соотносить степень реализации функций государства и его возможности. При этом гарантируемое государством предоставление гражданам всего спектра услуг может расцениваться и как недостаток управления, и как достижение в зависимости от того, насколько успешно эти гарантии исполняются. Более того, предоставление базовых социальных услуг населению может курироваться различными уровнями иерархических структур, в том числе дифференцируемыми по административно-территориальному принципу (органы власти государственного, регионального и муниципального уровней), что вносит существенные сложности в оценку, в том числе по причине отсутствия подобного массива данных. Чаще всего исследователи вынуждены ограничиваться тем немногим, что предоставляют официальная статистика и экспертные отчёты. Но насколько показатели валидны — отражают ли они реальную ситуацию в выбранном аспекте и с позиций управления?

Традиционно эта проблема решается использованием показателей, теоретически определяющих широкий социальный результат (в образовании им может стать уровень грамотности, в здравоохранении — уровень заболеваемости и смертности населения). Например, методика оценки эффективности систем здравоохранения субъектов РФ, разработанная специалистами Высшей школы организации и управления здравоохранением РФ под руководством Г.Э. Улумбековой, основана на показателях государственного финансирования здра-

воохранения и ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) населения в регионах, принятой в качестве результата. Однако продолжительность жизни определяется комплексом факторов, среди которых усилия органов власти занимают лишь одно из мест. При всех положительных сторонах данной методики она не позволяет разделить усилия органов исполнительной власти и влияние среды. По той же причине рост ОПЖ, который отмечается в России, преподносится Министерством здравоохранения РФ как показатель эффективности здравоохранения. Действительно, за период 2000—2015 гг. ОПЖ в России увеличилась на 5,5 года. Вместе с тем положительная динамика показателя ОПЖ — это естественный глобальный процесс, охватывающий практически все страны мира. За тот же период этот показатель увеличился и в развитых странах (в США — на 3,8 года), и в странах со средним и низким уровнем экономического развития: в Румынии и Беларуси — на 4,3, Украине — на 3,8, а в Таджикистане — на 6 лет. Наконец, вклад, который внесла в рост ОПЖ деятельность отраслевых органов исполнительной власти, медицинских служб и т.д., сложно оценить, особенно в части того, насколько она была достаточной по сравнению с желаемым или потенциально возможным вариантом⁴. Таким образом, оценка качества государственного управления на основе итоговых результатов деятельности обладает принципиальными и непреодолимыми ограничениями.

Теоретически подобную проблему можно решить эконометрическими методами, например оценить на основе корреляционно-регрессионного анализа степень влияния на результаты комплекса экзогенных факторов и разработать соответствующие поправочные коэффициенты, однако это существенно снизит надёжность и функциональность методики оценки в контексте практического управления. Эксперты отмечают, что социальный резуль-

⁴ Имеются и другие ограничения подобных оценок. Например, В.И. Клисторин отмечает опасность несоответствия между тем, какие показатели привлекаются для оценки эффективности органов власти регионального и муниципального уровня в России, и их реальными возможностями повлиять на ситуацию, что обусловлено как существующим режимом межрегионального взаимодействия, так и активным участием в региональной политике субъектов федерального уровня власти [7].

тат правильнее рассматривать не как самостоятельный критерий качества управления, а как переменную, зависимую от некоего критерия работоспособности государства, формируемого на основе более надёжной и теоретически обоснованной базы [21].

Опросы населения, составляя альтернативу статистическим показателям, могут быть взяты за основу оценки работы органов исполнительной власти, но они являются лишь косвенными критериями качества управления, а потому с трудом интерпретируются. Мнение граждан важно, но оно не всегда квалифицировано. Например, создание стабилизационных фондов за счёт средств от сырьевого экспорта в условиях нестабильности сырьевых цен и сохранение базового уровня бюджетных расходов – это разумная задача, но с этим вряд ли согласятся граждане страны [4].

Возникает необходимость оценить систему управления, сложившуюся в стране, отрасли, отдельной организации, не с позиций оценки результатов её работы, а с точки зрения оценки качества институтов как таковых. Существуют переменные, отражающие качество государства в процедурном аспекте. Мы имеем их в виду, когда говорим об эффективных современных государственных институтах, сложившихся в постиндустриальных странах (признанные образцы – Дания, Швеция и Сингапур), причём под эффективностью мы интуитивно понимаем не только социальное благополучие, но и исключительно качественные аспекты (в том числе отсутствие коррупции). Классическая попытка определить государственное управление в процедурном поле принадлежит М. Веберу. Он же сформулировал и ряд критериев современной бюрократии (сегодня именуемой «веберийской»). Чиновники (бюрократы) обладают личной свободой и подчиняются власти только в установленных вопросах, организованы в выраженную иерархическую структуру канцелярий с определёнными сферами компетенции. Бюрократы принимаются на работу на договорной основе и в строгом соответствии с их технической квалификацией, а их продвижение по служебной лестнице определяется личными профессиональными заслугами [2].

Комплементарной концепции «веберийского» государства стала теория беспристраст-

ности государственных институтов. Беспристрастность, рассматриваемая Б. Ротштейном как критерий качества исполнительной власти, – это свойство управления, в соответствии с которым государственные служащие, реализуя законы и политику, не должны принимать во внимание ничего о гражданине или случае, кроме того, что заранее предусмотрено законом или политикой [22]. Этот принцип распространяется и на оказание социальных услуг, и «вербовку» чиновников для государственной службы, и ротацию кадров, которая должна основываться на объективной оценке заслуг и квалификации, а не личных корыстных мотивах и симпатиях. Принцип беспристрастности имеет важные преимущества. Во-первых, объединяет три главные характеристики современного государственного управления: независимость чиновников от принципалов и их политических предпочтений, процедурная зрелость и исключение из процесса оказания социальных услуг дискриминационных моментов. Вместе с тем, как справедливо отмечают критики, сам факт беспристрастности ещё не решает проблему качества социальных услуг, если связь между этими переменными не доказана [21].

На первый взгляд может сложиться впечатление, что идеальная веберийская бюрократия уже содержит в себе критерий профессионализации государственных служащих. Отчасти это действительно так: учёт квалификации и личных заслуг чиновника действительно встроен в модель Вебера. Однако знакомство с концепцией внутренней автономии П. Эванса и некоторыми вытекающими из её трактовки идеями Ф. Фукуямы склоняет нас к выводу, что ряд других её элементов вступают в конфликт с важными современными представлениями о квалификации госслужащих. Например, строгая дисциплина и контроль противоречат идее бюрократической автономности, в соответствии с которой чиновники исполнительной власти не просто слепо исполняют приказы принципалов, но и действуют в рамках своих компетенций, самостоятельно ставя цели и задачи развития, не говоря уже о свободном выборе инструментов для их достижения.

Уровень образования и профессионализации государственных служащих – вещи ещё более неуловимые для формализованного ана-

лиза и измерения. Так, сегодня мы являемся свидетелями того, как в России распространяются практики профессионального обучения чиновников (в рамках и высшего, и дополнительного профессионального образования). Но может ли сам факт этого свидетельствовать о движении в нужном направлении? В отличие от естественнонаучных дисциплин, менеджмент, маркетинг и административное управление представляют собой питательную среду для произвола мнений, непрофессионализма. Они никогда не будут говорить на языке теорем, однако ошибки управления здесь не менее опасны.

Есть основания утверждать, что на уровне теоретических знаний и установок среди российских чиновников имеется адекватное понимание необходимости повышения качества государственного управления. Доказательство тому – Государственная программа «Совершенствование государственного управления в Вологодской области на 2013 – 2018 годы», где сформулированы верные критерии качества: наличие конкурсных процедур как условия поступления на госслужбу, продуманные системы повышения квалификации и оплаты труда с учётом результатов деятельности и пр. Однако показатели, по которым оценивается движение к теоретически верным ориентирам, слишком формальны. Оживление нормотворческой работы в сфере государственной службы ещё не является свидетельством повышения качества управления: нормативно правовые акты могут быть сомнительными и взаимно противоречивыми. Повышение квалификации государственных служащих может сводиться к посещению плановых рутинных мероприятий, например семинаров или лекций (*см. приложение 2*). Оценить их качество – нереализуемая задача. Наконец, даже сам факт того, что отбор и ротация кадров для государственной службы осуществляется в соответствии со строгими формализованными процедурами, никак не исключает возможности влияния на результат личных предпочтений.

Опираясь в оценке качества управления на процедурный критерий, мы должны учесть как минимум три обстоятельства. Во-первых, отсутствие его непосредственной связи с качеством государственных и социальных услуг.

Мы соглашаемся с тем, что отбирать служащих для работы в структурах власти следует по объективным критериям, а не на основе кумовства и политических предпочтений. Однако исполнение этого принципа само по себе не гарантирует того, что выбранные работники будут выполнять свою работу качественно и чутко реагировать на запросы потребителей [3]. Во-вторых, стандартный организационный алгоритм для решения проблем социальных услуг «потребность как проблема, поставка как решение, государственная служба как инструмент» на сегодняшний день не является достаточным. Механизмы обеспечения социальных услуг требуют более пластичного подхода к разделению обязательств в поставках и контроле качества услуг [25]. Наконец, в-третьих, условие тотальной подотчётности чиновников, сформулированное М. Вебером, в современных реалиях уже не бесспорно. Хотя ни одна бюрократическая система не может осуществлять собственное целеполагание вне зависимости от того, демократическим или авторитарным является режим, но рамки распоряжений и их детальность могут сильно варьироваться. Современные условия требуют передачи свободы принятия решений на всё более низкий уровень управленческой иерархии, при этом важнейшие из них принимаются не принципалом, а агентом, который владеет максимумом оперативной информации и может действовать исходя из стремительно меняющихся обстоятельств. Автономность в современных бюрократических структурах выступает важным условием качества управления и достижения высоких результатов. Вместе с тем она не может претендовать на самостоятельный критерий качества управления по причине того, что имеет колеблющиеся границы. Сложно однозначно сказать, каким «камнем» должен быть порождён тот или иной концентрический круг решений. Более того, высокий уровень независимости в принятии решений в условиях информационной асимметрии может привести к негативным последствиям, если агент не обладает достаточной квалификацией или мотивацией к работе [16]. Разумным решением этой дилеммы является исследование и оценка работоспособности и автономности бюрократических структур в единой связке: высокая работоспособность может

оправдывать широкую автономию и, наоборот, низкая работоспособность требует использования инструментов жёсткого надзора. По этой причине самый важный аспект в оценке качества государственного управления – определить, в какой степени достигнут баланс между делегированием полномочий и обеспечением системы контроля в контексте государственной структуры с данным уровнем работоспособности. Однако что понимать под работоспособностью структуры? В желаемом варианте она должна объединять и процедурную, и функциональную составляющие, сохраняя при этом отраслевую спецификацию (в каждой отдельно взятой отрасли или сфере элементы работоспособности могут различаться). В зависимости от этой специфики работоспособность может отражать способность региональных органов исполнительной власти аккумулировать ресурсы, следить за соблюдением стандартов качества и доступности услуг, грамотно осуществлять целеполагание, поддерживать уровень квалификации и мотивации государственных служащих и работников подведомственных организаций.

Заключение

Представленную статью следует расценивать и как продолжение начатой рядом исследователей дискуссии о выборе объективных критериев качества государственного управления, и как попытку заострить внимание на практических аспектах измерений эффективности органов исполнительной власти. Затронутые автором концептуальные и инструментальные проблемы оценки качества государственного управления заслуживают большего внимания, чем в действительности получают.

На сегодняшний день актуальной задачей остаётся поиск оптимальных моделей оценки качества государственного управления, но опирающихся на критерии, описанные в данной статье. В то же время ни один из них не может претендовать на полноту и универсальность. Так, показатели социально-экономического развития территорий, традиционно используемые для измерений результата деятельности органов исполнительной власти, не должны восприниматься как единственная и достаточная основа для оценки качества государственного

управления. Показатели социального эффекта целесообразнее рассматривать не как самостоятельные критерии качества, а как переменные, обусловленные работоспособностью органов власти. При этом важно оценивать степень достижения баланса между автономией и субординацией применительно к измеряемому уровню работоспособности бюрократической структуры. Объективная оценка качества управления должна учитывать и процедурный критерий, включающий прозрачность и рациональность процедур подбора, продвижения и материального вознаграждения персонала. Однако веберовский критерий теряет свою ценность без сопутствующего изучения социальной дееспособности (то есть достигаются ли и удовлетворяются ли нужды населения), а также гибкости административных структур, когда низшим уровням иерархии предоставляется достаточно полномочий действовать оперативно и исходя из местных условий.

Оценка качества государственного управления не может быть абсолютной. Проводя её, мы всегда будем иметь дело с более или менее доступными показателями, которые в той или иной мере, чаще с оговорками, чем без них, будут характеризовать работоспособность органов исполнительной власти в территориальных срезах (страны, регионы, муниципалитеты). В любом случае анализ будет опираться на сравнительный региональный контекст. В варианте «укрупнённого» подхода, впрочем, есть опасность встретиться с проблемой неравномерности развития государственных институтов – как территориальной, так и отраслевой. Даже в рамках одной страны ситуация с качеством управления может существенно различаться как от отрасли к отрасли, так и от высшего уровня власти к местному. Важно помнить, что общий негативный контекст может скрывать удачные и заслуживающие внимания прецеденты управления. Достойную альтернативу формализованным оценкам качества государственного управления составляет глубокий анализ практического опыта, хотя он и имеет ограничения в плане формирования рекомендаций и построения прогнозов, так как уместность положительного прецедента управления в новых условиях зависит от ряда сложно контролируемых факторов.

Качество государственного управления в оценках Всемирного банка: примеры дихотомичного развития стран на постсоветском пространстве

В качестве иллюстрации рассмотрим, какие изменения произошли в смычке «учёт мнения населения и подотчётность государственных органов / эффективность работы правительства» за весь период измерений Всемирного банка, хронологически совпадающий с постсоциалистическими трансформациями. Наибольшего успеха в построении современного государства добились Прибалтийские страны; определённые позитивные сдвиги удалось совершить Армении, Грузии, Украине и в некоторой степени – Таджикистану. В этих странах за период от первого и последнего замера показателей произошли положительные изменения по обоим направлениям развития (табл. 1).

Таблица 1. Типологическая матрица: «учёт мнения населения и подотчётность государственных органов / эффективность работы правительства»

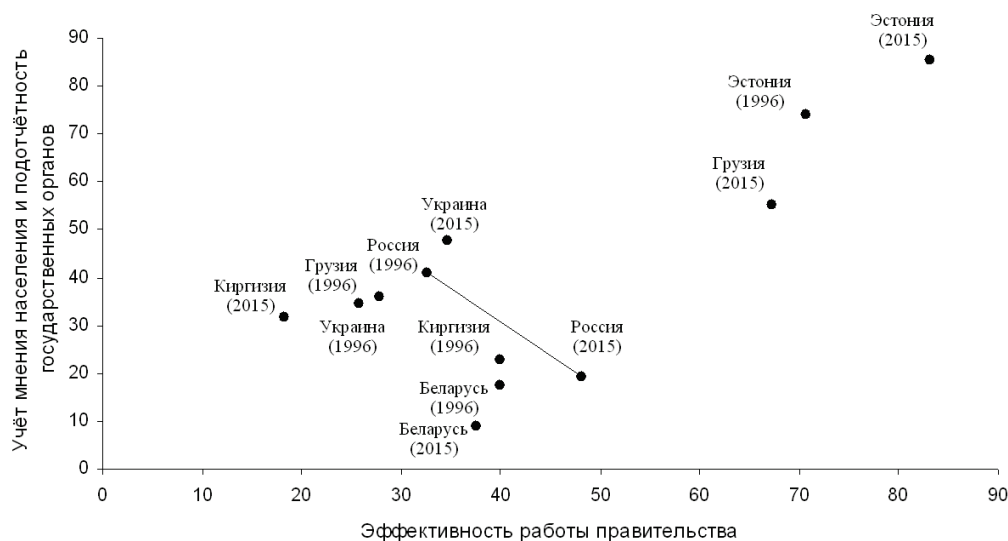
		Эффективность работы правительства	
		Рост	Снижение
Учёт мнения населения и подотчётность государственных органов	Рост	Армения, Эстония, Грузия, Латвия, Литва, Таджикистан, Украина	Киргизия
	Снижение	Азербайджан, Казахстан, Россия, Туркмения, Узбекистан	Беларусь, Молдова

Источник: составлено по данным Всемирного банка.

В Киргизии произошло улучшение ситуации в формировании коммуникаций власти и гражданского общества, тогда как эффективность работы правительства снизилась. Обратная ситуация отмечается в Азербайджане, Казахстане, России, Туркмении и Узбекистане, которые за анализируемый период сумели добиться большей эффективности деятельности правительства, однако заметного движения вперёд в построении обратной связи с обществом и в подотчётности органов власти этим странам не удалось осуществить. Наиболее неблагоприятные изменения произошли в Беларуси и Молдове, позиции которых в обоих рейтингах снизились (рисунок).

В период постсоветской истории (срок измерений – с 1996 по 2015 г.) бывшие социалистические республики демонстрируют противоречивые результаты в развитии государственных институтов. Вместе с тем в ряде стран (Эстония, Латвия, Литва, Грузия) эволюция государственных институтов (эффективность правительства, верховенство закона, учёт мнения населения) идёт ровно по всем направлениям развития или, напротив, наблюдается упадок по большинству аспектов (например, Киргизия и Молдова); в других странах развитие идёт дихотомично. Особенно парадоксальная ситуация отмечается в Беларуси, где за указанный период произошёл рост показателя контроля коррупции, политической

Учёт мнения населения и подотчётность госорганов / эффективность работы правительств постсоветских стран (1996 и 2015 гг.)

Источник: составлено по данным Всемирного банка.

Таблица 2. Типологическая матрица: «верховенство закона / эффективность работы правительства»

		Верховенство закона	
		Рост	Снижение
Контроль коррупции	Рост	Армения, Азербайджан, Эстония, Грузия, Казахстан, Латвия, Литва, Россия, Таджикистан, Украина	Беларусь
	Снижение	–	Киргизия, Молдова, Туркмения, Узбекистан

Источник: составлено по данным Всемирного банка.

стабильности, при этом снизились параметры верховенства закона и эффективности правительства (табл. 2).

Случай Беларуси показывает, что можно добиваться относительного успеха в борьбе с коррупцией без роста уверенности различных субъектов в установленных законодательных нормах и их соблюдении, однако обеспечение этой уверенности само по себе способствует очищению государственной власти. В целом же требуется гармонизация развития государственных и политических институтов, успехов в движении по одному из векторов развития недостаточно.

Приложение 2

Формальные показатели профессионализации государственных служащих в РФ

Даже на основе простого набора формальных показателей можно заключить, что движение в сторону современных и эффективных государственных институтов в субъектах РФ идёт неравномерно.

Максимум, что мы можем взять из статистики, это уровень квалификации государственных служащих, а точнее – интенсивность и широта охвата дополнительным профессиональным образованием.

Таблица 3. Обучение работников государственной гражданской службы РФ по программам дополнительного профессионального образования по федеральным округам в 2014 г.

Федеральный округ	Получили дополнительное профессиональное образование, всего, человек	В том числе		Всего обучено, в % от численности работников государственных органов по соответствующему субъекту
		прошли профессиональную переподготовку	повысили квалификацию	
Российская Федерация	176245	3048	173137	22,9
Центральный	48416	649	47750	25,2
Северо-Западный	21129	401	20726	23,7
Южный	13618	316	13298	20,2
Северо-Кавказский	8134	231	7894	17,7
Приволжский	31375	470	30890	22,1
Уральский	14996	281	14710	24,0
Дальневосточный	12117	245	11869	23,2
Крымский	3326	21	3305	44,5

Источник: Росстат, 2015.

Таблица 4. Наиболее успешные и отстающие регионы РФ по показателям обучения работников государственной гражданской службы РФ по программам дополнительного профессионального образования в 2014 г., в %

10 регионов с максимальными значениями показателей	%	10 регионов с минимальными значениями показателей	%
г. Севастополь	54,4	Карачаево-Черкесская Республика	18,4
Республика Крым	43,2	Республика Адыгея	18,3
г. Москва	32,4	Пермский край	18,3
Республика Бурятия	27,5	Алтайский край	17,7
Республика Марий Эл	27,1	Чеченская Республика	17,4
Тверская область	26,9	Саратовская область	17,2
Республика Мордовия	26,2	Краснодарский край	16,8
Республика Саха (Якутия)	26,2	Кемеровская область	16
Чувашская Республика	26,1	Республика Дагестан	14,6
Липецкая область	25,8	Республика Ингушетия	13,9

В среднем по России: 22,9. Справочно по Вологодской области: 22,1
 Источник: Росстат, 2015.

Так, в 2014 г., согласно данным Росстата, 23% от численности российских государственных служащих прошли обучение по программам дополнительного профессионального образования. Доля лиц, прошедших профессиональную переподготовку, не превысила 2% в общей численности обученных. Вместе с тем отмечается заметный разброс в значениях доли обученных в разрезе федеральных округов. Максимальное значение показателя зафиксировано в Крымском ФО (здесь 44% госслужащих прошли соответствующее обучение), минимальное – в Северо-Кавказском ФО, где лишь 18% чиновников получили дополнительное образование в форме профессиональной переподготовки или повышения квалификации. Однако прочие макрорегионы имеют близкие значения анализируемого показателя, варьирующиеся в диапазоне 20–25% (табл. 3).

Кроме того, имеется дифференциация и в значениях доли обученных в разрезе субъектов РФ: от максимальных в г. Севастополе (54%), Республике Крым (43%), г. Москве (32%), Республике Бурятия (28%), Республике Марий Эл (27%) и Тверской области (27%) до минимальных в Саратовской области (17%), Краснодарском крае (17%), Кемеровской области (16%), республиках Дагестан (15%) и Ингушетия (14%) (табл. 4).

Мы видим, что эти данные любопытны, однако всё же мало что дают для понимания различий (высока вероятность, что эти различия имеются) в качестве государственных институтов. В действительности мы нуждаемся в качественной информации о распространённости коррупции, в том числе по отдельным отраслям, степени выполнения принципов меритократии и отбора служащих по оценке их личных заслуг и т.д.

Литература

1. Берлин, И. *Философия свободы. Европа* / И. Берлин; предисл. А. Эткинды. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 448 с.
2. Вебер, М. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии* : в 4 т. / М. Вебер [пер. с нем.] ; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
3. Ворошилов, Н.В. Эффективность муниципального управления: сущность и подходы к оценке / Н.В. Ворошилов // *Проблемы развития территории*. – 2015. – № 3. – С. 143-159.
4. Гайдар, Е.Т. *Гибель империи. Уроки для современной России* [Текст] / Е.Т. Гайдар. – М.: Corpus, 2013. – 592 с.
5. Ильин, В.А. *Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия-2020: проблемы реализации* / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 188 с.
6. *Качество и успешность государственных политик и управления. Серия «Политическая аксиология»*. – М.: Научный эксперт, 2012. – 496 с.
7. Клисторин, В.В. Федеративные отношения, региональная политика и проблема деформации экономического пространства России / В.В. Клисторин // *Регион: экономика и социология*. – 2013. – № 3 (79). – С. 79-95.
8. Саймон, Г. *Менеджмент в организациях* / Г. Саймон, Д. Смитбург, В. Томпсон. – М.: РАГС «Экономика», 1995. – 342 с.
9. Фуко, М. *Рождение биополитики. Цикл лекций* [Электронный ресурс] / М. Фуко // Информационно-аналитический портал «Гуманитарные технологии». – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/doc/6709>
10. Фукуяма, Ф. *Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке* / Ф. Фукуяма. – М.: Аст: Хранитель, 2006. – 542 с.
11. *Эффективность государственного управления в оценках населения. Мониторинг социально-экономического положения муниципальных районов Вологодской области в 2000–2013 гг.* – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014.
12. A Conversation with Francis Fukuyama. John B. Hurford Memorial Lecture.: Council on foreign relations [Electronic resource]. – Available at : <https://www.cfr.org/event/conversation-francis-fukuyama>
13. Bluntschli, J.K. *The Theory of the State*. Kitchener [Text] / J.K. Bluntschli, 2000. – Pp. 491.
14. Dahlberg, S. *Качество правительства Основной Набор данных* / S. Dahlberg, S. Holmberg, B. Rothstein, A. Khomenko, R. Svensson. Университет Гетеборга: Качество правительственного Института, 2016. [Electronic resource]. – Available at: <http://www.qog.pol.gu.se> doi:10.18157/QoGBasJan16

15. Evans, P. Embedded autonomy: states and industrial transformation [Text] / Peter Evans. Princeton University Press, 1995. — 325.
16. Jensen, M., Meckling, W. Theory of the Firm. Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. 1976. Vol. 3. No. 4. P. 305-360.
17. Kaufmann, D. Governance Matters III: Governance Indicators for 1996-2002 [Text] / D. Kaufmann, A. Kraay, M. Mastruzzi // The World Bank Policy Research Working Paper 3106, 2004.
18. Varrach, A. Corruption: an umbrella concept [Text] // QoG Working Paper Series 2014:05.
19. Fukuyama, F. The Strange Absence of the State in Political Science [Electronic resource] / F. Fukuyama // The American Interest, 2012. — Available at: <https://www.the-american-interest.com/2012/10/02/the-strange-absence-of-the-state-in-political-science/>
20. Fukuyama, F. Democracy and Corruption [Electronic resource] / F. Fukuyama // The American Interest, 2012. — Available at : <https://www.the-american-interest.com/2012/10/05/democracy-and-corruption/>
21. Fukuyama, F. What Is Governance? CGD Working Paper 314. Washington, DC? 2013 [Electronic resource]. — Available at : Center for Global Development. — Режим доступа : <http://www.cgdev.org/content/publications/detail/1426906>
22. Rothstein, B. What is Quality of Government? A Theory of Impartial Political Institutions [Text] / B. Rothstein, J. Teorell // QOG Working paper series, 2005:6.
23. Weber, M. Politics as a Vocation [Text] / M. Weber // The Vocation Lectures, d. David Owen and Tracy B. Strong, trans. Rodney Livingstone. Indianapolis: Hackett Company, 2004. — P. 32.
24. What is Good Governance? United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific [Electronic resource]. — Available at: <http://www.unescap.org/sites/default/files/good-governance.pdf>
25. Woolcock, M. Solutions When the Solution is the Problem: Arraying the Disarray in Development [Text] / M. Woolcock, L. Pritchett, Lant. — Washington, DC: Center for Global Development Paper 10, 2002.
26. Wilson, W. The Study of Administration [Electronic resource] / W. Wilson // Political Science Quarterly 2(2), 1887. — Pp. 197-222. — Available at: http://www.commentary.com/admin_thoughts_1887.pdf
27. World Bank. 1997. World Development Report 1997 : The State in a Changing World. New York: Oxford University Press [Electronic resource]. — Available at : <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5980>
28. Zakaria, F. The Rise of Illiberal Democracy // Foreign Affairs, 1997. — Pp. 22-43.

Сведения об авторе

Константин Николаевич Калашников — кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр РАН (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: konstantino-84@mail.ru)

Kalashnikov K.N.

Public Administration Quality: Assessment Criteria in Comparative Territorial Frames

Abstract. The purpose of the article is to generalize, systematize and develop a number of key theories and concepts of public administration efficiency and quality. The author classifies and criticizes the conceptual framework of the study and evaluates the efficiency and quality of public administration. It has been found out that the traditional “functionalist” approaches based on assessment of the achieved socially significant results or economic growth are important, especially in the context of using the program-target method of administration, yet insufficient. The novelty of the research is that in contrast to the authors proposing assessments based on trivial indicators of regions’ socio-economic development, the author substantiates the importance of using the complex approach in assessing the effectiveness/quality of public administration, which helps consider not only the “effectiveness”, but also the quality of procedural mechanisms of public administration (autonomy of the executive power in choosing

mechanisms of the implementation of identified policy goals; level of transparency and objectivity of mechanisms of selection and job promotion, professionalization of government employees). The research methods include system analysis and applied conceptualization. The article considers the following three sources of basic criteria of the quality of public administration: 1) the system of criteria of M. Weber's modern state model; 2) B. Rothstein's theory of impartial political institutions 3) P. Evans' concept of embedded autonomy. The practical significance of the article is that it shows in detail and with examples of the Russian management practice that the use of theory-based criteria for assessing the quality of public administration is accompanied by a set of complex problems, both methodological and instrumental. Many of these problems have not been solved yet. In the final part of the article, the author, referring to the current experience of regions, analyzes the difficulties of implementing the outlined concepts in the framework of practical assessment of public administration quality and efficiency. The author considers that a promising area for the development of this research is the development of methodological tools for assessing the quality of public administration at the sub-federal level, based on methodological criteria which are ignored in the modern practice of public administration.

Key words: public administration efficiency and quality, criteria, Weberian state, theory of impartial political institutions, concept of embedded autonomy.

References

1. Berlin I. *Filosofiya svobody. Evropa* [The philosophy of freedom. Vol.2: Europe]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 448 p. (In Russian).
2. Ionin L.G. (Ed.). Weber M. *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii* [Economy and society]. In 4 volumes. Translated from German. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2016. (In Russian).
3. Voroshilov N.V. Effektivnost' munitsipal'nogo upravleniya: sushchnost' i podkhody k otsenke [Effectiveness of municipal administration: the essence and approaches to its evaluation]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2015, no. 3, pp. 143-159.
4. Gaidar E.T. *Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoi Rossii* [The collapse of the empire. Lessons for modern Russia]. Moscow: Corpus, 2013. 592 p. (In Russian).
5. Ilyin V.A., Povarova A.I. *Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya. Tendentsii rynochnykh transformatsii. Krizis byudzhethnoi sistemy. Rol' chastnogo kapitala. Strategiya—2020: problemy realizatsii* [Issues of public administration efficiency. Trends of market transformations. The crisis of the budget system. The role of private capital. Strategy—2020: problems of implementation]. 188 s. (In Russian).
6. Kachestvo i uspehnost' gosudarstvennykh politik i upravleniya. Seriya "Politicheskaya aksiologiya" [Quality and efficiency of public policies and administration. Series "Political axiology"]. Moscow: Nauchnyi ekspert, 2012. 496 p.
7. Klitorin V.V. Federativnye otnosheniya, regional'naya politika i problema deformatsii ekonomicheskogo prostranstva Rossii [The Russian federative relations, regional policy, and deformed economic space]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: economics and sociology], 2013, no. 3 (79), pp. 79-95.
8. Simon G., Smithburg D., Thompson V. *Menedzhment v organizatsiyakh* [Public administration]. Moscow: RAGS "Ekonomika", 1995. 342 p. (In Russian).
9. Foucault M. Rozhdenie biopolitiki. Tsikl leksii [The birth of biopolitics. Series of lectures]. *Informatsionno-analiticheskii portal "Gumanitarnye tekhnologii"* [Information-analytical portal "Humanitarian technology"]. Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/doc/6709>. (In Russian).
10. Fukuyama F. *Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoi poryadok v XXI veke* [State-building: governance and world order in the 21st century]. Moscow: Ast: ACT Moskva: Khranitel'. 2006. 542 p. (In Russian).
11. *Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya v otsenkakh naseleniya. Monitoring sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya munitsipal'nykh raionov Vologodskoi oblasti v 2000–2013 gg.* [Public administration efficiency in population's estimates. Monitoring of the socio-economic state of municipal districts of the Vologda Oblast in 2000–2013]. Vologda: ISERT RAN, 2014. (In Russian).
12. A Conversation with Francis Fukuyama. John B. Hurford Memorial Lecture: Council on foreign relations. Available at: <https://www.cfr.org/event/conversation-francis-fukuyama>
13. Bluntschli J.K. *The Theory of the State*. Kitchener, 2000. 491 p.

14. Dahlberg S., Holmberg S., Rothstein B., Khomenko A., Svensson R. *Kachestvo pravitel'stva Osnovnoi Nabor dannykh* [Administration quality. Basic data set]. *Universitet Geteborga: Kachestvo pravitel'stvennogo Instituta* [University of Gothenburg: the quality of government institute], 2016. Available at: <http://www.qog.pol.gu.se/doi:10.18157/QoGBasJan16>
15. Evans P. *Embedded autonomy: states and industrial transformation*. Princeton University Press, 1995. 325 p.
16. Jensen M., Meckling W. Theory of the Firm. Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure. *Journal of Financial Economics*, 1976, vol. 3, no. 4, pp. 305-360.
17. Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. Governance Matters III: Governance Indicators for 1996-2002. *The World Bank Policy Research Working Paper 3106*, 2004.
18. Varrach A. Sorruption: an umbrella concept. *QoG Working Paper Series 2014:05*.
19. Fukuyama F. The Strange Absence of the State in Political Science. *The American Interest*, 2012. Available at: <https://www.the-american-interest.com/2012/10/02/the-strange-absence-of-the-state-in-political-science/>
20. Fukuyama F. Democracy and corruption. *The American interest*, 2012. Available at: <https://www.the-american-interest.com/2012/10/05/democracy-and-corruption/>
21. Fukuyama F. What Is Governance? CGD Working Paper 314. Washington, DC? 2013. *Center for Global Development*. Available at: <http://www.cgdev.org/content/publications/detail/1426906>
22. Rothstein B., Teorell J. What is Quality of Government? A Theory of Impartial Political Institutions. *QOG Working paper series*, 2005:6.
23. Weber M. Politics as a Vocation. *The Vocation Lectures*. Indianapolis: Hackett Company, 2004. 32 p.
24. *What is Good Governance? United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific*. Available at: <http://www.unescap.org/sites/default/files/good-governance.pdf>
25. Woolcock M., Pritchett L. *Solutions When the Solution is the Problem: Arraying the Disarray in Development*. Washington, DC: Center for Global Development Paper 10, 2002.
26. Wilson W. The Study of Administration. *Political Science Quarterly*, 1887, no. 2(2), pp. 197-222. Available at: http://www.commentary.com/admin_thoughts_1887.pdf
27. *World Bank. 1997. World Development Report 1997: The State in a Changing World*. New York: Oxford University Press. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5980>
28. Zakaria F. The Rise of Illiberal Democracy. *Foreign Affairs*, 1997, pp. 22-43.

Information about the Author

Konstantin Nikolaevich Kalashnikov – Ph.D. in Economics, Research Associate at the Department for Living Standards and Lifestyle Studies, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: konstantino-84@mail.ru)

Статья поступила 26.05.2017.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.5

УДК 338.001.36, ББК 65.05

© Скуфьина Т.П., Баранов С.В.

Феномен неравномерности социально-экономического развития городов и районов Мурманской области: специфика, тенденции, прогноз, регулирование*

**Татьяна Петровна
СКУФЬИНА**

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН

Апатиты, Российская Федерация, 184209, ул. Ферсмана, д. 24а

E-mail: skufina@gmail.com

**Сергей Владимирович
БАРАНОВ**

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН

Апатиты, Российская Федерация, 184209, ул. Ферсмана, д. 24а

E-mail: bars.vl@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме исследования трансформаций и регулирования феномена неравномерности социально-экономического пространства. Дается развернутый комментарий фундаментальности проблемы неравномерности развития социально-экономического пространства любых территориальных объектов (регионов, стран, районов и т.д.); подчеркивается значимость исследований неравномерности развития с позиций науки и управления.

* Исследование включает результаты работы по проекту РФФИ и Министерства экономического развития Мурманской области №17-46-510636 p_a «Неравномерность социально-экономического развития городов и районов Европейского Севера России: тенденции, закономерности, прогноз влияния опорных зон развития Арктики».

Для цитирования: Скуфьина, Т.П. Феномен неравномерности социально-экономического развития городов и районов Мурманской области: специфика, тенденции, прогноз, регулирование / Т.П. Скуфьина, С.В. Баранов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 66-82. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.5

For citation: Skufina T.P., Baranov S.V. The phenomenon of unevenness of socio-economic development of cities and districts in the Murmansk Oblast: specifics, trends, forecast, regulation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 66-82. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.5

Обоснован приоритетный подход к исследованию неравномерности, основанный на последовательном движении от количественной оценки феномена неравномерности пространства, через выявление специфики, закономерностей, до прогноза и практических рекомендаций управлению. С этим связаны перспективы дальнейших исследований. Представлена значимость и актуальность настоящего исследования, цель которого – выявление специфики феномена неравномерности социально-экономического развития городов и районов Мурманской области, прогноз динамики и регулирование в современных условиях кризиса. Представлено комплексное видение методического обеспечения исследования дифференциации социально-экономического пространства; обоснована авторская версия методических средств оценки феномена дифференциации социально-экономического развития городов и районов региона. Апробация предложенных методик оценки дифференциации позволила рассмотреть сравнительную динамику городов и районов Мурманской области: ранжировать объекты по уровню социально-экономического развития, выявить тенденции и закономерности развития феномена. Составлен прогноз влияния кризиса на развитие дифференциации между городами и районами Мурманской области в двух вариантах: в базовом варианте предполагается сохранение стабильности и незначительной дифференциации по большинству социальных показателей, ожидается дальнейший незначительный рост дифференциации экономических показателей; в целевом варианте предполагается сходная ситуация по социальным показателям и большая скорость роста дифференциации по экономическим показателям. На основе выявленных тенденций развития дифференциации социально-экономического пространства Мурманской области и прогноза влияния кризиса на соотношение параметров дифференциации обосновано комплексное видение ближайших действий и перспектив управления: сохранение региональной политики, определенной задачами стратегического планирования Мурманской области; недопущение дальнейшего сокращения численности медицинских организаций в регионе, сохранение и увеличение численности медицинского персонала в муниципальных образованиях; усиление региональных мер в инвестиционной сфере; стимулирование экономического роста в Кольской опорной зоне, в том числе с установлением новых нормативно-правовых условий. Научная новизна результатов определяется развитием теоретико-методических представлений о формировании феномена дифференциации городов и районов Арктического региона. Отличие исследования от других работ этой тематики – комплексность и определенная оригинальность использования методик оценки, что позволило впервые выявить специфику и тенденции развития феномена в Мурманской области, значимые для теории и практики управления. Это определяет широкую область применения результатов – фундаментальная и прикладная наука, территориальное управление.

Ключевые слова: дифференциация, социально-экономическое развитие, города, районы, Мурманская область.

Введение. Исследование входит в область фундаментальных задач, направленных на выявление тенденций, закономерностей, возможностей регулирования феномена неравномерности социально-экономического пространства. Фундаментальный характер этих задач предопределен постоянством противоречия между усилиями управления любой страны, региона, муниципалитета, направленными на сокращение социально-экономических диспропорций вверенной территории, и объективными законами капиталистической формации,

воспроизводящими и углубляющими дифференциацию социально-экономического пространства любого территориального объекта.

Объективный характер этого противоречия закономерно отображается в ограниченности теорий развития и регулирования феномена неравномерности социально-экономического развития территорий [15; 16; 23] и их явной недостаточности относительно потребностей практики управления [3; 8; 9; 13, 18; 20]. Именно по этой причине течение теорий, направленных на решение проблемы дифференциации

социально-экономического пространства, постепенно потеряло силу, ограничившись рядом теоретических конструкций, в большей степени представляющих либо исключительно теоретический интерес, либо продукт экспорта развитых стран в менее развитые [13; 23; 24]. Одновременно набирает силу течение, направленное на детальный анализ реального развития дифференциации, выявление угроз, вызванных неравномерностью социально-экономического развития определенных территориальных объектов [1; 4; 5; 7; 8; 14; 17]. Мы связываем это с тем, что одновременно с недостаточностью теории в ее рамках сформирована обоснованная критика современного мироустройства, углубляющего разрыв в развитии территорий, констатируется опасность дифференциации социально-экономического пространства [18; 20; 22; 24]. Эта критика и реальные потребности практики управления территориальным развитием напоминают о старой морали: «Чтобы победить старую теорию, недостаточно подвергнуть разрушительной критике ее предпосылки... надо предложить новую теорию» [19, с. 659]. Побудительный мотив этой морали – накопление и обобщение фактов. Это определяет приоритет подхода к исследованию феномена неравномерности, основанного на последовательном движении: от количественной оценки феномена неравномерности пространства, через выявление специфики, возможно, закономерностей, до прогноза и практических рекомендаций управлению [1; 6; 10; 13].

Конкретная цель настоящего исследования находится именно в рамках этого подхода – выявление специфики феномена неравномерности социально-экономического развития городов и районов Мурманской области, прогноз динамики и регулирование в условиях кризиса.

Выбор Мурманской области в качестве объекта исследования продиктован следующими факторами. Во-первых, Мурманская область – это пилотный регион Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), в котором формируется Кольская опорная зона. Следует ожидать, что реализация серии масштабных инвестиционных проектов существенно повлияет на социально-экономическое развитие региона, меняя конфигурацию социально-экономического пространства, соотношение параметров

социального и экономического развития городов и районов. Этот фактор определяет особую значимость диагностики феномена дифференциации в этом регионе. Во-вторых, Мурманская область обладает наиболее диверсифицированной экономикой среди регионов АЗРФ, развитой системой науки и образования, что, наряду с возможностями, создает повышенные требования к обеспечению развития социально-экономического пространства региона. Этот фактор определяет не только значимость выявления специфики, тенденций развития дифференциации для прогнозирования ситуации и планирования управленческих мероприятий. Закономерная сложность управления сложным объектом определяет также, что Мурманская область может являться своеобразным полигоном рассмотрения результативности государственного управления с позиций обеспечения сбалансированного регионального развития.

Специфика Мурманской области предопределяет теоретико-методологическую и, одновременно, практическую значимость исследования. В частности, при разработке научных рекомендаций по управлению территориальным развитием нередко обращаются к зарубежному опыту. Однако использование зарубежных подходов в данном случае затруднено в силу основного ограничения применения аналогии – отсутствия качественной близости объектов сравнения. Так, нет ни одного зарубежного региона зарубежной части Арктики, сопоставимого с Мурманской областью по численности населения, сложности развития экономики и социальной сферы. Именно в силу качественной сложности социально-экономического пространства Мурманской области управляющее воздействие даст иной эффект на соотношение параметров, чем предполагает зарубежный опыт¹. Кроме того, в 2016 году стал реализовываться принципиально новый подход к управлению АЗРФ как единым макрорегионом через систему опорных зон развития, «привязанных» к конкретным арктическим субъектам, в частности к Мурманской области.

¹ Отметим устойчивость основной задачи зарубежного управления на северных территориях – обеспечение сближения социальных характеристик поселений, относительного равенства доступа населения к товарам и услугам.

Опыт управления подобными проектами за рубежом отсутствует. С этих позиций выявление специфики дифференциации Мурманской области важно не только для разработки современных рекомендаций, но и как базис будущего исследования поведения феномена дифференциации, увязанного с реализацией пилотного проекта по формированию Кольской опорной зоны. Значение такой информации важно для обеспечения обоснованного научного сопровождения управления регионами АЗРФ.

Методики и базовые показатели оценки неравномерности социально-экономического развития

Важнейшей составной частью исследований дифференциации социально-экономического пространства являются изыскания в методологической сфере, включая развитие методов, обоснование методик исследования неравномерности пространственного развития [1; 7; 11; 12; 15]. Однако, как отметим, в науке «важность» не определяет количество и качество работ. По-прежнему актуальны слова С.А. Суспицына, что «к сожалению, внимания, соразмерного интересу использования, к совершенствованию самих методик межрегиональных сопоставлений, обоснованию корректности методов оценки и достоверности результатов сравнений не наблюдается» [14, с. 97]. В этой связи определенную научную значимость представляет рассмотрение инструментария оценки с целью комплексной проработки вопросов региональной асимметрии, а также анализ результатов, наглядно демонстрирующих не только специфику объекта исследования, но и возможности и ограничения примененных методических средств оценки.

Предлагаем к использованию три методики, основанные на трех основных методах исследования социально-экономического неравенства².

Первая методика основана на методе безинтервального пофакторного ранжирования, увязанного с балльной оценкой. В рамках этого метода предлагаем к применению методике, называемую «по среднему мест», часто используемую не только для исследователь-

ских задач, но и для практических целей государственного регулирования территориального развития³.

Последовательность итераций этой методики: 1) по каждому из показателей оценки определяется ранг каждого объекта — наилучшее значение (первое место), наихудшее значение (последнее место); 2) по каждому из показателей для каждого объекта рассчитывается балльная оценка (среднее значение принимается равным нулю) как разность между рангом среднего значения и рангом какого-либо объекта в общем ряду ранжирования; 3) по каждому объекту приведенные балльные оценки суммируются по показателям с последующим делением на количество показателей.

Общепринято, что искомая оценка объективно характеризует состояние каждого регионального объекта в сравнении с другими объектами. Вместе с тем ей имманентно присущ недостаток — она не позволяет количественно характеризовать меру отличий, фактически она позволяет только ранжировать объекты сравнения [1, с. 50-51].

Вторая методика основана на индексном методе с использованием индекса относительной силы. Впервые эта методика была апробирована авторами при выявлении сравнительной динамики регионов Севера России [2].

Суть индексных методов — переход от показателей, выраженных в экономических (физических) единицах, к безразмерным индексам, которые поддаются наглядному сравнению. С позиций экономического анализа дифференциации городов и районов наибольший интерес представляет то, что индексные методы позволяют отследить и сравнить фактически скорость изменений. Эти свойства информации важны для управления региональным развитием, поскольку: во-первых, характеризуют трансформационные процессы; во-вторых, в значительной мере являются индикатором результативности управления; в-третьих, дают возможность сравнения с другими объектами (в нашем случае — городами и районами).

² Подробно критический анализ основных методов оценки дифференциации приведен в работах [1; 12; 14].

³ Представлена, например, в Приложении №6 к ФЦП «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 годы и до 2015 года)».

Последовательность итераций предлагаемой методики.

Пусть $V(t)$ – значения некоторого экономического показателя, выраженные в естественных единицах (например, стоимость) за год t . Тогда индекс показателя V задается отношением его значений к значениям за базисный год t_0 :

$$I(t) = V(t)/V(t_0). \quad (1)$$

Имея индивидуальные индексы по какому-либо показателю для нескольких объектов, можно построить индекс для всей региональной группы, или сводный индекс. Сложив индексы для нескольких объектов и разделив сумму на число объектов в группе, получим сводный среднеарифметический индекс группы:

$$IG(t) = (I_1(t) + \dots + I_N(t))/N, \quad (2)$$

где N – число объектов в группе.

Поделив индивидуальный индекс объекта на индекс группы, получим индекс относительной силы объекта по отношению к группе объектов.

С позиций задач региональной экономики методический смысл индекса относительной силы объекта – показывает, насколько его динамика по отдельному региональному объекту (в нашем случае – город или район) отличается от общегрупповой динамики; фактически является мерой дифференциации и рейтингом развития объекта по определенному показателю. Чем больше значения индекса относительной силы объекта, тем сильнее он выделяется из группы.

Сравнение индекса с единицей показывает, в лучшую или в худшую сторону регион отстоит от региональной группы в целом. Если значения индекса относительной силы какого-либо региона меньше 1, то он развивается хуже, чем группа в целом, если же больше 1, то лучше. Эта информация полезна для органов государственного управления, поскольку позволяет наглядно выделять проблемные и успешные регионы.

Индекс относительной силы – популярнейший инструмент финансового анализа. Однако в региональных исследованиях использование индекса относительной силы не практикуется. Объяснить это сложно, поскольку прост расчет, проста и очевидна интерпретация, наглядны результаты сравнения, позволяющие на одном

графике отобразить несоизмеримые величины (в силу отсутствия у индексов размерности).

Третья методика основана на расчете аналога индекса Джини, традиционно применяемого для исследования неравенства доходов. Предлагается по каждому из базовых показателей региональных объектов Мурманской области рассчитать аналог индекса Джини (назовем его индекс дифференциации RDI). Формула для расчета имеет вид:

$$RDI = \frac{\sum_{i=1}^n (2i - n - 1)y_i}{n^2 E[y]}, \quad (3)$$

где y_i – i -е значение показателя в упорядоченном по возрастанию наборе данных ($y_i \leq y_{i+1}$); n – количество значений показателя; $E[y]$ – среднее значение показателя y .

Мы будем использовать эту методику также для краткосрочного прогнозирования дифференциации городов и районов Мурманской области⁴.

Базовые показатели оценки отобраны нами в соответствии с требованиями комплексности, доступности, непротиворечивости, минимально необходимого количества показателей. Предлагаем следующую версию показателей-индикаторов дифференциации городов и районов региона: 1) инвестиции в основной капитал крупных и средних организаций на душу населения; 2) оборот розничной торговли в среднем на душу населения; 3) объем платных

⁴ Отметим методическую особенность, диктуемую спецификой Мурманской области, – возможность рассматривать городские округа (город Мурманск, Ковдорский район, город Апатиты, город Кировск, город Мончегорск, город Оленегорск, город Полярные Зори) и муниципальные районы (Кольский, Кандалакшский, Ловозерский, Печенгский, Терский) Мурманской области как единый объект статистического исследования. Поясним, это обусловлено не только налагаемыми свойствами схемы расчетов, например, индекса Джини, но и объективными характеристиками Мурманской области, позволяющими рассматривать эти две группы как единое целое в связи с качественной близостью объектов. Обе группы – это укрупненные группы муниципалитетов, причем группы, относительно мало различающиеся и по числу, и по социально-экономическим характеристикам. Кроме того, спецификой Мурманской области является относительно малое число муниципальных образований, входящих в городские округа и муниципальные районы, что также позволяет рассматривать эти группы совместно.

Таблица 1. Рейтинг «по среднему мест»*

Городской округ / муниципальный район	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
г. Мурманск	3,88	2,63	2,63	2,75	2,38	2,5	1,75	2,75	2,63	1,88	2	1,38	1,88	1,63	1,77
Ковдорский р-н**	0,5	-1,25	-1,5	-1,38	-2,25	-1,5	-1,38	-1,75	-2,25	-2	-2,75	-2,38	-3,88	-2,88	-2,08
г. Апатиты	0,5	-0,25	0,13	0,38	-0,13	-0,25	-0,88	-0,75	0,25	-1	-1,75	-1,63	-1,25	-1	-1,03
г. Кировск	1,38	0,75	1	0,75	0,63	0,88	1,38	1,88	0,88	0,75	1,13	0,25	0,13	0	0,20
г. Мончегорск	1	1,25	1,5	1,88	1,13	1,38	1,25	1	0,75	0,13	0,25	0,38	0,88	-0,13	0,23
г. Оленегорск	-2,13	-2,5	-2	-2,25	-2,13	-2,13	-2,75	-2,38	-2,75	-3,38	-3,13	-3,25	-3,5	-3,38	-3,00
г. Полярные Зори	0,75	-0,25	0,13	0,25	-0,25	-0,75	-0,75	-0,88	-0,5	-0,63	-0,5	-0,38	0,25	-0,38	-0,54
Кольский р-н	-3,63	-3,75	-3,13	-2,75	-3,38	-4,13	-4	-2,88	-2,38	-1,88	-1,88	-2,13	-2,88	-2,13	-2,78
Кандалакшский р-н	-1,13	-0,88	-1,38	-0,88	-1,5	-1,75	-2,38	-2	-1,25	-1,75	-0,75	-1,25	-1	-1,63	-1,01
Ловозерский р-н	-4,5	-6	-6	-5,88	-6,38	-5,5	-5,5	-4,88	-5,25	-5,25	-5,63	-5,25	-5,13	-5,5	-5,44
Печенгский р-н	-2,75	-3,75	-4,25	-3,88	-4,75	-4,88	-4,88	-3,25	-3,25	-3,63	-3,63	-3,5	-2,88	-3,25	-2,98
Терский р-н	-2	-2,25	-1,75	-2	-2,88	-3,38	-4,63	-4,75	-4,75	-2,75	-2,88	-3,38	-2,13	-2,5	-3,00

* Рассчитано по: Официальная статистика / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. – Режим доступа: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/

** Ковдорский район является городским округом.

услуг населению в расчете на душу населения; 4) среднемесячная номинальная начисленная заработная плата; 5) число зарегистрированных преступлений на 1000 человек населения; 6) официально зарегистрированные безработные, на конец года; 7) численность врачей на 1000 человек населения, на конец года; 8) общая площадь жилых помещений в среднем на одного жителя, на конец года⁵.

Результаты оценки феномена неравномерности социально-экономического развития городов и районов Мурманской области.

Рейтинг «по среднему мест». Обращает на себя внимание то, что рейтинговые оценки имеют отрицательный знак практически по всем объектам. Объясняется это тем, что в оценку включен комплекс показателей, характеризующих и социальную, и экономическую, и ресурсно-инфраструктурную составляющие регионального развития. Отрицательный знак говорит о разбалансированности этих составляющих. То есть если объект (городской округ или муниципальный район) демонстрирует хорошие данные по каким-либо определенным показателям, то «проваливается» по группе дру-

гих показателей, что и отражается в отрицательном знаке рейтинга. Стабильную ситуацию демонстрирует только города Мурманск, Кировск, Мончегорск, которые также стабильно занимают и самые лучшие позиции в рейтинге (табл. 1). Среди муниципальных районов картина относительно ровная, но в худшую сторону отклоняется Ловозерский район.

Рейтинг по индексу относительной силы. Отметим, что этот рейтинг дает более детализированную информацию по каждому показателю и является своеобразной характеристикой не только меры дифференциации, но и динамики изменений. Напомним, сравнение индекса с единицей показывает, в лучшую или в худшую сторону регион отстоит от региональной группы в целом. Если значения индекса относительной силы какого-либо региона меньше 1, то он развивается хуже, чем группа в целом, если же больше 1, то – лучше.

Наилучшие позиции по показателю «инвестиции в основной капитал крупных и средних организаций на душу населения», превышающие групповые, демонстрируют городские округа – Кировск, Апатиты⁶, Оленегорск (табл. 2).

⁵ Принцип используемых показателей при расчете комплексной оценки «по среднему мест» – «чем больше, тем лучше», поэтому типовые показатели, которые не соответствовали этому принципу, переведены в обратные. В оценке по индексу относительной силы и при расчете индекса Джини первоначальный вид показателей был сохранен.

⁶ Ситуацию с Апатитами следует характеризовать как исключительно благоприятную, поскольку этот городской округ не имеет добывающей ориентации, следовательно, именно задействование внутренних ресурсов социально-экономического развития определило его высокие позиции.

Таблица 2. Рейтинг по индексу относительной силы по показателю
«инвестиции в основной капитал крупных и средних организаций на душу населения»*

Городской округ / муниципальный район	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
г. Мурманск	1	0,48	0,49	0,41	0,38	0,42	0,30	0,44	0,32	0,16	0,34	0,24	0,32	0,58	0,49
Ковдорский р-н	1	0,51	0,46	0,91	0,45	1,25	1,13	0,59	0,42	0,63	1,22	1,08	0,02	0,99	1,00
г. Апатиты	1	1,25	1,25	0,91	1,04	1,23	1,66	1,42	1,74	0,56	0,74	1,62	3,48	1,83	1,12
г. Кировск	1	1,00	1,16	0,92	1,11	0,74	0,60	0,57	0,84	1,18	1,71	2,33	1,87	1,94	1,65
г. Мончегорск	1	2,11	2,61	2,03	1,26	1,07	1,05	0,32	0,28	0,13	0,24	0,27	0,27	0,46	0,30
г. Оленегорск	1	0,37	0,54	1,96	3,84	2,19	2,39	2,11	0,65	0,91	1,82	2,02	1,47	1,53	1,43
г. Полярные Зори	1	1,57	1,03	1,05	0,64	0,51	0,35	0,32	0,58	0,57	0,40	0,32	0,40	0,34	0,33
Кольский р-н	1	2,07	2,26	1,83	1,36	1,25	1,39	1,81	2,91	5,00	2,52	1,39	1,06	1,29	1,08
Кандалакшский р-н	1	0,84	0,63	0,55	0,39	2,04	0,96	0,32	0,35	0,28	0,63	0,38	0,35	0,36	0,70
Ловозерский р-н	1	0,49	0,54	0,45	0,43	0,79	1,70	0,95	0,53	0,44	0,36	0,22	0,24	0,24	0,31
Печенгский р-н	1	0,35	0,10	0,20	0,06	0,12	0,17	2,38	2,89	1,70	1,73	1,84	2,21	2,16	1,87
Терский р-н	1	0,95	0,93	0,78	1,02	0,38	0,30	0,75	0,50	0,43	0,29	0,28	0,30	0,30	0,26

* Рассчитано по: Официальная статистика / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. – Режим доступа: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/

Таблица 3. Рейтинг по индексу относительной силы по показателю
«оборот розничной торговли в среднем на душу населения»*

Городской округ / муниципальный район	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
г. Мурманск	1	1,02	1,04	1,05	1,06	1,08	1,12	1,12	2,43	2,15	1,86	1,95	1,42	0,90	1,02
Ковдорский р-н	1	1,01	0,95	0,97	0,98	1,00	0,98	0,96	0,63	0,75	0,61	0,56	0,79	0,51	0,60
г. Апатиты	1	0,92	0,95	0,96	0,95	0,92	0,88	0,85	1,67	1,55	1,17	1,20	1,13	0,72	1,00
г. Кировск	1	0,98	0,98	0,97	0,97	0,96	0,96	0,97	0,85	0,88	0,70	0,78	0,94	0,58	0,70
г. Мончегорск	1	1,01	1,02	1,01	1,02	1,05	1,04	1,05	0,70	0,64	0,87	1,24	1,44	0,83	0,80
г. Оленегорск	1	0,94	0,94	0,92	0,90	0,87	0,81	0,82	1,02	0,94	0,84	0,93	0,84	0,52	0,76
г. Полярные Зори	1	0,95	0,95	0,96	0,96	0,93	0,90	0,89	1,40	1,53	1,68	1,44	1,27	0,74	1,08
Кольский р-н	1	0,97	0,97	0,94	0,90	0,89	0,89	0,90	0,47	0,63	0,82	0,91	0,79	5,19	0,89
Кандалакшский р-н	1	1,11	1,11	1,12	1,13	1,14	1,18	1,21	1,54	1,56	2,29	1,79	1,90	1,03	1,00
Ловозерский р-н	1	0,96	0,96	0,98	0,99	0,99	1,02	1,12	0,21	0,32	0,20	0,19	0,15	0,09	0,01
Печенгский р-н	1	1,09	1,09	1,11	1,14	1,20	1,28	1,38	0,76	0,76	0,68	0,78	1,15	0,78	0,70
Терский р-н	1	1,02	1,03	1,01	1,01	0,97	0,93	0,74	0,32	0,29	0,27	0,24	0,19	0,10	0,17

* Рассчитано по: Официальная статистика / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. – Режим доступа: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/

Динамика рейтинга по показателю «оборот розничной торговли в среднем на душу населения» отражает развитие розничной торговли во взаимосвязи с покупательной способностью населения и реализацией запросов увеличивающегося потока приезжих. Среди городских округов наилучшие позиции стабильно демонстрируют Мурманск и Мончегорск (табл. 3). «Наихудшие» позиции, тоже относительно стабильно, – Ковдорский район и г. Оленегорск. Привлекает внимание улучшение позиций Кировска по исследуемому

показателю⁷. Среди муниципальных районов рейтинг показывает хорошие позиции Кандалакшского района; Ловозерский и Терский муниципальные районы демонстрируют слабые сравнительные позиции.

⁷ В 2014 г. произошло смещение всех объектов по исследуемому показателю. Это объясняется «выбросом» исходного показателя по Кольскому району (расчеты показали более чем пятикратное превышение относительно общегруппового уровня). Скорее всего – это ошибка исходных данных, поскольку рассмотрение социально-экономической ситуации указало на невозможность объяснить «выброс» объективными фактами.

Потребление платных услуг населением является важнейшим социально-экономическим индикатором, комплексно связанным с уровнем доходов, конкретной экономической ситуацией в населенном пункте, типами домохозяйств и т.д. Рейтинг по показателю «объем платных услуг населению в расчете на душу населения» указывает на выделение в лучшую сторону трех городских округов, таких как Полярные Зори, Мурманск, Кировск (табл. 4). Наименьшие значения рейтинга демонстрируют городские округа – Ковдорский район и г. Оленегорск. Среди муниципальных районов

наиболее высокие позиции у Ловозерского и Терского.

Размер заработной платы определяет трудовое, экономическое, социальное поведение населения, является своеобразной мерой реализации социально-экономического потенциала населения определенной территории. Рейтинг по показателю «среднемесячная номинальная начисленная заработная плата» демонстрирует стабильно высокие позиции городов Кировска, Апатиты, Полярные Зори, Мурманска (табл. 5). Стабильно худшие позиции у Печенгского муниципального района.

Таблица 4. Рейтинг по индексу относительной силы по показателю «объем платных услуг населению в расчете на душу населения»*

Городской округ/ муниципальный район	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
г. Мурманск	1	0,97	0,98	1,05	0,97	0,93	0,91	0,88	0,87	1,06	1,02	0,97	1,31	1,02	1,01
Ковдорский р-н	1	0,97	0,98	0,94	0,85	0,87	0,86	0,84	0,84	0,90	0,37	0,58	0,43	0,37	0,40
г. Апатиты	1	1,04	1,01	1,03	0,99	0,96	0,98	0,95	0,91	0,60	0,62	0,62	0,53	0,52	0,61
г. Кировск	1	1,06	0,99	1,09	1,07	1,08	1,05	1,04	1,05	0,84	0,94	1,09	1,08	1,02	1,09
г. Мончегорск	1	1,11	1,12	1,11	1,02	0,95	0,94	0,96	0,96	1,31	0,85	0,86	0,96	0,91	0,80
г. Оленегорск	1	1,02	1,12	0,98	0,88	0,90	0,90	0,90	0,89	0,62	0,56	0,57	0,31	0,33	0,68
г. Полярные Зори	1	1,03	0,97	1,24	1,14	1,15	1,14	1,09	1,13	1,07	1,21	1,16	1,43	1,36	1,09
Кольский р-н	1	1,09	1,14	1,01	1,08	1,04	1,04	1,06	1,10	0,69	0,86	0,92	1,00	0,94	0,92
Кандалакшский р-н	1	1,03	1,03	1,08	1,18	1,13	1,12	1,14	1,17	1,09	1,28	1,23	1,02	0,99	1,19
Ловозерский р-н	1	0,81	0,82	0,70	1,01	1,17	1,22	1,36	1,35	1,42	1,56	1,53	0,60	1,46	1,34
Печенгский р-н	1	0,92	0,81	0,74	0,80	0,79	0,80	0,85	0,81	0,93	1,03	1,24	1,26	1,17	1,01
Терский р-н	1	0,95	1,03	1,03	1,01	1,02	1,05	0,92	0,92	1,47	1,71	1,22	2,06	1,92	1,90

* Рассчитано по: Официальная статистика / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. – Режим доступа: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/

Таблица 5. Рейтинг по индексу относительной силы по показателю «среднемесячная номинальная начисленная заработная плата»*

Городской округ/ муниципальный район	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
г. Мурманск	1	1,00	0,99	1,00	0,99	1,02	1,01	0,99	1,05	1,07	1,04	1,04	1,01	1,02	1,08
Ковдорский р-н	1	0,97	0,91	0,87	0,91	0,91	0,89	0,94	0,99	0,92	0,90	0,89	0,88	0,89	0,83
г. Апатиты, р-н	1	1,04	1,05	1,10	1,14	1,18	1,17	1,18	1,19	1,18	1,17	1,17	1,18	1,15	1,19
г. Кировск, р-н	1	1,01	1,01	1,05	1,07	1,08	1,06	1,05	1,13	1,13	1,16	1,21	1,22	1,24	1,23
г. Мончегорск	1	0,94	0,91	0,88	0,84	0,84	0,86	0,85	0,79	0,79	0,80	0,79	0,76	0,72	0,80
г. Оленегорск	1	0,92	0,91	0,94	0,96	1,02	0,96	0,93	0,88	0,90	0,91	0,92	0,97	0,97	0,95
г. Полярные Зори	1	1,10	1,22	1,09	1,04	1,05	1,15	1,10	1,06	1,12	1,10	1,07	1,01	0,98	1,14
Кольский р-н	1	1,03	1,11	1,18	1,20	1,16	1,15	1,16	1,19	1,18	1,14	1,13	1,13	1,14	1,14
Кандалакшский р-н	1	0,99	1,02	1,04	0,96	0,95	0,89	0,83	0,83	0,83	0,86	0,85	0,83	0,84	0,85
Ловозерский р-н	1	0,99	0,98	0,98	1,02	1,00	0,95	0,99	0,97	0,93	0,93	0,97	1,00	1,01	0,99
Печенгский р-н	1	0,85	0,82	0,78	0,71	0,72	0,74	0,74	0,72	0,73	0,72	0,71	0,68	0,66	0,70
Терский р-н	1	1,17	1,07	1,08	1,16	1,08	1,16	1,23	1,22	1,22	1,25	1,24	1,34	1,38	1,26

* Рассчитано по: Официальная статистика / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. – Режим доступа: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/

Уровень преступности является важнейшей характеристикой качества жизни населения на определенной территории. Рейтинг по показателю «число зарегистрированных преступлений на 1000 человек населения» указал следующее (табл. 6): худшая ситуация среди городских округов в Мончегорске и Мурманске; лучшую стабильно демонстрирует городской округ Ковдорский район. Среди муниципальных районов наибольшее число преступлений демонстрирует Кольский район; благополучная ситуация в Кандалакшском и Печенгском районах.

Показатель «численность официально зарегистрированных безработных, на конец года» характеризует рынок труда и экономику сравниваемых территорий. Негативно ситуация развивается в городском округе Мурманск (табл. 7). Наиболее низкие рейтинговые показатели, а значит меньшую остроту с проблемой безработицы, имеют городские округа – Кировск и Ковдорский район. Среди муниципальных районов наиболее остро проблема безработицы характерна для Кандалакшского, Печенгского, Терского.

Таблица 6. Рейтинг по индексу относительной силы по показателю «число зарегистрированных преступлений на 1000 человек населения»*

Городской округ / муниципальный район	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
г. Мурманск	1	1,25	1,17	1,29	1,39	1,43	1,35	1,18	1,03	1,08	1,02	0,92	0,85	0,84	1,01
Ковдорский р-н	1	0,93	0,92	0,75	0,89	0,83	0,97	0,81	0,75	0,97	0,92	0,92	0,80	0,84	0,92
г. Апатиты	1	1,05	1,12	1,31	1,61	1,50	1,47	1,42	1,19	1,21	1,12	0,98	0,91	0,89	0,99
г. Кировск	1	0,89	0,91	0,88	0,97	0,99	1,42	1,25	1,22	1,21	1,61	1,42	1,28	1,30	1,21
г. Мончегорск	1	0,95	0,88	0,91	0,88	0,86	1,03	0,99	1,08	1,11	1,04	1,00	1,05	1,06	1,03
г. Оленегорск	1	1,00	0,88	0,93	0,93	0,82	0,77	0,91	0,93	0,67	0,93	0,92	1,05	1,05	0,98
г. Полярные Зори	1	0,89	0,98	0,86	0,81	0,63	0,70	0,63	0,71	0,75	0,74	0,74	0,86	0,83	0,78
Кольский р-н	1	1,07	1,40	1,25	1,38	1,47	1,32	1,47	1,24	1,24	1,23	1,34	1,25	1,30	1,27
Кандалакшский р-н	1	1,03	0,90	1,01	0,88	0,75	0,77	0,81	0,92	0,79	0,75	0,64	0,85	0,83	0,77
Ловозерский р-н	1	0,88	0,84	0,98	0,82	1,15	0,86	1,05	1,29	1,23	1,06	1,16	1,05	1,09	1,10
Печенгский р-н	1	0,98	0,80	0,91	0,70	0,93	0,81	0,90	1,01	0,91	0,89	1,02	1,03	0,99	0,94
Терский р-н	1	1,08	1,20	0,90	0,72	0,66	0,53	0,57	0,64	0,83	0,69	0,95	1,02	0,98	0,88

* Рассчитано по: Официальная статистика / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. – Режим доступа: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/

Таблица 7. Рейтинг по индексу относительной силы по показателю «численность официально зарегистрированных безработных, нормированных на численность населения, на конец года»*

Городской округ / муниципальный район	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
г. Мурманск	1	1,02	0,83	0,85	0,81	0,75	0,94	1,24	1,22	1,42	1,23	1,21	1,16	1,03	1,20
Ковдорский р-н	1	1,00	1,03	0,94	0,92	0,90	0,72	0,72	0,69	0,62	0,70	0,71	0,85	0,82	0,78
г. Апатиты	1	1,08	1,14	1,00	0,85	0,80	0,72	0,88	0,89	0,89	0,80	0,58	0,87	1,11	0,81
г. Кировск	1	0,90	0,93	0,86	0,91	0,80	0,76	0,69	0,58	0,52	0,59	0,60	0,67	0,65	0,62
г. Мончегорск	1	1,27	1,59	1,82	1,95	2,61	2,49	2,01	2,03	1,59	1,72	1,93	1,85	1,60	1,73
г. Оленегорск	1	1,33	1,30	1,11	1,13	1,20	0,96	1,23	1,36	1,48	1,35	1,38	0,94	1,35	1,22
г. Полярные Зори	1	1,00	0,81	0,83	0,94	0,80	0,96	0,87	1,24	1,01	1,21	1,20	1,27	1,22	1,19
Кольский р-н	1	0,84	0,67	0,92	0,87	0,74	0,78	0,89	1,04	1,27	1,01	0,87	0,85	0,81	0,90
Кандалакшский р-н	1	0,84	0,82	0,81	0,76	0,70	0,70	0,61	0,66	0,68	0,72	0,76	0,64	0,62	0,71
Ловозерский р-н	1	0,87	1,10	1,12	1,13	1,20	1,44	1,50	1,10	1,06	1,26	1,39	1,51	1,44	1,37
Печенгский р-н	1	0,96	0,97	0,92	0,90	0,72	0,69	0,50	0,52	0,58	0,54	0,50	0,53	0,51	0,54
Терский р-н	1	0,91	0,81	0,83	0,85	0,80	0,84	0,87	0,66	0,89	0,88	0,87	0,87	0,83	0,87

* Рассчитано по: Официальная статистика / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. – Режим доступа: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/

Важнейшими индикаторами состояния социальной инфраструктуры территории являются показатели, характеризующие доступность медицинских услуг. Рейтинг по индексу относительной силы по показателю «численность врачей на 1000 человек населения, на конец года» указывает на то, что наилучшая ситуация с обеспеченностью врачами в городском округе Мурманск (табл. 8).

Обеспеченность жилым фондом является важнейшей характеристикой качества жизни

населения определенной территории. Рейтинг по индексу относительной силы по показателю «общая площадь жилых помещений в среднем на одного жителя, на конец года» ожидаемо демонстрирует наименьшую обеспеченность жилыми помещениями в городском округе Мурманск (табл. 9). Наилучшие показатели обеспеченности жилыми помещениями среди городских округов отмечают Ковдорский район, среди муниципальных районов – Кандакшский район.

Таблица 8. Рейтинг по индексу относительной силы по показателю «численность врачей на 1000 человек населения, на конец года»*

Городской округ / муниципальный район	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
г. Мурманск	1	1,01	1,05	1,07	1,19	1,22	1,23	1,19	1,24	1,22	1,18	1,18	1,19	1,20	1,19
Ковдорский р-н	1	0,99	0,99	0,96	0,88	0,95	0,88	0,88	0,77	0,83	0,84	0,82	0,05	0,05	0,84
г. Апатиты	1	0,97	1,03	1,03	1,01	1,04	0,95	0,95	0,91	0,93	0,97	1,29	1,27	1,27	0,97
г. Кировск	1	0,98	0,97	0,98	0,98	1,00	1,00	0,84	0,86	0,91	0,90	0,06	0,15	0,15	0,90
г. Мончегорск	1	1,02	1,09	1,13	1,09	1,00	1,02	0,98	0,89	0,93	0,91	0,93	1,14	1,13	0,91
г. Оленегорск	1	0,99	1,01	0,97	1,01	1,05	0,99	1,07	1,29	1,41	1,10	1,07	1,11	1,10	1,10
г. Полярные Зори	1	1,01	1,05	1,04	1,12	1,02	1,02	0,98	0,91	1,00	1,07	1,11	1,21	1,15	1,07
Кольский р-н	1	0,99	1,07	1,03	1,00	1,06	1,17	1,38	1,32	1,36	1,22	1,36	1,51	1,53	1,18
Кандакшский р-н	1	0,99	0,97	0,95	0,97	0,98	0,96	0,92	0,97	0,87	0,88	1,04	1,10	1,09	0,88
Ловозерский р-н	1	0,89	0,76	0,72	0,73	0,71	0,78	0,75	0,77	0,76	0,95	1,11	1,17	1,21	0,95
Печенгский р-н	1	0,99	0,99	0,99	0,92	0,99	1,07	1,16	1,20	0,94	0,96	0,99	1,07	1,06	0,96
Терский р-н	1	1,18	1,03	1,11	1,10	0,98	0,93	0,90	0,88	0,86	1,02	1,03	1,05	1,05	0,99

* Рассчитано по: Официальная статистика / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. – Режим доступа: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/

Таблица 9. Рейтинг по индексу относительной силы по показателю «общая площадь жилых помещений в среднем на одного жителя, на конец года»*

Городской округ / муниципальный район	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
г. Мурманск	1	0,90	0,90	0,92	0,92	0,92	0,91	0,92	0,91	0,87	0,87	0,86	0,88	0,88	0,87
Ковдорский р-н	1	0,94	0,94	0,96	0,96	0,96	0,97	0,98	0,98	0,96	0,96	0,97	1,02	1,02	0,99
г. Апатиты	1	0,95	0,95	0,96	0,95	0,94	0,94	0,94	0,94	0,91	0,91	0,90	0,94	0,95	0,93
г. Кировск	1	0,96	0,96	0,97	0,97	0,96	0,96	0,94	0,93	0,93	0,93	0,91	0,95	0,95	0,94
г. Мончегорск	1	1,00	1,00	1,01	1,01	1,01	1,00	1,00	1,00	1,01	1,00	1,00	0,99	1,00	1,00
г. Оленегорск	1	1,00	0,99	1,00	0,97	0,97	0,96	0,96	0,92	0,92	0,95	0,94	0,94	0,93	0,95
г. Полярные Зори	1	0,97	0,96	0,96	0,96	0,95	0,94	0,95	0,97	0,94	0,93	0,92	0,95	0,95	0,94
Кольский р-н	1	1,19	1,19	1,16	1,16	1,16	1,15	1,15	1,16	1,20	1,20	1,21	1,13	1,13	1,19
Кандакшский р-н	1	1,10	1,10	1,11	1,12	1,11	1,11	1,12	1,12	1,17	1,19	1,20	1,22	1,22	1,20
Ловозерский р-н	1	0,95	0,95	0,97	0,98	0,99	1,00	0,99	0,99	1,01	1,01	1,01	1,00	1,00	1,01
Печенгский р-н	1	1,06	1,06	1,06	1,06	1,05	1,04	1,03	1,03	1,11	1,08	1,08	1,09	1,10	1,06
Терский р-н	1	0,98	1,00	0,92	0,95	0,98	1,00	1,02	1,04	0,96	0,98	1,00	0,89	0,89	0,90

* Рассчитано по: Официальная статистика / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. – Режим доступа: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/

Таблица 10. Индекс дифференциации (индекс Джини) по показателям за период 2001–2015 годов*

Показатели	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Инвестиции в основной капитал крупных и средних организаций на душу населения	0,63	0,73	0,71	0,68	0,67	0,57	0,53	0,50	0,63	0,71	0,68	0,74	0,75	0,68	0,69
Оборот розничной торговли в среднем на душу населения	0,30	0,29	0,29	0,29	0,29	0,29	0,28	0,29	0,60	0,56	0,56	0,54	0,47	0,63	0,58
Объем платных услуг населению в расчете на душу населения	0,37	0,39	0,39	0,41	0,38	0,36	0,36	0,35	0,35	0,38	0,38	0,36	0,47	0,42	0,40
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	0,32	0,30	0,31	0,29	0,27	0,27	0,29	0,28	0,28	0,29	0,28	0,28	0,26	0,26	0,27
Число зарегистрированных преступлений на 1000 человек населения	0,27	0,31	0,34	0,33	0,37	0,35	0,36	0,33	0,29	0,30	0,28	0,27	0,26	0,26	0,27
Официально зарегистрированные безработные, на конец года	0,47	0,46	0,44	0,44	0,43	0,44	0,46	0,46	0,47	0,49	0,46	0,47	0,45	0,41	0,44
Численность врачей на 1000 человек населения, на конец года	0,34	0,34	0,36	0,36	0,38	0,38	0,37	0,35	0,35	0,36	0,35	0,42	0,46	0,46	0,42
Общая площадь жилых помещений в среднем на одного жителя, на конец года	0,23	0,21	0,21	0,21	0,21	0,21	0,21	0,21	0,22	0,21	0,21	0,21	0,21	0,21	0,21

* Рассчитано по: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области // Официальная статистика. – Режим доступа: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/statistics/

Оценки дифференциации по аналогу индекса Джини. Напомним, индекс Джини равный 0 (0%) свидетельствует о полном равенстве, а равный 1 (100%) – об абсолютном неравенстве. То есть чем ближе к единице будут полученные нами значения, рассчитанные по каждому показателю, тем большая дифференциация характерна для конкретного показателя.

Показатели, характеризующие социальную составляющую развития Мурманской области, в большинстве своем демонстрируют незначительную дифференциацию и имеют устойчивую тенденцию сокращения. Так, характерна тенденция снижения дифференциации для показателей «среднемесячная номинальная начисленная заработная плата», «число зарегистрированных преступлений на 1000 человек

населения»⁸, «официально зарегистрированные безработные, на конец года»; сохраняется низкая дифференциация по показателю «общая площадь жилых помещений в среднем на одного жителя, на конец года». Среди социальных показателей только показатель «численность врачей на 1000 человек населения, на конец года» демонстрирует тенденцию роста.

⁸ Этот важнейший социальный показатель, как правило, включается в перечень показателей, характеризующих качество жизни населения. Отметим, мы говорим о снижении дифференциации, а не о снижении преступности. Привлечение исходных данных не позволяет утверждать, что преступлений стало меньше. Так, в каких-то муниципальных объектах численность преступлений увеличилась, в каких-то – уменьшилась, кроме того, неоднородна картина и по годам по каждому из исследуемых объектов.

Такие показатели, как «инвестиции в основной капитал крупных и средних организаций на душу населения», «оборот розничной торговли в среднем на душу населения», «объем платных услуг населению в расчете на душу населения», характеризуются ростом. Кроме того, именно эти показатели в последние годы демонстрируют наибольшую дифференциацию.

Таким образом, рассмотрение результатов оценок по комплексу методик позволяет сделать базовый вывод: есть основания говорить, что в регионе наблюдается две тенденции – рост дифференциации по экономическим показателям и сокращение дифференциации по социальным показателям.

Прогноз влияния кризиса на развитие дифференциации городов и районов Мурманской области

Прогнозный период: 2016–2018 годы⁹. Время упреждения прогноза диктуется двумя факторами: 1) ограничениями прогнозирования в период кризиса; 2) использованием в нашем прогнозе условий основного прогнозного документа Мурманской области – Прогноза социально-экономического развития Мурманской области на 2017 год и плановый период 2018 и 2019 годов (Приложение к постановлению Правительства Мурманской области от 10.11.2016 №551-ПП).

Рассмотрено два варианта исходных условий (соответствуют условиям Прогноза социально-экономического развития Мурманской области на 2017 год и плановый период 2018 и 2019 гг.): 1) базовый; 2) целевой¹⁰ (табл. 11).

В случае реализации базового варианта предполагается сохранение незначительной дифференциации по большинству социальных показателей, без продолжения тенденции роста (уменьшения). Исключение – показатель «численность врачей на 1000 человек населения», у которого предполагается незначительный рост. Практически аналогичная картина по социальным показателям проявляется и в целевом варианте.

В базовом варианте прогнозируется дальнейший незначительный рост экономических показателей территорий («инвестиции в основной капитал крупных и средних организаций на душу населения», «оборот розничной торговли в среднем на душу населения», «объем платных услуг населению в расчете на душу населения»). В целевом варианте прогнозируется несколько больший рост дифференциации по этим показателям, особенно активный по показателю «инвестиции в основной капитал крупных и средних организаций на душу населения».

Таблица 11. Прогноз индекса дифференциации (индекса Джини) по показателям (базовый и целевой варианты прогноза)

Показатели	Базовый вариант		Целевой вариант	
	2016	2017	2016	2017
Инвестиции в основной капитал крупных и средних организаций на душу населения	0,71	0,70	0,73	0,73
Оборот розничной торговли в среднем на душу населения	0,60	0,61	0,69	0,72
Объем платных услуг населению в расчете на душу населения	0,42	0,42	0,43	0,43
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	0,26	0,26	0,26	0,26
Число зарегистрированных преступлений на 1000 человек населения	0,27	0,27	0,28	0,28
Официально зарегистрированные безработные, на конец года	0,41	0,42	0,40	0,40
Численность врачей на 1000 человек населения, на конец года	0,47	0,48	0,47	0,48
Общая площадь жилых помещений в среднем на одного жителя, на конец года	0,21	0,21	0,22	0,22

⁹ Включение 2016 года в прогнозный период определяется тем, что доступные данные статистики ограничены 2015 годом.

¹⁰ Отметим, в Прогнозе Мурманской области заложен еще и консервативный сценарий, предполагающий существенное ухудшение внутренних и внешних условий функционирования экономики. Этот крайний вариант нами не рассматривался, поскольку нет оснований ожидать столь значительного ухудшения внешней и внутренней ситуации. Привлечение данных макроэкономики свидетельствует о стабилизации социально-экономической ситуации в Российской Федерации в 2017 г.

Обсуждение проблемы дифференциации городов и районов Мурманской области с позиций управления территориальным развитием

Отметим, что выполненный нами анализ свидетельствует о стабильности ситуации дифференциации между городскими округами и муниципальными районами Мурманской области. То есть нет оснований считать, что какая-либо составляющая регионального развития может привести к дестабилизации социально-экономической ситуации в регионе. Таким образом, *рекомендация 1* – в целом сохранение общей социально-экономической политики и практики управления социально-экономическим развитием Мурманской области, определенной задачами стратегического планирования.

Следует также отметить, что тенденции региональной дифференциации характеризуют цели регионального управления как социально ориентированные. Об этом свидетельствует низкая дифференциация и тенденция ее дальнейшего сокращения по таким показателям, как «среднемесячная номинальная начисленная заработная плата», «число зарегистрированных преступлений на 1000 человек населения», «официально зарегистрированные безработные», «общая площадь жилых помещений в среднем на одного жителя». Вместе с тем обращает на себя внимание рост дифференциации по показателю «численность врачей на 1000 человек населения». Учитывая то, что значительная территория области расположена в Арктике, а также недостаточно хорошее транспортное сообщение внутри региона, сжатие доходов населения (соответственно, сокращение трат на профилактику заболеваний, качественное питание и т.д., что определяет увеличение заболеваемости), эту тенденцию следует считать безусловно отрицательной. Таким образом, *рекомендация 2* – недопущение дальнейшего сокращения численности медицинских организаций, особенно оказывающих первичную медико-санитарную помощь, а также необходимость их оснащения в соответствии со стандартами оснащения, утвержденными соответствующими порядками оказания медицинской помощи; сохранение и увеличение численности медицинского персонала в большинстве муниципальных образований Мурманской области.

Рост дифференциации экономических показателей территорий и показателей, характеризующих экономическую состоятельность населения («инвестиции в основной капитал крупных и средних организаций на душу населения», «оборот розничной торговли в среднем на душу населения», «объем платных услуг населению в расчете на душу населения»), – эта особенность характерна для территориальных объектов в условиях современной модели капиталистического рынка. Поэтому кардинально повлиять на дифференциацию по этому направлению невозможно, однако следует корректировать ситуацию путем поиска новых инвестиционных проектов в менее экономически развитых муниципальных образованиях. Таким образом, *рекомендация 3* – сохранение ориентиров инвестиционного развития Мурманской области и дальнейшее усиление региональных мер инвестиционного характера.

Интенсивность инвестиционных процессов в Мурманской области во многом определяется активностью федеральной политики по развитию Арктической зоны Российской Федерации [2; 6]. Таким образом, *рекомендация 4* (федеральный уровень) – стимулирование инвестиционной активности и экономического роста в Арктической зоне РФ, в частности в Кольской опорной зоне, путем установления новых нормативно-правовых условий, включающих преференции и стратегические инвестиционные вливания.

Заключение

Подводя итоги, еще раз подчеркнем фундаментальный характер проблемы неравномерности социально-экономического развития пространства любого территориального объекта. Показано, что недостаточность теоретических разработок в сфере регулирования неравномерности развития предопределяет актуальность изучения сложившихся параметров дифференциации социально-экономического пространства, выявление тенденций, закономерностей, прогноз динамики, а затем – разработку практических рекомендаций управлению по обеспечению сбалансированного развития вверенного территориального объекта. Сформирована авторская версия комплексной оценки феномена неравномерности социально-экономического развития городов и районов региона, в которой каждая методика дополняет

другую, отрицает недостатки остальных и дает новую информацию. Таким образом, анализ результатов оценок по трем методикам наглядно отобразил не только специфику объекта исследования, но и возможности и ограничения примененных методических средств оценки: рейтинг «по среднему мест» только ранжирует города и районы по комплексной оценке; рейтинг «относительной силы» количественно характеризует динамику развития каждого объекта относительно общегрупповой ситуации; аналог индекса Джини характеризует меру отличий по каждому из базовых показателей оценки. Исследование дифференциации городов и районов Мурманской области позволило определить специфику сравнительного

развития этих объектов и впервые выявить две устойчивые тенденции – рост дифференциации по экономическим показателям и сокращение дифференциации по большинству социальных показателей. Выявленные особенности и тенденции позволяют говорить о социально ориентированных целях управления и успешности управления в рамках этих целей. Обоснованные рекомендации управлению на базе прогностических оценок, учитывающие определяющее влияние кризисных процессов, выявленную специфику и закономерности пространственной неравномерности, значимы для принятия взвешенных управленческих решений по обеспечению сбалансированного развития Мурманской области.

Литература

1. Баранов, С.В. Технологии оценки неоднородности социально-экономического развития регионов Российской Федерации: проблемы и решения [Текст] / С.В. Баранов // Экономическая наука современной России. – 2009. – № 3. – С. 48-55.
2. Баранов, С.В. Сравнительная динамика экономического роста и межрегиональная дифференциация территории Российского Севера [Текст] / С.В. Баранов, Т.П. Скуфьина // Вопросы статистики. – 2015. – № 11. – С. 69-77.
3. Вертакова, Ю.В. Оценка эффективности пространственного развития региона в условиях поляризации [Текст] / Ю.В. Вертакова Ю.В., М.Г. Клевцова, Ю.С. Положенцева // Вестник ОрелГИЭТ. – 2012. – № 4 (22). – С. 20-25.
4. Ильин, В.А. О некоторых тенденциях в экономическом развитии России и региона [Текст] / В.А. Ильин, А.А. Шабунова // Социологические исследования. – 2015. – № 8 (376). – С. 34-41.
5. Лексин, В.Н. Региональная действительность и региональные исследования [Текст] / В.Н. Лексин // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 2 (82). – С. 7-38.
6. Лексин, В.Н. Методологические основы системной диагностики сложившейся ситуации и проблем в Арктической зоне России [Текст] / В.Н. Лексин, Б.Н. Порфирьев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2015. – Т. 8. – № 2 (40). – С. 47-59.
7. Николаев, И.А. Экономическая дифференциация регионов: оценки, динамика, сравнения [Текст] / И.А. Николаев, О.С. Точилкина // Аналитический доклад. – М.: ФБК, 2011. – 28 с.
8. Пройдакова, В.Е. Особенности развития государственного регулирования межрегиональной экономической дифференциации в Южном федеральном округе [Текст] / В.Е. Пройдакова // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 15. – С.9-13.
9. Рисин, И.Е. Управление изменениями и противоречиями в социально-экономических системах [Текст] / И.Е. Рисин, Ю.И. Трещевский // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2003. – № 1. – С. 76-82.
10. Савон, Д.Ю. Организационно-экономический механизм устойчивого развития экономики южного региона [Текст] / Д.Ю. Савон // Современная экономическая мысль. – 2013. – № 1. – С. 26-31.
11. Самарина, В.П. Оценка неравномерности социально-экономического развития субъектов Центрально-Черноземного экономического района [Текст] / В.П. Самарина // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 8. – С. 33-38.
12. Самарина, В.П. Основные принципы выбора инструментария анализа социально-экономического развития региона [Текст] / В.П. Самарина, Е.А. Илларионова // Регион: системы, экономика, управление. – 2015. – № 1 (28). – С. 83-85.
13. Самарина, В.П. Анализ проблем регионального развития применительно к типам регионов [Текст] / В.П. Самарина // Региональная экономика: теория и практика. – 2010. – № 42. – С. 13-20.

14. Суспицын, С.А. Барометры общего регионального положения [Текст] / С.А. Суспицын // Проблемы прогнозирования. – 2005. – №2. – С. 99-101.
15. Ускова, Т.В. Пространственное развитие территорий: состояние, тенденции, пути снижения рисков [Текст] / Т.В. Ускова // Проблемы развития территории. – 2015. – № 1 (75). – С. 7-15.
16. Azizian, R. Eurasian response to China's rise: Russia and Kazakhstan in search of optimal China policy [Text] / R. Azizian, E. Bainazarova // Asian Politics & Policy. – 2012. – Vol. 4. – №. 3. – P. 377-399.
17. Baranov, S. Dynamics of interregional differentiation in Russian regions based on the level of development of information and communication technologies [Text] / S. Baranov, T. Skufina, V. Samarina, T. Shatalova // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol.6. – № 6. – P.384-389.
18. Benesova, I. Regional Cooperation of the Post Soviet Countries—Can it Be Influenced by the Structure of the Economy? [Text] / I. Benesova // Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendelianae Brunensis. – 2016. – Vol.1. – № 6. – P. 1843-1856.
19. Blaug, M. Economic Theory in Retrospect, 5th Edition. [Text] / M. Blaug / Cambridge University Press, 1997. – P. 659.
20. Coulibaly, S. Regional integration and the persistent uneven spread of economic activities in developing areas [Text] / S. Coulibaly // Economie internationale. – 2006. – №. 2. – P. 5-23.
21. Fasten, E. R. On the Sustainability of Sub-national Government Finance-A Panel Data Approach [Text] / E. R. Fasten / Department of Economics and Management, Humboldt University, Berlin. 2008. – P. 27.
22. Leksin, V. N. Regional reality and regional studies [Text] / V.N. Leksin // Regional Research of Russia. – 2015. – Vol. 5. – № 2. – P. 97-108.
23. Leonardi, R. Have Regions Converged? Sigma and Beta Convergence in Objective 1 and Other EU Regions between 1988 and 1999 [Text] / R. Leonardi / Cohesion Policy in the European Union. Palgrave Macmillan UK, 2005. – P. 89-106.
24. Viegas, M. Convergence in Spanish and Portuguese NUTS 3 Regions: Exploratory Spatial Approach [Text] / M. Viegas, M. Antunes // Intereconomics. – 2013. – Vol. 48. – №. 1. – P. 59.

Сведения об авторах

Татьяна Петровна Скуфьина – доктор экономических наук, профессор, врио директора, Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Российская Федерация, 184209, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: skufina@gmail.com)

Сергей Владимирович Баранов – кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Российская Федерация, 184209, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: bars.vl@gmail.com)

Skufina T.P., Baranov S.V.

The Phenomenon of Unevenness of Socio-Economic Development of Cities and Districts in the Murmansk Oblast: Specifics, Trends, Forecast, Regulation

Abstract. The article studies the transformation and regulation of the phenomenon of unevenness of socio-economic space. We provide detailed comments on a fundamental nature of the unevenness of development of socio-economic space in any territorial entity (region, country, district, etc.) and point out the importance of research on the unevenness of development from the standpoint of science and management. We substantiate a priority approach to the study of unevenness; in the framework of this approach we move consistently from quantitative assessment of the phenomenon of unevenness of space through identification of specifics and patterns to forecasting and practical recommendations for management. All this is related to the prospects of further research. We present the importance and relevance of this study, which aims to identify specifics of the phenomenon of unevenness of socio-economic development of cities and districts of the Murmansk Oblast, and to forecast its dynamics and regulation in present-day crisis conditions. The paper presents a comprehensive vision for methodological support

of research on the differentiation of socio-economic space; it also substantiates the authors' own version of methodological tools to assess the phenomenon of differentiation of socio-economic development in cities and districts of the region. Having tested the proposed techniques that help assess differentiation, we consider comparative dynamics of cities and districts of the Murmansk Oblast: we rank the objects by level of socio-economic development and identify trends and patterns in the development of the phenomenon. We make a forecast of how the crisis can impact the development of differentiation between cities and districts of the Murmansk Oblast according to two scenarios: the basic scenario assumes that most social indicators will either remain stable or experience slight differentiation, and a further slight increase is expected in the differentiation of economic indicators. The target scenario assumes a similar situation on social indicators and a higher growth rate of differentiation of economic indicators. Having identified trends in the development of differentiation of socio-economic space in the Murmansk Oblast and having forecast the impact of the crisis on the ratio of differentiation parameters we substantiate a comprehensive vision of immediate actions and management perspectives: it is necessary to pursue the regional policy defined by specific objectives of strategic planning in the Murmansk Oblast; to prevent further reduction in the number of medical organizations in the region, to maintain and increase the number of medical personnel in municipalities; to enhance regional measures in the investment sector; to stimulate economic growth in the Kola bearing zone, including the establishment of new legal and regulatory environment. Scientific novelty of the findings consists in the fact that they contribute to the development of theoretical and methodological ideas about the formation of the phenomenon of differentiation of cities and districts in the Arctic region. Our research is different from other works on this topic due to its comprehensiveness and a certain originality in using assessment techniques, which made it possible for the first time to identify specifics and development trends of this phenomenon in the Murmansk Oblast that are relevant for management theory and practice. In view of the above, the findings can be widely used in fundamental and applied science and in territorial management.

Key words: differentiation, socio-economic development, cities, districts, Murmansk Oblast.

References

1. Baranov S.V. Tekhnologii otsenki neodnorodnosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossiiskoi Federatsii: problemy i resheniya [Technology for assessing heterogeneity of socio-economic development in Russian regions: problems and solutions]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economic science in modern Russia], 2009, no. 3, pp. 48-55. (In Russian).
2. Baranov S.V., Skuf'ina T.P. Sravnitel'naya dinamika ekonomicheskogo rosta i mezhhregional'naya differentsiatsiya territorii Rossiiskogo Severa [Comparative dynamics of economic growth and regional differentiation in the territory of the Russian North]. *Voprosy statistiki* [Issues of statistics], 2015, no. 11, pp. 69-77. (In Russian).
3. Vertakova Yu.V., Klevtsova M.G., Polozhentseva Yu.S. Otsenka effektivnosti prostranstvennogo razvitiya regiona v usloviyakh polarizatsii [Evaluating the effectiveness of spatial development of the region in conditions of polarization]. *Vestnik OrelGIET* [Bulletin of Oryol State University of Economics and Trade], 2012, no. 4 (22), pp. 20-25. (In Russian).
4. Ilyin V.A., Shabunova A.A. O nekotorykh tendentsiyakh v ekonomicheskom razvitii Rossii i regiona [Some tendencies in economic development of Russia and its regions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2015, no. 8 (376), pp. 34-41. (In Russian).
5. Leksin V.N. Regional'naya deistvitel'nost' i regional'nye issledovaniya [Reality of regions and regional research]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: economics & sociology], 2014, no. 2 (82), pp. 7-38. (In Russian).
6. Leksin V.N., Porfir'ev B.N. Metodologicheskie osnovy sistemnoi diagnostiki slozhivsheysya situatsii i problem v Arkticheskoi zone Rossii [Methodological basis for a system diagnostics of the current situation and problems in the Arctic zone of Russia]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Contours of global transformations: politics, economy, law], 2015, vol. 8, no. 2 (40), pp. 47-59. (In Russian).
7. Nikolaev I.A., Tochilkina O.S. *Ekonomicheskaya differentsiatsiya regionov: otsenki, dinamika, sravneniya. Analiticheskii doklad* [Economic differentiation of regions: estimations, dynamics, comparisons. Analytical report]. Moscow: FBK, 2011. 28 p. (In Russian).
8. Proidakova V.E. Osobennosti razvitiya gosudarstvennogo regulirovaniya mezhhregional'noi ekonomicheskoi differentsiatsii v Yuzhnom federal'nom okruge [Features of state regulation of inter-regional economic differentiation in the Southern Federal District].

- differentiation in the South Federal District]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2013, no. 15, pp.9-13. (In Russian).
9. Risin I.E., Treshchevskii Yu.I. Upravlenie izmeneniyami i protivorechiyami v sotsial'no-ekonomicheskikh sistemakh [Management of changes and contradictions in socio-economic systems]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Bulletin of Voronezh State University. Series: economics and management], 2003, no. 1, pp. 76-82. (In Russian).
  10. Savon D.Yu. Organizatsionno-ekonomicheskii mekhanizm ustoichivogo razvitiya ekonomiki yuzhnogo regiona [Organizational and economic mechanism of sustainable economic development in the southern region]. *Sovremennaya ekonomicheskaya mysl'* [Modern economic thought], 2013, no. 1, pp. 26-31. (In Russian).
  11. Samarina V.P. Otsenka neravnomernosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya sub»ektov Tsentral'no-Chernozemnogo ekonomicheskogo raiona [Evaluation of uneven socio-economic development in the Central Chernozem economic region]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2008, no. 8, pp. 33-38. (In Russian).
  12. Samarina V.P., Illarionova E.A. Osnovnye printsipy vybora instrumentariya analiza sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona [Basic principles for choosing tools to analyze socio-economic development in the region]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie* [Region: systems, economy, management], 2015, no. 1 (28), pp. 83-85. (In Russian).
  13. Samarina V.P. Analiz problem regional'nogo razvitiya primenitel'no k tipam regionov [The analysis of problems of regional development concerning the types of regions]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2010, no. 42, pp. 13-20. (In Russian).
  14. Suspitsyn S.A. Barometry obshchego regional'nogo polozheniya [Barometers of a common regional situation]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian economic development], 2005, no. 2, pp. 99-101. (In Russian).
  15. Uskova T.V. Prostranstvennoe razvitie territorii: sostoyanie, tendentsii, puti snizheniya riskov [Spatial development of territories: state, trends, ways of reducing risks]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2015, no. 1 (75), pp. 7-15. (In Russian). (In Russian).
  16. Azizian R., Bainazarova E. Eurasian response to China's rise: Russia and Kazakhstan in search of optimal China policy. *Asian Politics & Policy*, 2012, vol. 4, no. 3, pp. 377-399.
  17. Baranov S., Skufina T., Samarina V., Shatalova T. Dynamics of interregional differentiation in Russian regions based on the level of development of information and communication technologies. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, vol. 6, no. 6, pp.384-389.
  18. Benesova I. Regional Cooperation of the Post Soviet Countries—Can it Be Influenced by the Structure of the Economy? *Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendelianae Brunensis*, 2016, vol. 1, no. 6, pp. 1843-1856.
  19. Blaug M. *Economic Theory in Retrospect. 5th Edition*. Cambridge University Press, 1997. P. 659.
  20. Coulibaly S. Regional integration and the persistent uneven spread of economic activities in developing areas. *Economie internationale*, 2006, no. 2, pp. 5-23.
  21. Fasten E.R. *On the Sustainability of Sub-national Government Finance-A Panel Data Approach*. Department of Economics and Management, Humboldt University, Berlin. 2008. P. 27.
  22. Leksin V.N. Regional reality and regional studies. *Regional Research of Russia*, 2015, vol. 5, no. 2, pp. 97-108.
  23. Leonardi R. Have Regions Converged? Sigma and Beta Convergence in Objective 1 and Other EU Regions between 1988 and 1999. *Cohesion Policy in the European Union*. Palgrave Macmillan UK, 2005. Pp. 89-106.
  24. Viegas M., Antunes M. Convergence in Spanish and Portuguese NUTS 3 Regions: exploratory spatial approach. *Intereconomics*, 2013, vol. 48, no. 1, p. 59.

Information about the Authors

Tat'yana Petrovna Skuf'ina – Doctor of Economics, Professor, Acting Director, Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre, Russian Academy of Sciences (24A, Fersman Street, Apatity, 184209, Russian Federation; e-mail: skufina@gmail.com)

Sergei Vladimirovich Baranov – Ph.D. in Physics and Mathematics, Associate Professor, Leading Research Associate, Luzin Institute for Economic Studies of the Kola Science Centre, Russian Academy of Sciences (24A, Fersman Street, Apatity, 184209, Russian Federation; e-mail: bars.vl@gmail.com)

Статья поступила 11.05.2017.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.6

УДК 338.45; 338.2, ББК 65

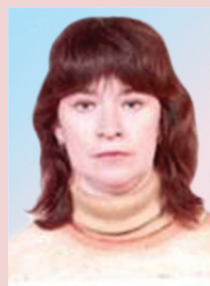
© Хмелева Г.А., Тюкавкин Н.М., Свиридова С.В., Чертопьятов Д.А.

Кластерное развитие региона на основе инноваций в условиях санкций (на примере нефтехимического комплекса Самарской области)*

**Галина Анатольевна
ХМЕЛЕВА**

Самарский государственный
экономический университет
Самара, Россия, 443090,
ул. Советской Армии, д. 141
E-mail: galina.a.khmeleva@
yandex.ru

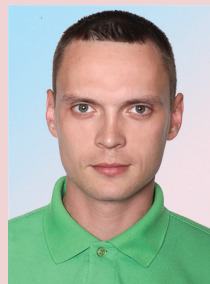
**Светлана Викторовна
СВИРИДОВА**

Воронежский
государственный
технический университет
Воронеж, Россия, 394026,
Московский проспект, д. 14
E-mail: sviridovas1@yandex.ru

**Николай Михайлович
ТЮКАВКИН**

Самарский национальный
исследовательский
университет
Самара, Россия, 443011,
ул. Академика Павлова, д. 1
E-mail: tnm-samara@mail.ru

**Дмитрий Александрович
ЧЕРТОПЯТОВ**

ООО «Самарский ИТЦ»
Самара, Россия, 443090,
ул. Ярмарочная, д. 49
E-mail: Chertopjatov@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-02-00340 «Инновационное развитие российских регионов в условиях санкций: оценки влияния, дифференциация, возможности опережающего развития 2017–2018 гг.».

Для цитирования: Кластерное развитие региона на основе инноваций в условиях санкций (на примере нефтехимического комплекса Самарской области) / Г.А. Хмелева, Н.М. Тюкавкин, С.В. Свиридова, Д.А. Чертопьятов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 83–98. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.6

For citation: Khmeleva G.A., Tyukavkin N.M., Sviridova S.V., Chertopyatov D.A. Cluster development of the region on the basis of innovation under the sanctions (case study of the petrochemical complex in the Samara Oblast). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 83–98. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.6

Аннотация. Приоритетным направлением промышленной политики в современных условиях является обеспечение опережающих темпов экономического развития, что осложняют введенные против России санкции. Одним из объектов особого внимания со стороны стран-инициаторов санкций выступила российская нефтедобывающая промышленность. Цель статьи – обосновать комплекс практических мер по кластерному развитию на основе инноваций как возможность обеспечения экономического роста региона в условиях санкций. В рамках поставленной цели решаются следующие задачи: обосновать кластерный подход в качестве теоретической базы развития промышленного комплекса на инновационной основе; исследовать современное состояние и значение нефтехимического комплекса в экономике Самарской области; обосновать этапы формализации промышленного кластера на основе инноваций. Научная новизна исследования заключается в расширении существующей системы знаний об экономических санкциях не только как инструменте политического давления, но и как ресурсе для опережающего развития регионов. Прикладное использование результатов исследования связано с обоснованием комплекса практических мер, направленных на опережающее развитие с учетом экономической специализации региона. Для достижения поставленной цели были использованы логический, системный и статистический анализ региональной хозяйственной системы на основе общедоступных официальных источников информации. Доказано, что санкции имеют схожую природу с экономическими кризисами, могут и должны быть использованы для мобилизации экономики регионов для опережающего роста. Выявлено, что нельзя недооценивать роль и значение сырьевого сектора в развитии экономики регионов, где он может служить драйвером развития для обрабатывающих отраслей. К числу таких регионов принадлежит Самарская область, в которой нефтехимическим кластером заявлен, но, по сути, представляет собой архаичную систему территориально-промышленного комплекса. В статье выявлены возможности и предложен комплекс практических мер для придания импульса к опережающему развитию формирующегося нефтехимического кластера Самарской области на основе инноваций. Перспективы дальнейших исследований связаны с поиском новых возможностей для ускорения инновационного развития регионов в условиях санкций.

Ключевые слова: кластеры, инновационное развитие, промышленность, регион, санкции.

Введение

С 2014 года российская экономика находится в условиях санкций, усугубляющих и без того сложное экономическое положение регионов [18; 19]. В этих условиях представляется необходимым разработать на основе научного исследования последствий феномена санкций практические меры по вовлечению внутренних ресурсов для обеспечения экономического роста в регионах.

Международные экономические санкции являются средством политического давления, но эффект от них далеко не всегда однозначен [17]. Первоначально введенные со стороны США, поддержанные ЕС и другими странами скорее как политические точечные меры против целого ряда политиков и чиновников, позже санкции приняли явный экономический характер и вызвали широкую дискуссию и неоднозначные оценки данной проблемы. А.Н. Барковский, С.С. Алабян, О.В. Морозен-

кова [2] отмечают «необходимость возобновления экономического сотрудничества между ЕС и Россией». В отличие от данного подхода С.Ю. Глазьев [5, 6] рекомендует перейти от внешних к внутренним источникам развития. М.В. Клинова, Е.А. Сидорова, отмечая возможное долговременное негативное влияние санкций на экономику России, предлагают более активно развивать рыночные механизмы для формирования новой хозяйственной модели «с применением средств налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики, механизмов партнерства государства и частного капитала» [10].

В связи с неоднозначными мнениями по данной проблеме авторы исследования поставили перед собой в качестве цели обоснование комплекса практических мер по кластерному развитию на основе инноваций как возможность обеспечения экономического роста региона в условиях санкций.

При этом последовательно решаются следующие задачи: 1) обосновать кластерный подход в качестве теоретической базы развития промышленного комплекса на инновационной основе; 2) исследовать современное состояние и значение нефтехимического комплекса в экономике Самарской области; 3) обосновать этапы формализации промышленного кластера на основе инноваций. Принципиальная новизна авторского взгляда заключается в расширении существующей системы знаний об экономических санкциях не только как инструменте политического давления, но и как ресурсе для опережающего развития регионов. Прикладное использование результатов исследования связано с обоснованием комплекса практических мер, направленных на опережающее развитие региона с учетом его экономической специализации, что предопределяет оригинальность авторской идеи.

Российская экономика, сильнейшим образом завязанная на добывающий сектор, по мысли разработчиков санкционных мер, должна была серьезно пострадать и впасть в длительную рецессию¹. Надо отметить, что санкции, впрочем, как и совпавшее по времени падение цен на нефть, оказали свое отрицательное влияние на российскую инновационную деятельность. В 2015 году по сравнению с предыдущим периодом инновационная активность организаций остается на низком уровне: 9,3% при целевом значении 11,3%. Затраты на технологические инновации в производстве кокса и нефтепродуктов, химическом производстве снизились на 33,5 и 20,5% соответственно. В промышленном производстве второй год подряд снижается удельный вес инновационных товаров. Однако в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых затраты на технологические инновации на 11,1% увеличились². Начиная с 2016 года можно говорить о смягчении влияния санкций (прежде всего речь идет о режиме инфляционного таргетирования, пря-

мых правительственных программах поддержки отраслей), способствовавшем повышению устойчивости корпоративного нефтедобывающего и химического сектора. В результате объем инвестиций в основной капитал вплотную приблизился к уровню 2013 года, а в добыче и химическом производстве наблюдается рост: по сравнению с уровнем 2015 года 114,4 и 109,6% соответственно.

В 2016–2017 гг. можно выделить следующие обусловленные влиянием экономических санкций условия, которые способны формировать тренды, направленные на интегрированное развитие нефтяной и химической промышленности в форме кластера:

1. В 2016 г. химическая промышленность выступает одним из драйверов выхода российской экономики из рецессии, обеспечивая рост в среднем 107%. Объем отгруженной продукции в химическом производстве увеличился на 25,4%³, производительность труда – на 23,5%, что свидетельствует о модернизации производства в данном секторе. Химическому производству принадлежит важнейшая роль при импортозамещении, равно как и «нефтяным и нефтехимическим компаниям, обладающим сырьевой базой»⁴.

2. Введение санкций стимулировало нефтедобывающие компании предпринять меры к снижению зависимости от импортного оборудования и технологий, включая программное обеспечение. Так, например, ПК НК «Роснефть» актуализировала корпоративную программу импортозамещения, локализации техники и технологий, в которой предусмотрены три приоритетные цели: заключение стратегических соглашений с ведущими мировыми производителями, запуск сборки высокотехнологичного оборудования на территории России, уровень локализации – от 70 до 100%. Если в 2014 году доля импортных закупок составляла 22%, то в 2015 году она была снижена до 17%.

¹ Weiss A.S., Nephew R. The Role of Sanctions in U.S.-Russian Relations. 2016. – URL: <http://carnegiendowment.org/2016/07/11/role-of-sanctions-in-u.s.-russian-relations-pub-64056> (дата обращения: 10.03.2017).

² Официальный сайт Росстата. Наука и инновации. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# (дата обращения: 11.03.2017)

³ Официальный сайт Росстата. Промышленное производство. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/# (дата обращения: 27.07.2017).

⁴ Заводы сами нахмичат // Российская газета. Федеральный выпуск. – 2016. – №6996 (128). – URL: <https://rg.ru/2016/06/14/dolia-importa-v-himicheskoy-promyshlennosti-upala-na-tret.html> (дата обращения: 27.07.2017).

Новый пакет ограничительных мер от июля 2017 г. ставит под угрозу реализацию международных инвестиционных проектов в нефтегазовой сфере, затрагивая интересы широкого круга отечественных и зарубежных участников (инвесторов, кредиторов, поставщиков и потребителей товаров или услуг для российских экспортных проектов). Можно предположить, что реализация нового пакета санкций в определенной мере будет стимулировать дополнительный внутренний спрос в нефтяном секторе на высококачественную продукцию и услуги технологических, промышленных, инжиниринговых, логистических и сервисных компаний, а также финансовых учреждений, ранее поставлявшиеся американскими и европейскими компаниями.

По нашему мнению, санкции наряду с неблагоприятной конъюнктурой цен на нефть являются не просто вызовом, но вполне могут выступить в дальнейшем эффективным драйвером внедрения инноваций в экономике регионов России, стимулируя условия для форсированной разработки и реализации мер для опережающего инновационного развития.

В поддержку данного мнения можно привести позиции М.В. Ершова [9] о том, что необходимо задействовать внутренние ресурсы для повышения роли национального рынка; А.Г. Аганбегяна [1] – о целесообразности форсированными темпами инвестировать в основной капитал и человеческие ресурсы, направляя средства на технологическое обновление действующего производства. Мы, возможно, уже находимся на пороге «новой промышленной революции» [11], однако в погоне за высокими технологиями нельзя забывать о мощных промышленных производственных комплексах, сложившихся в нефтехимическом секторе, с огромным потенциальным рынком, в том числе экспортным.

Е.В. Романов [13] придерживается другой позиции в отношении сырьевого сектора, который, на его взгляд, представляет значительный потенциал для финансового обеспечения будущей реиндустриализации, поскольку позволяет усилить в нем перерабатывающий сегмент производства. В свою очередь, С.Д. Бодрунов [3; 4], Р.С. Гринберг, Д.Е. Сорокин [4] видят проблему в значительном отставании уровня развития обрабатывающего сектора по сравнению

с добычей сырья. По мнению С.Ю. Глазьева, российская экономика имеет все возможности для обеспечения опережающего роста, сдерживаемые в настоящее время недостаточной загрузкой производственных мощностей, низкой эффективностью использования сырьевой базы и научно-технического потенциала [5]. Пришло время структурных реформ, в ходе которых, безусловно, необходимо развивать добычающий сектор, а он должен выступать в качестве источника финансов, сырья, технологий для налаживания производства продукции с высокой долей добавленной стоимости не только в нефтехимии, но и сопряженных отраслях (машиностроение, авиастроение и др.). Согласно Плану развития газо- и нефтехимии в России на период до 2030 г., среднестатистическое потребление полимеров в течение следующих 20 лет существенно вырастет и превысит текущие европейские показатели, что предоставляет значительные возможности для развития отечественного производства⁵. Обращает на себя внимание, что указанные выше позиции относятся к стране в целом. К сожалению, на региональном уровне наблюдается явный пробел в исследованиях, посвященных проблематике развития регионов в условиях санкций. Настоящее исследование нацелено на понимание роли санкций с позиции возможностей для регионального экономического роста. Задача осложняется высокой дифференциацией регионов между собой по уровню социально-экономического развития, специализации, что отрицает применение общих подходов к разработке практических мер по обеспечению экономического роста регионов в условиях санкций. В то же время Самарская область входит в число старопромышленных российских регионов с развитым нефтехимическим комплексом. Поэтому проведенное нами исследование является важным для исследователей, специалистов, представителей органов власти, занимающихся разработкой стратегий и программ развития регионов в период санкционного давления на российскую экономику.

⁵ План развития газо- и нефтехимии России на период до 2030 года, утвержденный приказом Министерства энергетики Российской Федерации от 1 марта 2012 г. № 79. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=588708#0> (дата обращения: 11.03.2017).

Методология исследования

Методологической основой данного исследования послужили системный подход, методы логического, системного и статистического анализа. Эти методы были выбраны, так как, во-первых, они позволяют качественно описать состояние анализируемого объекта, во-вторых, – обеспечить комплексность и полноту охвата всех элементов региональной хозяйственной системы.

Метод логического анализа помог обосновать применение кластерного подхода к проблеме инновационного развития региона в условиях санкций, разработать этапы формализации кластера. Метод статистического анализа был использован для подтверждения выводов относительно современного состояния нефтехимического кластера в Самарской области. В работе применяются также следующие общие методы научных исследований: индукция, дедукция, анализ и синтез. Благодаря использованию этих методов обеспечивается научный характер этого исследования.

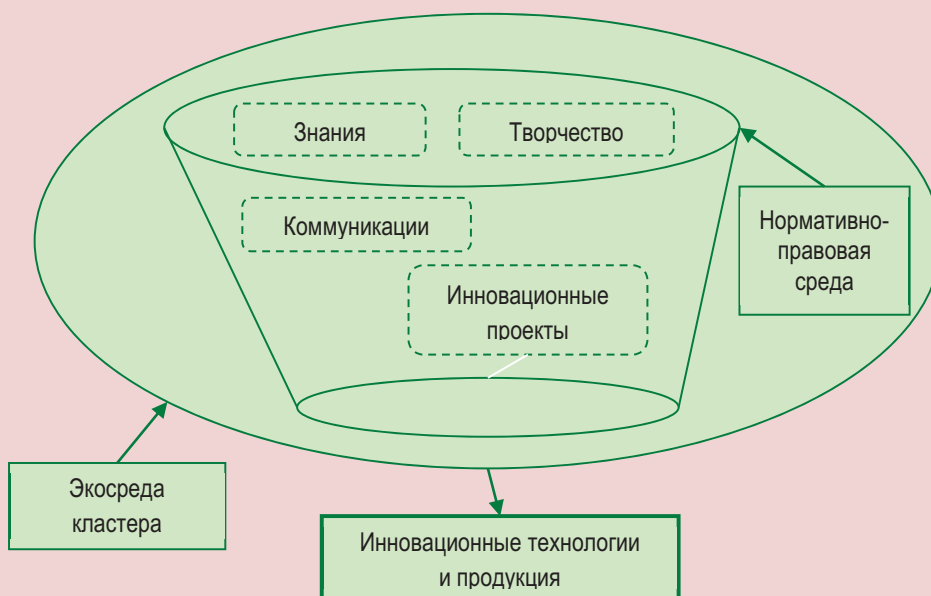
Результаты исследования

Международная теория и практика обеспечения конкурентоспособности региональной

экономики обуславливает необходимость развития российской промышленности на кластерной основе за счет более полного использования конкурентных преимуществ региона, расширения вертикальных и горизонтальных связей участников, активизации инновационной деятельности [12; 16; 21]. При этом именно инновационная деятельность выходит на первый план и становится драйвером для заполнения всего экономического пространства и основой, формирующей экосистему кластера, в которой творчество, знания, коммуникации, нормативно-правовая среда являются жизненно важными для таких инноваций (рис. 1).

В общем смысле кластеры представляют собой концентрацию позитивно взаимодействующих между собой хозяйствующих субъектов, расположенных поблизости. Федеральный закон «О промышленной политике в РФ» определяет промышленный кластер как «совокупность субъектов деятельности в сфере промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного субъекта РФ или на территориях нескольких

Рис. 1. Воронка инноваций в кластере

Источник: составлено авторами.

субъектов РФ»⁶. Определение «промышленный кластер» ограничивает понятие «кластер» совокупностью только субъектов промышленной деятельности, но не предусматривает других участников, которые осуществляют поддерживающие функции, в том числе инновационную составляющую.

В отличие от российской практики, Комиссия по государственной поддержке исследований и инноваций ЕС отнесла создание и развитие кластеров к одному из методов стимулирования инновационной деятельности и определила понятие «кластер» как «систему взаимосвязанных предприятий, исследовательских институтов, расположенных в одном месте» [23].

Таким образом, развитие кластера невозможно рассматривать в отрыве от инновационной деятельности предприятий-участников кластера, поскольку именно она становится основой обеспечения дальнейшего развития кластера.

Учитывая добровольный характер взаимодействия участников кластера, отметим, что согласование их экономических интересов является фактором, обеспечивающим устойчивость всей кластерной системы. В этой связи целесообразно обратить внимание на технологические платформы как новый инструмент государственного регулирования, появившийся чуть более 10 лет назад в странах Европейского союза с целью согласования межстрановых взаимодействий.

Технологические платформы были определены как площадки, где разрабатывается стратегия развития научно-технических направлений, которая затем ложится в основу конкретных программ и проектов Рамочной программы научно-исследовательских работ ЕС [8]. Необходимо отметить, что в России в ряде отраслей уже функционируют технологические платформы, список 27 из них утвержден Правительственной комиссией по высоким технологиям и инновациям⁷. К нефтехимии относятся две тех-

нологические платформы: «Новые полимерные композиционные материалы и технологии», «Глубокая переработка углеводородных ресурсов и утилизация отходов нефтепереработки».

Технологическая платформа представляет собой инструмент коммуникации, способствующий активизации деятельности по созданию новых перспективных технологий, продуктов. Технологическая платформа – своего рода площадка (вне привязки к территории) для обмена ресурсами, привлечения заинтересованных сторон к реализации совместных проектов – может быть использована как механизм межрегионального взаимодействия в работе кластера при осуществлении инновационных проектов.

Еще одним инструментом инновационного развития, активно поддерживаемым на правительственном уровне в последние годы, является Национальная технологическая инициатива, в частности «Технет», «Энерджинет». Заявленная в Послании Президента РФ Федеральному Собранию 4 декабря 2014 года в качестве одной из ответных мер на введенные против России санкции и приоритета государственной политики, Национальная технологическая инициатива представляет собой Программу мер по формированию принципиально новых рынков и созданию условий для глобального технологического лидерства России к 2035 году⁸.

Развитие нефтехимического кластера в стратегической перспективе обязательно должно быть увязано с «дорожными картами» технологических платформ и национальной технологической инициативы.

В случаях пересечения деятельности кластера с деятельностью технологической платформы, национальной технологической инициативы можно рекомендовать следующее:

- увязать мероприятия кластерной инициативы с мероприятиями технологической платформы;
- организовать взаимодействие между представителями технологической платформы, национальной технологической инициативы и стейкхолдерами (участниками. – Примеч. авт.) кластера при выполнении научных проектов, технологических разработок.

⁶ Федеральный закон № 488-ФЗ от 31.12.2014 «О промышленной политике в Российской Федерации». – URL: <http://base.garant.ru/70833138/> (дата обращения: 11.04.2017).

⁷ Инновации в России: официальный сайт Росстата. – URL: <http://innovation.gov.ru/ru/taxonomy/term/2331> (дата обращения: 15.04.2017).

⁸ Заседание президиума Совета по модернизации экономики и инновационному развитию России при Президенте Российской Федерации. – URL: <http://government.ru/news/26436/> (дата обращения: 17.04.2017).

Считаем возможным согласиться с мнением И.Г. Дежиной [8] о том, что технологические платформы могут выступать в качестве инструмента активизации сетевых взаимодействий как внутри кластера, так и между кластерами. Это обосновано тем, что площадки технологических платформ в процессе разработки стратегических направлений развития являются центрами притяжения для экспертов в своих областях, но при этом не привязаны к конкретным территориям.

Чуть более десяти лет назад Г.Р. Хасаев одним из первых в России приступил к реализации на практике кластерной политики в Самарской области, поддерживая позицию преемственности кластеров как альтернативной модели территориально-промышленных комплексов [14, 15]. Не случайно Самарская область является одним из первых в России регионов, начавших изучение и использование кластерного подхода в управлении региональным развитием.

Для создания полноценного нефтехимического кластера в Самарской области требуется осуществление скоординированного развития предприятий нефтеперерабатывающей, нефтехимической, химической отраслей, а также предприятий, использующих базовые полимеры в качестве сырья для дальнейшей переработки.

Как преимуществом, так и недостатком является сложившийся характер цепочки добавленной стоимости в Самарской области от добычи до производства конечной продукции. Менее развит сегмент производства вторичной продукции: растворителей, пластмасс, резины и др. Имеется большое количество отраслевых проектных и образовательных организаций. Это – преимущество, так как в регионе уже есть все основные субъекты кластера, сложившаяся база, инфраструктура. Недостаток – традиционный производственный цикл, сырьевой характер производства, которые будут служить существенным препятствием на пути формирования кластера нового типа, основанного на инновациях. Высокие цены на нефть вплоть до 2014 г. позволяли обеспечивать маржу, достаточную для безбедного существования нефтяных компаний, и имели дестимулирующий характер для перехода отрасли к инновацион-

ному развитию, что можно связать с «эффектом Гронингена»⁹. «Двойной удар» по российской экономике, выразившийся в снижении мировых цен на нефть и экономических санкциях, основное место в которых занимает нефтегазовый сектор, обусловили необходимость пересмотра инструментария развития отрасли.

В связи с этим в Самарской области уже есть понимание того, что развитие кластеров должно осуществляться только с поддержкой их «инновационности»¹⁰. Рассматривая нефтехимический кластер, необходимо учитывать его специфику, которая заключается в вертикальной интеграции корпорации – ядра кластера (ПАО НК «Роснефть»), территориально выходящей за рамки одного региона как административно-территориального образования, что затрудняет организационно-экономическое регулирование развития кластера на уровне принятия региональных управленческих решений. Вместе с тем кластерная политика в нефтехимии, реализуемая на инновационной основе, является приоритетной в Самарской области.

Так, в настоящее время подготовлен проект Стратегии социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года¹¹, в которой стратегические перспективы развития области напрямую связаны с одним из трех приоритетных кластеров – нефтехимическим. Постановлением Правительства Самарской области «Об утверждении государственной программы Самарской области «Создание благоприятных условий для инвестиционной и инновационной деятельности в Самарской области» на 2014–2018 годы» определено, что «основной перспективной задачей Правительства

⁹ «Эффект Гронингена» (голландская болезнь) – негативный эффект, оказываемый укреплением национальной валюты в связи с высокими ценами на экспортируемое сырье, что способствует развитию сырьевых секторов экономики страны. Этот эффект наблюдается в российской экономике с начала 2000-х годов. Подробнее в работе: Хамфрис М., Сакс Дж., Стиглиц Дж. Как избежать ресурсного проклятия. – М.: Ин-т Гайдара, 2011. – 464 с.

¹⁰ Приказ Министерства промышленности и технологий Самарской области «Об утверждении Плана развития нефтехимического комплекса Самарской области на период до 2018 года» №170-п от 22 декабря 2015 года.

¹¹ Стратегия социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года: проект. – URL: <http://economy.samregion.ru/>

Самарской области является системная работа по формированию и реализации инновационных проектов, продвижению инновационной продукции на отечественном и мировом рынках, развитию сотрудничества в инновационной сфере, обеспечению скоординированной работы созданных институтов инновационного развития, содействию реализации кластерных инициатив и проектов»¹².

Нефтяная промышленность Самарской области по сравнению с другими регионами имеет особые конкурентные преимущества. В первую очередь, это определено тем, что на территории области нефтяное сырьё проходит всю технологическую цепочку: от добычи до производства товарной продукции. Оценивая динамику добычи и переработки в 2013–2016 годах, следует отметить рост добычи при одновременно снижающихся объемах переработки (таблица).

Положительная динамика добычи нефти связана с внедрением в последние годы инновационных технологий, обеспечиваемым крупным инвестированием нефтедобывающих организаций. Так, в период с 2012 по 2015 год инвестиции в нефтедобывающую промышленность Самарской области составили 10,34 млрд. руб. В 2016–2018 гг. было запланировано выделить еще свыше 63,4 млрд. руб. инвестиций.

Переработка нефти в Самарской области осуществляется на трех крупных НПЗ, входя-

щих в структуру ОАО «НК „Роснефть”»: АО «Новокуйбышевский НПЗ», АО «Куйбышевский НПЗ», АО «Сызранский НПЗ». Мощность трех нефтеперерабатывающих заводов самарской группы НК «Роснефть» превышает 21 млн. тонн в год. Наибольший удельный вес в переработке нефтяного сырья принадлежит Новокуйбышевскому НПЗ. Снижение переработки обусловлено главным образом сокращением объемов нефти, поступившей на переработку. В этих условиях, а также в связи со снижением экспорта нефтепродуктов в 2016 году на 23% – до уровня 2013 года (6 млн. тонн) – особую важность приобретают вопросы повышения эффективности нефтеперерабатывающих предприятий на основе внедрения новых технологий, которые позволяют повысить глубину переработки. Величина данного показателя в Самарской области в 2016 году составила 74%. В 2018 году данный показатель планируется увеличить до 90%¹³.

С целью увеличения глубины переработки, повышения экологической и промышленной безопасности в нефтеперерабатывающей отрасли активно осуществляется строительство новых и модернизация действующих технологических установок. Так, например, в 2016–2019 гг. компания Domanik Oil AS в рамках пилотного проекта проведет бурение и испытание как минимум трех горизонтальных поисковых скважин, а также расширенный комплекс

Динамика добычи и переработки нефти в Самарской области (2013–2016 гг.)*

Год	Добыча		Переработка	
	Объем, млн. тонн.	Прирост, %	Объем, млн. тонн.	Прирост, %
2013	15,2	-	22,0	-
2014	15,6	2,6	22,1	0,45
2015	16,5	5,8	20,8	-5,9
2016	16,7	1,2	19,7	-5,29

* Составлено авторами по данным Министерства экономического развития, инвестиций и торговли; СамараСтат.

Источники: Сценарные условия социально-экономического развития Самарской области на 2015 год и плановый период 2016 и 2017 годов; Сценарные условия социально-экономического развития Самарской области на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 годов; Природные ресурсы и охрана окружающей среды: Самарский статистический ежегодник. 2015. – С. 234.

¹² Постановление Правительства Самарской области «Об утверждении государственной программы Самарской области „Создание благоприятных условий для инвестиционной и инновационной деятельности в Самарской области” на 2014–2018 годы» от 14.11.2013 № 622. – URL: <http://www.innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2016/71103/6364.pdf> (дата обращения: 17.05.2017).

¹³ Итоги социально-экономического развития Самарской области за январь – август 2016 года и ожидаемые итоги развития за 2016 год. – URL: http://economy.samregion.ru/upload/iblock/c28/2_itogi_2016.docx (дата обращения: 14.04.2017).

исследований на лицензионных участках недр одного из крупнейших предприятий нефтехимического комплекса Самарской области АО «Самаранефтегаз». Своеобразным научно-техническим полигоном для отработки новых прогрессивных технологий нефтедобычи является АО «РИТЭК», дочернее предприятие компании «Лукойл». Множество небольших месторождений на территории Самарской области способствуют тестированию новых разработок в нефтедобыче.

Химическая промышленность активно развивается и относится к базовым для региона, обеспечивая 14% в структуре промышленного производства. В 2016 г., в отличие от прочих видов деятельности, химическая промышленность показывает рост 104% к уровню 2015 года, обусловленный благоприятной для импортозамещения ситуацией¹⁴.

Развитию химического производства в Самарской области способствует реализация инвестиционных проектов на крупнейших химических предприятиях и на промышленной площадке специализированного индустриального парка «Тольяттисинтез». Несмотря на то, что отрасль нефтехимии давно занимает прочное место в структуре хозяйствования Самарской области, включая в свой состав более 30 предприятий, обозначить их совместную деятельность в форме кластера пока еще преждевременно, поскольку структура и модель взаимодействия между производственными предприятиями, вузами, обеспечивающими организациями сложились достаточно давно и развиваются в рамках текущих хозяйственных потребностей. Для прорывного развития нефтехимического кластера на инновационной основе необходима разработка и реализация практических мер, направленных на упорядочение экономических и управленческих отношений на основе творчества, создания и использования знаний, сетевого взаимодействия и коммуникации в процессе совместного осуществления инновационных проектов, в том числе и в смежных областях.

¹⁴ Итоги социально-экономического развития Самарской области за январь – август 2016 года и ожидаемые итоги развития за 2016 год. – URL: http://economy.samregion.ru/upload/iblock/c28/2_itogi_2016.docx (дата обращения: 14.04.2017).

Опираясь на работы ведущих отечественных (А.Г. Аганбегян [1], И.В. Пилипенко [12], С.Д. Бодрунов [3; 4], Р.С. Гринберг, Ю.В. Яковец [4] и др.) и зарубежных (М. Портер [21; 22], М. Энрайт [16] и др.) ученых по проблемам развития промышленности в регионах, мы полагаем, что вся работа по формализации кластера должна быть направлена на то, чтобы со временем нефтехимический кластер Самарской области приобрел черты ведущих мировых нефтехимических кластеров и стал высокоинтегрированной промышленной средой отрасли, в которой множество партнеров (поставщиков, подрядчиков и клиентов) на инновационной основе обеспечивают своё максимально эффективное взаимодействие в рамках цепочек бизнес-процессов. Реализацию практических мер по развитию нефтехимического кластера на основе инноваций предлагаем выполнить в несколько этапов (рис. 2).

Подготовительный этап. Формирование инициативной группы необходимо осуществлять из числа организаций, технологически объединенных основными и поддерживающими бизнес-процессами. Инициаторами формализации кластера могут быть любые из представленных на территории Самарской области крупных предприятий нефтехимии, например, такие как: ОАО «Самаранефтегаз», АО «Куйбышевский НПЗ», АО «Новокуйбышевский НПЗ», АО «Новокуйбышевская нефтехимическая компания», АО «Сызранский НПЗ», ПАО «КуйбышевАзот», ОАО «ТольяттиАзот», ООО «СИБУР Тольятти», АО «Промсинтез» и другие.

Научно-исследовательскую поддержку нефтехимического комплекса осуществляют отраслевые научно-исследовательские институты: АО «Гипровостокнефть», ООО «СамараНИПИнефть», ПАО «Самаранефтехимпроект», ПАО «Средневожский НИИ по нефтепереработке», АО «Тольяттинский институт азотной промышленности» и др.; высшие учебные заведения: Самарский государственный технический университет, Тольяттинский государственный университет и др.

Основной этап. Необходимым условием, обеспечивающим образование нефтехимического кластера Самарской области, является поддержка проекта со стороны федеральных и региональных органов власти. Инициативной группе необходимо определить наряду с орга-

Рис. 2. Этапы формализации нефтехимического кластера на основе инноваций

Источник: составлено авторами.

низационными вопросами цели и задачи формирования кластера, направления его развития, точки взаимодействия с профильной технологической платформой, перспективы сотрудничества с национальной технологической инициативой, разработать проект функциональной карты кластера.

Для координации деятельности по инновационному развитию кластера следует создать управляющую компанию (центр кластерной инициативы) в форме некоммерческой организации или ассоциации. Центры кластерных инициатив должны стремиться выявлять потребности как промышленности, так и научных кругов и служить средством удовлетворения потребности в сотрудничестве за счет благоприятной региональной экосистемы.

Финансовое обеспечение деятельности организации-координатора осуществляется за счет выплат участниками кластера взносов, а также посредством оплаты услуг и сервисов, предоставляемых управляющей компанией кластера в интересах его участников и инфраструктуры кластера. Основные функции управляющей компании связаны с организационным, методическим, экспертно-аналитическим и информационным сопровождением участников кластера с целью его поступательного развития.

В совместной работе участники кластера разрабатывают схему влияния нефтехимического кластера на его производственно-технологическую кооперацию, представляющую собой графическую схему изменений в коо-

перации участников при совместной деятельности в рамках кластера. В проекте Стратегии социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года¹⁵ представлена технологическая карта развития кластера нефтедобычи, нефтепереработки, нефтехимии и химии Самарской области.

Участники кластера разрабатывают программу (проект) развития, в которую входит пул совместных проектов, реализация которых направлена на развитие участников с учетом необходимой поддержки со стороны органов власти. Предпочтение должно быть отдано инновационным проектам, а также направленным на решение задач импортозамещения, инновационного развития. В целях обеспечения активизации усилий по созданию перспективных коммерческих технологий, новых продуктов (услуг), привлечению дополнительных ресурсов для проведения исследований и разработок на основе участия всех заинтересованных сторон (бизнеса, науки, государства, гражданского общества) целесообразно использовать технологические платформы – «Новые полимерные композиционные материалы и технологии», «Глубокая переработка углеводородных ресурсов и утилизация отходов нефтепереработки».

На подготовительном и основном этапах следует воспользоваться методическими материалами, разработанными Минпромторгом РФ, НИУ ВШЭ¹⁶. В данном пакете достаточно подробно представлено описание организационно-методического сопровождения создания кластера.

Проектный этап. Создание проектного офиса в составе центра кластерных инициатив, осуществляющего планирование, методическую поддержку и контроль выполнения совместных проектов. В составе проектного офиса можно выделить группу исследовательских проектов (предприятия, вузы, НИИ, гран-

тодатели), группу промышленных проектов (с привлечением инжиниринговых компаний FEED, PMC, EPC-подрядчиков) и группу сервисных и инфраструктурных проектов.

Необходимо отметить, что в Самарской области созданы все предпосылки для формирования и развития нефтехимического кластера. Она включена в федеральную программу развития нефтехимической отрасли. Область обладает стабильным и качественным инвестиционным климатом и входит в первую десятку субъектов РФ по уровню инвестиционного потенциала. Руководство области в течение длительного времени относится к организации нефтехимического кластера как к приоритетной деятельности.

По инициативе Правительства Самарской области создана с использованием средств областного бюджета, с привлечением федеральных средств система инфраструктурных организаций для поддержки и продвижения инновационных разработок, в которую входят Инновационный фонд Самарской области, Региональный центр инноваций и трансфера технологий, Региональный венчурный фонд, Центр инновационного развития и кластерных инициатив, технопарк, пять бизнес-инкубаторов, Гарантийный фонд, Информационно-консалтинговое агентство, Ассоциация малых инновационных предприятий Самарской области, микрофинансовые и другие организации.

Среди успехов в этом направлении можно назвать, в частности, два открывающихся в области индустриальных химических парка. Один из них находится под управлением российского химического гиганта – компании «СИБУР». В парках смогут разместиться как успешные российские, так и международные компании. Кроме того, развитие нефтехимического кластера проходит с вовлечением крупнейшего игрока отрасли – НК «Роснефть» – в рамках принятой и регулярно обновляемой стратегии кластеризации.

Анализ и пояснение полученных результатов

Размышляя о путях опережающего развития России в условиях глобального кризиса, С.Ю. Глазьев в своей монографии справедливо пишет, что «для любой страны необходимым условием благополучного выхода из кризиса является наличие собственной стратегии, ори-

¹⁵ Проект Стратегии социально-экономического развития Самарской области на период до 2030 года. – URL: <http://economy.samregion.ru/> (дата обращения: 10.04.2017).

¹⁶ Методические материалы по созданию промышленного кластера. Проект от 01.12.2015 / Минпромторг России, НИУ ВШЭ. – URL: http://spbcluster.ru/files/proekt_metodicheskikh_rekomendacij_po_formirovaniyu_promyshlennogo_klastera_23_11_15.pdf (дата обращения: 10.04.2017).

ентированной на сохранение своего экономического потенциала и опережающее создание предпосылок роста новых производств» [6].

Полученные результаты расширяют научное представление о том, что санкции являются не только источником негативных воздействий на экономику, но и предоставляют возможности для опережающего инновационного развития регионов. Это обосновано следующим.

Во-первых, поддерживая точку зрения ведущих российских ученых (С.Ю. Глазьев, С.Д. Бодрунов, Р.С. Гринберг, и др.), мы показали, что в условиях экономических санкций сырьевой сектор необходимо развивать в смежных обрабатывающих отраслях.

Во-вторых, от региональных псевдокластеров, по сути представляющих собой в настоящее время архаичную структуру территориально-промышленных комплексов (как нефтехимический комплекс Самарской области), необходимо переходить к кластерам новой формации (соответствующий мировой опыт уже наработан), основу которых составляет сетевое взаимодействие участников при реализации инновационных проектов при тесном сотрудничестве с национальной технологической инициативой по профилю кластера.

В-третьих, с учетом современного опыта, новых институтов инновационного развития, таких как национальная технологическая инициатива, региональной специфики структуры нефтехимического комплекса предложены этапы формализации нефтехимического кластера на основе инноваций, что позволит, на наш взгляд, придать новый импульс его развитию.

Развитие нефтехимического кластера имеет принципиальное значение для будущего экономического развития Самарской области, поскольку, судя по прогнозам, у неё значительный потенциальный рынок сбыта, обеспечивающий более высокие темпы роста по сравнению с другими отраслями, например с автомобилестроением, до недавнего времени доминировавшим в регионе. Кроме того, здесь занята значительная часть трудоспособного населения.

Резюмируя сказанное выше, среди благоприятных возможностей для инновационного развития кластера отметим ключевые, это:

- поддержка кластерной инициативы на федеральном, областном уровне;

- реализация национальной технологической платформы, комплекса программ по импортозамещению, технологическому развитию, так как шансы участия в них повышаются при реализации крупных совместных инновационных проектов;

- интеграция нефтехимии Поволжья с нефтепереработкой, нефтехимическими предприятиями Самарской области, позволяющая выпускать большое количество продуктов, что является преимуществом перед предприятиями Западной Сибири¹⁷;

- компактное расположение предприятий, позволяющее максимально оптимизировать логистику.

Полемика по поводу результатов

Для успешной инновационной деятельности в кластерах необходима соответствующая экосистема, причем обязательным условием являются открытые взаимоотношения между заинтересованными сторонами. Российские регионы все еще находятся в начале пути кластерного развития, в то время как западные страны уже накопили достаточный опыт [24], и не только положительный, что оставляет поле для научных дискуссий в нашей стране. Так, например, К.Р. Остергаард и Е. Парк (*Ch. R. Østergaard & E. Park*) [20] в своем исследовании проявляют некий скептицизм относительно развивающей роли кластера и показывают, что в случаях неожиданных изменений технологий и рыночных условий кластеры сокращаются, чему способствует деятельность транснациональных компаний, которые могут в короткие сроки вывести значительные ресурсы. Такого рода результаты необходимо учитывать, и, более того, эта проблема отрицательных кластерных эффектов требует более глубокого изучения, но, видимо, это дело будущего.

В проведенном нами исследовании был показан на примере Самарской области процесс выявления возможностей для развития экономики региона в условиях санкций с учетом его специализации. Предложенные практические меры формализации нефтехимического кластера могут быть использованы региональными властями, а также заинтересованными хозяй-

¹⁷ В Самарской области воссоздается нефтехимический кластер. – URL: <http://tlt.volga.news/article/216413.html> (дата обращения: 02.05.2017).

ствующими субъектами в деле инновационного развития региона, и не только Самарской области, но и других регионов со схожей специализацией. Представляется, что кластерное развитие не является панацеей в условиях санк-

ций и необходимы дальнейшие исследования перспективных возможностей инновационного развития регионов в условиях санкционного давления с учетом специфики и специализации регионального хозяйства.

Литература

1. Аганбегян, А.Г. Как нам преодолеть стагнацию [Текст] / А. Аганбегян // Вольная экономика. – 2017. – № 1. – С. 15-23.
2. Барковский, А.Н. Последствия западных санкций и ответных санкций РФ [Текст] / А.Н. Барковский, С.С. Алабян, О.В. Морозенкова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 9. – С. 3-7.
3. Бодрунов, С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка [Текст] / С.Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб. : ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. – 328 с.
4. Бодрунов, С.Д. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски [Текст] / С.Д. Бодрунов, Р.С. Гринберг, Д.Е. Сорокин // Экономическое возрождение России. – 2013. – № 1(35). – С. 19-49.
5. Глазьев, С.Ю. Размышления о путях обеспечения роста российской экономики [Текст] / С.Ю. Глазьев // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2016. – Т. 202. – С. 40-51.
6. Глазьев, С.Ю. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике [Текст] / С.Ю. Глазьев // Вопросы экономики. – 2014. – № 9. – С. 13-29.
7. Глазьев, С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса [Текст] / С.Ю. Глазьев. – М. : Экономика, 2010.
8. Дежина, И.Г. Технологические платформы и инновационные кластеры: вместе или порознь? [Текст] / И.Г. Дежина. – М. : Издательство Института Гайдара, 2013. – С. 10-13.
9. Ершов, М.В. Какая экономическая политика нужна России в условиях санкций? [Текст] / М.В. Ершов // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 37-53.
10. Клинова, М. В. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским союзом [Текст] / М.В. Клинова, Е.А. Сидорова // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 67-79.
11. Никитин, Г. IV промышленная революция в России [Текст] / Г. Никитин // Вольная экономика. – 2017. – № 1. – С. 45-49.
12. Пилипенко, И.В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы [Текст] / И.В. Пилипенко. – Смоленск : Ойкумена, 2005. – С. 92.
13. Романов, Е.В. Какой капитализм нужен России?: методологические ориентиры «новой индустриализации» [Текст] / Е.В. Романов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 90-108. DOI: 10.15838/esc/2017.2.50.5
14. Хасаев, Г.Р. Кластеры – современные инструменты повышения конкурентоспособности региона (через партнерство к будущему) [Электронный ресурс] / Г.Р. Хасаев, Ю.В. Михеев. – URL: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1977/html/media27848/13_G_R_Xasaev_U_V_Mixeev_Klaster_4erez_partnerstvo_k_buduhemu.doc.
15. Хасаев, Г.Р. Экономический кластер: методология исследования, проблемы и задачи [Текст] : монография / Г.Р. Хасаев, О.Г. Исаев, М.Ю. Садовенко. – Самара : Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2016. – 140 с.
16. Enright, M.J. Regional clusters: What we know and what we should know [Text] / M.J. Enriqth // Innovation Clusters and Interegional Competition : in 2 p. ; edited by J. Brocker, D. Dohse, R. Soltwedel. – Berlin: Springer. – 2003. – Part II. – P. 99-129. DOI: 10.1007/978-3-540-24760-9_6
17. Hufbauer, G.C. Economic Sanctions Reconsidered [Text] / G.C. Hufbauer, J.S. Schott, K.A. Elliott, B. Oegg; Peterson Institute For International Economics. – 3rd ed. – Washington: DC. – 2008. – 233 p.
18. Khmeleva, G.A. From the 2008 to the 2014 crisis: response of the labor market of russia's largest cities [Text] / G.A. Khmeleva, O.A. Bulavko // International Journal of Environmental and Science Education. – 2016. – Vol. 11(10). – P. 3791-3806.

19. Khmeleva, G.A. Identification of Perspective Transborder Clusters of Russia and Kazakhstan [Text] / G.A. Khmeleva, L.V. Orlova, O.A. Bulavko, K.O. Kostromin, S.K. Umerbaeva // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2015. – Vol. 6 (4). – P. 302-312. DOI:10.5901/mjss.2015.v6n4s2p302
20. Østergaard, C.R. What Makes Clusters Decline? A Study on Disruption and Evolution of a High-Tech Cluster in Denmark [Text] / C.R. Østergaard, E. Park // *Regional Studies*. – 2015. – Vol. 49(5). – P. 834-849. DOI: 10.1080/00343404.2015.1015975
21. Porter, M.E. Clusters and the new economics of competition [Electronic resource] / M.E. Porter // *Harvard Business Review*. – 1998. – Vol. 76(6). – Mode of access: <https://hbr.org/1998/11/clusters-and-the-new-economics-of-competition>
22. Porter, M.E. The Economic Performance of Regions [Text] / M.E. Porter // *Regional Studies*. – 2003. – Vol. 37(6-7). – P. 549-578. DOI: 10.1080/0034340032000108688
23. Putting knowledge into practice: A broad-based innovation strategy for the EU. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.cedefop.europa.eu/en/news-and-press/news/putting-knowledge-practice-broad-based-innovation-strategy-eu>
24. Sölvell, Ö. Industrial specialization and regional clusters in the ten new EU member states [Text] / Ö. Sölvell, Ch. Ketels, G. Lindqvist // *Competitiveness Review: An International Business Journal*. – 2008. – Vol. 18. – Issue: 1/2. – P. 104-130. DOI: 10.1108/10595420810874637

Сведения об авторах

Галина Анатольевна Хмелева – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры региональной экономики и управления, Самарский государственный экономический университет (Российская Федерация, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141; e-mail: galina.a.khmeleva@yandex.ru)

Николай Михайлович Тюкавкин – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики инноваций, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (Российская Федерация, 443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1; e-mail: tnm-samara@mail.ru)

Светлана Викторовна Свиридова – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления на предприятии машиностроения, Воронежский государственный технический университет (Российская Федерация, 394026, г. Воронеж, Московский пр-т, д. 14; e-mail: sviridovas1@yandex.ru)

Дмитрий Александрович Чертопьятов – инспектор 1-й категории отдела нефтепромыслового оборудования, ООО «Самарский ИТЦ» (Российская Федерация, 443090, г. Самара, ул. Ярмарочная, д. 49; e-mail: Chertopjatov@mail.ru)

Khmeleva G.A., Tyukavkin N.M., Sviridova S.V., Chertopyatov D.A.

Cluster Development of the Region on the Basis of Innovation Under the Sanctions (Case Study of the Petrochemical Complex in the Samara Oblast)

Abstract. In modern conditions, ensuring rapid economic development is a priority task for industrial policy, but its achievement is hampered by the sanctions imposed on Russia. Russian oil industry has become an object of special attention to the countries that initiated the sanctions. The goal of the paper is to substantiate a set of practical measures that promote cluster development through innovation as an opportunity to facilitate economic growth in the region under the sanctions. In the framework of the goal we achieve the following objectives: we substantiate the cluster approach as a theoretical framework for the innovation-driven development of the industrial complex; we explore the current state and the value of the petrochemical complex in the economy of the Samara Oblast; we justify the stages of formalization

of the industrial cluster on the basis of innovation. Scientific novelty of the research consists in the fact that it expands the existing system of knowledge about economic sanctions not only as a tool of political pressure, but also as a resource for priority development of regions. The application of the research findings is associated with substantiating a set of practical measures to achieve priority development taking into account economic specialization of the region. The goal is achieved with the use of logical, systematic and statistical analysis of the regional economic system, and the data is taken from publicly available official sources. We prove that the nature of the sanctions is similar to that of economic crises, and the sanctions can and should be used to promote advanced growth in regional economies. We point out that one should not underestimate the role and importance of the raw materials sector in economic development in the regions where it can serve as a driver of development for manufacturing industries. The Samara Oblast is one of such regions; it has a petrochemical cluster, which in fact is an archaic system of a territorial-industrial complex. The paper reveals opportunities and proposes a set of practical measures to facilitate priority development of an emerging petrochemical cluster in the Samara Oblast on the basis of innovation. The prospects for further research include a search for new opportunities to accelerate innovative development of regions under the sanctions.

Key words: clusters, innovation development, industry, region, sanctions.

References

1. Aganbegyan A.G. Kak nam preodolet' stagnatsiyu [How we can overcome stagnation]. *Vol'naya ekonomika* [Free economy], 2017, no. 1, pp. 15-23. (In Russian).
2. Barkovskii A.N., Alabyan S.S., Morozenkova O.V. Posledstviya zapadnykh sanktsii i otvetnykh sanktsii RF [Effects of western sanctions and Russia's reciprocal sanctions]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian foreign economic journal], 2015, no. 9, pp. 3-7. (In Russian).
3. Bodrunov S.D. *Gryadushchee. Novoe industrial'noe obshchestvo: perezagruzka* [What is yet to come. A new industrial society: reload]. Second edition revised and supplemented. Saint Petersburg: INIR im. S.Yu. Vitte, 2016. 328 p. (In Russian).
4. Bodrunov S.D., Grinberg R.S., Sorokin D.E. Reindustrializatsiya rossiiskoi ekonomiki: imperativy, potentsial, riski [Reindustrialization of the Russian economy: imperatives, potential, risks]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic revival of Russia], 2013, no. 1 (35), pp. 19-49. (In Russian).
5. Glaz'ev, S.Yu. Razmyshleniya o putyakh obespecheniya rosta rossiiskoi ekonomiki [Thoughts about ways to ensure economic growth of Russia]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 2016, vol. 202, pp. 40-51. (In Russian).
6. Glaz'ev S.Yu. Sanktsii SShA i politika Banka Rossii: dvoynoi udar po natsional'noi ekonomike [US sanctions and the policy of the Bank of Russia: double blow to the national economy]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of economy], 2014, no. 9, pp. 13-29. (In Russian).
7. Glaz'ev S.Yu. *Strategiya operezhayushchego razvitiya Rossii v usloviyakh global'nogo krizisa* [Strategy of priority development of Russia in the global crisis]. Moscow: Ekonomika, 2010. (In Russian).
8. Dezhina I.G. *Tekhnologicheskie platformy i innovatsionnye klasteri: vmeste ili porozn'?* [Technology platforms and innovation clusters: together or separately?]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2013. Pp. 10-13. (In Russian).
9. Ershov M.V. Kakaya ekonomicheskaya politika nuzhna Rossii v usloviyakh sanktsii? [What economic policy does Russia need under the sanctions?]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of economy], 2014, no. 12, pp. 37-53. (In Russian).
10. Klinova M.V., Sidorova E.A. Ekonomicheskie sanktsii i ikh vliyanie na khozyaistvennye svyazi Rossii s Evropeiskim soyuzom [Economic sanctions and their impact on economic ties between Russia and the European Union]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of economy], 2014, no. 12, pp. 67-79. (In Russian).
11. Nikitin G. IV promyshlennaya revolyutsiya v Rossii [The fourth industrial revolution in Russia]. *Vol'naya ekonomika* [Free economy], 2017, no. 1, pp. 45-49.
12. Pilipenko I. V. *Konkurentosposobnost' stran i regionov v mirovom khozyaistve: teoriya, opyt malykh stran Zapadnoi i Severnoi Evropy* [Competitiveness of countries and regions in the world economy: theory, experience of small countries of Western and Northern Europe]. Smolensk: Oikumena, 2005. P. 92. (In Russian).

13. Romanov E.V. Kakoi kapitalizm nuzhen Rossii?: metodologicheskie orientiry “novoi industrializatsii” [What Capitalism Does Russia Need?: Methodological Guidelines of the “New Industrialization”]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2017, vol. 10, no. 2, pp. 90-108. DOI: 10.15838/esc/2017.2.50.5. (In Russian).
14. Khasaev G.R., Mikheev Yu.V. *Klastery – sovremennyye instrumenty povysheniya konkurentosposobnosti regiona (cherez partnerstvo k budushchemu)* [Clusters – modern instruments to enhance the competitiveness of the region (through partnership toward the future)]. Available at: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1977/html/media27848/13_G_R_Xasaev_U_V_Mixeev_Klaster_4erez_partnerstvo_k_buduhemu.doc. (In Russian).
15. Khasaev G.R., Isaev O.G., Sadovenko M.Yu. *Ekonomicheskii klaster: metodologiya issledovaniya, problemy i zadachi: monografiya* [Economic cluster: research methodology, problems and tasks: a monograph]. Samara: Izd-vo Samar. gos. ekon. un-ta, 2016. 140 p. (In Russian).
16. Enright M.J. Regional clusters: What we know and what we should know. In: Broucker J., Dohse D., Soltwedel R. (Eds.). *Innovation Clusters and Interregional Competition: in 2 parts*. Berlin: Springer, 2003. Part 2. Pp. 99-129. DOI 10.1007/978-3-540-24760-9_6
17. Hufbauer G.C., Schott J.S., Elliott K.A., Oegg B. *Economic Sanctions Reconsidered*. Third edition. Peterson Institute For International Economics. Washington DC, 2008. 233 p.
18. Khmeleva G.A., Bulavko O.A. From the 2008 to the 2014 crisis: response of the labor market of Russia’s largest cities. *International Journal of Environmental and Science Education*, 2016, vol. 11 (10), pp. 3791-3806.
19. Khmeleva G.A., Orlova L.V., Bulavko O.A., Kostromin K.O., Umerbaeva S.K. Identification of Perspective Transborder Clusters of Russia and Kazakhstan. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, vol. 6 (4), pp. 302-312. DOI:10.5901/mjss.2015.v6n4s2p302
20. Østergaard C.R., Park E. What Makes Clusters Decline? A Study on Disruption and Evolution of a High-Tech Cluster in Denmark. *Regional Studies*, 2015, vol. 49 (5), pp. 834-849. DOI: 10.1080/00343404.2015.1015975
21. Porter M.E. Clusters and the new economics of competition. *Harvard Business Review*, 1998, vol. 76 (6). Available at: <https://hbr.org/1998/11/clusters-and-the-new-economics-of-competition>
22. Porter M.E. The Economic Performance of Regions. *Regional Studies*, 2003, vol. 37 (6-7), pp. 549-578. DOI: 10.1080/0034340032000108688
23. *Putting knowledge into practice: A broad-based innovation strategy for the EU*. Available at: <http://www.cedefop.europa.eu/en/news-and-press/news/putting-knowledge-practice-broad-based-innovation-strategy-eu>
24. Sölvell Ö., Ketels Ch., Lindqvist G. Industrial specialization and regional clusters in the ten new EU member states. *Competitiveness Review: An International Business Journal*, 2008, vol. 18, no. 1/2, pp. 104-130. DOI: 10.1108/10595420810874637

Information about the Authors

Galina Anatol'evna Khmeleva – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor at the Department of Regional Economics and Management, Samara State University of Economics (141, Sovetskoi Armii Street, Samara, 443090, Russian Federation; e-mail: galina.a.khmeleva@yandex.ru)

Nikolai Mikhailovich Tyukavkin – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economics of Innovation, Academician S.P. Korolev Samara National Research University (1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation; e-mail: tnm-samara@mail.ru)

Svetlana Viktorovna Sviridova – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor at the Department of Economics and Management at Mechanical Engineering Enterprises, Voronezh State Technical University (14, Moskovsky Avenue, Voronezh, 394026, Russian Federation; e-mail: sviridovas1@yandex.ru)

Dmitrii Aleksandrovich Chertopyatov – First Category Inspector at the Department of Oilfield Equipment, OOO Samara Engineering and Technological Center (49, Yarmarochnaya Street, Samara, 443090, Russian Federation; e-mail: Chertopjatov@mail.ru)

Статья поступила 16.05.2017.

DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.7

УДК 338.242, 351.712, ББК 65.050

© Смотрицкая И.И., Шувалов С.С.

Развитие института публичных закупок (к формированию новой модели контрактной системы закупок)

**Ирина Ивановна
СМОТРИЦКАЯ**

Институт экономики Российской академии наук
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32
E-mail: irinasmot@yandex.ru

**Сергей Сергеевич
ШУВАЛОВ**

Институт экономики Российской академии наук
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32
E-mail: shuvalov@iacenter.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы институциональных изменений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения общественных нужд. Целью данной статьи является разработка нового концептуального подхода к формированию институциональной модели контрактной системы закупок. Показано, что основные понятия действующей модели контрактной системы остаются вне общеобязательных и формально определенных категорий в условиях нестабильности законодательного регулирования. Сформулирована задача систематизации понятийного и терминологического аппарата для выделения и разграничения отдельных сегментов рынка закупок. Для реализации этой задачи в статье проведен анализ основополагающих дефиниций законодательных актов международных организаций и национальных государств, рассмотрены ключевые подходы, принципы и выделены специфические национальные особенности регули-

Для цитирования: Смотрицкая, И.И. Развитие института публичных закупок (к формированию новой модели контрактной системы закупок) / И.И. Смотрицкая, С.С. Шувалов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 99-114. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.7

For citation: Smotritskaya I.I., Shuvalov S.S. Development of the government procurement institution (toward the formation of a new model for the contract procurement system). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 99-114. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.7

рования закупок. Авторы обращают внимание на то, что наибольший объем закупок приходится на предприятия государственного сектора экономики. В процессе исследования для расчета интегрального показателя, характеризующего масштаб государственного сектора экономики, а также для получения экспертной оценки масштабов регулирования закупок применен метод средневзвешенных нормированных показателей. Судя по результатам исследования, масштабы регулирования закупок в большой мере коррелируются с масштабами государственного сектора экономики. Проведенное исследование позволило наметить принципы институциональной реформы контрактной системы закупок. Предложен концептуальный подход к разработке стратегии развития института публичных закупок с учетом накопленного мирового опыта и особенностей структуры российской экономики и ее государственного сектора. Новизной предлагаемого подхода является раскрытие категории публичных закупок как содержательной основы контрактной системы, что соответствует современной тенденции развития правоспособности публично-правовых образований и публичных компаний. В статье разработан соответствующий контур тезауруса контрактной системы. Предлагаемая регламентация понятийного и терминологического аппарата выступает в качестве методологической основы для выделения и разграничения отдельных сегментов на рынке закупок товаров, работ, услуг. Новая модель контрактной системы потребует оптимизации законодательного регулирования контрактных отношений на основе реструктуризации и дифференциации нормативно-правовой базы исходя из стратегических целей и задач соответствующего сегмента сферы публичных закупок.

Ключевые слова: институциональная реформа, публичные закупки, контрактная система закупок, государственные закупки, государственный сектор, новый тезаурус, сегментация рынка закупок.

Введение. Одной из ключевых сфер институциональных изменений, активно проходящих в последние двадцать лет в России, выступает система закупок товаров, работ, услуг для обеспечения общественных нужд. В настоящее время идет разработка новой институциональной модели государственных закупок и закупок предприятий государственного сектора экономики в рамках формирования новой стратегии социально-экономического развития страны [10; 18].

В российской экономике государство выступает одним из крупнейших потребителей товаров, работ, услуг. Общий объем государственных закупок (совокупный спрос органов власти различного уровня) составил в 2016 году 6,5 трлн. руб. [7, с. 3]. В свою очередь, объем закупок естественных монополий и предприятий государственного сектора экономики (компаний с государственным участием, унитарных предприятий, бюджетных и автономных учреждений) по сравнению с 2015 г. вырос на 10% и достиг 25,7 трлн. руб. [8, с. 2]. С точки зрения масштабов общественные закупки выступают мощным финансовым инструментом в руках государства, который может и должен быть задействован в реализации новой стратегии экономического развития.

Настоящая работа опирается на концептуальное положение о том, что в качестве стратегической цели следует рассматривать развитие контрактной системы закупок как института государственного хозяйствования и механизма управления экономикой. Новый масштаб и уровень решаемых задач позволяет говорить о новой идеологии развития контрактной системы закупок. Для реализации этой стратегической цели в первую очередь надо определиться с сущностью и ролью нового института закупок, его взаимодействием с другими сферами экономики, масштабами задач, полномочиями для регулирования тех или иных сфер, что требует пересмотра, систематизации и регламентации используемых в современных нормативно-правовых актах дефиниций и терминов контрактной системы закупок. По нашему мнению, регламентация понятийного и терминологического аппарата выступает в качестве необходимой методологической основы для выделения и разграничения отдельных сегментов на рынке закупок товаров, работ, услуг и разработки дифференцированного подхода к законодательному регулированию соответствующей деятельности.

В настоящее время институциональной основой общественных закупок выступает Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (далее 44-ФЗ). Данный закон включает совокупность норм и правил, регулирующих государственную закупку как единый цикл, состоящий из следующих ключевых этапов: прогнозирование поставок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд; формирование планов обеспечения государственных (муниципальных) нужд; размещение заказов на поставку товаров, работ, услуг и заключение контрактов; исполнение и мониторинг государственных контрактов. В свою очередь, закупки предприятий государственного сектора экономики и естественных монополий (регулируемые закупки) регламентируются Федеральным законом «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ (далее 223-ФЗ) и также включены в периметр контрактной системы.

В процессе реформирования архитектура контрактной системы в сфере общественных закупок складывалась в значительной степени стихийно. Состав и структура элементов, их иерархия и взаимосвязи — подобные важнейшие параметры законодательно вводились и регламентировались для решения частных вопросов: импортозамещения, инноваций, контроля роста цен, расширения закупок субъектов малого и среднего предпринимательства и т.п. В итоге основные понятия контрактной системы остаются вне общеобязательных, формально определенных категорий [4, с. 50–53]. В условиях существующей нестабильности законодательного регулирования¹ выработать и ввести в правовую практику общие понятия, термины и определения элементов контрактной системы не представляется возможным. Развитие основополагающих элементов контрактной системы идет неравномерно и несбалансированно, имеет существенные особенности по сравнению с международной практикой.

¹ Достаточно сказать, что с момента принятия 223-ФЗ в 2011 г. и 44-ФЗ в 2013 г. было принято 35 федеральных законов, вносящих изменения в 44-ФЗ, и 16 федеральных законов, вносящих изменения в 223-ФЗ.

Следует отметить, что модернизация системы общественных закупок — довольно популярная тема исследования различных научных дисциплин и публикаций. При этом проводимая в последние годы перманентная реформа часто критикуется как теоретиками, так и практиками [3; 16; 17]. В центре дискуссии находятся проблемы ведомственных полномочий, расширения сферы и масштабов регулирования закупок, их соответствия роли госсектора в российской экономике. Однако применительно к опыту зарубежных стран в основном изучаются антикоррупционные, процедурные и информационные аспекты. В этой связи требуется проведение более глубокого сравнительного анализа используемых институциональных дефиниций, концептуальных подходов к организации и законодательному регулированию рынка общественных (публичных) закупок. В настоящей статье на основе обобщения и анализа накопленного мирового опыта национальных систем закупок ставится задача разработать предложения для формирования нового контура и содержательной основы тезауруса институциональной модели контрактной системы, реализации дифференцированного подхода к законодательному регулированию соответствующей деятельности.

Обзор международной практики для систематизации понятийного аппарата контрактной системы закупок

С целью уточнения терминологии в сфере закупок авторами была аккумулирована и систематизирована информация о содержании соответствующих понятий в документах ряда государств и авторитетных международных организаций.

В Типовом законе ЮНСИТРАЛ² о публичных закупках от 2011 г. используется термин *public procurement* (*публичные закупки*)³, под которым понимаются закупки государственных ведомств (органов), учреждений, организаций и их подразделений. В соответствующих нормативных документах Всемирной

² Комиссия ООН по праву в сфере международной торговли.

³ Некоторые авторы также переводят *public procurement* как *общественные закупки* [9].

торговой организации⁴ (ВТО) используется термин *government procurement* (государственные закупки)⁵, под которым понимаются закупки органов власти и некоторых других структур, работающих в интересах органов власти. В Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) используется термин *public procurement* (публичные закупки) [28, p. 136], под которым понимаются закупки товаров, работ и услуг правительствами и государственными предприятиями. В свою очередь, *государственным предприятием* (*state-owned enterprise, SOE*), согласно определению ОЭСР, признается любое юридическое лицо (корпоративная структура), в котором государство реализует право собственности, в том числе акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью, партнерства с ограниченной ответственностью [33].

В соответствующей директиве Европейского союза (ЕС) [24] также используется термин *public procurement* (публичные закупки), под которым понимаются закупки властей любого уровня и юридических лиц, регулируемых публичным правом. В свою очередь, под *юридическими лицами, регулируемым публичным правом*, понимаются юридические лица, которые основаны для конкретных целей и в общих интересах, не носящих коммерческого или индустриального характера, и которые при этом или финансируются преимущественно органами власти (самоуправления) любого уровня, или являются объектом управленческого надзора органов власти (самоуправления).

В соответствующих нормативных документах рассмотренных авторами стран-участниц ЕС также используется термин *public procurement* (публичные закупки), что вполне закономерно, поскольку с 1 января 2016 г. нормы указанной общеевропейской директивы имплементированы в национальные закупочные системы всех этих стран. Отдельной директивой Европейского союза регулируются закупки структур, осуществляющих деятельность в сфере водоснабжения и водоотведения, энергетики,

транспортных и почтовых услуг (*procurement by entities operating in the water, energy, transport and postal services sectors*) [25]. Сопоставимые понятия и правовые режимы используются и в ряде национальных документов. Например, в Великобритании в понятие *закупки инфраструктурных структур* (*utilities procurement*)⁶ включены закупки контрактными структурами, публичными предприятиями и другими структурами при условии, что закупаемые товары, работы, услуги предназначены для достижения целей в одной из соответствующих сфер деятельности⁷.

В США на федеральном уровне используется термин *federal acquisition* (федеральные закупки), трактуемый как приобретение федеральными органами исполнительной власти и федеральными корпорациями товаров или услуг (включая строительство) на основании контракта, независимо от того, имеются ли данные товары и услуги в наличии или должны быть созданы, разработаны и протестированы [26].

В Китае используется термин *government procurement* (государственные закупки) для определения закупочной деятельности, осуществляемой за счет бюджетных средств государственными ведомствами, учреждениями и публичными организациями всех уровней [35].

Таким образом, выполненный анализ позволяет прийти к выводу, что в документах большинства ведущих международных структур (ООН, ОЭСР, ЕС) преимущественно употребляется термин *public procurement* (публичные закупки). При этом содержательное наполнение понятия *публичные закупки* в документах различных международных организаций неодинаково. В документах ОЭСР это понятие объединяет закупки государственных органов и закупки государственных предприятий. А в документах Европейского союза в контур данного понятия, помимо закупок государственных органов, включают закупки юридических лиц, регулируемых публичным правом, что является более широким понятием по сравнению с государственными предприятиями.

⁶ The Utilities Contracts Regulations 2016. — № 274.

⁷ В указанных странах к инфраструктурным секторам отнесены газо- и теплоснабжение, производство и поставка электроэнергии, водоснабжение и водоотведение, транспортные услуги, эксплуатация портов и аэропортов, почтовые услуги, добыча нефти и газа и разведка или добыча угля или других твердых топлив.

⁴ Старая и новая версии соглашения по государственным закупкам — Agreement on Government Procurement (GPA 1994) и Revised Agreement on Government Procurement 30 March 2012 (GPA/113).

⁵ Некоторые авторы также переводят *government procurement* как *правительственные закупки* [12].

Принципы и масштабы регулирования закупок

Выполненный обзор международных и национальных документов позволяет с определенной степенью условности систематизировать информацию о масштабах регулирования закупок в рассмотренных странах. Максимальный масштаб регулирования закупок наблюдается в директивах ЕС и правовых актах рассмотренных европейских стран, где предметом регулирования выступают, в том числе, закупки структур, регулируемых публичным правом. В то же время в Китае сфера регулируемых закупок менее масштабна. Минимальный охват сферы закупок, регулируемых национальным (федеральным) законодательством, наблюдается в североамериканских государствах. Например, в Канаде предметом такого регулирования выступают только закупки федеральных органов исполнительной власти и государственных корпораций, а в США – закупки федеральных органов исполнительной власти и федеральных корпораций.

В ЕС специальным предметом регулирования выступают *utilities procurement*, что можно перевести на русский язык как *закупки коммунальных, или инфраструктурных, предприятий*. На уровне Европейского союза такие закупки регулируются отдельной директивой, а в Великобритании, Ирландии и Швеции – отдельными правовыми актами, предусматривающими более гибкие правила по сравнению с *public procurement*. В Польше и Финляндии правила *utilities procurement* включены в общие правила *public procurement*, но для *utilities procurement* предусмотрены некоторые исключения, делающие их регулирование менее жестким. Обобщенные результаты исследования представлены в *таблице 1*.

Государственный сектор и система регулирования закупок

Как мы уже отмечали ранее, наибольший объем публичных закупок приходится на предприятия государственного сектора экономики. В настоящее время в связи с разработкой стратегии развития российской экономики на долгосрочный период наблюдается острая полемика о масштабах и эффективности государственного сектора экономики [1; 2; 19].

При проведении исследования авторы базировались на научной позиции, в соответствии с которой снижение роли государства в экономике следует осуществлять постепенно, по мере

накопления рыночных компетенций и совершенствования массовой культуры [15]. Государственные предприятия, размещая заказы на инновационную продукцию [21, с. 15–21] и заключая контракты на выполнение НИОКР, могут служить важным инструментом промышленной политики [14, с. 259–273], «обеспечивая формирование новых отраслей, освоение новых технологий и методов хозяйствования. Опыт быстро развивающихся стран подтверждает эти соображения» [15, с. 41].

При этом само понятие государственного сектора и вопросы выбора критериев оценки масштабов государственного сектора остаются дискуссионными. Существуют как минимум три альтернативные концепции: концепция функций; концепция собственности; концепция контроля [32, р. 4–7]. Наиболее распространенным в настоящее время можно считать определение ОЭСР, в котором в той или иной степени учитываются все три концепции с акцентом на концепции контроля.

В соответствии с определением ОЭСР, государственный сектор включает в себя расширенное правительство и государственные корпорации, в том числе квазикорпорации, находящиеся в собственности государственных органов [28, р. 208]. В состав расширенного правительства включаются все центральные, региональные и местные органы власти, некоммерческие организации, контролируемые государственными органами, а также фонды социального страхования [28, р. 207].

В свою очередь, выбор методологии и критериев оценки масштабов госсектора определяется исходными предположениями, имеющимися данными и необходимым фокусом исследования [30]. При этом не существует единого количественного критерия, позволяющего достаточно объективно оценить размер госсектора [23, р. 6], и предлагается вариативный перечень возможных критериев (индикаторов) [29, р. 3–9].

В современной зарубежной литературе можно выделить следующие наиболее распространенные показатели для оценки масштабов государственного сектора экономики [22]:

- доля государственных доходов в ВВП;
- доля государственных расходов в ВВП;
- доля налогов в ВВП;
- доля занятых в государственном секторе

в общей численности занятых.

Таблица 1. Национальные субъекты, закупки которых нормативно регламентируются государством

Страна (организация) и наименование предмета регулирования	Национальные (федеральные, центральные) органы власти	Органы власти других уровней	Структуры, регулируемые публичным правом (некоммерческий сектор)	Публичные (государственные) предприятия (коммерческий сектор)
ООН (ЮНСИТРАЛ) (публичные закупки)	Да	Да	Да	Да ⁱ
ВТО (государственные закупки)	Да	Да	Да ⁱⁱ	Да ⁱⁱ
ОЭСР (публичные закупки)	Да	Да	Нет	Да
ЕС (публичные закупки)	Да	Да	Да	Да ⁱⁱⁱ
Великобритания (публичные закупки)	Да	Да	Да	Да ⁱⁱⁱ
Ирландия (публичные закупки)	Да	Да	Да	Да ⁱⁱⁱ
Швеция (публичные закупки)	Да	Да	Да	Да ⁱⁱⁱ
Финляндия (публичные закупки)	Да	Да	Да ^{iv}	Да ^v
Польша (публичные закупки)	Да	Да	Да	Да ^v
США (федеральные закупки)	Да	Нет	Нет	Да
Канада (государственные закупки)	Да	Нет	Нет	Да
Китай (государственные закупки)	Да	Да	Да	Да
Израиль (государственные закупки)	Да	Да	Да ^{iv}	Да
Австралия (закупки)	Да	Да	Да	Да
Россия (государственные закупки)	Да	Да	Да	Да ^{iii vi}
Примечания к таблице: ⁱ Включение государственных предприятий, а также предприятий инфраструктурных секторов в сферу регулируемых закупок осуществляется с учетом особенностей национального права, ⁱⁱ по перечню, согласованному с каждой конкретной страной, ⁱⁱⁱ а также предприятия инфраструктурных секторов (специальные правила), ^{iv} а также некоторые религиозные организации (объединения), ^v а также предприятия инфраструктурных секторов (общие правила <i>mutatis mutandis</i>), ^{vi} специальные правила.				
Источник: составлено по соответствующим документам (см. постраничные сноски).				

Российские исследователи [11; 13] при оценке масштабов госсектора, как правило, опираются на систему критериев, предложенную в монографии Е.В. Балацкого и В.А. Кобышева [5, с. 45–48] и включающую такие критерии, как:

- доля государственного сектора в общей численности занятых;
- доля государственного сектора в общем объеме основных фондов;

- доля государственного сектора в валовом выпуске продукции;
- доля государственного сектора в общей численности предприятий;
- доля государственного сектора в общем объеме инвестиций.

Вместе с тем попытки проведения международных сопоставлений в разрезе перечисленных критериев неизбежно связаны с объективными трудностями, обусловленными отсут-

ствием полных и сопоставимых данных по всем исследуемым странам. В этой связи, исходя из имеющихся данных для оценки и сопоставления масштабов госсектора с точки зрения его участия в перераспределении национального дохода, в данной работе были использованы следующие показатели:

- доля налогов в ВВП (%);
- доля государственных доходов в ВВП (%);
- доля расходов расширенного правительства на конечное потребление в ВВП (%).

Поскольку для некоторых из исследуемых стран перечисленные показатели в динамике демонстрируют значительные колебания, для сглаживания соответствующего эффекта и достижения большей объективности были рассчитаны усредненные значения соответствующих показателей за три последних года.

Для проведения оценки масштабов госсектора с точки зрения его участия в формировании национального дохода, в условиях отсутствия достоверных статистических данных, был применен и подход экспертов ОЭСР, основанный на оценке доли государственных предприятий (SOE) в различных показателях 10 крупнейших компаний страны, в данном случае – в объеме продаж [31, р. 21–22]. При этом к SOE были отнесены предприятия, в которых доля государства превышает 10% [34, р. 10]. Безус-

ловно, данный показатель не может считаться достаточно полным для оценки масштабов госсектора, однако косвенно отражает значимость последнего в национальной экономике. Соответствующие данные представлены в *таблице 2*.

Для получения интегрального показателя, характеризующего масштабы госсектора (условно названного в данной работе индексом масштабов госсектора), был применен метод средневзвешенных нормированных показателей [20]. С этой целью каждый из четырех показателей, характеризующих масштабы государственного сектора, по каждой стране был нормирован на соответствующее среднее значение в выборке. Затем, исходя из предпосылки о равной значимости каждого из четырех показателей, для каждой страны был рассчитан соответствующий интегральный показатель:

$$IPS_i = 0,25T_i + 0,25I_i + 0,25C_i + 0,25S_i,$$

где: IPS_i – индекс масштабов госсектора i -ой страны;

T_i – нормированный показатель доли налогов в ВВП i -ой страны;

I_i – нормированный показатель доли государственных доходов в ВВП i -ой страны;

C_i – нормированный показатель доли расходов расширенного правительства на конечное потребление в ВВП i -ой страны;

S_i – нормированный показатель доли SOE в объеме продаж 10 крупнейших компаний i -ой страны.

Таблица 2. Оценочные показатели масштаба государственного сектора

Страна (объединение)	(1) Доля налогов в ВВП (%) (2012–2014 гг.)	(2) Доля государственных доходов в ВВП (%) (2012–2014 гг.)	(3) Доля расходов расширенного правительства на конечное потребление в ВВП (%) (2012–2014 гг.)	(4) Доля SOE в объеме продаж 10 крупнейших компаний страны (2016 г.)
США	10,5	18,3	15,2	0,0
Канада	11,8	17,1	20,9	0,0
Китай	10,0	12,6	13,4	93,0
Израиль	22,8	31,9	22,5	20,0
Австралия	21,9	24,3	17,9	0,0
ЕС	19,9	34,7	21,0	18,1
Великобритания	25,2	34,9	20,2	0,0
Ирландия	22,8	32,1	17,0	0,0
Швеция	26,2	31,9	26,1	7,5
Финляндия	20,6	39,1	24,6	46,0
Польша	15,6	30,9	18,0	89,4
Россия	13,6	27,5	19,0	64,9

Источники: по показателям (1), (2), (3) – [6], по показателю (4) – расчеты авторов на основе данных [27].

Аналогичным образом, для получения экспертной оценки масштабов регулирования закупок на основе данных табл. 1, был введен индекс регулирования закупок, определяемый как балльная оценка, где каждый балл присваивается за наличие в национальной правовой базе норм о регулировании закупок соответствующих субъектов:

- центральных органов власти;
- органов власти других уровней;
- структур некоммерческого сектора, регулируемых публичных правом;
- SOE или их аналогов;
- предприятий инфраструктурных секторов.

Для удобства графического представления итоговая балльная оценка была нормирована на максимальный балл. Результаты сопоставления индекса масштабов госсектора и индекса регулирования закупок наглядно представлены в табл. 3 и на рисунке.

Из данных диаграммы видно, что на исследуемой выборке прослеживается определенная зависимость между масштабами государствен-

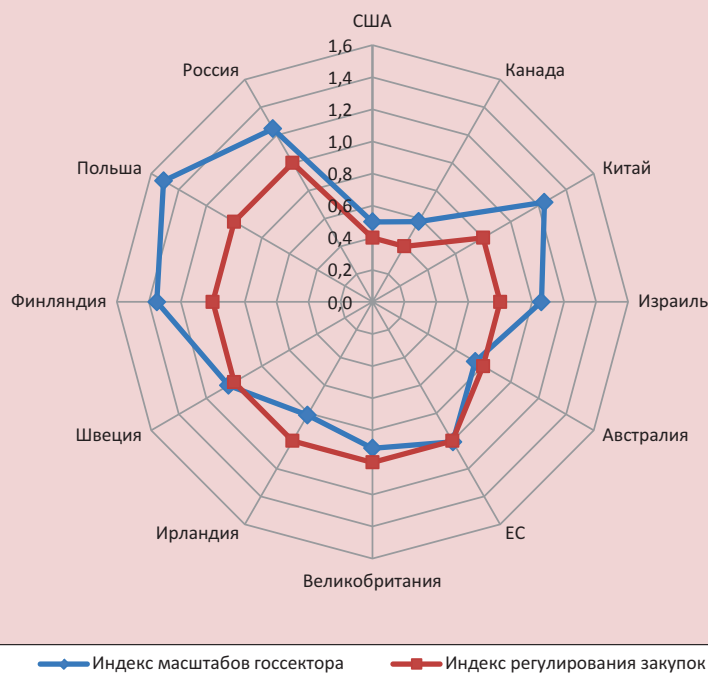
ного сектора и масштабами регулирования закупок – чем масштабнее государственный сектор, тем шире перечень субъектов, закупки которых нормативно регулируются.

Таблица 3. Индекс масштабов госсектора и индекс регулирования закупок

Страны	Индекс масштабов госсектора	Индекс регулирования закупок
США	0,5	0,4
Канада	0,6	0,4
Китай	1,2	0,8
Израиль	1,1	0,8
Австралия	0,7	0,8
ЕС	1,0	1,0
Великобритания	0,9	1,0
Ирландия	0,8	1,0
Швеция	1,0	1,0
Финляндия	1,3	1,0
Польша	1,5	1,0
Россия	1,2	1,0

Источник: расчеты авторов по данным таблиц 1–2.

Сопоставление масштабов госсектора и масштабов регулирования закупок (с отдельными странами ЕС)

Источник: расчеты авторов по данным таблиц 1–2.

Резюмируя проведенный сопоставительный анализ опыта национальных контрактных систем, можно сделать следующие основные выводы.

1. Единых подходов к определению институциональных дефиниций и системе регулирования закупок на международном уровне нет (за исключением ЕС, где национальные определения и нормы регулирования с незначительными изменениями гармонизированы с общевропейскими директивами).

2. Масштабы регулирования закупок достаточно сильно коррелированы с масштабами государственного сектора и объемами закупок различных субъектов государственного сектора. В целом масштабы регулирования закупок в России соответствуют роли государственного сектора в российской экономике.

3. Необходимым условием для реформирования контрактной системы закупок в нашей стране является разработка нового контура и содержательной основы тезауруса контрактной системы, соответствующего дифференцированного подхода к законодательному регулированию с учетом накопленного мирового опыта и особенностей структуры российской экономики и ее государственного сектора.

Предложения по формированию нового контура и содержательной основы тезауруса института публичных закупок

Как следует из результатов проведенного анализа, формирование и регулирование института общественных (публичных) закупок связано с особенностями социально-экономического развития каждой страны. Следует отметить, что в западных странах не употребляется привычное для нас понятие «закупки для государственных и муниципальных нужд». Вместо этого используется термин «публичные закупки» и соответственно закупки для обеспечения «публичных (общественных)» потребностей. Используемое в российской экономике понятие «государственные нужды» и «государственные закупки» в первую очередь обозначает субъект закупочной деятельности – государство в широком смысле (включая все государственные и муниципальные органы, предприятия государственного сектора), которое определяет условия, процедурные и правовые особенности закупок.

Однако на современном этапе в российской экономической и экспертной литературе стал активно употребляться термин «*публичные закупки*». В то же время понятие «публичные закупки» не имеет регламентации и четкого правового определения. В результате под ними понимают как государственные и муниципальные закупки, так и в целом закупки за счет бюджетных средств. В ряде случаев термин «публичные закупки» применяется как синоним термина «государственные закупки». По нашему мнению, введение и регламентация понятия «публичные закупки» представляются чрезвычайно актуальными, так как в настоящее время получают развитие различные аспекты публичного права и, соответственно, использование термина «публичные» применительно к хозяйствующим субъектам в законодательном регулировании экономической деятельности. Например, Федеральным законом «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ вводится понятие публичного партнера как субъекта реализации проектов ГЧП и ЧГП.

То есть субъектами возникающих экономических отношений являются публично-правовые образования. В сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения общественных нужд публичные образования выступают через соответствующие органы исполнительной власти в рамках установленной компетенции. Таким образом, рассматривая уполномоченные исполнительные органы публично-правовых образований в качестве субъектов закупочной деятельности (государственных и муниципальных заказчиков), можно заключить, что государственные и муниципальные закупки могут быть объединены одним понятием «публичные закупки».

Отдельно следует рассмотреть закупки предприятий государственного сектора экономики (регулируемые закупки). В данном случае заказчиками выступают государственные корпорации и компании, субъекты естественных монополий, государственные и муниципальные унитарные предприятия, автономные учреждения, хозяйственные общества с более чем пятидесятипроцентным участием в их капитале

Российской Федерации, субъекта РФ или муниципального образования. Как мы отмечали ранее, осуществление этих закупок регулируется Федеральным законом «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 17 июля 2011 г. № 223-ФЗ. Необходимо сказать, что группа хозяйствующих субъектов, попадающих под действие данного закона, в соответствии с определением ГК РФ могут быть публичными обществами. Под публичным обществом понимается акционерное общество, акции и ценные бумаги которого, конвертируемые в его акции, публично размещаются (путем открытой подписки) или публично обращаются на условиях, установленных законами о ценных бумагах. В этом случае термин «публичные» означает «открытые» компании, в то же время цели закупочной деятельности указанных субъектов контрактной системы позволяют включить данную категорию закупок в *контур понятия «публичные закупки»*. Предлагаемый подход соответствует рассмотренной мировой практике закупок.

Итак, под «публичными закупками» мы предлагаем понимать государственные и муниципальные закупки, закупки предприятий и организаций государственного сектора экономики, закупки публичных юридических лиц. Очевидно, что в краткосрочной перспективе, в связи с особенностями российского законодательства, под «регулируемые» закупки и закупки публичных юридических лиц могут попадать одинаковые категории закупок. Однако в долгосрочной перспективе, по мере развития публичного права, данные категории закупок могут быть более четко разграничены.

Отдельно следует остановиться на проблеме выделения категории закупок, охватывающей *закупки коммунальных и/или инфраструктурных предприятий*. Как показал анализ мировой практики, в силу специфики деятельности данная категория закупок является отдельным предметом регулирования (*utilities procurement*). К ним, в частности, относятся закупки компаний, занимающих монопольное положение в ряде инфраструктурных секторов, имеющих системообразующее значение для экономики страны. В то же время данные компании могут быть субъектами с частной формой собственности, что требует специального, более гибкого регулирования.

Таким образом, категория публичных закупок выступает основой контрактной системы, что соответствует современной тенденции развития правоспособности публично-правовых образований и публичных компаний. Предлагаемая регламентация понятийного и терминологического аппарата выступает в качестве методологической основы для выделения и разграничения отдельных сегментов на рынке закупок товаров, работ, услуг.

Основные принципы институциональной реформы контрактной системы закупок

Обобщая всё вышеизложенное, можно резюмировать, что базовым принципом институциональной реформы в сфере публичных закупок должен стать *дифференцированный подход* к законодательному регулированию закупок. Предлагается разделить систему регулирования закупок на три самостоятельных сегмента: закупки государства; закупки государственных предприятий; закупки коммунальных и/или инфраструктурных предприятий. Это позволит, с одной стороны, расширить границы контрактной системы, а с другой — разработать более сегментированные и «адресные» механизмы регулирования закупок.

Опыт зарубежных национальных контрактных систем и анализ особенностей системы закупок в России позволяет выделить следующие важнейшие принципы и направления институциональной реформы в сфере публичных закупок:

- законодательная регламентация общих единых принципов публичных закупок для всех субъектов системы (открытость, прозрачность, конкуренция, эффективность, инновационность, профессионализм, контроль и ответственность) при обеспечении возможности вариативности способов закупок, соответствующих особенностям бизнес-процессов компаний различных сегментов;
- определение ключевых целей и функций каждого сегмента публичных закупок в соответствии с необходимостью решения задач обеспечения общественных нужд;
- подготовка специального закона о закупках инфраструктурных компаний (естественных монополий);
- модернизация системы ценообразования в публичных закупках, введение нормативных моделей контрактов с гибким цено-

образованием, создающих возможности для рыночного поведения заказчиков, адекватного быстро меняющейся конъюнктуре;

- профессионализация заказчиков, предусматривающая предоставление большей свободы закупающим организациям (составление спецификаций закупки, выбор способа закупки, критерии оценки предложений) при одновременном усилении персональной ответственности за принятие участниками контрактной системы финансово значимых закупочных решений (персональная ответственность руководителей, сотрудников контрактных служб);

- стимулирование технологических, социально значимых и экологических инноваций, включая разработку инноваций «под ключ» по спецификациям заказчика и адаптацию инициативных инноваций, предлагаемых инновационно-активными компаниями, введение в законодательство права на пилотные инновационные проекты в закупках;

- развитие принципов ГЧП в системе публичных закупок на основе расширения возможностей использования контрактов жизненного цикла, долгосрочных контрактов с зарекомендовавшими себя поставщиками.

Такая модель контрактной системы требует оптимизации законодательного регулирования на основе реструктуризации и дифференциации нормативно-правовой базы, разработки механизмов регулирования закупок исходя из стратегических целей и задач соответствующего сегмента сферы публичных закупок. Например, для сегмента государственных закупок можно выделить следующие «адресные» меры и механизмы регулирования для реализации рассматриваемых направлений институциональной реформы.

1. Введение системы категориального управления государственными и муниципальными закупками, обеспечивающей дифференциацию механизмов и методов закупок в зависимости от категории (вида) закупаемой

продукции. Данная система должна обеспечить профессионализацию закупочной и логистической деятельности. В частности, должна быть осуществлена централизация закупок типовой и стандартной продукции (канцелярские товары, оргтехника и пр.), в том числе через специализированные логистические центры и механизмы электронной торговли.

2. Развитие механизмов взаимодействия с поставщиками, что предполагает установление долгосрочных контрактных отношений на основе учета квалификации и деловой репутации поставщиков для предотвращения недобросовестной конкуренции и снижения рисков невыполнения (или низкого качества) выполнения контрактов.

3. Формирование объединений (консорциумов) с разработчиками и потенциальными поставщиками в целях создания/внедрения новой инновационной продукции для выполнения крупных государственных заказов.

4. Отказ от существующего принципа единой нормативной модели государственного контракта (на основе твердой фиксированной цены контракта) и введение регламентированного, но достаточно гибкого механизма контрактных соглашений, позволяющего заказчикам эффективно осуществлять государственные закупки.

Представленный концептуальный подход к развитию института публичных закупок нуждается в детальной разработке, его реализация потребует принятия комплекса нормативно-правовой и методической документации, поиска новых решений для организации системы управления и контроля. Однако программа реформ, основывающаяся на данном подходе, позволит значительно повысить эффективность публичных закупок, так как будет базироваться на учете экономических принципов, специфики и результатов конечной деятельности соответствующих субъектов контрактной системы.

Литература

1. Абрамов, А. Компании с государственным участием на российском рынке: структура собственности и роль в экономике / А. Абрамов, А. Радыгин, М. Чернова // Вопросы экономики. – 2016. – № 12. – С. 61-87.
2. Акиндинова, Н. Результативность бюджетных расходов в России и странах ОЭСР / Н. Акиндинова, А. Чернявский, Д. Авдеева // Вопросы экономики. – 2017. – № 2. – С. 30-61.

3. Анчишкина, О.В. Национальные контрактные системы: российское перепутье / О.В. Анчишкина // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2010. – № 2. – С. 4-33.
4. Анчишкина, О.В. Развитие основополагающих элементов контрактной системы закупок: институт общественных закупок в современной российской экономике: монография / О.В. Анчишкина; под ред. И.И. Смотрицкой, С.И. Черных. – М.: ИЭ РАН, 2016. – 280 с.
5. Балацкий, Е.В. Российская модель государственного сектора экономики / Е.В. Балацкий, В.А. Конышев. – М.: Экономика, 2005. – 390 с.
6. Данные Всемирного банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/indicator>.
7. Доклад Минэкономразвития России о результатах мониторинга применения Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в 2016 году» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/7d310d4a-70fe-4849-b895-c3ab0aa07f67/monitor44.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=7d310d4a-70fe-4849-b895-c3ab0aa07f67>
8. Доклад Минэкономразвития России о результатах мониторинга применения Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» в 2016 году» от 17 июля 2011 г. № 223-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/913b3a7a-2ed0-498f-9d92-65b6c49de8ed/223fz.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=913b3a7a-2ed0-498f-9d92-65b6c49de8ed>
9. Зубков, Э.И. Общественные закупки как интеграционный источник формирования социальных эффектов в бюджетном секторе экономики / Э.И. Зубков // Экономические науки. – 2012. – № 8 (93). – С. 147-151.
10. Кудрин, А.Л. Об источниках экономического роста (в перспективе до 2025г.) [Электронный ресурс] / А.Л. Кудрин. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2016/06/01/theses>
11. Курбатова, М.В. Оценка масштабов государственного сектора регионов РФ и их взаимосвязи с уровнем экономического развития / М.В. Курбатова, Е.С. Каган, А.А. Вшивкова // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). – 2016. – № 7. – Т. 3. – С. 6-19.
12. Мельников, В.В. Становление системы правительственных закупок России на рыночных принципах / В.В. Мельников // Terra Economicus. – 2016. – Т. 4. – № 4. – С. 54-72.
13. Муравьев, С.Р. Государственный сектор российской экономики: оценка масштабов и эффективности производства / С.Р. Муравьев // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2016. – № 7. – С. 54-60.
14. Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости / отв. ред. Е.Б. Ленчук. – СПб.: Алетейя, 2016. – 336 с.
15. Полтерович, В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) / В.М. Полтерович // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 5. – С. 34–56. DOI: 10.15838/esc/2016.5.47.2.
16. Смотрицкая, И.И. Институт закупок в российской экономике: драйверы и барьеры развития / И.И. Смотрицкая // Вестник ИЭ РАН. – 2014. – № 5. – С. 47-59.
17. Смотрицкая, И.И. Роль общественных закупок в решении задач стабилизации и развития российской экономики / И.И. Смотрицкая, С.И. Черных // Общество и экономика. – 2015. – № 4–5. – С. 125-136.
18. Стратегия роста: среднесрочная программа социально-экономического развития России до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stolypinsky.club/strategiya-gosta-3>
19. Татаркин, А.И. Теоретико-методологические предпосылки формирования смешанной экономики Российской Федерации / А.И. Татаркин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 1. – С. 39–65. DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.3.
20. Шеховцева, Л.С. Методика оценки стратегической конкурентоспособности муниципальных образований: интегральный подход / Л.С. Шеховцева, Ю.Р. Степанова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2014. – Вып. 3. – С. 32-40.
21. Шувалов, С.С. Государственные закупки как механизм стимулирования модернизации российской экономики: научный доклад / С.С. Шувалов. – М.: ИЭ РАН, 2015. – 50 с.
22. Baskaran T. Fiscal Decentralization, Ideology, and the Size of the Public Sector // European Journal of Political Economy. – 2011. – Vol. 27. – Issue 3. – P. 485-506.
23. Di Matteo L. Measuring Government in the 21st Century: An International Overview of the Size and Efficiency of Public Spending. – Frazer Institute, 2013.

24. Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on public procurement.
25. Directive 2014/25/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on procurement by entities operating in the water, energy, transport and postal services sectors.
26. Federal Acquisition Regulation (FAR). Режим доступа: <https://www.acquisition.gov>.
27. Forbes The World's Biggest Public Companies 2016 Rankings. Режим доступа: <https://www.forbes.com/global2000/list/#tab:overall>.
28. Government at a Glance 2015. – Paris, OECD Publishing, 2015.
29. Handler H. et al. The Size and Performance of Public Activities in Europe. WIFO Working Paper No. 246. Austrian Institute of Economic Research (WIFO), 2005. Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/9312684.pdf>.
30. Katsimi M. Explaining the size of the public sector // Public Choice. – 1998. – Vol. 96. – No. 1/2. – P. 117-144.
31. Kowalski P. et al. State-Owned Enterprises: Trade Effects and Policy Implications. OECD Trade Policy Papers No. 147. Paris, OECD Publishing, 2013. DOI 10.1787/18166873.
32. Lienert I. Where Does the Public Sector End and the Private Sector Begin? IMF Working Paper WP/09/122. IMF, 2009. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2009/wp09122.pdf>.
33. OECD Guidelines for Corporate Governance of State-Owned Enterprises 2015 Edition. Режим доступа: http://www.oecd-ilibrary.org/governance/oecd-guidelines-on-corporate-governance-of-state-owned-enterprises-2015_9789264244160-en.jsessionid=8qb2949d52ddq.x-oecd-live-02.
34. Szamosszegi A., Kyle C. An Analysis of State-owned Enterprises and State Capitalism in China. Washington, DC, Capital Trade, Incorporated, 2011. Режим доступа: http://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/10_26_11_CapitalTradeSOEStudy.pdf.
35. The Government Procurement Law of the People's Republic of China (2002).

Сведения об авторах

Ирина Ивановна Смотрицкая – доктор экономических наук, руководитель Центра, главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: irinasmot@yandex.ru)

Сергей Сергеевич Шувалов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: shuvalov@iacenter.ru)

Smotritskaya I.I., Shuvalov S.S.

Development of the Government Procurement Institution (Toward the Formation of a New Model for the Contract Procurement System)

Abstract. The paper considers institutional changes in the sphere of procurement of goods, works and services for public purposes. The goal of the paper is to develop a new conceptual approach to the formation of an institutional model for the contract procurement system. It is shown that basic concepts of the current model of contract system remain outside the framework of the universally binding and formally defined categories in conditions of legal regulation instability. We formulate the task of systematizing the set of concepts and definitions in order to separate and differentiate individual segments of the procurement market. In order to implement this task we analyze fundamental definitions contained in legislative acts of international organizations and countries, review key approaches and principles, and highlight specific national features of procurement regulations. We draw attention to the fact that the greatest volume of purchases is observed in the public sector. In the process of our research we use a method of normalized weighted average indicators to calculate an integral index that characterizes the

scale of the public sector and also to obtain expert assessment of the extent of procurement control. Judging by the results of the study, the scope of procurement control correlates to a large extent with the size of the public sector. Our research helps lay out the principles of institutional reform of the contract procurement system. We propose a conceptual approach to the strategy for development of the government procurement institution taking into consideration international experience and structural specifics of the Russian economy and its public sector. The novelty of the proposed approach lies in the fact that it discloses the concept of government procurement as a substantive framework of the contract system; it corresponds to modern trends in the development of legal capacity of public legal entities and public companies. The article proposes a corresponding framework for the thesaurus of the contract system. The proposed regulation of a set of concepts and terms acts as a methodological framework for allocating and distinguishing individual segments in the market for procurement of goods, works and services. The new model of contract system will require optimization of legal regulation of contract relations based on restructuring and differentiating the regulatory framework, taking into account strategic goals and objectives of a relevant segment of the government procurement sector.

Key words: institutional reform, public procurement, contract procurement system, government procurement, public sector, new thesaurus, procurement market segmentation.

References

1. Abramov A., Radygin A., Chernova M. Kompanii s gosudarstvennym uchastiem na rossiiskom rynke: struktura sobstvennosti i rol' v ekonomike [Companies with state participation in the Russian market: ownership structure and the role in the economy]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economy], 2016, no. 12, pp. 61-87. (In Russian).
2. Akindinova N., Chernyavskii A., Avdeeva D. Rezul'tativnost' byudzhetykh raskhodov v Rossii i stranakh OESR [Effectiveness of public expenditures in Russia and OECD countries]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economy], 2017, no. 2, pp. 30-61. (In Russian).
3. Anchishkina O.V. Natsional'nye kontraktnye sistemy: rossiiskoe pereput'e [National contract systems: Russian crossroads]. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika* [ETAP: economic theory, analysis, practice], 2010, no. 2, pp. 4-33. (In Russian).
4. Anchishkina O.V. Razvitie osnovopolagayushchikh elementov kontraktnoi sistemy zakupok [Development of fundamental elements of a contract procurement system]. In: Smotrinskaya I.I., Chernykh S.I. (Eds.). *Institut obshchestvennykh zakupok v sovremennoi rossiiskoi ekonomike. Monografiya* [The institute of public procurement in the modern Russian economy. Monograph]. Moscow: IE RAN, 2016. 280 p. (In Russian).
5. Balatskii E.V., Konyshov V.A. *Rossiiskaya model' gosudarstvennogo sektora ekonomiki* [Russian model of the public sector in the economy]. Moscow: Ekonomika, 2005. 390 p. (In Russian).
6. *World Bank data*. Available at: <http://data.worldbank.org/indicator>.
7. *Doklad Minekonomrazvitiya Rossii o rezul'tatakh monitoringa primeneniya Federal'nogo zakona ot 05 aprelya 2013 g. № 44-FZ "O kontraktnoi sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd v 2016 godu"* [Report of the Ministry of Economic Development on the results of the monitoring of application of Federal Law 44-FZ of April 05, 2013 "About the contract system in the procurement of goods, works, services for state and municipal needs in 2016"]. Available at: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/7d310d4a-70fe-4849-b895-c3ab0aa07f67/monitor44.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=7d310d4a-70fe-4849-b895-c3ab0aa07f67>. (In Russian).
8. *Doklad Minekonomrazvitiya Rossii o rezul'tatakh monitoringa primeneniya Federal'nogo zakona ot 17 iyulya 2011 g. № 223-FZ "O zakupkakh tovarov, rabot, uslug ot del'nymi vidami yuridicheskikh lits v 2016 godu"* [Report of the Ministry of Economic Development on the results of the monitoring of application of Federal Law 223-FZ of July 17, 2011 "On procurement of goods, works, services by certain types of legal entities in 2016"]. Available at: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/913b3a7a-2ed0-498f-9d92-65b6c49de8ed/223fz.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=913b3a7a-2ed0-498f-9d92-65b6c49de8ed>. (In Russian).
9. Zubkov E.I. Obshchestvennye zakupki kak integratsionnyi istochnik formirovaniya sotsial'nykh effektov v byudzhennom sektore ekonomiki [Public procurement as an integration source for the formation of social effects in the public sector]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic sciences], 2012, no. 8 (93), pp. 147-151. (In Russian).
10. Kudrin A.L. *Ob istochnikakh ekonomicheskogo rosta (v perspektive do 2025g.)* [About the sources of economic growth (in the long term until 2025)]. Available at: <http://polit.ru/article/2016/06/01/theses>. (In Russian).

11. Kurbatova M.V., Kagan E.S., Vshivkova A.A. Otsenka masshtabov gosudarstvennogo sektora regionov RF i ikh vzaimosvyazi s urovnem ekonomicheskogo razvitiya [Assessment of the scale of the public sector in Russian regions and their relationship with the level of economic development]. *Journal of Economic Regulation (Voprosy regulirovaniya ekonomiki)*, 2016, vol. 3, no. 7, pp. 6-19. (In Russian).
12. Mel'nikov V.V. Stanovlenie sistemy pravitel'stvennykh zakupok Rossii na rynochnykh printsipakh [Formation of the government procurement system in Russia on the basis of market principles]. *Terra Economicus*, 2016, vol. 4, no. 4, pp. 54-72. (In Russian).
13. Murav'ev S.R. Gosudarstvennyi sektor rossiiskoi ekonomiki: otsenka masshtabov i effektivnosti proizvodstva [Public sector of the Russian economy: estimating the scale and efficiency of production]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economy and business: theory and practice], 2016, no. 7, pp. 54-60. (In Russian).
14. Lenchuk E.B. (Ed.). *Novaya promyshlennaya politika Rossii v kontekste obespecheniya tekhnologicheskoi nezavisimosti* [New industrial policy of Russia in the context of ensuring technological independence]. Saint Petersburg: Aleteiya. 2016. 336 p. (In Russian).
15. Polterovich V.M. Instituty dogonyayushchego razvitiya (k proektu novoi modeli ekonomicheskogo razvitiya Rossii) [Institutions of catching-up development (on the project of a new model for economic development of Russia)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 5, pp. 34–56. DOI: 10.15838/esc/2016.5.47.2. (In Russian).
16. Smotritskaya I.I. Institut zakupok v rossiiskoi ekonomike: draivery i bar'ery razvitiya [The institution of purchases in the Russian economy: drivers and development barriers]. *Vestnik IE RAN* [Bulletin of RAS Institute of Economics], 2014, no. 5, pp. 47-59. (In Russian).
17. Smotritskaya I.I. Chernykh S.I. Rol' obshchestvennykh zakupok v reshenii zadach stabilizatsii i razvitiya rossiiskoi ekonomiki [Role of public procurement in the solution of problems of stabilization and development of the Russian economy]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and economy], 2015, no. 4–5, pp. 125-136. (In Russian).
18. *Strategiya rosta: Srednesrochnaya programma sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii do 2025 goda* [Growth strategy: a medium-term program for socio-economic development of Russia till 2025]. Available at: <http://stolypinsky.club/strategiya-rosta-3>. (In Russian).
19. Tatarkin A.I. Teoretiko-metodologicheskie predposylki formirovaniya smeshannoi ekonomiki Rossiiskoi Federatsii [Theoretical-methodological preconditions for the formation of mixed economy in the Russian Federation]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 1, pp. 39–65. DOI: 10.15838/esc/2016.1.43.3. (In Russian).
20. Shekhovtseva L.S., Stepanova Yu.R. Metodika otsenki strategicheskoi konkurentosposobnosti munitsipal'nykh obrazovaniy: integral'nyi podkhod [The methodology of assessing the strategic competitiveness of municipalities: an integral approach (the case of the Kaliningrad Region)]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [IKBFU's Vestnik], 2014, no. 3, pp. 32-40. (In Russian).
21. Shuvalov S.S. *Gosudarstvennye zakupki kak mekhanizm stimulirovaniya modernizatsii rossiiskoi ekonomiki. Nauchnyi doklad* [Public procurement as a mechanism to stimulate modernization of the Russian economy. Scientific report]. Moscow: IE RAN, 2015. 50 p. (In Russian).
22. Baskaran T. Fiscal decentralization, ideology, and the size of the public sector. *European Journal of Political Economy*, 2011, vol. 27, no. 3, pp. 485-506.
23. Di Matteo L. *Measuring Government in the 21st Century: An International Overview of the Size and Efficiency of Public Spending*. Frazer Institute, 2013.
24. *Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on public procurement*.
25. *Directive 2014/25/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on procurement by entities operating in the water, energy, transport and postal services sectors*.
26. *Federal Acquisition Regulation (FAR)*. Available at: <https://www.acquisition.gov>.
27. *Forbes The World's Biggest Public Companies 2016 Rankings*. Available at: <https://www.forbes.com/global2000/list/#tab:overall>.
28. *Government at a Glance 2015*. Paris: OECD Publishing, 2015.
29. Handler H. et al. *The Size and Performance of Public Activities in Europe. WIFO Working Paper No. 246*. Austrian Institute of Economic Research (WIFO), 2005. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/9312684.pdf>.
30. Katsimi M. Explaining the size of the public sector. *Public Choice*, 1998, vol. 96, no. 1/2, pp. 117-144.

31. Kowalski P. et al. *State-Owned Enterprises: Trade Effects and Policy Implications*. OECD Trade Policy Papers No. 147. Paris: OECD Publishing, 2013. DOI 10.1787/18166873.
32. Lienert I. *Where Does the Public Sector End and the Private Sector Begin? IMF Working Paper WP/09/122*. IMF, 2009. Available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2009/wp09122.pdf>.
33. *OECD Guidelines for Corporate Governance of State-Owned Enterprises 2015 Edition*. Available at: http://www.oecd-ilibrary.org/governance/oecd-guidelines-on-corporate-governance-of-state-owned-enterprises-2015_9789264244160-en;jsessionid=8qb2949d52ddq.x-oecd-live-02.
34. Szamosszegi A., Kyle C. *An Analysis of State-owned Enterprises and State Capitalism in China*. Washington, DC: Capital Trade, Incorporated, 2011. Available at: http://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/10_26_11_CapitalTradeSOEStudy.pdf.
35. *The Government Procurement Law of the People's Republic of China (2002)*.

Information about the Authors

Irina Ivanovna Smotrinskaya – Doctor of Economics, Chief Research Associate, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: irinasmot@yandex.ru)

Sergey Sergeevich Shuvalov – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: shuvalov@iacenter.ru)

Статья поступила 04.04.2017.

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.8

УДК 332.14, ББК 65.9(2Рос)

© Котлярова С.Н., Лаврикова Ю.Г., Аверина Л.М.

Роль локализации промышленного производства в политике импортозамещения*

**Светлана Николаевна
КОТЛЯРОВА**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: Sv_gavrilova@mail.ru

**Юлия Георгиевна
ЛАВРИКОВА**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: k5151@mail.ru

**Лидия Михайловна
АВЕРИНА**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: laverina@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта № 15-14-7-2 фундаментальных исследований Уральского отделения Российской академии наук «Прогнозная оценка приоритетных направлений модернизации Уральского старопромышленного региона для обеспечения импортозамещения».

Для цитирования: Котлярова, С.Н. Роль локализации промышленного производства в политике импортозамещения / С.Н. Котлярова, Ю.Г. Лаврикова, Л.М. Аверина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 115-127. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.8

For citation: Kotlyarova S.N., Lavrikova Yu.G., Averina L.M. The role of industrial production localization in the import substitution policy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 115-127. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.8

Аннотация. Статья посвящена определению роли локализации промышленного производства при реализации политики импортозамещения. Методологическую основу исследования составляют системный подход, методы структурного, предметного, функционального, статистического анализа, метод экспертных оценок. В статье рассматриваются понятия «импортозамещение» и «локализация», делается вывод о том, что реализация политики импортозамещения неразрывно связана с локализацией. Приведены примеры реализации успешной политики локализации в отдельных отраслях промышленности (автомобильная, фармацевтическая и железнодорожное машиностроение), доказана ее эффективность в создании высокотехнологичных производств по выпуску промышленной продукции. Механизм локализации в секторе железнодорожного машиностроения, конкурентоспособность которого в настоящее время обеспечивается в значительной степени за счет заимствования технологий из-за рубежа, рассмотрен на примере локомотивостроения и производства подвижного состава для скоростного и высокоскоростного движения. Показан пример успешной реализации политики импортозамещения в рамках Уральского кластера железнодорожного машиностроения по типу «догоняющего развития» – с привлечением зарубежных технологий для организации в России первоначально сборочного, а затем локализованного производства зарубежной техники на базе отечественных материалов, компонентов и ресурсов. Определено, что базовыми условиями для локализации выступают доступность капитала, наличие технологии, производственных мощностей и наличие рынка сбыта. В работе исследована нормативно-правовая база по содействию импортозамещению на территории России и ее регионов, представлен обзор законодательно утвержденных программ, концепций и планов развития импортозамещения в субъектах РФ. Показано, что реализация политики импортозамещения в регионах осуществляется на основе создания и развития особых экономических зон, кластеров, индустриальных и технопарков, при этом вопросам локализации нормативные документы в регионах уделяют недостаточное внимание. Сделан вывод, что для России импортозамещение, основанное на локализации производства, является платформой для диверсификации экономики и переходом к производству технологичной продукции с высокой добавленной стоимостью. Отдельные положения исследования использованы при подготовке Стратегии Уральского кластера железнодорожного машиностроения и транспортно-логистического кластера Свердловской области. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях эффективности реализации политики импортозамещения и модернизации экономики РФ и её субъектов, а также *федеральными и региональными органами власти при разработке и принятии стратегических документов регионального развития и стимулирования импортозамещения.*

Ключевые слова: импортозамещение, локализация, региональная политика, модернизация экономики, промышленное производство, технологическое развитие.

Введение. Правительство Российской Федерации реализует возможность модернизации отечественной экономики через политику импортозамещения. Для эффективного применения инструментов и механизмов импортозамещения важно правильно определить приоритеты и понять, в каких отраслях промышленности в первую очередь необходимо импортозамещение и какие подходы применить для достижения желаемого.

Самая высокая доля импорта сегодня приходится на станкостроение, машиностроение и текстильную промышленность. В условиях им-

портозамещения целесообразно обратиться к опыту политики локализации, которая создает новые рабочие места и новые производства на собственной территории, а также стимулирует развитие наукоемких отраслей экономики, превращая отечественные компании в сильных конкурентов на глобальном уровне. Таким образом, промышленная политика должна быть направлена на развитие производства российской продукции, которое должно заменить импорт (импортозамещение) и, как следствие, увеличить объемы внутреннего производства (локализация производства). В связи с этим

целью исследования является определение роли локализации промышленного производства при реализации политики импортозамещения на основе систематизации теоретико-методологических подходов к определению локализации, систематизация опыта локализации в отдельных отраслях промышленности и исследование нормативно-правовой базы по содействию импортозамещению на территории России и ее регионов.

Теоретико-методологическое обоснование роли локализации производства

Категории «импортозамещение» последнее время уделяется повышенное внимание как со стороны органов государственной власти, так и со стороны ученых. В частности, импортозамещение рассматривается как тип промышленной политики, направленный на замену импорта промышленных товаров товарами отечественного производства [15]. Производство в стране товаров, аналогичных импортируемым, и сокращение или прекращение в этой связи их импорта – другой подход к определению импортозамещения¹. При этом данные товары должны обладать более высокими потребительскими свойствами и стоимостью не выше импортных [10]. В.В. Зарянкин формулирует три альтернативных подхода к определению импортозамещения [8]. Импортозамещение может рассматриваться как экономическая категория и представлять собой систему экономических отношений, направленных на замещение импортных товаров; как экономический процесс, при котором происходит увеличение производства, потребления и экспорта отечественных товаров и услуг при одновременном снижении потребления аналогичных импортных товаров и услуг; как государственная экономическая политика по рационализации и оптимизации импорта товаров и услуг путем стимулирования местных производителей.

Ключевым фактором успеха реализации политики импортозамещения все чаще называют экспортоориентированную локализацию, а не только нацеленную на импортозамещение. Импортозамещение должно быть таким инстру-

ментом экономической политики, результатом которого должна быть не поддержка развития предприятий, продукция которых ориентирована на внутренний рынок, а дальнейшее повышение экспортного потенциала компаний с целью занять нишу на мировом рынке товаропроизводителей [6, 19].

В России понятие «локализация» начало широко применяться в начале 2000-х годов, одновременно с ростом интереса со стороны иностранных инвесторов к нашему рынку. Отсутствие серьезной конкуренции со стороны отечественных производителей наряду со стремительным ростом экономики и потенциально емким рынком сбыта сделало Россию привлекательной для международных корпораций, следствием чего стало открытие транснациональных производств [14].

Существуют различные трактовки термина «локализация», содержащиеся в научных публикациях последних лет. А.М. Вазьянский и С.Ю. Обыденнова под локализацией производства понимают процесс изготовления на территории другой страны продукции первоначального иностранного происхождения [4]. С точки зрения А.Н. Макарова локализация предполагает поставку местными производителями для иностранных компаний комплектующих, изготовленных на национальной территории на базе существовавших ранее производств [13].

Ряд авторов развивают данный подход, делая акцент на возможности снижения себестоимости за счет экономии на транзакционных и транспортных издержках, налогах и на затратах по разработке технологических решений [17]. И.Д. Котляров считает локализацию сложным феноменом, представляющим формирование иностранными компаниями собственных производственных мощностей на территории данной страны. При этом отечественные производители осваивают определенное количество стадий выпуска конечного продукта (от одного до полного цикла) [9]. Исходя из данной трактовки термина «локализация», Д. Котляров выделяет ее следующие формы: первичная, вторичная, третичная локализация, определяемые в зависимости от количества стадий производства конечной продукции, их технологической сложности, маркетинговых особенностей и т.д.

¹ Экономический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://abc.informbureau.com/html/eiidoicaiauaiea.html>

Таблица 1. Стадии локализации и их содержание

Стадия локализации	Содержание стадии	Результат локализации
Первичная локализация	Завершающий этап производства готового продукта переносится на территорию страны	Создание новых рабочих мест, рост налоговых поступлений, упрощение доступа потребителей к конечному продукту. Локализуется лишь стадия сборки конечного продукта, реального импортозамещения нет
Вторичная локализация	Из отечественных производителей формируется локальная цепочка поставок, замещающих определенные звенья в общей цепочке	Реализация мер прямого и косвенного стимулирования иностранных производителей и потенциальных отечественных поставщиков отдельных компонентов для конечного продукта
Третичная локализация	Формируются национальные цепочки создания стоимости, направленные на выпуск в стране конечного экспортно-ориентированного продукта, из созданных в стране субподрядчиков, обслуживающих потребности локализованных иностранных производителей	Формирование собственной цепочки создания стоимости, ведущей к производству конечного продукта

Следует согласиться с автором, что национальной экономике нужно ориентироваться на достижение третьей стадии, так как она дает возможность сформировать собственную глобальную цепочку создания ценности и выйти на мировой рынок с конечным продуктом (табл. 1).

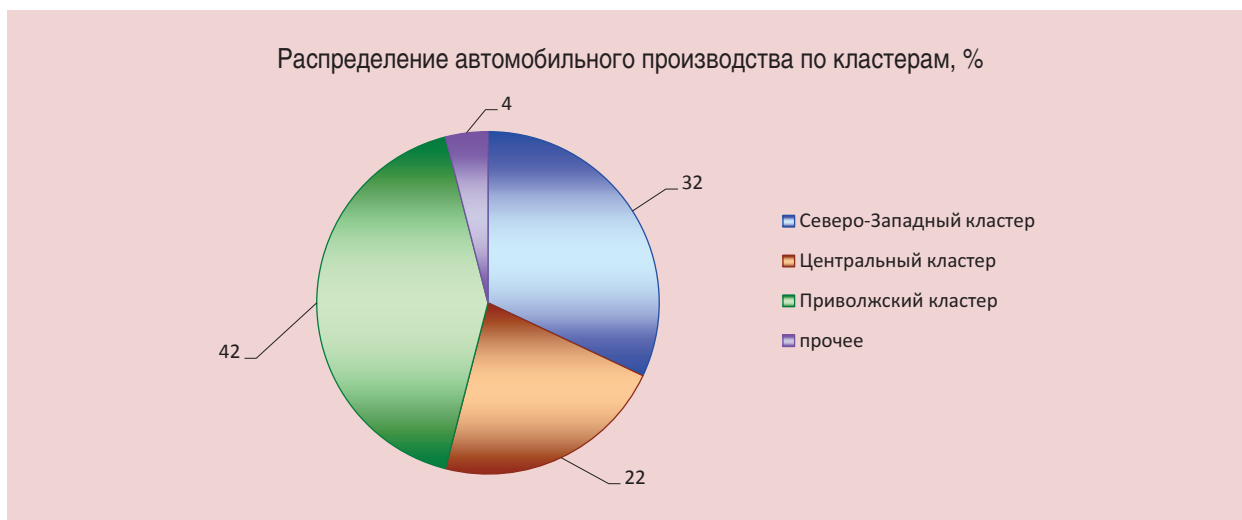
По мнению В.К. Акинфиева, термин «локализация производства» означает процесс переноса на территорию России технологий, их адаптацию и организацию сборочного производства образцов зарубежной техники с частичным изготовлением некоторых комплектующих узлов и деталей на российских предприятиях [2]. Степень локализации производства характеризует долю затрат российских предприятий в общей себестоимости производства образца техники.

Понятие «локализация» неразрывно связано с понятием «размещение производства», используемым в экономической географии. Можно говорить о том, что локализация является частным случаем размещения, обладая при этом рядом особенностей. С нашей точки зрения суть локализации производств заключается в поставке местными производителями комплектующих, изготовленных внутри страны на базе существовавших ранее или вновь организованных производств для иностранных предприятий. Базовыми условиями для локализации выступают: доступность капитала, наличие технологии и производственных мощностей и наличие рынка сбыта. Основная роль локализации в импортозамещении на территории

региона заключается в модернизации и создании новых производств на территории страны, увеличении производства импортных аналогов продукции на более технологичном уровне с использованием зарубежных технологий, росте экспортного потенциала такой продукции, сохранении и создании новых рабочих мест.

Отечественный опыт локализации в отдельных отраслях промышленности

Успешным примером политики локализации является продвижение отечественного производства в автомобильной промышленности. С начала 2000-х годов Россия ввела сниженные таможенные пошлины на ввозимую автомобильную продукцию при условии, что импортер переведет часть своего производства в Россию. Также производителям была оказана поддержка за счет подписания инвестиционных контрактов, предусматривающих определенные обязательства (например, обязательство ежегодно увеличивать долю местной добавленной стоимости и производство определенного количества продукции), а Правительство России, в свою очередь, получило нулевую пошлину на импортируемые компоненты, нужные для производства. Такие льготы применяются сегодня практически во всех областях автомобилестроения (автомобили, грузовики, запчасти для автомобилей). Уровень локализации по автомобильным заводам составляет от 30% (Тойота) до 95% (Шевроле (Нива)) [7]. Наиболее крупные автомобильные кластеры сформировались в Поволжье, на Северо-Западе и в Центре страны (рисунок).

Фармацевтическая промышленность также демонстрирует рост локализации. Поставленная Президентом РФ задача довести долю производимых в стране жизненно важных фармацевтических препаратов к 2018 году до 90% почти выполнена: сейчас производится 76% лекарств из этого списка. Причем активно осуществляется процесс кластеризации фармацевтической отрасли. Общее число кластерных проектов приближается к пятнадцати. Основные характеристики фармацевтических кластеров представлены в таблице 2.

Политика локализации доказала свою эффективность в создании высокотехнологичных производств по выпуску продукции **железнодорожного машиностроения**. Потребители желез-

нодорожной техники предъявляют требования к её качеству и улучшению эксплуатационных характеристик. Спрос на локомотивы, вагоны, узлы и компоненты устаревшей конструкции будет падать, поэтому в транспортном машиностроении останутся предприятия, предлагающие потребителям современную продукцию. Наиболее очевидным способом получения необходимых технологий является поиск стратегических партнеров, трансфер технологий и последующая локализация [5].

Рассмотрим механизм локализации на примере отдельных секторов российского железнодорожного машиностроения, конкурентоспособность которых в настоящее время обеспечивается в значительной степени за счет

Таблица 2. Фармацевтические кластеры РФ

Кластер	Субъект РФ	Год создания	Кол-во участников	Включен /не включен в перечень пилотных инновационных территориальных кластеров
Кластер фармацевтики, биотехнологий и биомедицины	Калужская область	2012	> 50	Включен
Алтайский биофармацевтический кластер	Алтайский край	2008	> 10	Включен
Кластер фармацевтики, медицинской техники и информационных технологий Томской области	Томская область	2013	> 50	Включен
Инновационный кластер информационных и биофармацевтических технологий Новосибирской области	Новосибирская область	2013	> 60	Включен
Биотехнологический инновационный территориальный кластер Пущино	Московская область	2012	> 70	Включен
Кластер медицинской, фармацевтической промышленности, радиационных технологий Санкт-Петербурга	Ленинградская область	2011	> 10	Включен
Уральский биомедицинский кластер	Свердловская область	2010	> 40	Не включен

заимствования технологий из-за рубежа: это локомотивостроение и подвижной состав для скоростного и высокоскоростного движения. За последние годы в России появился целый ряд новых серий тягового подвижного состава: тепловозов, электровозов и электропоездов, производство которых освоено в рамках создания совместных предприятий с зарубежными производителями (ЗАО «Трансмашхолдинг» и французская компания «Alstom Transport», АО «Группа Синара» и немецкая компания «Siemens»).

АО «Группа Синара» объединяет предприятия различной отраслевой направленности. Одним из приоритетных бизнес-направлений компании является машиностроение. В машиностроительный холдинг компании АО «Синара-Транспортные машины» входит АО «Уральские локомотивы», важнейшим направлением деятельности которого является производство грузовых электровозов постоянного и переменного тока, тепловозов, электропоездов «Ласточка». Производство осуществляется по технологиям «Siemens» с поэтапной локализацией производства.

Первым проектом предприятия в области локомотивостроения стала организация производства электровоза с асинхронным тяговым приводом «ГРАНИТ» (серия 2ЭС10). В 2015 году уровень локализации электровоза достиг отметки 80%. Более поздние разработки предприятия – локомотивы ТМХ-ЭП20 и 2ЭС5 имеют в 2015 году уровень локализации производства продукции 55% по ТМХ-ЭП20 и 45% по 2ЭС5. Планируется достигнуть уровня локального производства в 80% по ЭП20 в 2017 году, а по 2ЭС5 – к 2020 году.

Важнейшим направлением деятельности предприятия является производство скоростных электропоездов серии Desiro RUS («Ласточка»), начатое в мае 2013 года. Договор с ОАО «Российские железные дороги» предусматривал жесткие условия локализации производства комплектующих. Уровень локализации с начала производства должен был составить 55%, а к 2017 году доведен до 80%. К 2014 году вокруг «Уральских локомотивов» сформировался кластер из более чем 100 российских поставщиков узлов и компонентов, способных работать по международным стандартам, адаптировать технологии к потребностям заказчика

и российским условиям, и глубина локализации составила 62%. В 2016 году уровень локализации производства «Ласточки» превысил 70%, ожидается, что в 2017 году локализация достигнет проектного уровня – 80%².

Таким образом, на данном предприятии первая и вторая формы локализации стали этапами перехода к третичной локализации. Сложность локализации сразу по третьему типу объясняется ситуацией с комплектующими. Повышенная значимость комплектующих определяется отраслевой особенностью железнодорожного машиностроения, т.е. ее технологической многокомпонентностью и значительной металлоемкостью³. В то же время, согласно стратегическим документам развития транспортного машиностроения, в стране отсутствует серийное производство комплектующих, без которых невозможно создание техники, соответствующей мировому уровню. Доля импортных комплектующих по большинству выпускаемых видов машин и оборудования составляет от 10 до 25%, а в некоторых случаях до 80% в себестоимости продукции. Для создания современной продукции предприятия транспортного машиностроения вынуждены закупать комплектующие зарубежного производства. Для организации серийного производства комплектующих в России отсутствуют технологии.

Учитывая имеющийся опыт, можно обозначить в качестве основного направления развития отрасли на ближайшую и среднесрочную перспективу производство в необходимом объеме современного подвижного состава, в т.ч. для скоростного и высокоскоростного железнодорожного движения, с использованием зарубежного опыта с учетом российских условий и локализацией производства по третьему типу.

² В перспективные планы предприятия входит задача проектирования и организации выпуска различных моделей высокоскоростных поездов. Для реализации этого проекта в конце июня 2016 года группа «Синара» и машиностроительный холдинг CRRC (Changchun Railway Vehicles, КНР) заключили соглашение о создании совместного производства по выпуску поездов для высокоскоростной магистрали Москва – Казань.

³ Так, в 2011 году доля транспортного машиностроения в общем потреблении металла составила 2,75%, или 1,62 млн. т, в то время как в 2009 г. данный показатель составил 1,25%, или 0,66 млн. т. Источник: Стратегия развития транспортного машиностроения Российской Федерации на период до 2030 года. Проект. 2013 год / Институт проблем естественных монополий.

Деятельность Уральского кластера железнодорожного машиностроения является примером успешной реализации политики импортозамещения по типу «догоняющего развития» – с привлечением зарубежных технологий для организации в России первоначально сборочного, а затем локализованного производства зарубежной техники на базе отечественных материалов, компонентов и ресурсов (трудовых, сырьевых и энергетических) [17]. Исходя из этого стратегическая цель импортозамещения в секторах железнодорожного машиностроения может быть обозначена как создание качественно новых видов продукции, которые обеспечат технологическое равноправие России с передовыми странами в развитии транспорта, а также активное влияние на мировой рынок технологий и наукоемкой продукции.

Таким образом, локализация стимулирует появление в России производителей конечного продукта с новыми технологиями и предъявляет требования, распространяющиеся на поставщиков разных уровней. Вокруг производителей конечного продукта сосредотачиваются производители материалов, логистические, сервисные и финансовые организации и таким образом формируются кластеры [13].

Исследование нормативно-правовой базы в сфере содействия импортозамещению на территории России и ее регионов

Анализ отечественного опыта импортозамещения показал, что в субъектах РФ производителям импортозамещающей продукции оказывается различная поддержка: формирование благоприятной среды (нормативно-правовой, административной, финансовой и др.), предоставление различных региональных преференций, формирование и развитие соответствующей инфраструктуры, содействие продвижению местных производителей на российский рынок, помощь во взаимодействии с федеральными органами власти и др.

Вместе с тем появление индивидуальных программ импортозамещения в ряде регионов, крупных ведомств, компаний и предприятий носит скорее политический характер и зачастую региональные и отраслевые программы по импортозамещению становятся рассогласованными и противоречат друг другу. В результате возникают более жесткие ограничения, чем указано в соответствующих федеральных нор-

мах, или расширяется спектр товаров и услуг, подпадающих под ограничения [1].

Исследование нормативно-правовой базы в сфере содействия импортозамещению на территории России и ее регионов показало, что наблюдается внедрение мероприятий по импортозамещению. Условием эффективной реализации этого направления является разработка соответствующих нормативных актов, в том числе программ развития импортозамещения как на уровне Федерации, так и на уровне каждого отдельного региона [16]. Большинство регионов приняли планы по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности или планы содействия импортозамещению (дорожные карты) (табл. 3). Программы по развитию импортозамещения приняты в шести субъектах РФ (Челябинская, Свердловская, Астраханская, Владимирская, Пензенская области, Чувашская Республика). В Волгоградской и Саратовской областях созданы и действуют концепции импортозамещения. Около десяти субъектов РФ до сих пор не приняли подобных документов (Республика Тыва, Красноярский край, Магаданская область, Чукотский автономный округ и др.). В некоторых субъектах РФ деятельность по содействию импортозамещению ведется через планы содействия импортозамещению; программы социально-экономического развития; региональные отраслевые программы и другие документы [3].

Как следует из таблицы, вопросам локализации в нормативных документах регионов уделяется недостаточное внимание. Как правило, в этих документах проблемы локализации производства носят декларативный характер. Например, в плане мероприятий по импортозамещению Республики Татарстан говорится о необходимости создания благоприятных условий для локализации производства приоритетных видов продукции на предприятиях с привлечением зарубежных партнёров; в Воронежской области при формировании плана импортозамещения ставят задачей стимулирование кооперации региональных производителей, трансфера и локализации технологий производства импортозамещающей продукции; в Чувашской Республике одним из основных мероприятий по развитию импортозамещения является создание и локализация на территории республики новых производств по выпуску

Таблица 3. Нормативные акты субъектов РФ, регулирующие процессы импортозамещения

Субъект РФ	Нормативный документ	Локализация
1	2	3
Программы		
Астраханская область	Программа импортозамещения в Астраханской области на 2015–2017 годы ¹⁾	Да
Владимирская область	Государственная программа «Развитие промышленности Владимирской области, повышение ее конкурентоспособности и обеспечение импортозамещения на 2015–2020 годы» ²⁾ Подпрограмма «Развитие внутриобластной и межрегиональной кооперации, обеспечение импортозамещения».	Нет
Пензенская область	Программа импортозамещения и расширения выпуска продукции в Пензенской области на 2015–2017 годы ³⁾	Нет
Свердловская область	Государственная программа «Развитие промышленности и науки на территории Свердловской области до 2020 года» ⁴⁾ Подпрограмма «Развитие импортозамещения и научно-производственной кооперации в отраслях промышленности Свердловской области»	Нет
Челябинская область	Государственная программа «Развитие импортозамещения и научно-производственной кооперации в отраслях промышленности Челябинской области на 2015–2020 годы»	Нет
Чувашская Республика	Программа Чувашской Республики «Экономическое развитие и инновационная экономика на 2012–2020 годы» ⁵⁾ Подпрограмма «Развитие импортозамещения в отдельных отраслях экономики Чувашской Республики»	Да
Концепции		
Волгоградская область	Концепция импортозамещения в Волгоградской области на 2015–2017 годы и плана мероприятий по содействию импортозамещению в Волгоградской области на 2015–2017 гг. ⁶⁾	Нет
Саратовская область	Концепция импортозамещения в реальном секторе экономики Саратовской области	Нет
Планы		
Алтайский край	План мероприятий по содействию импортозамещению в Алтайском крае до 2020 года ⁷⁾	Да
Республика Башкортостан	План мероприятий («дорожная карта») по содействию импортозамещению в Республике Башкортостан на 2015–2017 годы ⁸⁾	Да
Белгородская область	План мероприятий по импортозамещению в Белгородской области на 2016–2018 годы	Да
Воронежская область	План по импортозамещению в сфере промышленности Воронежской области, 2017 г.	Да
Иркутская область	План по импортозамещению на 2016–2018 годы. Создан региональный экспертный совет по импортозамещению (2016 г.)	Нет
Курская область	Региональный план по импортозамещению в Курской области на 2016–2020 годы ⁹⁾	Нет
Саратовская область	План по содействию импортозамещению в реальном секторе экономики Саратовской области на 2015–2016 годы ¹⁰⁾	Нет
Республика Татарстан	План мероприятий по развитию импортозамещения в промышленности Республики Татарстан на 2016 год Концепция импортозамещения в строительной отрасли на 2015–2016 годы в Республике Татарстан ¹¹⁾	Да
Вологодская область	Региональный план по импортозамещению в Вологодской области на 2016–2020 годы ¹²⁾	Да

¹⁾ Распоряжение Правительства Астраханской области от 04.03.2015 № 52-Пр «О программе импортозамещения в Астраханской области на 2015–2017 годы» // Электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ». – URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 23.08.2016).

²⁾ Постановление Администрации Владимирской обл. от 16.06.2015 № 562 «Об утверждении государственной программы Владимирской области «Развитие промышленности Владимирской области, повышение ее конкурентоспособности и обеспечение импортозамещения на 2015–2020 годы»» // Электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ». – URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 20.08.2016).

³⁾ Постановление Правительства Пензенской области от 9 апреля 2015 года № 179-пП «Об утверждении программы импортозамещения и расширения выпуска продукции в Пензенской области на 2015–2017 годы» // Электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ». – URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 23.02.2017).

⁴⁾ Постановление Правительства Свердловской области от 24.10.2013 № 1293-ПП «Об утверждении государственной программы Свердловской области «Развитие промышленности и науки на территории Свердловской области до 2020 года»» [Электронный ресурс] / Министерство промышленности и науки Свердловской области. – URL: <http://mpr.midural.ru>

⁵⁾ Постановление Кабинета министров Чувашской Республики от 21 сентября 2011 года № 398 «О государственной программе Чувашской Республики «Экономическое развитие и инновационная экономика на 2012–2020 годы»»

⁶⁾ Постановление Администрации Волгоградской обл. от 14.09.2015 № 527-п «Об утверждении Концепции импортозамещения в Волгоградской области на 2015–2017 годы и плана мероприятий по содействию импортозамещению в Волгоградской области на 2015–2017 годы» // Электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ». – URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 23.08.2016).

⁷⁾ Распоряжение Администрации Алтайского края от 30 июня 2016 года № 187-р «Об утверждении плана мероприятий по содействию импортозамещению в Алтайском крае до 2020 года» [Электронный ресурс] // АО «Кодекс». – URL: <http://docs.cntd.ru/document/438964065> (дата обращения: 23.09.2016).

⁸⁾ Распоряжение Правительства Республики Башкортостан от 7 августа 2015 года № 838-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по содействию импортозамещению в Республике Башкортостан на 2015–2017 годы» [Электронный ресурс] // АО «Кодекс». – URL: <http://docs.cntd.ru/document/430502601>

⁹⁾ Постановление Администрации Курской области от 6 сентября 2016 г. № 654-па «Об утверждении регионального Плана по импортозамещению в Курской области на 2016–2020 годы» // Электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/kursk/954616/> (дата обращения: 23.08.2016).

¹⁰⁾ Постановление Правительства Саратовской области от 20.01.2015 № 5-П «Об утверждении Концепции импортозамещения в реальном секторе экономики Саратовской области и Плана по содействию импортозамещению в реальном секторе экономики Саратовской области на 2015–2016 годы» [Электронный ресурс] // Официальный портал Правительства Саратовской области. – URL: <http://konsultant.saratov.gov.ru/page.aspx?61154> (дата обращения: 22.08.2016)

¹¹⁾ Постановление КМ РТ от 13 сентября 2016 г. № 639 «О плане мероприятий по развитию импортозамещения в промышленности Республики Татарстан на 2016 год» [Электронный ресурс] // Электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ». – URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 20.11.2016).

¹²⁾ Постановление Правительства Вологодской области от 29.09.2016 № 858 «Об утверждении регионального плана по импортозамещению в Вологодской области на 2016–2020 годы» [Электронный ресурс] // Портал экономического развития Вологодской области. – URL: <http://economy.gov35.ru/> (дата обращения: 23.02.2017).

Таблица 4. Основные формы организации локализованного производства

Форма локализации	Инвестиции	Технологии
Иностранное предприятие на локальном рынке	Зарубежные	Зарубежные
Совместное предприятие	Зарубежные/отечественные	Зарубежные/отечественные
Покупка лицензии отечественным предприятием	Отечественные	Зарубежные
Размещение иностранной компанией заказа на отечественном предприятии	Отечественные	Отечественные

импортозамещающей продукции или патентованных продуктов с дальнейшей ориентацией на экспорт.

Выделяют четыре возможные формы организации локализованного производства, отличающиеся источниками инвестиций и технологий (табл. 4) [13].

Инвестором при реализации проекта выбирается поставщик отечественного оборудования, импортируемого аналога или же покупка локализованного продукта на территории страны. За последние годы развивающиеся страны, а также страны Юго-Восточной Азии и Южной Америки, реализующие политику локализации производства, заметно увеличили свое влияние в мире. Рассматривая эти страны как новые рынки сбыта, транснациональные корпорации проявляют к ним все больший интерес, что позволяет руководству этих стран диктовать свои условия иностранным инвесторам.

Заключение

Реализация политики импортозамещения направлена на решение ключевой проблемы российской экономики – недостаточной конкурентоспособности. Локализация как один из основных инструментов импортозамещения стимулирует развитие наукоемких отраслей экономики, создает новые рабочие места и новые производства на собственной территории.

Анализ нормативно-правовой базы в сфере содействия импортозамещению на государственном и региональном уровнях показал, что регионы активно включаются в разработку нормативных актов, стимулирующих развитие импортозамещения, внедряют мероприятия по импортозамещению.

Однако вопросы локализации промышленного производства в них отражены недостаточно. Также отмечается несогласованность, а порой противоречивый характер нормативных документов.

Промышленная политика должна быть направлена на развитие производства российской продукции, которое должно заменить импорт (импортозамещение) и, как следствие, увеличить объемы внутреннего производства (локализация производства).

Для России импортозамещение на основе локализации промышленного производства является платформой для диверсификации экономики, окончания эпохи нефтегазовой зависимости и переходом к производству технологичной продукции с высокой добавленной стоимостью. Расширение числа действующих производств, локализованных на территории страны, дает возможности для роста экономики, привлечения в страну новых технологий и создания рабочих мест.

Литература

1. Акимов, А. Обеспечение импортозамещения через локализацию производства продукции, работ, услуг [Электронный ресурс] / А. Акимов // Официальный сайт Министерства промышленности и торговли Российской Федерации. – URL: <http://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/docs/M.E.Akim.pdf>
2. Акинфиев, В.К. Выбор инвестиционных решений при трансфере западных технологий в отрасли транспортного машиностроения / В.К. Акинфиев // Управление большими системами. – 2014. – Вып. 48. – С. 151-171.
3. Исследование Программ развития импортозамещения в регионах Российской Федерации / В.В. Бородкина, О.В. Рыжкова, Ю.В. Улас, А.А. Ушалова // Креативная экономика. – 2015. – № 9(11). – С. 1397-1414.
4. Вазьянский, А.М. Локализация производства как способ инновационного развития предприятия / А.М. Вазьянский, С.Б. Обыденнова // Сборник научных трудов НГТУ им. Р.Е. Алексеева. – 2014. – № 7. – С. 2.

5. Воробьев, А.А. Локализация. Направление задано. Что дальше? / А.А. Воробьев, Е.А. Обухова // Техника железных дорог. – 2009. – № 4 (8) ноябрь. – С. 35-45.
6. Гулин, К.А. Импортозамещение как инструмент активизации социально-экономического развития территорий / К.А. Гулин, Е.А. Мазилев, А.П. Ермолов // Проблемы развития территории. – 2015. – № 3 (77). – С. 7-25.
7. Зайцев, А. Названы лидеры по локализации среди выпускающихся в России автомобилей / А. Зайцев // Информационный сайт Wroom.ru [Электронный ресурс]. – URL: <http://wroom.ru/news/3670> (дата обращения: 13.02.2017).
8. Зарянкин, В.В. Роль импортозамещения в системе международных торговых отношений / В.В. Зарянкин // Беларусь и мировые экономические процессы: сб. науч. ст. – Вып. 7. – Минск: БГУ, 2010. – С. 44-50.
9. Котляров, И.Д. Локализация производства как инструмент импортозамещения / И.Д. Котляров // ЭКО. – 2016. – № 8. – С. 128-140.
10. Лаврикова, Ю.Г. Инновационное развитие строительного комплекса региона на основе кластерного подхода / Ю.Г. Лаврикова, С.Н. Котлярова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3 (33). – С. 169-181.
11. Лаврикова, Ю.Г. Стратегические основы реализации потенциала импортозамещения на примере железнодорожного машиностроения / Ю.Г. Лаврикова, Л.М. Аверина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 3 (39). – С. 85-99.
12. Лукьянчук, Е. Импортозамещение: зарубежный опыт / Е. Лукьянчук // Аптека.online.ua: электрон. научн. журн. – 2011. – № 786 (15). – 18 апр. – URL:<http://www.apteka.ua/article/79186> (дата обращения: 13.01.2017).
13. Макаров, А.Н. Локализация производства продукции производственно-технического назначения на территории региона как тенденция импортозамещения / А.Н. Макаров // Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 3. – С. 34-41.
14. Муханов, А.Н. Конъюнктурные факторы импортозамещения в обоснованиях направлений и организационно-структурных схем локализации производства / А.Н. Муханов // Молодой ученый. – 2016. – № 3. – С. 581-585.
15. Райзберг, Б. Современный экономический словарь [Текст] / Б. Райзберг, Л. Лозовский, Е. Стародубцева. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 495 с.
16. Фальцман, В.К. Критические точки политики импортозамещения / В.К. Фальцман // Российское предпринимательство. – 2015. – Т. 16. – № 2 (272). – С. 241-262.
17. Шувалова, Д.Г. Оценка изменения экономического потенциала интеграции с применением стратегии локализации производства на региональном уровне / Д.Г. Шувалова, В.Ю. Маркова // Электронный научный журнал «Управление экономическими системами». – 2013. – № 10 (58). – С. 61.
18. Bruton H.J. A Reconsideration of Import Substitution // Journal of Economic Literature, 1998, vol. 36, no. 2, P. 903-936.
19. Cook S. A Comparison of Regional Export Enhancement and Import Substitution Economic Development Strategies / Cook S., Watson Ph. // The Journal of Regional Analysis and Policy. 2011. Vol. 41. No. 1. P. 1-15.

Сведения об авторах

Светлана Николаевна Котлярова – кандидат экономических наук, доцент, заведующий сектором, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: Sv_gavrilova@mail.ru)

Юлия Георгиевна Лаврикова – доктор экономических наук, доцент, врио директора, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: k5151@mail.ru)

Лидия Михайловна Аверина – ведущий экономист, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: laverina@mail.ru)

Kotlyarova S.N., Lavrikova Yu.G., Averina L.M.

The Role of Industrial Production Localization in the Import Substitution Policy

Abstract. The article is devoted to defining the role of localization of industrial production in the implementation of the import substitution policy. The methodological framework of the research consists of the system approach, methods of structural, object, functional, and statistical analysis, as well as the method of expert estimations. The article reviews the concept of “import substitution” and “localization”; it is concluded that the implementation of the import substitution policy is inextricably linked with the localization. It provides examples of successful localization policy in individual industries (automotive, pharmaceutical and railway engineering), proves its effectiveness in creating high-tech industries for industrial output. The mechanism of localization in the railway engineering sector, whose competitiveness is currently provided largely by imported technology, is discussed in the case of locomotive engineering and rolling stock manufacturing for high-speed operation. There is an example of successful implementation of the import substitution policy in the framework of catching up development of the Ural railway engineering cluster – including foreign technology in order to establish in Russia firstly assembly and later localized production of foreign technology based on domestic materials, components, and resources. It has been determined that basic conditions for localization are availability of capital, availability of technology, production capacity and availability of market. The paper examines the legal framework for promoting import substitution in Russia and its regions, presents an overview of legislatively mandated programs, concepts and development plans for import substitution in Russian constituent entities. The authors demonstrate that the implementation of the import substitution policy in the regions is based on creating and developing special economic zones, clusters, industrial and technology parks; however, regulatory documents in the regions do not pay enough attention to localization issues. It is concluded that Russia’s import substitution based on localization is a platform for economic diversification and transition to production of high value added technological products. Separate research concepts are used for developing the Strategy of the Ural railway engineering cluster and the Sverdlovsk Oblast cluster for transport and logistics. The research results can be used in further research of the effectiveness of implementing the import substitution policy and economic modernization in Russia and its constituent entities, as well as by federal and regional authorities in drafting and adopting strategic documents of regional development and stimulating import substitution.

Key words: import substitution, localization, regional policy, economic modernization, industrial production, technological development.

References

1. Akimov A. Obespechenie importozameshcheniya cherez lokalizatsiyu proizvodstva produktsii, rabot, uslug [Ensuring import substitution through production of goods, works and services]. *Ofits. sait Ministerstva promyshlennosti i trgovli Rossiiskoi Federatsii* [Official website of Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation]. Available at: <http://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/docs/M.E.Akim.pdf>. (In Russian).
2. Akinfiyev V.K. Vybor investitsionnykh reshenii pri transfere zapadnykh tekhnologii v otrasli transportnogo mashinostroeniya [Investment portfolio problem for foreign technology transfer in transport machine building industry]. *Upravlenie bol'shimi sistemami* [Large-scale systems control], 2014, issue 48, pp. 151-171. (In Russian).
3. Borodkina V.V., Ryzhkova O.V., Ulas Yu.V., Ushalova A.A. Issledovanie Programm razvitiya importozameshcheniya v regionakh Rossiiskoi Federatsii [Studying of the development of import substitution programs in the Russian Federation’s regions]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative economy], 2015, no. 9(11), pp. 1397-1414. (In Russian).
4. Vaz'yanskii A.M., Obydenova S.B. Lokalizatsiya proizvodstva kak sposob innovatsionnogo razvitiya predpriyatiya [Production localization as a means of innovative enterprise development]. *Sbornik nauchnykh*

- trudov NGTU im. R.E. Alekseeva* [Collection of studies of Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev], 2014, no. 7, p. 2. (In Russian).
5. Vorob'ev A.A., Obukhova E.A. Lokalizatsiya. Napravlenie zadano. Chto dal'she? [Localization. The direction has been determined. What next?]. *Tekhnika zheleznykh dorog* [Railway equipment magazine], 2009, no. 4 (8), November, pp. 35-45. (In Russian).
  6. Gulin K.A., Mazilov E.A., Ermolov A.P. Importozameshchenie kak instrument aktivizatsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii [Import substitution as a tool to enhance social-economic development of territories]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2015, no. 3 (77), pp. 7-25. (In Russian).
  7. Zaitsev A. Nazvany lidery po lokalizatsii sredi vypuskayushchikhsya v Rossii avtomobilei [Leaders in localization among Russian cars have been named]. *Informatsionnyi sait Wroom.ru* [Wroom.ru information website]. Available at: <http://wroom.ru/news/3670> (Accessed: 13.02.2017). (In Russian).
  8. Zaryankin V.V. Rol' importozameshcheniya v sisteme mezhdunarodnykh torgovykh otnoshenii [The role of import substitution in the system of international trade relations]. *Belarus' i mirovye ekonomicheskie protsessy: sb. nauch. st.* [Belarus and global economic processes: collection of research studies], issue 7. Minsk: BGU, 2010. Pp. 44-50. (In Russian).
  9. Kotlyarov I.D. Lokalizatsiya proizvodstva kak instrument importozameshcheniya [Localization of production as a tool for import substitution]. *EKO [ECO]*, 2016, no. 8, pp. 128-140. (In Russian).
  10. Lavrikova Yu.G., Kotlyarova S.N. Innovatsionnoe razvitie stroitel'nogo kompleksa regiona na osnove klasterного podkhoda [Innovation development of the construction complex in the region on the basis of cluster approach]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 3 (33), pp. 169-181. (In Russian).
  11. Lavrikova Yu.G., Averina L.M. Strategicheskie osnovy realizatsii potentsiala importozameshcheniya na primere zheleznodorozhnogo mashinostroeniya [Strategic framework for implementing the potential of import substitution on the example of railway engineering]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2015, no. 3 (39), pp. 85-99. (In Russian).
  12. Luk'yanchuk E. Importozameshchenie: zarubezhnyi opyt [import substitution: foreign experience]. *Apteka.online.ua: elektron. nauchn. Zhurn* [Apteka.online.ua: scientific e-journal], 2011, no. 786 (15), 18 April. Available at: <http://www.apteka.ua/article/79186> (Accessed: 13.01.2017). (In Russian).
  13. Makarov A.N. Lokalizatsiya proizvodstva produktssii proizvodstvenno-tekhnicheskogo naznacheniya na territorii regiona kak tendentsiya importozameshcheniya [Localization of industrial and technical production on the region territory as a tendency of import substitution]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [The humanities and social sciences], 2011, no. 3, pp. 34-41. (In Russian).
  14. Mukhanov A.N. Kon'yunktturnye faktory importozameshcheniya v obosnovaniyakh napravlenii i organizatsionno-strukturnykh skhem lokalizatsii proizvodstva [Factors in import substitution in justifications of spheres and structural schemes of production localization]. *Molodoi uchenyi* [Young scholar], 2016, no. 3, pp. 581-585. (In Russian).
  15. Raizberg B., Lozovskii L., Starodubtseva E. *Sovremennyyi ekonomicheskii slovar'* [Modern economic dictionary]. Moscow: INFRA-M, 2006. 495 p. (In Russian).
  16. Fal'tsman V.K. Kriticheskie tochki politiki importozameshcheniya [Critical points of import substitution policy]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian journal of entrepreneurship], 2015, vol. 16, no. 2 (272), pp. 241-262. (In Russian).
  17. Shuvalova D.G., Markova V.Yu. Otsenka izmeneniya ekonomicheskogo potentsiala integratsii s primeneniem strategii lokalizatsii proizvodstva na regional'nom urovne [Assessment of economic potential integration performance with the use of production localization strategy at the regional level]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal "Upravlenie ekonomicheskimi sistemami"* [Scientific electronic journal "Management of economic systems"], 2013, no. 10 (58), p. 61. (In Russian).
  18. Bruton H.J. A Reconsideration of Import Substitution. *Journal of Economic Literature*, 1998, vol. 36, no. 2, pp. 903-936.
  19. Cook S.A., Watson Ph. Comparison of Regional Export Enhancement and Import Substitution Economic Development Strategies. *The Journal of Regional Analysis and Policy*, 2011, vol. 41, no. 1, pp. 1-15.

Information about the Authors

Svetlana Nikolaevna Kotlyarova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of Department, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: Sv_gavrilova@mail.ru)

Yuliya Georgievna Lavrikova – Doctor of Economics, Head of Department, Interim Director, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: k5151@mail.ru)

Lidiya Mikhailovna Averina – Leading Economist, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: laverina@mail.ru)

Статья поступила 04.05.2017.

Территориальная декомпозиция сбалансированной системы показателей оценки первичных энергоресурсов ТЭК СЗФО для обеспечения его устойчивого развития

**Татьяна Константиновна
САЛИНА**

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Россия, 191023, ул. Садовая, д. 21
E-mail: salinatanya@mail.ru

Аннотация. *Предметом* исследования в статье является взаимосвязь показателей оценки первичных энергоресурсов топливно-энергетического комплекса субъекта Северо-Западного федерального округа страны (ТЭК СЗФО). *Цель исследования* – оценка первичных энергоресурсов топливно-энергетического комплекса субъекта Северо-Западного федерального округа по экономическим, технологическим, энергетическим, социальным, экологическим параметрам с использованием сбалансированной системы показателей (ССП) для обеспечения устойчивого развития ТЭК СЗФО в целом. *Методы.* В статье предлагается методика территориальной декомпозиции сбалансированной системы показателей для оценки первичных энергоресурсов ТЭК СЗФО. Проводится территориальная декомпозиция сбалансированной системы показателей оценки первичных энергоресурсов на примере ТЭК Архангельской области, включая Ненецкий автономный округ, определяется степень устойчивости ТЭК Архангельской области по следующим параметрам устойчивого развития ТЭК СЗФО: экономическому, технологическому, энергетическому, социальному, экологическому. *Результаты.* Определена степень устойчивости ТЭК Архангельской области в целом и по отдельным параметрам устойчивого развития. Состояние устойчивого развития наблюдается только по энергетическому параметру. *Выводы.* Сделан вывод о том, что состояние неустойчивости может быть обусловлено тем, что месторождения пер-

Для цитирования: Салина, Т.К. Территориальная декомпозиция сбалансированной системы показателей оценки первичных энергоресурсов ТЭК СЗФО для обеспечения его устойчивого развития / Т.К. Салина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 128-142. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.9

For citation: Salina T.K. Territorial Decomposition of Balanced Scorecard for Evaluation of Primary Energy Resources in Fuel and Energy Sector in the Northwestern Federal District to Ensure Its Sustainable Development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 128-142. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.9

вичных энергоресурсов ТЭК относятся к северной приарктической территории. Данный фактор напрямую сказывается на экономической эффективности освоения месторождений данной территории, поскольку, с одной стороны, наблюдается снижение мировых цен на энергоресурсы, а с другой – увеличение затрат на освоение ресурсов. Рост затрат связан с необходимостью формирования требуемой инфраструктуры, социальными выплатами, необходимостью использования оборудования, пригодного для работы в данных условиях. Теоретическая значимость состоит в том, что исследование расширяет научные знания в области принятия управленческих решений по обеспечению устойчивого развития ТЭК региона и субъектов, в него входящих, посредством проведения территориальной декомпозиции ССП оценки первичных энергоресурсов ТЭК. Практическая ценность исследования заключается в разработке территориальной декомпозиции ССП оценки первичных энергоресурсов, позволяющей корректно и объективно оценить устойчивость развития ТЭК субъекта СЗФО, что способствует преобразованию ТЭК СЗФО в гибкую, адаптивную систему с высокой степенью устойчивости к возмущающим воздействиям окружающей среды.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс, сбалансированная система показателей, первичные энергоресурсы, устойчивое развитие.

Введение. Концепция устойчивого развития (УР) в соответствии с Повесткой дня на XXI век, утвержденной Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, которая проходила 14 июня 1992 г. в Рио-де-Жанейро, а также ряд последующих документов¹ являются основой перехода к устойчивому развитию. Положения данной концепции нашли отражение во многих международных соглашениях и в разработанных на их основе национальных концепциях устойчивого развития, в т.ч. изданных в России, таких как Концепция перехода РФ к устойчивому развитию, Экологическая доктрина РФ, Климатическая доктрина РФ, Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, Энергетическая стратегия России на период до 2030 года, и в других правовых актах, отражающих принципы устойчивого развития, а также в работах ученых, занимающихся вопросами обеспечения устойчивого развития, например В.А. Василенко [5], Ю.П. Григорьева [6], в трудах Института энергетической стратегии [1; 4].

¹ Так, одним из последних документов, направленных на достижение устойчивого развития, является Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года, отражающая 17 целей устойчивого развития [Эл. рес.]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.01.2017 г.).

Обеспечение процесса глобального устойчивого развития основывается как на влиянии глобальных факторов, так и на учете специфических особенностей экономики каждой страны, ее ресурсного потенциала, экономических, природных, географических и других условий, а именно тех составляющих, которые формируют основу системы устойчивого развития. В этой связи актуализируются направления исследования проблем взаимодействия общества и окружающей среды, взаимовлияния природы и деятельности человека.

Для обеспечения устойчивого развития необходимо разрабатывать соответствующие механизмы, позволяющие управлять устойчивостью развития национальных экономик, а также образующих ее регионов [5] и отраслей, в т.ч. и топливно-энергетического комплекса (например, В.И. Калика [10], Т.А. Моисеевкова [12], Ю.П. Григорьев [7; 8]). В свете этого задачей ТЭК является удовлетворение потребностей населения в энергетических ресурсах по экономически обоснованным ценам, поддержание стабильности энергетического рынка и обеспечение экологической безопасности [2; 9].

Сущность стратегий социально-экономического развития государства, а именно Концепции социально-экономического развития России на период до 2020 г., Стратегии социально-экономического развития СЗФО, а также

Энергетической стратегии на период до 2030 года (ЭС-2030), ориентированных на инновационный и устойчивый характер развития ТЭК как локомотива роста экономики, состоит в том, что они оказывают непосредственное влияние на обеспечение социально-экономического развития страны в целом и СЗФО в частности – достижение экономического роста, повышение благосостояния населения [8]. В этом контексте исследование роли ТЭК в обеспечении устойчивого развития страны как сложной многоуровневой системы становится в разряд особо актуальных.

Северо-Западный федеральный округ РФ является крупным перспективным объектом развития ТЭК в европейской части страны. Сырьевая ориентация данного региона в долгосрочной перспективе обуславливается географической близостью к основным энергопотребителям, а также системам экспортных трубопроводов.

Большинство современных сценариев развития ТЭК страны в целом и СЗФО в частности исходят из принадлежности ключевой роли первичных энергоресурсов (ПЭР)² в энергообеспечении национальной экономики [13]. Изменение условий функционирования ТЭК, а именно истощение разрабатываемых запасов топливно-энергетических ресурсов, усиление конкуренции за доступ к новым источникам полезных ископаемых, влияние природных факторов, необходимость разработки неосвоенных, менее эффективных месторождений ресурсов, месторождений, расположенных в труднодоступных местах с тяжелыми геологическими, климатическими условиями, и необходимость формирования требуемой инфраструктуры.

Таким образом, разработка экономического инструментария обеспечения устойчивого развития ТЭК СЗФО³, учитывающего экономические, технологические, энергетические, социальные, экологические аспекты его функ-

ционирования, а также составляющих его элементов, а именно ТЭК субъектов, формирующих ТЭК СЗФО, является актуальной задачей [13].

В статье в качестве такого экономического инструментария для обеспечения устойчивого развития ТЭК СЗФО предлагается использование сбалансированной системы показателей (ССП) оценки первичных энергоресурсов как для системы ТЭК СЗФО в целом, так и для отдельных ее элементов, поскольку достоинством данной системы является возможность увязать экономические, технологические, энергетические, социальные, экологические параметры функционирования ТЭК СЗФО. Более подробно о преимуществах СПП можно посмотреть в работах М.Г. Брауна [3], Д. Нортон и Р. Каплана [11; 19; 20] и других зарубежных исследованиях [16; 17; 18].

Сущность и содержание СПП оценки первичных энергоресурсов для обеспечения устойчивого развития ТЭК СЗФО рассмотрено в работе [18]. В статье предлагается декомпозиция СПП оценки первичных энергоресурсов по отдельным субъектам СЗФО.

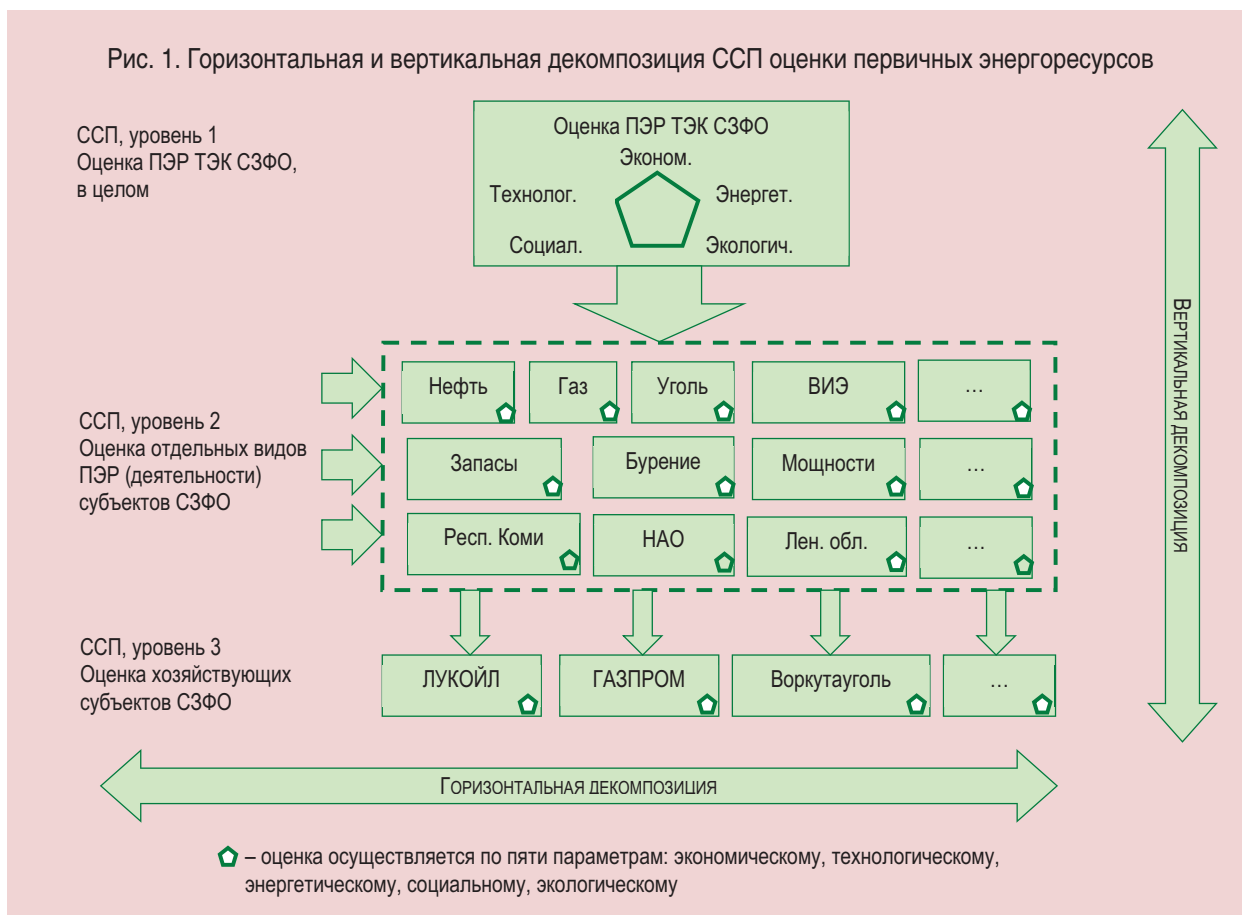
1. Методика декомпозиции сбалансированной системы показателей оценки первичных энергоресурсов ТЭК СЗФО.

Декомпозиция на нижние уровни управления устойчивым развитием ТЭК СЗФО осуществляется в соответствии с принятыми целями развития таким образом, чтобы цели нижестоящих уровней не противоречили целям вышестоящих. Построение СПП для оценки первичных энергоресурсов субъекта СЗФО целесообразно осуществлять с учетом специфики конкретного субъекта РФ, входящего в СЗФО и производящего энергоресурсы. Цели устойчивого развития субъекта СЗФО должны способствовать достижению целей развития всего комплекса.

Согласно предлагаемому подходу декомпозиция сбалансированной системы показателей

² В статье под первичными энергоресурсами (ПЭР) понимаются те ресурсы, которые разведаны, подтверждены количественно бурением и возможна их доставка до материального использования для получения вторичных энергоресурсов.

³ *Устойчивое развитие ТЭК СЗФО* – постоянное, в пределах некоторого периода времени, принятого для планирования и контроля, положительное изменение системообразующих взаимообусловленных экономических, социальных, технологических, энергетических, природных параметров системы ТЭК. Более подробно о подходе к управлению УР ТЭК СЗФО можно посмотреть в работе [13].

оценки первичных энергоресурсов ТЭК СЗФО может осуществляться по двум направлениям (рис. 1):

- горизонтально (на одном иерархическом уровне): ресурсная декомпозиция (по видам энергоресурсов); процессная декомпозиция (по видам процессов [7]);
- вертикально – вовлечение других уровней управления (территориальная декомпозиция).

В статье будет предложена методика территориальной декомпозиции ССП оценки ПЭР по субъектам РФ, входящим в СЗФО.

Территориальная декомпозиция производится с целью:

- разработки показателей оценки первичных энергоресурсов субъекта РФ по параметрам устойчивого развития ТЭК СЗФО (экономическому, технологическому, энергетическому, социальному, экологическому);
- отражения вклада отдельных субъектов РФ для достижения целевых значений показателей оценки первичных энергоресурсов;

– фокусирования процессов управления на ключевых структурообразующих показателях оценки первичных энергоресурсов для обеспечения устойчивого развития ТЭК СЗФО.

Территориальная декомпозиция ССП осуществляется посредством выполнения следующих этапов:

1. Определение структуры территориальной декомпозиции. Целевые показатели и их значения для субъекта РФ формулируются в зависимости от экономической ситуации в данном регионе. ССП в целом выполняет роль рамок, внутри которых для нижестоящего уровня формируется ССП оценки первичных энергоресурсов субъекта РФ, входящего в СЗФО.
2. Формулирование целей развития ТЭК субъекта СЗФО в рамках общих целей устойчивого развития ТЭК СЗФО.
3. Формирование показателей оценки первичных энергоресурсов. Показатели переносятся из ССП оценки первичных энергоресурсов ТЭК СЗФО на регионы в полном объеме. Од-

нако можно корректировать целевые и пороговые их значения в зависимости от специфических особенностей региона по согласованию с вышестоящими уровнями управления таким образом, чтобы не противоречить целям устойчивого развития всего комплекса.

4. Отражение причинно-следственных связей между параметрами устойчивого развития и показателями, их формирующими (создание карты оценки ПЭР). Карта оценки ПЭР отражает причинно-следственные связи между отдельными показателями оценки ПЭР. Причинно-следственные связи отражаются в карте оценки в следующих целях:

- показать взаимосвязи и зависимости между показателями оценки;
- выявить взаимные эффекты, возникающие при достижении целей устойчивого развития;
- обеспечить единое понимание состояния устойчивости развития ТЭК;
- обеспечить достижение целей устойчивого развития;
- содействовать установлению иерархии управления.

5. Установление целевых значений показателей. Для субъектов СЗФО они устанавливаются исходя из целевых значений показателей оценки первичных энергоресурсов ТЭК СЗФО. Но, в зависимости от специфических особенностей региона, они могут изменять свое значение по решению управляющих органов с обоснованием причины.

6. Установление пороговых значений показателей. Пороговые значения показателей устанавливаются для определения степени устойчивости развития ТЭК субъекта СЗФО.

Пороговое значение показателя – это такое значение показателя оценки первичных энергоресурсов, достижение или превышение которого рассматривается как переход по данному показателю в качественно новую область большей потери устойчивости развития ТЭК региона. Степень устойчивости ТЭК региона – это условный показатель, характеризующий степень достижения целевых значений показателей оценки первичных энергоресурсов для обеспечения устойчивого развития ТЭК региона.

В статье принимаются следующие степени устойчивого развития ТЭК региона по каждому

параметру. В свою очередь, пограничное состояние и состояние неустойчивости разделяются на три стадии:

I. Устойчивое развитие (УР) – достижение или улучшение целевых значений показателей.

II. Пограничное состояние (ПС): незначительная потеря устойчивости развития (НПУ) – отклонение не более 10 % от целевых значений показателя оценки ПЭР; возрастающая потеря устойчивости (ВПУ) – не более 20 %; стадия перехода к состоянию неустойчивого развития (ПНУ) – не более 30 %.

III. Неустойчивое развитие: начальная стадия неустойчивого развития (НСНУ) – не более 40 %; значительная потеря устойчивости развития (ЗПУР) – не более 50%; полная потеря устойчивости развития (ППУР) – более 50%.

Установление границ состояний устойчивости может меняться в зависимости от целей проводимого анализа и от состояния развития ТЭК, а также стратегических целей его развития.

7. Осуществление оценки и определение степени устойчивости. Определение степени устойчивости ТЭК региона может проводиться на основе подхода, предложенного в [7].

8. Документирование результатов.

9. Согласование результатов декомпозиции с вышестоящими уровнями управления. На данном этапе в зависимости от полученных результатов оценки могут корректироваться управленческие воздействия для обеспечения устойчивого развития.

10. Сопоставление результатов оценки с целями развития ТЭК региона. На данном этапе выявляется вклад субъекта СЗФО в достижение целей устойчивого развития ТЭК СЗФО. Могут корректироваться цели всех уровней управления, разрабатываться механизмы их достижения.

2. Проведение территориальной декомпозиции ССП оценки первичных энергоресурсов (на примере Архангельской области, включая Ненецкий автономный округ).

2.1. Определение структуры территориальной декомпозиции ССП.

Территориальная декомпозиция выполняется для регионов, производящих энергоресурсы. В статье декомпозиция ССП будет осуществлена на примере субъекта РФ – Архангельской области.

2.2. *Формулирование целей развития ТЭК в Архангельской области и формирование показателей оценки первичных энергоресурсов.*

При формировании ССП оценки первичных энергоресурсов в Архангельской области

показатели оценки переносятся в полном объеме из общей ССП. В данном случае определяется вклад ТЭК субъекта СЗФО в достижение целевых значений показателей ТЭК СЗФО (табл. 1).

Таблица 1. Документирование целей устойчивого развития и показателей оценки первичных энергоресурсов в Архангельской области (АО)

<i>Цель УР</i>		<i>№ Э1 (АО)</i>
Параметр УР ТЭК СЗФО	Экономический	
Название цели	Обеспечение экономической эффективности производства ПЭР для обеспечения УР ТЭК СЗФО	
Обоснование цели	Достигается за счет снижения затрат на производство ПЭР и обеспечения финансовой устойчивости	
Показатели оценки	Темп роста себестоимости Изменение затрат производства на 1 руб. валовой продукции (ВП) Рентабельность производства ПЭР Финансовая устойчивость	Э11(АО) Э12(АО) Э13(АО) Э14(АО)
Период	До 2030 года	
<i>Цель УР</i>		<i>№ Э2(АО)</i>
Параметр УР ТЭК СЗФО	Экономический	
Название цели	Увеличение капитальных вложений (КВ) в производство ПЭР	
Обоснование цели	Способствует модернизации и увеличению эффективности функционирования ТЭК СЗФО	
Показатели оценки	Темп роста капитальных вложений Удельные капитальные вложения на единицу ПЭР Удельные затраты на инновации на единицу ПЭР	Э21(АО) Э22(АО) Э23(АО)
Период	До 2030 года	
<i>Цель УР</i>		<i>№ Э3(АО)</i>
Параметр УР ТЭК СЗФО	Экономический	
Название цели	Повышение производительности труда	
Обоснование цели	Позволит повысить эффективность производства	
Показатели оценки	Темпы роста производительности труда Доля прироста валовой продукции за счет роста ПТ	Э31(АО) Э32(АО)
Период	До 2030 года	
<i>Цель УР</i>		<i>№ Т1(АО)</i>
Параметр УР ТЭК СЗФО	Технологический	
Название цели	Модернизация мощностей производства ПЭР	
Обоснование цели	Позволит повысить эффективность производства ПЭР	
Показатели оценки	Степень износа основных фондов Инновационная активность	Т11(АО) Т12(АО)
Период	До 2030 года	
<i>Цель УР</i>		<i>№ Т2(АО)</i>
Параметр УР ТЭК СЗФО	Технологическая	
Название цели	Повышение эффективности производства ПЭР	
Обоснование цели	Позволит снизить издержки производства ПЭР	
Показатели оценки	Эффективность недропользования Аварийность Энергоемкость	Т21(АО) Т22(АО) Т23(АО)
Период	До 2030 года	
<i>Цель УР</i>		<i>№ Т3(АО)</i>
Параметр УР ТЭК СЗФО	Технологический	
Название цели	Развитие мощностей производства ПЭР	
Обоснование цели	Позволит обеспечить потребности в ПЭР	
Показатели оценки	Степень соответствия мощности потребностям региона Удельный вес вновь вводимых мощностей в общем объеме производства ПЭР Доля российского оборудования	Т31(АО) Т32(АО) Т33(АО)
Период	До 2030 года	

Окончание таблицы 1

<i>Цель УР</i>		<i>№ Эн1(АО)</i>
Параметр УР ТЭК СЗФО	Энергетический	
Название цели	Обеспечение воспроизводства ТЭР	
Обоснование цели	Обеспечение надежного энергоснабжения населения	
Показатели оценки	Обеспеченность округа собственными ПЭР Темп роста запасов ТЭР Восполняемость запасов ТЭР Степень соответствия ЭП потребностям региона Темп роста объемов производства ПЭР	Эн11(АО) Эн12(АО) Эн13(АО) Эн14(АО) Эн15(АО)
Период	До 2030 года	
<i>Цель УР</i>		<i>№ Эн2(АО)</i>
Параметр УР ТЭК СЗФО	Энергетический	
Название цели	Рационализация структуры производства ПЭР	
Обоснование цели	Удовлетворение потребностей в ПЭР	
Показатели оценки	Доля запасов ТЭР новых месторождений Доля объемов производства ТЭР сложных месторождений	Эн21(АО) Эн22(АО)
Период	До 2030 года	
<i>Цель УР</i>		<i>№ С1(АО)</i>
Параметр УР ТЭК СЗФО	Социальный	
Название цели	Развитие и повышение использования человеческого потенциала	
Обоснование цели	Повышение качества человеческого потенциала	
Показатели оценки	Доля занятых, моложе 40 лет Доля занятых с высшим (профессиональным) образованием Процент потерь рабочего времени Текучесть кадров	С11(АО) С12(АО) С13(АО) С14(АО)
Период	До 2030 года	
<i>Цель УР</i>		<i>№ С2(АО)</i>
Параметр УР ТЭК СЗФО	Социальный	
Название цели	Повышение степени удовлетворенности работников и социальной ответственности	
Обоснование цели	Повышение качества человеческого потенциала	
Показатели оценки	Уровень заработной платы (в сравнение по округу) Коэффициент опасности Среднее время на обучение человека	С21(АО) С22(АО) С23(АО)
Период	До 2030 года	
<i>Цель УР</i>		<i>№ Эк1(АО)</i>
Параметр УР ТЭК СЗФО	Экологический	
Название цели	Ограничение выбросов загрязняющих веществ в окружающую среду	
Обоснование цели	Рациональное природопользование	
Показатели оценки	Экологичность (уд. выбросы загрязняющих веществ) Удельное образование отходов Удельное водопотребление	Эк11(АО) Эк12(АО) Эк13(АО)
Период	До 2030 года	
<i>Цель УР</i>		<i>№ Эк2(АО)</i>
Параметр УР ТЭК СЗФО	Экологический	
Название цели	Утилизация последствий производства ПЭР	
Обоснование цели	Восстановление окружающей среды	
Показатели оценки	Уровень рекультивации земель Темп роста площади нарушенных земель Темп роста количества шламовых амбаров	Эк21(АО) Эк22(АО) Эк23(АО)
Период	До 2030 года	

2.3. Создание карты оценки ПЭР в Архангельской области.

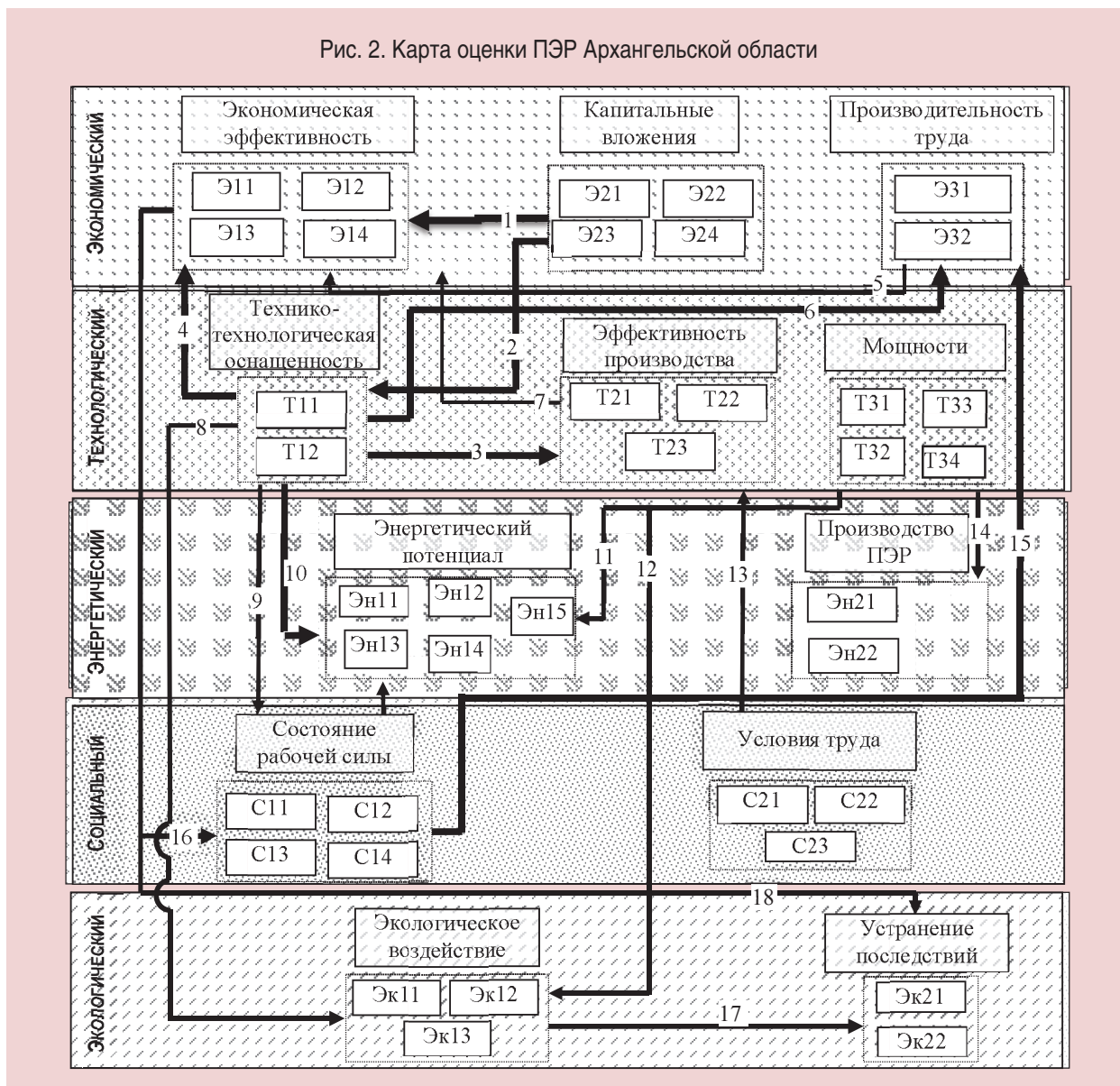
Карта оценки ПЭР в Архангельской области создается на основе общей карты оценки первичных энергоресурсов ТЭК СЗФО (рис. 2).

Документирование причинно-следственных связей между отдельными показателями осуществляется одновременно с их разработкой. Связи характеризуются следующими данными: номер связи, показатель, который оказывает влияние или на который влияют; «расшифровка» отношения; как влияет изменение значения параметра А на достижение или недостижение целевого значения параметра В; краткая характеристика содержания связи.

(1) Сильное влияние. Осуществление капиталовложений (Э21, Э22, Э23) в краткосрочной перспективе негативно влияет на показатели экономической эффективности. В начале периода наблюдается возрастание затрат, затем уменьшение.

(2) Сильное влияние. Капитальные вложения (Э21, Э22, Э23) оказывают непосредственное влияние на технико-технологическую оснащенность (Т11, Т12) производственного процесса. Вложение средств в современное оборудование и технологии улучшает состояние основных фондов и повышает инновационную активность организаций ТЭК.

Рис. 2. Карта оценки ПЭР Архангельской области

(3) Сильное влияние. Техничко-технологическая оснащенность (Т11, Т12) производственного процесса оказывает непосредственное влияние на эффективность производства ПЭР (Т21, Т22, Т23). Чем лучше состояние основных фондов и выше инновационная активность, тем выше эффективность недропользования (коэффициент извлечения нефти, коэффициент использования попутного нефтяного газа).

(4) Сильное влияние. Техничко-технологическая оснащенность (Т11, Т12) производственного процесса оказывает непосредственное влияние на экономическую эффективность производства (Э11, Э12, Э13, Э14, Э15). Данная зависимость обусловлена тем, что от состояния основных фондов и инновационной активности зависит темп роста себестоимости первичных энергоресурсов, рентабельность и др.

(5) Умеренное взаимное влияние. Производительность труда (Э31, Э32) оказывает влияние на экономическую эффективность (Э11, Э12, Э13, Э14). Чем больше валовой продукции произведет один занятый в сфере производства первичных энергоресурсов, тем это, соответственно, экономически эффективнее. С другой стороны, чем больше капитальных вложений, тем выше производительность труда за счет использования современных технологий.

(6) Сильное влияние. Техничко-технологическая оснащенность (Т11, Т12) производственного процесса оказывает непосредственное влияние на производительность труда.

(7) Умеренное влияние. Эффективность производственного процесса (Т21, Т22, Т23) оказывает влияние на экономическую эффективность (Э11, Э12, Э13, Э14), поскольку, например, для устранения аварии необходимо произвести затраты.

(8) Достаточно сильное влияние. Техничко-технологическая оснащенность (Т11, Т12) при производстве первичных энергоресурсов оказывает прямое воздействие на окружающую среду (разливы при аварии из-за изношенности оборудования).

(9) Достаточно сильное влияние. Состояние оборудования (Т11, Т12) при производстве первичных энергоресурсов характеризует условия труда, при которых работает сотрудник.

(10) Сильное влияние. Техничко-технологическая оснащенность (Т11, Т12) производственного процесса характеризует воспроиз-

водственные возможности округа. Это связано с тем, что имеются запасы ресурсов, освоение которых возможно только при использовании современного оборудования.

(11) Достаточно сильное влияние. Мощности производства (Т31, Т32, Т33, Т34) влияют на возможности воспроизводства, а также на формирование энергетического потенциала СЗФО.

(12) Достаточно сильное влияние. Производство первичных энергоресурсов (Т21, Т22, Т23) оказывает прямое воздействие на окружающую среду (разливы при аварии из-за изношенности оборудования).

(13) Достаточно сильное влияние. Удовлетворенность работников сказывается на эффективности производства, поскольку, чем лучше условия труда (С21, С22, С23), тем выше эффективность производства первичных энергоресурсов.

(14) Достаточно сильное влияние. Благодаря развитию мощностей (Т31, Т32, Т33, Т34) возможным становится удовлетворять потребности в энергоресурсах, осваивая новые месторождения.

(15) Сильное влияние. Состояние рабочей силы (С11, С12, С13, С14) оказывает непосредственное влияние на производительность труда.

(16) Достаточно сильное влияние. Чем качественнее рабочая сила (С11, С12, С13, С14), тем больше затрат на ее содержание (Э11, Э12, Э13, Э14).

(17) Достаточно сильное влияние. Чем больше негативное воздействие на окружающую среду (Эк11, Эк12, Эк13), тем выше масштаб последствий для ликвидации (Эк21, Эк22).

(18) Достаточно сильное влияние. Для ликвидации последствий воздействия на окружающую среду (разливы, шламовые амбары и др.) (Эк21, Эк22) необходимы финансовые средства (Э11, Э12, Э13, Э14).

2.4. Установление целевых значений показателей оценки первичных энергоресурсов в Архангельской области.

Целевые значения показателей устанавливаются для всех регионов СЗФО на периоды реализации стратегических документов (ЭС-2030) с разбивкой на три периода на основе опыта ведущих компаний, ЭС-2030, исследований профильных организаций. Более подробно об обосновании показателей и установлении

их целевых значений можно посмотреть в [14]. Далее осуществляется документирование целевых значений показателей оценки ПЭР и установление их фактических значений (табл. 2).

Таблица 2. Документирование фактических значений показателей оценки первичных энергоресурсов*

Показатель оценки ПЭР	Целевое значение	Фактическое значение (2014)
<i>Экономический параметр</i>		
Темп роста себестоимости производства ПЭР, %	Не более 110	92
Изменение затрат производства на 1 руб. ВП, руб./руб.	Не более 0	-0,08
Рентабельность производства ПЭР, %	Не менее 15	-14,9
Финансовая устойчивость, отн.ед.	Не менее 1,9	0,58
Темп роста капитальных вложений, %	Не менее 120	91
Уд. капит. вложения на т.у.т., руб./т.у.т.	Не менее 3200	1919
Уд. затраты на НИОКР на единицу ПЭР, руб./т.у.т.	Не менее 50	Не публ.
Темпы роста производительности труда, %	Не менее 110	98
Доля прироста валовой продукции за счет ПТ, %	Не менее 5	-0,02
<i>Технологический параметр</i>		
Степень износа основных фондов, %	Не более 48	44,9
Инновационная активность, отн. ед.	Не менее 0,7	0,339
Эффективность недропользования, %	Не менее 127	113
Аварийность, ед./т.у.т.	Не более 100	144
Энергоемкость, т.у.т./тыс. т.у.т.	Не более 12	52,25
Степень соответствия мощности потребностям региона, %	Не менее 150	160
Удельный вес вновь вводимых мощностей в общем объеме производства ПЭР, %	Не менее 27	7,6
Доля российского оборудования, %	Не более 20	74
<i>Энергетический параметр</i>		
Обеспеченность округа собственными ПЭР, %	Не менее 102	150
Темпы роста запасов ТЭР, %	Не менее 103	120
Восполняемость запасов ТЭР, %	Не менее 130	135
Степень соответствия ЭП потребностям региона, %	Не менее 110	200
Темп роста объемов производства ПЭР, %	Не менее 103	106
Доля запасов ТЭР новых месторождений, %	Не менее 12	13
Доля объемов добычи ТЭР на сложных месторождениях, %	Не менее 10	100
<i>Социальный параметр</i>		
Доля занятых, моложе 40 лет, %	Не менее 30	29
Доля занятых с высшим (профессиональным) образованием, %	Не менее 60	26,5
Среднее кол-во часов обучения 1 работника,	Не менее 78	45
Коэффициент потерь рабочего времени, %	Не более 4	3,2
Коэффициент текучести кадров, %	Не более 12	48
Уровень заработной платы, %	Не менее 150	253
Коэффициент опасности	Не более 7,6	9,7
<i>Экологический параметр</i>		
Экологичность, кг/т.у.т.	Не более 70	90
Удельное образование отходов, кг/т.у.т.	Не более 5	6,3
Удельное водопотребление, куб. м/т.у.т.	Не более 3,5	2,5
Уровень рекультивации земель от годового нарушения, %	Не менее 65	70
Темп роста площади нарушенных земель, %	Не более 100	112
Темп роста количества шламовых амбаров, %	Не более 100	115

* Составлено по статистическим данным по Архангельской обл., вкл. Ненецкий автономный округ: Архангельская область в цифрах. 2015: кр. стат. сб. / Федер. служба гос. статистики, Территор. орган Федер. СГС по Арханг. обл. (Архангельскстат). – Архангельск, 2016. – 235 с.; О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2014 году: Государственный доклад. – М., 2015. – URL: http://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/331/dokl_14.pdf (дата обращения: октябрь 2016 г.); О состоянии окружающей среды в Ненецком автономном округе в 2014 году: доклад. – URL: <http://dprea.adm-nao.ru/doklady-i-otchety-o-deyatelnosti/doklady-o-sostoyanii-okruzhayushej-sredy-v-neneckom-avtonomnom-okruge/> (дата обращения: октябрь 2016 г.); Промышленность России. 2014: стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 326 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.; Российский статистический ежегодник. 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 728 с.; Статистический ежегодник Архангельской области. 2014: [стат. сб.] / Федер. служба гос. статистики, Архангельскстат. – Архангельск, 2015. – 187 с.

2.5. Установление пороговых значений показателей.

Установление пороговых значений показателей производится по методике, предложен-

ной в [7]. В табл. 3 представлены результаты итераций по установлению пороговых значений показателей оценки первичных энергоресурсов в Архангельской области.

Таблица 3. Пороговые значения определения степени устойчивости ТЭК Архангельской области, включая Ненецкий АО

Показатель оценки ПЭР	Пороговые значения					
	Пограничное состояние (ПС)			Неустойчивое развитие (НУР)		
	НПУ	ВПУ	ПНУ	НСНУ	ЗПУР	ППУР
<i>Экономический параметр</i>						
Э1	110	121	133,1	146,41	161,051	177,1561
Э2	0,1	0,11	0,121	0,1331	0,14641	0,161051
Э3	15	13,5	12,15	10,935	9,8415	8,85735
Э4	1,9	1,71	1,539	1,3851	1,24659	1,121931
Э5	120	108	97,2	87,48	78,732	70,8588
Э6	3200	2880	2592	2332,8	2099,52	1889,568
Э7	50	45	40,5	36,45	32,805	29,5245
Э8	110	99	89,1	80,19	72,171	64,9539
Э9	5	4,5	4,05	3,645	3,2805	2,95245
<i>Технологический параметр</i>						
Т1	48	52,8	58,08	63,888	70,2768	77,30448
Т2	0,7	0,63	0,567	0,5103	0,45927	0,413343
Т3	127	114,3	102,87	92,583	83,3247	74,99223
Т4	100	110	121	133,1	146,41	161,051
Т5	12	13,2	14,52	15,972	17,5692	19,32612
Т6	150	135	121,5	109,35	98,415	88,5735
Т7	27	24,3	21,87	19,683	17,7147	15,94323
Т8	20	22	24,2	26,62	29,282	32,2102
<i>Энергетический параметр</i>						
Эн1	102	91,8	82,62	74,358	66,9222	60,22998
Эн2	103	92,7	83,43	75,087	67,5783	60,82047
Эн3	130	117	105,3	94,77	85,293	76,7637
Эн4	110	99	89,1	80,19	72,171	64,9539
Эн5	103	92,7	83,43	75,087	67,5783	60,82047
Эн6	12	10,8	9,72	8,748	7,8732	7,08588
Эн7	10	9	8,1	7,29	6,561	5,9049
<i>Социальный параметр</i>						
С1	30	27	24,3	21,87	19,683	17,7147
С2	60	54	48,6	43,74	39,366	35,4294
С3	78	70,2	63,18	56,862	51,1758	46,05822
С4	4	4,4	4,84	5,324	5,8564	6,44204
С5	12	13,2	14,52	15,972	17,5692	19,32612
С6	150	135	121,5	109,35	98,415	88,5735
С7	7,6	8,36	9,196	10,1156	11,12716	12,239876
<i>Экологический параметр</i>						
Эк1	70	77	84,7	93,17	102,487	112,7357
Эк2	5	5,5	6,05	6,655	7,3205	8,05255
Эк3	3,5	3,85	4,235	4,6585	5,12435	5,636785
Эк4	65	58,5	52,65	47,385	42,6465	38,38185
Эк5	100	110	121	133,1	146,41	161,051
Эк6	100	110	121	133,1	146,41	161,051

Таблица 4. Определение степеней устойчивости развития ТЭК
Архангельской области, включая Ненецкий АО

Параметр	Нормализованные значения степеней устойчивости развития ТЭК СЗФО						Оценка параметра	Состояние ТЭК СЗФО
	ПС			НУР				
	НПУ	ВПУ	ПНУ	НСНУ	ЗПУР	ППУР		
Экономический	0,00	0,35	0,69	1,00	1,30	1,59	1,79	Полная потеря устойчивости развития
Технологический	0,00	0,35	0,00	0,34	0,67	1,00	1,94	Полная потеря устойчивости развития
Энергетический	0,00	0,37	0,70	1,00	1,27	1,51	0,00	Устойчивое развитие
Социальный	0,00	0,34	0,67	1,00	1,33	1,65	1,5	Значительная потеря устойчивости развития
Экологический	0,00	0,31	0,65	1,00	1,38	1,79	0,59	Возрастающая потеря устойчивости развития
ТЭК	0,00	0,34	0,67	1,00	1,32	1,64	1,16	Начальная стадия неустойчивого развития

2.6. Осуществление оценки и определение степени устойчивости.

Результаты определения степени устойчивости ТЭК Архангельской области в целом и по отдельным параметрам приведены в *табл. 4*.

Заключение

На основе проведенной оценки можно сделать следующий вывод: состояние устойчивого развития достигается только по энергетическому параметру. Это связано с тем, что в данном субъекте СЗФО имеются большие запасы таких ПЭР, как нефть и газ. По остальным параметрам, за исключением экологического, наблюдается состояние неустойчивости развития. В целом ТЭК Архангельской области, включая Ненецкий АО, находится в состоянии неустойчивого развития начальной стадии. Данная ситуация может быть обусловлена тем, что месторождения ПЭР ТЭК относятся к северной приарктической территории (северная часть Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции). Данный фактор напрямую сказывается на экономической эффективности освоения месторождений данной территории, поскольку, с одной стороны, наблюдается снижение мировых цен на энергоресурсы, а с другой – увеличение затрат на освоение ресурсов. Рост затрат связан с необходимостью формирования требуемой инфраструктуры, социальными выплатами, необходимостью использования оборудования, пригодного для работы в данных условиях и др.

Таким образом, осуществление территориальной декомпозиции ССП оценки ПЭР для обеспечения УР ТЭК СЗФО может позволить:

- улучшить скоординированность действий управляющих органов ТЭК субъектов СЗФО для обеспечения УР ТЭК СЗФО за счет отражения вклада каждого субъекта СЗФО для реализации целей УР ТЭК СЗФО в целом;
- выявить взаимосвязь показателей оценки ПЭР различных параметров, оказывающих воздействие на обеспечение УР ТЭК СЗФО;
- обеспечивать аппарат управления УР ТЭК СЗФО полной и достоверной информацией по субъектам СЗФО для принятия экономически обоснованных управленческих решений с учетом их специфических особенностей.

Теоретическая значимость состоит в том, что исследование расширяет научные знания в области принятия управленческих решений по обеспечению устойчивого развития ТЭК региона и субъектов, в него входящих, посредством проведения территориальной декомпозиции ССП оценки первичных энергоресурсов ТЭК.

Практическая ценность исследования заключается в разработке территориальной декомпозиции ССП оценки первичных энергоресурсов, позволяющей корректно и объективно оценить устойчивость развития ТЭК субъекта СЗФО, что способствует преобразованию ТЭК СЗФО в гибкую, адаптивную систему с высокой степенью устойчивости к возмущающим воздействиям окружающей среды.

Литература

1. Астахов, А.С. Устойчивое развитие и национальное богатство России [Текст] / А.С. Астахов, В.В. Бушуев, В.С. Голубев. – М.: Энергия, 2009. – 156 с.

2. Белогорьев, А.М. Зачем нужен индекс устойчивого развития? [Текст] / А.М. Белогорьев, М. Афанасьева // Нефть России. – 2011. – № 11.
3. Браун, М.Г. За рамками сбалансированной системы показателей. Как аналитические показатели повышают эффективность управления компанией [Текст] / М.Г. Браун. – М.: Олимп-Бизнес, 2012. – 248 с.
4. Энергетика России: постстратегический взгляд на 50 лет вперед [Текст] / В.В. Бушуев, А.И. Громов, А.М. Белогорьев, А.М. Мастепанов. – М.: Энергия, 2016. – 96 с.
5. Василенко, В.А. Устойчивое развитие регионов: подходы и принципы [Текст] / В.А. Василенко. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008. – 208 с.
6. Григорьев, Ю.П. Модель обслуживания цепей поставок материальных ресурсов [Текст] / Ю.П. Григорьев // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2015. – № 2 (54). – С. 68-75.
7. Григорьев, Ю.П. Подход к определению степени устойчивости развития ТЭК региона (на примере СЗФО) [Текст] / Ю.П. Григорьев, Т.К. Салина // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2016. – № 8. – С. 32-38.
8. Григорьев, Ю.П. Повышение общественной полезности нефти на основе совершенствования инструментов государственного воздействия [Текст] / Ю.П. Григорьев, К.В. Яковлева // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2014. – № 3 (51). – С. 56-69.
9. Громов, А.И. Энергетическая основа глобальной системы «природа – общество – человек» [Текст] / А.И. Громов // Партнерство цивилизаций. – 2012. – № 3. – С. 72-79.
10. Калика, В.И. Проблемы исследования и моделирования развития региональных ТЭК [Текст] / В.И. Калика. – Уфа: БФАН СССР, 1987. – 41 с.
11. Каплан, Р. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию [Текст] / Р. Каплан, Д. Нортон. – М.: Олимп-Бизнес, 2003. – 264 с.
12. Моисеенкова, Т.А. Эколого-экономическая сбалансированность промышленных узлов [Текст] / Т.А. Моисеенкова. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1989. – 216 с.
13. Салина, Т.К. Концептуальный подход к управлению устойчивым развитием ТЭК Северо-Западного федерального округа [Текст] / Т.К. Салина // Журнал экономической теории. – 2016. – № 4. – С. 80-92.
14. Салина, Т.К. Сбалансированная система показателей оценки первичных энергоресурсов ТЭК России: сущность и содержание // Экономика и менеджмент систем управления. – 2016. – Т. 19. – № 1.2. – С. 254-161.
15. Теоретико-методологические основы и прикладной экономический инструментарий оптимизации в решении проблемы воспроизводства нефти. – Часть 1. Подход к оптимизации процессов перемещения нефти в цепи поставки: этапы разработки месторождений и переработки нефти [Текст] / кол. авт.; под науч. ред. Ю.П. Григорьева. – СПб.: СПб имени В.Б. Бобкова филиал РТА, 2015. – 360 с.
16. Binder, V. Strategieentwicklung und Balanced Scorecard [Text] / V. Binder, P. Sürth // Controller Magazin. – 2002. - № 3. - Pp. 359–364.
17. Gminder, C.-U. Nachhaltig managen mit der Balanced Scorecard [Text] / C.-U. Gminder, Th. Bieker, T. Hahn // Erfahrungen aus einem Praxisprojekt. – 2002. – № 6. – Pp. 27-28.
18. Implementing the Balanced Scorecard at FMC Corporation: An Interview with Larry D. Brady [Text] // Harvard Business Review. - 1993. - September/October. – Pp. 143-147.
19. Kaplan, R.S. Strategy Maps. Converting intangible assets into tangible outcomes [Text] / R.S. Kaplan, D.P. Norton. – Boston, 2004. – 144 p.
20. Kaplan, R. S. Strategieumsetzung mit Hilfe der Balanced Scorecard [Text] / R.S. Kaplan, D.P. Norton. – München, 1997. – 342 p.

Сведения об авторе

Татьяна Константиновна Салина – кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной математики и экономико-математических методов, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Россия, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21; e-mail: salinatanya@mail.ru)

Salina T.K.

Territorial Decomposition of Balanced Scorecard for Evaluation of Primary Energy Resources in Fuel and Energy Sector in the Northwestern Federal District to Ensure Its Sustainable Development

Abstract. *The research subject* in the article is the correlation between evaluation indicators of primary energy resources in the fuel and energy sector in the Northwestern Federal District of the country. The purpose for the study is to evaluate the primary energy resources of the fuel and energy sector in the Northwestern Federal District in terms of economic, technological, energy, social, and environmental parameters with the use of balanced scorecard (BSC) for sustainable development of the sector in the Northwestern Federal District as a whole. *Methods.* The article proposes the methodology for territorial decomposition of the balanced scorecard for evaluating primary energy resources in the Northwestern Federal District. The region's balanced scorecard decomposition of evaluation of primary energy resources in the case of the Arkhangelsk Oblast fuel and energy sector, including Nenets Autonomous Okrug, is determined; the authors identify the degree of stability of the fuel and energy sector in the Arkhangelsk Oblast, according to the following parameters of sustainable development of the energy sector in the Northwestern Federal District: economic, technological, energy, social, environmental. *Research results.* The authors determine the degree of sustainability of the fuel and energy sector in the Arkhangelsk Oblast in general and by individual parameters of sustainable development. The state of sustainable development is observed only on by the energy parameter. *Conclusions.* It is concluded that instability may be due to the fact that the deposits of primary energy resources belong to the Northern Arctic areas. This factor directly affects the economic efficiency of deposit development in this territory as there is, on the one hand, a decrease in world energy prices and, on the other hand, – an increase in resource development costs. The growing costs are related to the necessary formation of the required infrastructure, social benefits, use of equipment suitable for operations in these conditions. The theoretical significance consists in the fact that the study expands scientific knowledge in the sphere of management decision-making for sustainable development of the sector in the region and its constituent entities through conducting territorial decomposition of BSC of evaluating primary energy resources in the fuel and energy sector. The practical value of the research is to develop the territorial decomposition of BSC of evaluation of primary energy resources which help correctly and objectively assess the sustainability of the fuel and energy sector development in the Northwestern Federal District, which contributes to the transformation of fuel and energy sector in the Northwestern Federal District into a flexible, adaptable system with high resistance to the disturbing environmental influences.

Key words: fuel and energy sector, balanced system of indicators, primary energy resources, sustainable development.

References

1. Astakhov A.S., Bushuev V.V., Golubev V.S. *Ustoichivoe razvitiye i natsional'noe bogatstvo Rossii* [Russia's sustainable development and national wealth]. Moscow: IATs "Energiya", 2009. 156 p. (In Russian).
2. Belogor'ev A.M., Afanas'eva M. *Zachem nuzhen indeks ustoichivogo razvitiya?* [Why do we need Sustainable Development Index]. *Neft' Rossii* [Russian oil], 2011, no. 11. (In Russian).
3. Brown M.G. *Za ramkami sbalansirovannoi sistemy pokazatelei. Kak analiticheskie pokazateli povyshayut effektivnost' upravleniya kompaniei* [Beyond balanced scorecard model. How do analytical indices increase the corporate management efficiency]. Moscow: ZAO "Olimp-Biznes", 2012. 248 p. (In Russian).
4. Bushuev V.V., Gromov A.I., Belogor'ev A.M., Mastepanov A.M. *Energetika Rossii: poststrategicheskii vzglyad na 50 let vpered* [Russia's energy sector: post-strategic view for 50 years into the future]. Moscow: IATs «Energiya», 2016. 96 p. (In Russian).
5. Vasilenko V.A. *Ustoichivoe razvitiye regionov: podkhody i printsipy* [Regions' sustainable development: approaches and principles]. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2008. 208 p. (In Russian).

6. Grigor'ev Yu.P. Model' obsluzhivaniya tsepei postavok material'nykh resursov [Model for management of material resources supply chains]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii* [Proceedings of V.B. Bobkov Saint-Petersburg branch of the Russian Customs Academy], 2015, no. 2 (54), pp. 68–75. (In Russian).
7. Grigor'ev Yu.P., Salina T.K. Podkhod k opredeleniyu stepeni ustoichivosti razvitiya TEK regiona (na primere SZFO) [Approach to defining the degree of sustainability of region's fuel and energy sector development (case study of the Northwestern Federal District)]. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom* [Issues of economy and oil and gas sector management], 2016, no. 8, pp. 32–38. (In Russian).
8. Grigor'ev Yu.P., Yakovleva K.V. Povyshenie obshchestvennoi poleznosti nefti na osnove sovershenstvovaniya instrumentov gosudarstvennogo vozdeistviya [Increasing public utility of oil based on improving the tools of state influence]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii* [Proceedings of V.B. Bobkov Saint-Petersburg branch of the Russian Customs Academy], 2014, no. 3 (51), pp. 56–69. (In Russian).
9. Gromov A.I. Energeticheskaya osnova global'noi sistemy "priroda - obshchestvo – chelovek" [The energy framework of the global "nature–society–human" system]. *Partnerstvo tsivilizatsii* [Partnership of civilizations], 2012, no. 3, pp. 72–79. (In Russian).
10. Kalika V.I. *Problemy issledovaniya i modelirovaniya razvitiya regional'nykh TEK* [Issues of studying and modeling the development of regional fuel and energy sectors]. Ufa: BFAN SSSR, 1987. 41 p. (In Russian).
11. Kaplan R., Norton D. *Sbalansirovannaya sistema pokazatelei. Ot strategii k deistviyu* [The balanced scorecard. Translating strategy into action]. Moscow: ZAO "Olimp-Biznes", 2003. 264 p. (In Russian).
12. Moiseenkova T.A. *Ekologo-ekonomicheskaya sbalansirovannost' promyshlennykh uzlov* [Environmental and economic balance of industrial hubs]. Saratov: Izd-vo Sarat. gos. un-ta, 1989. 216 p. (In Russian).
13. Salina T.K. Kontseptual'nyi podkhod k upravleniyu ustoichivym razvitiem TEK Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga [Conceptual approach to managing sustainable development of the fuel and energy sector in the Northwestern Federal District]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Russian journal of economic theory], 2016, no. 4, pp. 80–92. (In Russian).
14. Salina T.K. Sbalansirovannaya sistema pokazatelei otsenki pervichnykh energoresursov TEK Rossii: sushchnost' i sodержание [Balanced system of evaluation indices of primary energy resources in Russia's fuel and energy sector]. *Ekonomika i menedzhment sistem upravleniya* [Economics and management of control systems], 2016, vol. 19, no. 1.2, pp. 254–161. (In Russian).
15. Grigor'ev Yu.P. (Ed.). *Teoretiko-metodologicheskie osnovy i prikladnoi ekonomicheskii instrumentarii optimizatsii v reshenii problemy vosproizvodstva nefti. Chast' 1. Podkhod k optimizatsii protsessov peremeshcheniya nefti v tsepi postavki: etapy razrabotki mestorozhdenii i pererabotki nefti* [Theoretical and methodological framework and applied economic tools for optimization in addressing the problems of oil reproduction. Part 1. Approach to optimizing the processes of oil migration in a supply chain: stages of deposit development and oil refining]. Saint Petersburg: SPb imeni V.B. Bobkova filial RTA, 2015. 360 p. (In Russian).
16. Binder B. Strategieentwicklung und Balanced Scorecard [Text] / B. Binder, P. Sürth. *Controller Magazin*, 2002, no. 3, pp. 359–364.
17. Gminder C.-U., Bieker Th., Hahn T. Nachhaltig managen mit der Balanced Scorecard. *Erfahrungen aus einem Praxisprojekt*, 2002, no. 6, pp. 27–28.
18. Implementing the Balanced Scorecard at FMC Corporation: An Interview with Larry D. Brady. *Harvard Business Review*, 1993, September/October, pp. 143–147.
19. Kaplan R.S., Norton D.P. *Strategy Maps. Converting intangible assets into tangible outcomes*. Boston, 2004. 144 p.
20. Kaplan R.S., Norton D.P. *Strategieumsetzung mit Hilfe der Balanced Scorecard*. München, 1997. 342 p.

Information about the Authors

Tat'yana Konstantinovna Salina – Ph.D. in Economics, Associate Professor at the Department for Applied Mathematics, Economic and Mathematical methods, Saint Petersburg State University of Economics. (21, Sadovaya Street, Saint Petersburg, 191023, Russian Federation; e-mail: salinatanya@mail.ru).

Статья поступила 02.02.2017.

Развитие предпринимательства в регионе: факторы и проблемы

**Ирина Викторовна
ИГНАТОВА**

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация, 625000, ул. Володарского, д. 6
E-mail: Ignatova-iv@yandex.ru

**Евгений Сергеевич
ИГНАТОВ**

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация, 625000, ул. Володарского, д. 6
E-mail: ewgen_1978@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются факторы развития предпринимательства в регионе на примере субъектов Уральского федерального округа. Цель исследования – выявить факторы и обозначить проблемы развития предпринимательства в регионе. Методы: теоретический, логический, статистический, аналитический, индексный. Научная новизна: интерпретирован мировой опыт исследований предпринимательства к уровню региона; выявлены группы факторов развития предпринимательства в Тюменской области, дана оценка их влияния на уровень развития предпринимательства. Обозначены проблемы развития предпринимательства в Тюменской области. Предложены показатели эффективности реализации региональных (государственных) программ поддержки предпринимательства. Проведен сравнительный анализ элементов государственной поддержки малого бизнеса в некоторых странах мира. Россия к 2016 году сделала рывок по улучшению экономических условий ведения бизнеса, по показателям институцио-

Для цитирования: Игнатова, И.В. Развитие предпринимательства в регионе: факторы и проблемы / И.В. Игнатова, Е.С. Игнатов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 143-157. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.10

For citation: Ignatova I.V., Ignatov E.S. Development of entrepreneurship in the region: drivers and problems. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 143-157. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.10

нальной среды отмечается падение. Тюменская область на протяжении ряда лет находится среди лидеров по развитию малого бизнеса. Рейтинг видов экономической деятельности по количеству малых предприятий Тюменской области (в порядке убывания): сфера торговли; операции с недвижимым имуществом; строительство; обрабатывающие производства; транспорт и связь; научные исследования и разработки. Отмечается отрицательная динамика оборота предприятий малого бизнеса в субъектах административного деления Тюменской области. На юге области максимальные объемы оборота (в порядке убывания) – в торговле, строительстве, операциях с недвижимостью, арендой и предоставлением услуг. Одним из факторов развития предпринимательства является государственная (региональная) поддержка. Свердловская и Тюменская области – основные получатели госсубсидий для развития малого и среднего бизнеса в УрФО. В разрезе Тюменской области лидеры по данному показателю – юг области и ХМАО. Прослеживается прямая зависимость положительной динамики деятельности малого бизнеса и объемов госсубсидий. Коэффициент корреляции – 78,5%. Авторы предлагают ряд показателей, отражающих эффективность реализации региональных программ поддержки предпринимателей. Следующий фактор – качество рынка сбыта. Тюменская область является одним из лидеров по уровню платежеспособного спроса и находится на 11 месте в рейтинге регионов России по уровню качества жизни. Обозначены проблемы развития предпринимательства в Тюменской области: зависимость малого бизнеса от госсубсидий; высокие транзакционные издержки; дефицит рабочих нужной квалификации; снижение платежеспособности населения.

Ключевые слова: предпринимательство, государственная поддержка, государственные субсидии, качество рынка сбыта, проблемы развития предпринимательства.

Введение. Регулирование предпринимательства представляет собой сложную задачу, обусловленную спецификой предпринимательской деятельности. С одной стороны, ее решение связано с субъектом предпринимательской деятельности, не только с уровнем квалификации, но и наличием предпринимательской идеи, желанием ее реализовать. Все это сложно регулируемо, если не сказать, что вообще не зависит от постороннего вмешательства и декларирования определенных направлений развития государства. С другой стороны, даже при наличии идеи и желания, но высоких административных барьеров выхода на рынок, низкого платежеспособного спроса, отсутствия поддержки со стороны государства сложно реализовать предпринимательский проект.

В связи с этим государство должно «холить и лелеять» предпринимателей, обеспечивающих налоговые доходы в бюджет, рабочие места для населения. Однако это не может становиться приоритетом в ущерб другим сферам: образованию, здравоохранению, экологии, социальным программам и т.д. В качестве синергетического эффекта от их деятельности следует указать развитие инфраструктуры. Необходимо уточнить, что в рамках данной статьи

рассматривается не только коммерческое предпринимательство, но и некоммерческое (социальное и т.д.).

Если предположить, что цель общества – развитие, то без постоянно формирующихся идей и их реализации оно замедляется. В основе роста возможностей общества находится непрерывный процесс воспроизводства идей, сокращение времени на их реализацию (утилизацию) [8, с. 100]. Предпринимательская деятельность априори предполагает новаторство, активную жизненную позицию, определенного рода мышление, направленное на осмысление и формулирование предпринимательских идей, последующую их реализацию. По нашему мнению, предпринимательская деятельность подчиняется определенным закономерностям, учитывая которые, государство сможет обеспечить оптимальные условия для развития предпринимательства.

Очевидно, что каждый предприниматель – это субъект своего времени и общественных отношений. Если общество строится на индивидуализме, эгоизме и конкуренции, то целью предпринимательской деятельности становится максимизация прибыли на основе конкуренции с использованием разных методов борьбы [11, с. 27].

Если общество основано на нематериальных ценностях, сотрудничестве, взаимопомощи, то цель предпринимательской деятельности — выявление и удовлетворение общественных потребностей, прибыль в данном случае является следствием, а не целью [8, с. 102]. В условиях данной парадигмы предприниматель служит обществу. Современная общественная система частично позволяет реализовать подобную концепцию предпринимательства только в рамках социального. Но пока нет возможности проанализировать данный вид предпринимательской деятельности из-за отсутствия официальной статистики.

В любом случае предпринимательская сфера требует государственного вмешательства, заключающегося в нивелировании административных барьеров, направленного на разработку и реализацию мер государственной поддержки, обеспечение высокого уровня платежеспособного спроса, формирование высококвалифицированных трудовых ресурсов. Независимо от уровня развития стран государственному регулированию предпринимательства уделяется большое внимание (*табл. 1*), несмотря на распространение теории «невидимой руки рынка» А. Смита [24].

Цель данного исследования — обозначить проблемы развития предпринимательства в регионе на основе выявленных факторов.

Основные результаты, составляющие новизну исследования, заключаются в следующем:

- 1) интерпретирован мировой опыт исследования предпринимательства к уровню региона;
- 2) выявлены группы факторов развития предпринимательства в Тюменской области — эффективность государственной поддержки предпринимательства; высокие транзакционные издержки, связанные с освоением новых рынков сбыта, развитием инфраструктуры, поиск и обучение рабочих нужной квалификации;
- 3) дана оценка влияния выделенных факторов на уровень развития предпринимательства;
- 4) обозначены проблемы развития предпринимательства в Тюменской области;
- 5) предложены показатели эффективности реализации региональных программ поддержки предпринимательства.

Методология и методы исследования. Методологическую основу исследования составили научные труды зарубежных и отечественных авторов. Зарубежные авторы базируются на современных концепциях государственного регулирования предпринимательства на влиянии политического фактора при принятии экономических решений и, наоборот, политических последствий принятия экономических решений в отношении предпринимательства. G.J. Stigler утверждал, что большинство экономистов идеализируют механизмы государственного регулирования, не учитывая политического влияния при принятии решения о предоставлении субсидий отраслям экономики [24]. Он эмпирически подтвердил значимость данного фактора при принятии экономических решений. F. Den Butter, J. Hudson исследовали государственное регулирование предпринимательства как «юридически обязательные стандарты», соответствие которым ведет к росту транзакционных издержек компаний [19]. Предложенные ими стандарты «гарантируют равные условия игры» предпринимателям. Мы согласны с тем, что высокие транзакционные издержки препятствуют развитию предпринимательства. S. Haggard, S. Maxfield, B.R. Schneider рассматривали концепции взаимодействия предпринимательства и государства, исходя из понимания «частного сектора как капитала, сектора, фирмы, ассоциации или сети» [20]. Подчеркивается тот факт, что на инвестиции и рост в значительной степени влияют отношения между правительствами и частным сектором. Определяются «политические последствия того факта, что большинство инвестиционных решений в капиталистической экономике принимаются частными лицами, реагирующими как на рыночные сигналы, так и на ожидания будущего курса действий правительства» [25].

Тесное взаимодействие бизнеса и государства может иметь как положительный эффект на национальную экономику (Япония, Южная Корея), так и отрицательный (Индия, Бразилия). По утверждению П.Ф. Друкера, пример Японии и Южной Кореи свидетельствует о возможности повышения эффективности политики государственного регулирования путем тесного взаимодействия между предпринимате-

Таблица 1. Государственное регулирование малого бизнеса в отдельных странах мира

Критерии	Страны					
	Евросоюз	Япония	КНР	Сингапур	США	Россия
Цель государственной поддержки малого бизнеса	Баланс интересов государства и бизнеса Обеспечение оптимальных условий для предпринимательской деятельности Увеличение конкурентоспособности малого бизнеса	Развитие технического и наукоемкого производства в малом бизнесе.	Привлечение инвестиций Расширение кредитных программ для развития бизнеса	Привлечение иностранного капитала и инвестиций Повышение конкурентоспособности предприятий малого бизнеса на мировом рынке	Обеспечение устойчивого и гармоничного развития	Увеличение количества субъектов малого и среднего предпринимательства Обеспечение занятости населения Увеличение налогов
Субъекты господдержки	Все предприятия малого бизнеса	Субъекты малого бизнеса, которые принимают активное участие в развитии наукоемкой и высокотехнологичной промышленности	Все предприятия малого бизнеса	Все предприятия малого бизнеса	Малый бизнес среди коренного населения Предприятия, где женщины составляют не менее 51 % руководства Предприятия, управляемые инвалидами и т.д.	Все предприятия малого и среднего бизнеса.
Инструменты	Организационно-правовое сопровождение бизнеса (в том числе устранение административных барьеров) Налоговые льготы Льготное кредитование Социальные гарантии	Субсидии на всех этапах развития предприятий малого бизнеса Обучение специалистов в специальных центрах Предоставление квалифицированного консультирования предпринимателей	Налоговые льготы Дополнительное финансирование	Льготное налогообложение для начинающих Снижение ставок по кредиту	Льготное налогообложение Система грантов, госзаказов	Нормативно-правовое регулирование в сфере приватизации недвижимого имущества Специальные налоговые режимы Расширение доступа к госзакупкам
Правовой механизм	Европейская хартия для малого бизнеса Европы	Выделение статуса предприятий малого бизнеса Установление размера льгот в соответствии с видом деятельности Осуществление антимонопольной деятельности Регулирование рыночной стоимости выпускаемой продукции	Закон «О стимулировании развития малого и среднего предпринимательства» Программы, направленные на совершенствование китайской экономики на период от 2020 до 2050 г.	Льготное налоговое законодательство Отсутствие налога на прибыль Обеспечение гарантии вложений денежных средств в экономику	Закон «О малом бизнесе» Число законов, регулирующих деятельность малого бизнеса более 15 Программы поддержки малых предприятий, которые отнесены к разряду проблемных Правительственная программа «Ментор – протеже»	ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» Субсидии из госбюджета субъектам РФ на поддержку малого и среднего предпринимательства

Окончание таблицы 1

Направления господдержки	Институциональные преобразования Разработка и реализация целевых программ финансового, технологического, информационного и кадрового содействия развитию малого и среднего бизнеса	Совершенствование и модернизация производства наукоемкой отрасли Внедрение инновационных технологий Содействие развитию легкой и пищевой промышленности Разработка и внедрение новых видов продукции Создание новых субъектов малого бизнеса в регионах с низким уровнем развития промышленности	Рост числа малых предприятий Создание условий для сотрудничества китайских и зарубежных организаций по поддержке малого бизнеса Информационная поддержка малого бизнеса	Создание благоприятных условий для открытия своего дела и его осуществления Развитие предпринимательских способностей субъектов малого бизнеса Предоставление консалтинговых услуг Контроль качества предоставляемых услуг и производимых товаров Совершенствование структуры малого бизнеса Подготовка кадров для управления малым бизнесом	Обеспечение финансовой поддержки мелких и средних предприятий, если она для них недоступна из других источников Содействие в получении госзаказов Предоставление технических и консультативных услуг по вопросам управления	Совершенствование налогообложения и порядка расчетов за приватизированное имущество Особенности участия в госзаказах Обеспечение прав и законных интересов субъектов малого и среднего предпринимательства при осуществлении государственного контроля (надзора) Финансовая поддержка Развитие инфраструктуры поддержки субъектов предпринимательства
Организационное сопровождение	Европейская акционерная компания Европейский пул экономических интересов	Управление малых предприятий, которое подчиняется Министерству внешней торговли и промышленности Японии Корпорация страхования малого и среднего бизнеса Ассоциации по гарантированию кредитов	Государственный фонд развития малого и среднего предпринимательства Китайский центр по координации и кооперации бизнеса Служба CSMEQ.	Агентство «Spring».	Администрация по вопросам развития малого бизнеса	Министерство экономического развития РФ Уполномоченные органы по поддержке развития малого и среднего предпринимательства в субъектах РФ Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства
Финансирование мероприятий господдержки	Структурные фонды Евросоюза (Фонд регионального развития, Социальный фонд)	Правительство страны	Правительство страны	Правительство страны	Правительство страны	Правительство страны

Источники: составлено по: [5; 16; 21; 22; 23].

лями и чиновниками на основе высокого профессионализма, чувства ответственности обеих сторон, а также исторически сложившихся тесных связей между ними [6, с. 215]. Пример Индии и Бразилии говорит об обратном — о снижении эффективности государственной экономической политики из-за переплетения предпринимательского лобби и коррумпированности чиновников, в результате чего доходы бизнеса во многом зависят не от наличия предпринимательских способностей, а от близости к государственному аппарату.

В работах отечественных ученых доминируют общетеоретические, отраслевые исследования особенностей государственного регулирования предпринимательства, однако территориальный аспект представлен незначительно (Д.Е. Толмачев, Е.А. Ульянова, Л.М. Плинер [15]). Внимание акцентировалось не на свободе предпринимательства, как в Англии или США, а на государственном регулировании, что предопределило относительно жесткую подчиненность предпринимательской деятельности общегосударственным задачам и достаточно равнодушное отношение к низкой эффективности хозяйствования.

Исторически и в России государство играет ключевую роль в развитии предпринимательства, о чем свидетельствуют исследования российских ученых. Рассматривая этапы становления и развития предпринимательства в России, А.Н. Асаул связывает развитие законного предпринимательства с уровнем государственного вмешательства в рыночную экономику [1]. В своих работах он акцентировал внимание на общетеоретических аспектах развития современного предпринимательства, отраслевых особенностях (строительство). В трудах А.В. Бусыгина предпринимательство анализируется как «особая форма экономической активности» [4], выделяются экономические факторы развития предпринимательства. В.Г. Басарева [2] указывает на противоречивость современной системы распределения государственных субсидий, когда успешный регион получает большие объемы государственной помощи, чем аутсайдеры, нуждающиеся в финансировании. Возникает необходимость совершенствования показателей эффективности реализации государственных (региональных) программ поддержки предпринимательства. А. Пороховский

утверждает, что государственное вмешательство в деятельность предпринимательства необходимо только в «жизненно необходимых случаях», в большинстве ситуаций механизмы рыночной экономики способны эффективно урегулировать ситуацию [13]. Как показывает опыт российского государства, рыночные инструменты не всегда справляются с ролью регуляторов, требуется государственное вмешательство в расширение деловой сферы. О.А. Соловьева рассматривает теоретические аспекты государственного регулирования экономики, выделяя особенности «в условиях экономической трансформации», определяя «современные траектории государственного регулирования национального предпринимательства» [14]. Она утверждает, что именно «государство сегодня превратилось в гарант стабильности, оптимальности и цивилизованности рыночной экономики» [14, с. 31]. Авторы поддерживают данную точку зрения. В работах Н.Н. Щебаровой анализируется соотношение «свободы торговли» и протекционизма в государственном регулировании внешнеэкономической деятельности, его влияние на предпринимательство [17], не только количественные, но и качественные характеристики деловой сферы.

В целом современные исследователи сходятся во мнении, что государственная поддержка предпринимательства и уровень транзакционных издержек — одни из основных факторов развития предпринимательства в стране.

Методической основой исследования являются теоретический, логический, статистический, аналитический, индексный методы. В качестве эмпирической базы выступают статистические данные Росстата, результаты фокус-группового исследования предпринимателей Тюменской области, проведенного в 2012–2013 годах [10].

Под регионом авторы понимают административно-территориальную единицу. Выбор Тюменской области в качестве объекта исследования обусловлен тем, что она является одним из благоприятных регионов для развития предпринимательства. На протяжении ряда лет область находится среди лидеров по развитию малого бизнеса, как на федеральном уровне, так и в рамках Уральского федерального округа (УрФО), о чем свидетельствуют данные различных рейтингов (табл. 2).

Таблица 2. Место Тюменской области в рейтингах

Показатель	Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ в 2015 году	Индекс качества условий для развития малого и среднего бизнеса в 2013–2014 гг.: региональные диспропорции	Предпринимательский климат в России: Индекс ОПОРЫ РОССИИ 2012	Динамика развития малого предпринимательства в регионах России в 2013 году
Место в рейтинге	10 место во II группе (из 24)	Входит в группу из 19 «догоняющих регионов»	7 место из 39	Входит в группу лидеров из 14 регионов
Источники: составлено по: Инвестиционный рейтинг регионов России – 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115304 ; Индекс качества условий для малого и среднего бизнеса в 2012–2013 гг. Региональные диспропорции / Аналитический центр ОАО «МСП Банк». – М., 2014. – 20 с.; Предпринимательский климат в России. Индекс ОПОРЫ РОССИИ 2012 [Электронный ресурс] / ОПОРА России, 2012. – 112–114 с. – Режим доступа: http://www.mediakrug.ru/upload/image/opora_ros/pdf/DG01-13.pdf ; Сайдуллаев Ф.С. Динамика развития малого предпринимательства в регионах России в 2013 году (малые предприятия, включая микропредприятия). – М.: Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства, 2014. – 32 с.				

Следовательно, Тюменская область представляет интерес для разносторонних научных исследований, в том числе в сфере государственного регулирования предпринимательства.

Результаты исследования. По данным международного рейтинга Doing Business, Россия за период с 2010 по 2015 год поднялась со 120 места на 51-е. В некоторой степени такой скачок обеспечен изменением методики Doing Business. Тем не менее Россия к 2016 году сделала рывок по улучшению экономических условий ведения бизнеса: «подключение к электроснабжению» – на 24 пункта и «получение кредита» – на 19 пунктов. По показателям, отражающим административные барьеры (по пяти индикаторам), отмечается падение рейтинга: максимальное снижение (на 7 пунктов) «регистрация предприятий» и «разрешение неплатежеспособности» [26].

Это позволяет сделать вывод о реализации эффективной программы регулирования предпринимательской среды. Факторный анализ развития предпринимательства способствует выделению универсальных механизмов, влияющих на его уровень.

В рамках исследования целесообразно проанализировать динамику показателей развития малого бизнеса в регионе (табл. 3).

Судя по данным табл. 3, Тюменская область (без автономных округов) находится среди лидеров (на 2 месте в 2012 году, на 3 месте в 2014 году) федерального округа по приросту числа малых предприятий на 100 тысяч человек населения: 6,2 и 6,9% соответственно. В 2014 году в ЯНАО и Челябинской области, в отличие от Свердловской и Курганской областей, где прироста зарегистрированных малых пред-

приятий не отмечено, наблюдается прирост на 8% по сравнению с уровнем 2013 года. В 2014 году Тюменская область (без автономных округов) занимала первое место среди регионов УрФО по количеству зарегистрированных малых предприятий на 100 тысяч человек населения (1944,6 ед.), аутсайдер – Курганская область (834,0 ед.).

В 2014–2015 годах¹ по УрФО отмечается положительная динамика численности предприятий малого бизнеса из расчета на 100 тысяч жителей региона (прирост составил 9,3%). Существенный прирост числа предприятий малого бизнеса в расчете на 100 тысяч жителей региона в 2015 году по сравнению с 2014 годом приходится на Челябинскую (10%) и Курганскую (5,9%) области.

Однако две трети регионов в структуре УрФО фиксируют сокращение предприятий малого бизнеса в расчете на 100 тысяч жителей региона: в Свердловской области – на 23,5%, ХМАО – на 8,9%, ЯНАО – на 5,0%, в Тюменской области – на 2,8%². Итак, Тюменская область (юг) представляет собой регион с динамично развивающимся сектором малого бизнеса, занимающий лидирующее положение в УрФО.

¹ Представленные сведения учитывают данные о количестве малых предприятий (без учета микропредприятий и индивидуальных предпринимателей). В соответствии с Федеральным планом статистических работ (утверждено распоряжением Правительства Российской Федерации от 06.05.2008 № 671-р).

² Сайдуллаев Ф.С. Динамика развития малого предпринимательства в регионах России в 2015 году (малые предприятия, кроме микропредприятий). – М.: Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства, 2016. – 32 с.

Таблица 3. Динамика количества зарегистрированных малых предприятий Уральского федерального округа на 100 тысяч жителей за период с 2011 по 2014 год*

Субъект УрФО	Количество зарегистрированных МП, ед.		Прирост/сокращение, %	Количество зарегистрированных МП, ед.		Прирост/сокращение, %
	На 01.01.2012	На 01.01.2013		На 01.01.2014	На 01.01.2015	
УрФО, всего, в том числе:	1435,1	1511,0	5,3	1571,3	1634,5	4,0
Курганская область	666,0	805,9	21,0	833,9	834,0	0,01
Свердловская область	1694,7	1776,2	4,8	1895,1	1894,2	-0,05
Тюменская область (без автономных округов)	1755,6	1864,8	6,2	1819,4	1944,6	6,9
Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО)	1485,3	1646,8	10,9	1463,8	1677,6	14,6
Челябинская область	1001,3	1012,7	1,1	1107,9	1199,2	8,2
Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО)	1292,6	1269,6	-1,8	1218,4	1316,7	8,1

* Представленные сведения учитывают данные о количестве микропредприятий и малых предприятий.
 Источники: составлено и рассчитано по: Сайдуллаев Ф.С. Динамика развития малого предпринимательства в регионах России в 2015 году (малые предприятия, кроме микропредприятий). – М.: Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства, 2016. – 32 с.; Он же. Динамика развития малого предпринимательства в регионах России в 2014 году (малые предприятия, кроме микропредприятий). – М.: Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства, 2015. – 34 с.; Он же. Динамика развития малого предпринимательства в регионах России в 2013 году (малые предприятия, включая микропредприятия). – М.: Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства, 2014. – 32 с.

Таблица 4. Динамика количества малых предприятий (включая микропредприятия) в субъектах Уральского федерального округа с 2010 по 2014 год, ед.

Территория	2010 год	2011 год	Рост, %	2012 год	Рост, %	2013 год	Рост, %	2014 год	Рост, %
УрФО, всего	148402	173452	116,9	183493	105,8	191647	104,4	199970	104,3
Курганская область	6734	6053	89,9	7223	119,3	7429	102,9	7315	98,5
Свердловская область	63028	72817	115,5	76513	105,1	81740	106,8	81843	100,1
Тюменская область, всего	39507	59782	151,3	64512	107,9	63853	99,0	68961	108,0
в т. ч.: ХМАО	12886	22831	177,2	25710	112,6	23206	90,3	26796	115,5
ЯНАО	4104	6785	165,3	6812	100,4	6621	97,2	7106	107,3
юг Тюменской области	22517	30166	134,0	31990	106,1	34026	106,4	35059	103,0
Челябинская область	39133	34800	88,9	35245	101,3	38625	109,6	41851	108,4

Источники: составлено и рассчитано по: Малое и среднее предпринимательство в России. 2010: стат. сб. – М.: Росстат, 2010. – С. 12; Малое и среднее предпринимательство в России. 2011: стат. сб. – М.: Росстат, 2011. – С. 12; Малое и среднее предпринимательство в России. 2012: стат. сб. – М.: Росстат, 2012. – С. 12; Малое и среднее предпринимательство в России. 2013: стат. сб. – М.: Росстат, 2013. – С. 12; Малое и среднее предпринимательство в России. 2014: стат. сб. – М.: Росстат, 2014. – С. 11.

Для достижения цели исследования целесообразно рассмотреть динамику количества малых предприятий в субъектах УрФО (табл. 4).

Итак, по данным таблицы за исследуемый период отмечается положительная динамика роста числа малых предприятий в регионах УрФО. Однако темпы роста замедляются в среднем на 11%.

Рейтинг видов экономической деятельности по количеству малых предприятий Тюменской

области (в порядке убывания): сфера торговли; операции с недвижимым имуществом; строительство; обрабатывающие производства; транспорт и связь; научные исследования и разработки.

По данным исследования выявлена убывающая динамика оборота предприятий малого бизнеса. Максимальный рост зафиксирован в 2012 году на юге Тюменской области (на 121,5%) и в ХМАО (115,5%). С 2013 года рост

замедлился в среднем на 10% в год на юге области, на 5% – в ХМАО.

На юге Тюменской области максимальные объемы оборота (в порядке убывания) – в торговле, строительстве, операциях с недвижимостью, арендой и предоставлением услуг³.

Основываясь на исследованиях ученых в области предпринимательства, считаем необходимым применить данный опыт и результаты исследований для анализа развития предпринимательства в Тюменской области, а также показать место Тюменской области по данным вопросам в структуре УрФО.

Целесообразно рассмотреть факторы сложившейся в регионах УрФО динамики развития малого бизнеса. Один из факторов – государственная (региональная) поддержка этого сектора экономики. По мнению S.F. Karabag, государственная поддержка – один из основных факторов устойчивости бизнеса в развивающихся странах [22].

Для решения поставленной задачи проанализирована динамика объемов государственных субсидий для малого бизнеса и их структура в УрФО и Тюменской области (табл. 5).

Судя по данным табл. 5, Свердловская и Тюменская области являются основными получателями государственных субсидий для развития малого и среднего бизнеса в УрФО: 40% в струк-

туре субсидий УрФО. Данное финансирование отражается на показателе прироста числа малых фирм в регионах (см. табл. 3), и Тюменская область находится в лидерах по числу зарегистрированных предприятий малого и среднего бизнеса на 100 тысяч жителей.

В разрезе Тюменской области первое место среди получателей субсидий на развитие предпринимательской сферы занимает юг Тюменской области и ХМАО – в 2014 году их доля составила 48 и 39% соответственно.

Таким образом, прослеживается прямая зависимость положительной динамики деятельности малого бизнеса и объемов госсубсидий. Коэффициент корреляции составляет 78,5%. С одной стороны, это свидетельствует о заинтересованности государства в развитии данной сферы. В последние годы учеными-экономистами все больше критикуется теория «невидимой руки». Т. Пикетти [12], используя математические методы исследования, доказал неизбежность государственного вмешательства в создание и развитие среднего класса, формирующегося из числа предпринимателей и бизнесменов.

С другой стороны, такая политика детерминирует потребительские настроения предпринимателей по отношению к государству, создается «субсидийное предпринимательство»,

Таблица 5. Динамика объема субсидий, выделяемых из Федерального бюджета РФ на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства (включая крестьянские / фермерские хозяйства) субъектам Уральского федерального округа, млн. руб.

Регион	2012 год	Доля, %	2013 год	Доля, %	2014 год	Доля, %
УрФО, всего	1324,5	100	1548,5	100	1573,4	100
Курганская область	111,1	8,3	81,1	5,2	139,9	8,9
Свердловская область	558,1	42,1	566,1	36,6	631,2	40,1
Челябинская область	138,4	10,4	411,0	26,5	153,0	9,7
Тюменская область, всего:	516,8	38,8	490,4	31,7	649,3	41,3
		100		100		100
в т. ч.: юг области	195,7	37,9	201,2	41,0	313,1	48,2
ХМАО	213,0	41,2	215,2	43,9	254,5	39,2
ЯНАО	108,1	20,9	73,9	15,1	81,6	12,6

Источники: составлено и рассчитано по: Малое и среднее предпринимательство в России. 2015: стат. сб. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации), 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359.

³ Рассчитано по: Малое и среднее предпринимательство в России. 2015: стат. сб. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации), 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359.

характеризующееся низкой конкурентоспособностью и «иждивенчеством». По данным фокус-группового исследования, проведенного в 2012–2013 годах среди предпринимателей Тюменской области [10, с. 57–65], основными проблемами развития собственного дела являются высокие административные барьеры на пути выхода на рынок; сложности в оформлении документов и получении субсидии; высокие затраты на повышение квалификации рабочих.

Авторами предложены показатели эффективности реализации региональных программ поддержки и развития предпринимательства в условиях предоставления государственных субсидий (табл. 6).

По данным таблицы 6, лидерами среди регионов УрФО по количеству субсидий в расчете на предприятие малого бизнеса являются Курганская область (19125 руб.) и ЯНАО (11483 рублей). Максимум субсидий в расчете на одного человека приходится на юге Тюменской области (221 руб.), в Курганской области (160 руб.), ХМАО (159 руб.), минимум (44 руб.) – в Челябинской области. Наибольший доход на один рубль субсидий зафиксирован в Челябинской области (3246 руб.). Тюменская область по этому показателю занимает четвертое место (1113 рублей). Наименьший доход на один рубль субсидий отмечен в Курганской области (468 руб.).

Согласно данным фокус-группового исследования, 60–70% государственной поддержки деловой сферы основано на заинтересованности губернатора и финансовой состоятельности региона. Чаще всего представители власти стремятся развивать местный бизнес, но если область не богата, то отсутствует возможность

реализовать масштабные программы поддержки деловой сферы. В этом смысле Тюменская область находится в более выгодном положении. Представленные в таблицах 3, 4, 5 данные подтверждают, что из пяти рассмотренных регионов три имеют высокие показатели развития малого бизнеса (Тюменская область, Свердловская область, ХМАО) и они же систематически получают государственные субсидии. Курганская область и ЯНАО значительно уступают им по уровню развития предпринимательства, получая наибольшие в УрФО объемы государственных субсидий. Это свидетельствует о низкой предпринимательской активности населения этих регионов.

В Тюменской области предусмотрены различные формы поддержки малого и среднего предпринимательства: принята государственная программа Тюменской области «Основные направления развития малого и среднего предпринимательства» до 2020 года. В соответствии с этим предполагается финансовая, имущественная, информационная, консультационная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства.

Среди экономических мер необходимо выделить особые условия, созданные для предпринимателей, которые работают по упрощенной схеме и вместо 15% платят 5% налогов. Для крупных предприятий, открывающих свое производство на территории Тюменской области, играющих немалую роль в культивировании малого бизнеса [5, с. 76], предусмотрены льготы по налогу на прибыль, ставка которого снижена с 18 до 14%, налогу на имущество – с 2,2 до 0%, по транспортному налогу – до 0% в зависимости от транспортного средства. Губернатором

Таблица 6. Показатели эффективности реализации региональных программ поддержки предпринимательства в 2014 году, руб.

Регион	Объем субсидий/количество малых предприятий	Объем субсидий/население региона	Оборот малых предприятий/объем субсидий
Курганская область	19125	160	468
Свердловская область	7712	146	1542
Тюменская область (юг)	8931	221	1113
ХМАО	9498	159	1229
Челябинская область	3656	44	3246
ЯНАО	11483	151	893

Источники: рассчитано на основе: Малое и среднее предпринимательство в России. 2015: стат. сб. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации), 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139841601359.

Тюменской области, на весь срок его полномочий, подписан мораторий на ухудшение налоговых условий для бизнеса. Усовершенствована система планирования, в частности разрабатываются не только среднесрочные планы (на пять лет), но и стратегические (на десять лет).

Значимым, на наш взгляд, является смена вектора восприятия предпринимательства государственной властью. На протяжении десятилетий деловая сфера рассматривалась как источник доходов в бюджеты разных уровней. В последние годы предпринимательство воспринимается прежде всего как сфера, обеспечивающая занятость населения, а налоговые доходы от нее вторичны.

Следующий фактор развития малого и среднего предпринимательства — это транзакционные издержки, включающие поиск рынков сбыта, качество которых определяется уровнем платежеспособного спроса населения, развитием инфраструктуры. Тюменская область является одним из лидеров по уровню платежеспособного спроса. Согласно рейтингу субъектов РФ по уровню качества жизни, в 2015 году юг Тюменской области находился на 11 месте⁴.

В условиях западных санкций близость Азиатского региона, наличие Транссибирской магистрали является конкурентным преимуществом Тюменской области на пути освоения новых рынков. В структуре УрФО лидеры по экспорту товаров (в порядке убывания) — ХМАО, Свердловская область, Челябинская область, Тюменская область. По импорту рей-

тинг выглядит следующим образом (в порядке убывания): Свердловская область, Челябинская область, ХМАО, Тюменская область⁵. В 2014 году товарооборот Тюменской области уменьшился по сравнению с 2013 годом на 26,0%⁶, а в 2015 году по сравнению с 2014 годом снизился на 7,8%.

Количество стран-экспортеров увеличилось на 28,3%, количество стран-импортеров — на 1,7%⁷. Это свидетельствует об активной деятельности предпринимателей Тюменской области, направленной на поиск новых иностранных партнеров. Во внешней торговле основные страны-партнеры Тюменской области — Нидерланды, Турция, Финляндия, Китай, США, Испания, Венгрия, Египет, Украина, Германия.

Выводы и заключение. Итак, проведенный нами сравнительный анализ элементов государственной поддержки малого бизнеса в некоторых странах мира свидетельствует, что Россия к 2016 году сделала рывок по улучшению экономических условий ведения бизнеса. Выявлены факторы развития предпринимательства — государственная поддержка и транзакционные издержки, включающие качество рынка сбыта. Обозначены проблемы развития предпринимательства в Тюменской области: зависимость малого бизнеса от государственных субсидий; высокие транзакционные издержки; дефицит рабочих нужной квалификации; снижение платежеспособности населения. Разработка направлений решения выявленных проблем представляет тему дальнейших исследований.

Литература

1. Закономерности и тенденции развития современного предпринимательства [Электронный ресурс] / А.Н. Асаул, Е.А. Владимирский, Д.А. Гордеев, Е.Г. Гужва, А.А. Петров, Р.А. Фалтинский; под ред. заслуженного строителя РФ д-ра экон. наук, проф. А.Н. Асаула. — СПб: АНО ИПЭВ, 2008. — 280 с. — Режим доступа: <http://www.aup.ru/books/m213/>.
2. Басарева, В.Г. Государственная поддержка малого бизнеса: помощь или институциональная ловушка? [Текст] / В.Г. Басарева. — М.: ИЭОПП СО РАН, 2010. — 9 с.

⁴ Рейтинг российских регионов по качеству жизни — 2015 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://riarating.ru/regions_rankings/20160225/630011011.html

⁵ Приведено на основе данных: Общие итоги внешней торговли субъектов Уральского федерального округа в январе — декабре 2015 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://utu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=12927&Itemid=226

⁶ Информация о развитии внешнеэкономической деятельности в Тюменской области [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://admtyumenu.ru/ogv_ru/finance/foreign_economic_activity.htm

⁷ Там же.

3. Бондаренко, В.А. Зарубежный опыт государственной поддержки инновационных малых и средних предприятий [Электронный ресурс] / В.А. Бондаренко. – Режим доступа: http://www.vneshmarket.ru/content/document_r_53C5CE2B-F73C-4DE2-9366-31DC6A60F4A8.html.
4. Бусыгин, А.В. Предпринимательство [Текст] / А.В. Бусыгин. – М., 2003. – 410 с.
5. Бухвальд, Е.М. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в России до 2030 года: амбиции и реалии [Текст] / Е.М. Бухвальд // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 1 (43). – С. 66-80.
6. Друкер, П. Ф. Новые реальности в правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении [Текст] / П.Ф. Друкер: пер. с англ. – М.: Бук Чембэр Интернэшнл, 1994. – 379 с.
7. Игнатова, И.В. Государственное регулирование предпринимательства в России: основные направления [Текст] / И.В. Игнатова // Общество. Среда. Развитие. – 2011. – № 1. – С. 8-12.
8. Игнатова, И.В. Системные законы предпринимательства [Текст] / И.В. Игнатова. // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 1. – С. 100-102.
9. Кочетков, Г.Б. Предпринимательство как фактор развития [Текст] / Г.Б. Кочетков // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2003. – № 6. – С. 46-65.
10. Любимова, Е.А. Условия развития инновационной среды региона: опыт фокус-группового исследования [Текст] / Е.А. Любимова, И.В. Игнатова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2013. – № 8. – С. 57-65.
11. Марков, С.В. Формирование новой парадигмы предпринимательской деятельности в рамках реализации концепции социального бизнеса в условиях глобализации [Текст] / С.В. Марков, С.С. Ящечко, А.В. Оленева // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2015. – № 15 (179). – С. 24-30.
12. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке [Текст] / Т. Пикетти. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.
13. Пороховский, А. Феномен «новой экономики» и функции государства [Текст] / А. Пороховский // Российский экономический журнал. – 2002. – № 9. – С. 63-72.
14. Соловьева, О.А. Государственное регулирование предпринимательства в условиях трансформации современной экономики [Текст] / О.А. Соловьева. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2012. – 156 с.
15. Толмачев, Д.Е. Развитие малого и среднего бизнеса в регионе: формирование приоритетных направлений на примере Свердловской области [Текст] / Д.Е. Толмачев, Е.А. Ульянова, Л.М. Плинер // Экономика региона. – 2015. – № 1. – С. 115-131.
16. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ.
17. Щебарова Н.Н. Механизм формирования соотношения свободы торговли и протекционизма и его воздействие на позиции России в мировой торговле [Текст]: автореф. дис. ... докт. экон. наук / Н.Н. Щебарова. – М., 2004. – 56 с.
18. Beck, U. Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order [Text] / U. Beck, A. Giddens, S. Lash – Stanford, CA: Stanford University Press, 1994. – 210 p.
19. Den Butter, F. The Costs and Benefits of Compliance [Электронный ресурс] / F. Den Butter, J. Hudson // Business Regulation and Public Policy. – 2009. – Pp. 141-155. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/978-0-387-77678-1>.
20. Haggard, S. Theories of business and business-State relations [Электронный ресурс] / S. Haggard, S. Maxfield, B.R. Schneider // Business and the State in Developing Countries. – 1997. – Pp. 36-60. Режим доступа: https://books.google.com/books?hl=en&lr=&id=piSlzqhdauAC&oi=fnd&pg=PA36&dq=Ben+ross+schneider&ots=dgDJhg6Y19&sig=PeYOm2j_ZXLS2DVuqcT17Ebryn0.
21. Ho, V.H. Beyond Regulation: A Comparative Look at State-Centric Corporate Social Responsibility and the Law in China [Text] / V.H. Ho // Vanderbilt Journal of Transnational Law. – 2013. – Volume: 46. – Issue: 2. – P. 375-444.
22. Karabag, S.F. Antecedents of firm performance in emerging economies: Business groups, strategy, industry structure, and state support [Text] / S.F. Karabag, C. Berggren // Journal of Business Research. – 2014. – Volume: 67. – Issue: 10. – Publisher: Elsevier Inc. – P. 2212-2223.
23. Skinner, S.J. Business for the 21st Century [Text] / S.J. Skinner, J.M. Ivancevich. – Boston, 1992. – 865 p.

24. Smith, A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations [Электронный ресурс] / A. Smith. // Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/The_Wealth_of_Nations.
25. Stigler, G.J. The Theory of Economic Regulation [Text] / G.J. Stigler // The Bell Journal of Economics and Management Science. – Vol. 2, No. 1 (Spring, 1971). – P. 3-21.
26. World Bank. 2016. Doing Business 2016: Measuring Regulatory Quality and Efficiency [Электронный ресурс] – Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-0667-4. Режим доступа: <http://www.worldbank.org>.

Сведения об авторах

Ирина Викторовна Игнатова – кандидат социологических наук, доцент, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: Ignatova-iv@yandex.ru)

Евгений Сергеевич Игнатов – кандидат экономических наук, доцент, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: ewgen_1978@mail.ru)

Ignatova I.V., Ignatov E.S.

Development of Entrepreneurship in the Region: Drivers and Problems

Abstract. The paper examines drivers of entrepreneurship development in the region on the example of Ural Federal District regions. The goal of the research is to identify drivers of and problems in the development of entrepreneurship in the region. We use theoretical, logical, statistical, analytical, and index methods. Scientific novelty of the study lies in the fact that it considers global experience of research entrepreneurship as applied to the level of region, identifies sets of factors that promote the development of entrepreneurship in the Tyumen Oblast, and assesses their impact on the level of entrepreneurship development. The paper also considers problems in the development of entrepreneurship in the Tyumen Oblast. We propose indicators that assess implementation efficiency of regional (state) programs for entrepreneurship support. We carry out a comparative analysis of some aspects of governmental support provided to small business in some countries. By 2016, Russia has made a breakthrough and improved economic environment for doing business, but there has been a decline in institutional environment indicators. The Tyumen Oblast has been and remains among the leaders in small business development for several years. We make the following rating of the types of economic activities by number of small enterprises in the Tyumen Oblast (in descending order): trade, real estate transactions, construction, manufacturing, transport and communications, and scientific research and development. We note negative dynamics in the turnover of small businesses in administrative units of the Tyumen Oblast. In the south of the oblast, the maximum volumes of turnover are observed in the following sectors (in descending order): manufacturing, construction, real estate transactions, leasing and provision of services. State (regional) support is one of the factors promoting the development of entrepreneurship. The Sverdlovsk and Tyumen oblasts are main recipients of state subsidies for development of small and medium business in the Ural Federal District. Southern areas and Khanty-Mansi Autonomous Okrug are leaders by this indicator in the Tyumen Oblast. We note a direct dependence between the positive dynamics of small business and the volume of state subsidies. Correlation coefficient is 78.5%. We introduce a number of indicators that reflect the effectiveness of implementation of regional programs aimed to support entrepreneurs. The next driver is the quality of the market. The Tyumen Oblast is one of the leaders by level of effective demand and it ranks 11th in the rating of Russian regions by quality of life. The paper also points out problems in the development of entrepreneurship in the Tyumen Oblast, such as dependence of small businesses on state subsidies, high transaction costs, shortage of employees with necessary skills, and reduction of financial solvency of citizens.

Key words: entrepreneurship, state support, state subsidies, quality of the market, problems of entrepreneurship development.

References

1. Asaul A.N., Vladimirskii E.A., Gordeev D.A., Guzhva E.G., Petrov A.A., Faltinskii R.A. *Zakonomernosti i tendentsii razvitiya sovremennogo predprinimatel'stva* [Regularities and trends in the development of modern entrepreneurship]. Ed. by A.N. Asaul. Saint Petersburg: ANO IPEV, 2008. 280 p. Available at: <http://www.aup.ru/books/m213/>.
2. Basareva V.G. *Gosudarstvennaya podderzhka malogo biznesa: pomoshch' ili institutsional'naya lovushka?* [State support to small business: assistance or an institutional trap?]. Moscow: IEOPP SO RAN, 2010. 9 p.
3. Bondarenko V.A. *Zarubezhnyi opyt gosudarstvennoi podderzhki innovatsionnykh malyykh i srednikh predpriyatii* [Foreign experience of providing state support to innovative small and medium enterprises]. Available at: http://www.vneshmarket.ru/content/document_r_53C5CE2B-F73C-4DE2-9366-31DC6A60F4A8.html.
4. Busygin A.V. *Predprinimatel'stvo* [Entrepreneurship]. Moscow, 2003. 410 p.
5. Bukhval'd E.M. *Strategiya razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossii do 2030 goda: ambitsii i realii* [The strategy for development of small and medium entrepreneurship in Russia till 2030: Ambitions and Realities]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 1 (43), pp. 66-80.
6. Drucker P.F. *Novye real'nosti v pravitel'stve i politike, v ekonomike i biznese, v obshchestve i mirovozzrenii* [The New Realities: In Government and Politics, in Economics and Business, in Society and World View]. Translated from English. Moscow: Buk Chamber Interneshnl, 1994. 379 p. (In Russian).
7. Ignatova I.V. *Gosudarstvennoe regulirovanie predprinimatel'stva v Rossii: osnovnye napravleniya* [State regulation of entrepreneurship in Russia: main areas]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 2011, no. 1, pp. 8-12.
8. Ignatova I.V. *Sistemnye zakony predprinimatel'stva* [Systemic laws of entrepreneurship]. *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of modern economics], 2011, no. 1, pp. 100-102.
9. Kochetkov G.B. *Predprinimatel'stvo kak faktor razvitiya* [Entrepreneurship as a driver of development]. *SShA – Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA v Canada: Economics – Politics – Culture], 2003, no. 6, pp. 46-65.
10. Lyubimova E.A., Ignatova I.V. *Usloviya razvitiya innovatsionnoi sredy regiona: opyt fokus-grupпового issledovaniya* [Conditions of development of innovative environment in the region: an experience of focus group study]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tyumen State University], 2013, no. 8, pp. 57-65.
11. Markov S.V., Yatsechko S.S., Oleneva A.V. *Formirovanie novoi paradigmy predprinimatel'skoi deyatel'nosti v ramkakh realizatsii kontseptsii sotsial'nogo biznesa v usloviyakh globalizatsii* [Formation of new paradigm of entrepreneurial activity in the framework of the concept of socially responsible business in the conditions of globalization]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Izvestiya Volgograd State Technical University], 2015, no. 15 (179), pp. 24-30.
12. Piketty T. *Kapital v XXI veke*. [Capital in the twenty-first century]. Moscow: Ad Marginem Press, 2015. 592 p.
13. Porokhovskii A. *Fenomen "novoi ekonomiki" i funktsii gosudarstva* [Phenomenon of "new economy" and the functions of the state]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian economic journal], 2002, no. 9, pp. 63-72.
14. Solov'eva O.A. *Gosudarstvennoe regulirovanie predprinimatel'stva v usloviyakh transformatsii sovremennoi ekonomiki* [State regulation of business in the conditions of transformation of modern economy]. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet, 2012. 156 p.
15. Tolmachev D.E., Ul'yanova E.A., Pliner L.M. *Razvitie malogo i srednego biznesa v regione: formirovanie prioritnykh napravlenii na primere Sverdlovskoi oblasti* [Small and medium-sized business development in regions: establishment of priority directions by the example of Sverdlovsk Region]. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 2015, no. 1, pp. 115-131.
16. *Federal'nyi zakon "O razvitiu malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossiiskoi Federatsii" ot 24.07.2007 № 209-FZ* [Federal law "On the development of small and medium entrepreneurship in the Russian Federation" of July 24, 2007 No. 209-FZ].
17. Shchebarova N.N. *Mekhanizm formirovaniya sootnosheniya svobody torgovli i proteksionizma i ego vozdeistvie na pozitsii Rossii v mirovoi torgovle. Avtoref. dis. dokt. ekon. nauk* [Mechanism of formation of correlation between free trade and protectionism and its impact on Russia's position in world trade]. Moscow, 2004. 56 p.
18. Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994. 210 p.

19. Den Butter F., Hudson J. The Costs and Benefits of Compliance. *Business Regulation and Public Policy*, 2009, pp. 141-155. Available at: <https://doi.org/10.1007/978-0-387-77678-1>.
20. Haggard S., Maxfield S., Schneider B.R. Theories of business and business-State relations. *Business and the State in Developing Countries*, 1997, pp. 36-60. Available at: https://books.google.com/books?hl=en&lr=&id=piSlzqhdauAC&oi=fnd&pg=PA36&dq=Ben+ross+schneider&ots=dgDJhg6Y19&sig=PeYOm2j_ZXLS2DVuqcT17Ebjyn0.
21. Ho V.H. Beyond regulation: a comparative look at state-centric corporate social responsibility and the law in China. *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, 2013, vol. 46, no. 2, pp. 375-444.
22. Karabag S.F., Berggren C. Antecedents of firm performance in emerging economies: Business groups, strategy, industry structure, and state support. *Journal of Business Research*, 2014, vol. 67, no. 10, pp. 2212-2223.
23. Skinner S.J., Ivancevich J.M. *Business for the 21st Century*. Boston, 1992. 865 p.
24. Smith A. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Available at: https://en.wikisource.org/wiki/The_Wealth_of_Nations.
25. Stigler G.J. The theory of economic regulation. *The Bell Journal of Economics and Management Science*, 1971, vol. 2, no. 1, pp. 3-21.
26. *World Bank. 2016. Doing Business 2016: Measuring Regulatory Quality and Efficiency*. DOI: 10.1596/978-1-4648-0667-4. Available at: <http://www.worldbank.org>.

Information about the Authors

Irina Viktorovna Ignatova – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Lecturer, Tyumen State University (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625000, Russian Federation; e-mail: Ignatova-iv@yandex.ru)

Evgenii Sergeevich Ignatov – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Lecturer, Tyumen State University (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625000, Russian Federation; e-mail: ewgen_1978@mail.ru)

Статья поступила 26.01.2017.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.11

УДК 316.422; 37.014, ББК 60.524

© Тихонов А.В., Леньков Р.В.

Роль института высшего образования в решении проблем социокультурной модернизации регионов*

**Александр Васильевич
ТИХОНОВ**

Институт социологии РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, ул. Кржижановского, д. 24/35

**Роман Викторович
ЛЕНЬКОВ**

Государственный университет управления
Москва, Российская Федерация, 109542, Рязанский пр-т, д. 99

Аннотация. В статье рассматривается проблема значимости институционально-регулятивной компоненты в социокультурной модернизации регионов. Авторы обращают внимание на особую роль института высшего образования как фактора, способного повлиять на уровень социальной поддержки действий властно-управленческой вертикали и механизмы обеспечения высокого уровня солидарности российского общества в решении задач социокультурной модернизации. Целью исследования является научное обоснование и разработка процедуры выявления

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, грант № 15-18-30077 «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования». Руководитель проекта – д. социол. н., проф. А.В. Тихонов.

Для цитирования: Тихонов, А.В. Роль института высшего образования в решении проблем социокультурной модернизации регионов / А.В. Тихонов, Р.В. Леньков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 158-168. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.11

For citation: Tikhonov A.V., Len'kov R.V. The role of institute of higher education in solving the issues of socio-cultural modernization of regions. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 158-168. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.11

степени социальной поддержки политики властно-управленческой вертикали и ее отдельных звеньев социальной группой населения с высшим образованием. В контексте реализации Проекта по диагностическому исследованию состояния и перспектив модернизации в регионах специальной поисковой задачей выступает оценка взаимосвязанности степени концентрации людей с высшим образованием в региональных структурах и типа модернизированнойности, уровня сбалансированности процесса модернизации регионов. Методом вторичного анализа результатов исследования эмпирически значимые гипотезы, выдвинутые в Проекте, уточняются с учетом социальной роли фактора высшего образования в модернизационной модели системы организации и управления в регионах. В статье даются некоторые теоретико-методологические аспекты возможного поворота исследования и практики. Авторы полагают, что необходимо целенаправленное регулирование модернизационного процесса. И дело не только в инвестициях в экономику, но и в социальном аспекте — реальном повышении уровня и качества жизни за счет роста культурного и образовательного потенциала населения. На этой основе актуализируется проблема различения и связи спонтанных процессов социальных изменений и программируемых процессов социального развития. Дается характеристика социологической теории управления образовательной сферой, проектных технологий в высшем образовании, инновационного видения сущности будущего образования и выбор возможных путей его развития в связи с проблемами управления процессами модернизации страны и регионов. Новые возможности эволюции социологических взглядов на развитие проблем социальной организации и управления высшим образованием в России трактуются авторами в соответствии с оригинальной концепцией социопрогностического подхода как особого направления научного познания, интегрирующего социолого-гуманитарное знание с научно обоснованной разработкой решений перспективных проблем на основе разработки проектных технологий. Теоретические обобщения, содержащиеся в статье, могут быть использованы в качестве материалов к обсуждению в научной дискуссии. Они также могут представлять интерес для научной и учебной деятельности.

Ключевые слова: социокультурная модернизация, регионы, высшее образование, субъектность, человеческий капитал, проектные технологии.

Есть люди, в том числе и среди известных ученых, которые глубоко сомневаются, что какие-либо модернизационные сдвиги в России в принципе возможны. Ими перечисляются десятки социально-исторических причин, почему у нас дела обстоят плохо и будут обстоять еще хуже [4; 13; 15; 19]. Не учитывается только одно обстоятельство, что эта проблема вот уже более десятка лет как перешла из области досужих домыслов и апокалипсических умопостроений в разряд комплекса научных исследований, среди которых сегодня находится и коллективный научный труд «Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы». Организовал эту работу Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН [1].

Содержание публикации составляют главы, отражающие процессы, тенденции и проблемы модернизации, осуществлявшиеся в федеральных округах и регионах Российской Федерации в 2000–2012 гг. В каждой главе опорными

точками сопоставления положения дел в сфере модернизации регионов служат показатели состояния и динамики технико-технологических, социоэкономических, социокультурных и институционально-регулятивных компонент. Их характеристика основана на данных российской и международной статистики (например, использованы индексы модернизации 130 стран, включая Россию, с 2001 г. ежегодно получаемые Центром исследований модернизации Академии наук Китая [12; 20]), а также на результатах социологических опросов в ряде регионов. Основное внимание уделено социоэкономическим процессам первичной, индустриальной стадии модернизации и социокультурным проблемам вторичной, информационной ее стадии, включая критический анализ феномена квазимодернизации.

При всей значимости этой фундаментальной работы для описания, объяснения и прогнозирования социальных процессов, происходящих в стране, в ней остаются непрора-

ботанными аспекты институционально-регулятивной компоненты модернизации. В частности, не предусматривается, что ход модернизации зависит не только от спонтанных, но и от организованных, а значит управляющих факторов модернизации по вертикали (центр-периферия) и по горизонтали (самоорганизация субъектов социально-экономического действия и взаимодействия в регионах и между регионами). Добавим, в социокультурной модернизации высшее образование является не только показателем модернизированности регионов (их определенным индексом), но и важнейшим социальным институтом, выступающим, наряду с системой власти и управления, самостоятельным фактором цивилизационного развития территорий.

В развитие обозначенного подхода Центром социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН в 2015–2017 гг. разрабатывается специальный *Проект по диагностическому исследованию состояния и перспектив модернизации в регионах* с учетом сочетания факторов управления и образования. Исследование «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования» поддерживается грантом РНФ. *Предметом* исследования выступает степень социальной поддержки властно-управленческой вертикали и ее отдельных звеньев различными группами и категориями населения в регионах с разными типами (уровнями) модернизации, в которых, как мы предполагаем, реально существуют и различные модели социального развития. При этом принимается во внимание степень субъектности различных групп населения в решении региональных проблем, их роль в обратной связи с органами власти и управления, проявление степени солидарности с малыми (в том числе протестными) группами, с региональной общностью и с такой общностью, как Российская Федерация в целом. *Конкретными задачами* являются диагностика степени функциональности властно-управленческой вертикали в конкретно-исторических условиях и на этой основе прогнозирование управляемости процессов территориального развития путем экспликации структуры и содержания оценок

деятельности руководящих органов со стороны различных групп населения. Под *диагностикой* понимается процедура выявления степени поддержки населением способности властно-управленческой вертикали успешно осуществлять текущие и перспективные функции. Данная процедура выступает как «гражданская», поскольку респонденты одновременно представляют и участников модернизации, и граждан, оценивающих модернизационный процесс с позиций изменений в стране [14].

Постановка научной проблемы и поисковая задача исследования

Мы обращаем внимание на особую роль фактора высшего образования в социокультурной модернизации регионов, способного повлиять как на уровень социальной поддержки действий властно-управленческой вертикали, так и на механизмы обеспечения высокого уровня солидарности российского общества в решении задач модернизации. Россия сегодня входит в число стран, имеющих самые высокие показатели по числу людей с высшим образованием. Так, в возрастной когорте от 25 до 64 лет 54% населения имеют вузовский диплом, от 25 до 34 лет – 58%, от 55 до 64 лет – 50%. *Общий показатель охвата молодежи программами высшего образования составляет 33%, хотя ситуация в регионах страны сильно различается* [8]. Для нас важно, что модель реализации квотной выборки (N=500 по каждому региону, вовлеченному в эмпирическое исследование) сформирована на пересечении признаков «пол*поколение*образование» по весу соответствующих групп в переписи 2010 г. по Российской Федерации (модель) и по регионам (реализация) в расчете на 100 человек. Каждая квота соответствует весу группы в генеральной совокупности в расчете на 1000 человек с избирательным цензом. Результаты оценки валидности данных показали, что общая структура совокупности (N=2002) по четырем пилотным регионам (Московская область, Республика Башкортостан, Белгородская область и Республика Калмыкия) отличается *сдвигом в сторону более образованного населения и уменьшением слоев с незаконченным средним и ниже образованием, а также со средним общим и средним специальным образованием*. Отдельной поисковой задачей на пилотажном этапе исследования выступает *оценка взаимосвязанности степени*

концентрации людей с высшим образованием в региональных структурах и типа модернизированнойности, уровня сбалансированности процесса модернизации регионов. Результаты анализа социально-экономических показателей развития регионов с учетом параметра занятого населения с высшим образованием констатируют значительную долю занятого населения в региональных структурах: от 26,8 % в Республике Башкортостан до 43,6% в Московской области (при общем показателе по России в целом 33,0%). В абсолютных величинах это составляет 471,6 и 1339,0 тыс. человек соответственно. Мы полагаем, что в отдельных регионах страны потенциал группы населения с высшим образованием в решении проблем развития (модернизации) явно не раскрыт.

Анализ социальной роли института высшего образования в модернизационной модели системы организации и управления в регионах вписывается в эмпирическую проверку *трех эвристически значимых гипотез*, выдвинутых в Проекте.

Первая гипотеза. Система управления в регионах зависит от социальной организации и самоорганизации, от иерархии социальных групп, сформировавшихся вокруг власти и управления, от связи местных элит с центром и от их объективной заинтересованности в модернизации. Эта гипотеза объясняет зависимость стиля и характера управления, а также его деформации от сложившихся в регионах «элитных групп» (групп социального доминирования), которые в той или иной мере подменяют функции управления отношениями власти и собственности. Механизм формирования и функционирования указанных групп, как мы предполагаем, зависит от состояния и тенденций процесса социокультурной модернизации, отличающихся друг от друга в отдельных регионах. Проверка гипотезы о связи процесса модернизации регионов со степенью развития в них систем управления с учетом фактора высшего образования позволяет рассмотреть его влияние при разработке соответствующих нормативно-правовых актов в ходе проведения институциональной реформы в Российской Федерации.

Вторая гипотеза. Состав и активность социальных групп, доминирующих в регионах, устанавливается в зависимости от объективных

тенденций социокультурной модернизации регионов, от отношений центра и местных элит, которые могут носить различный характер. Дело в том, что сейчас в науке идет возврат к идеям формирования в России *нового культурно-исторического типа личности* [2; 6; 7; 16; 17; 18]. В Центре социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН накоплен опыт эмпирического измерения феномена «срединной культуры». Есть предположение, что электорат со средними оценками общественно-политической активности уже сейчас играет важную роль в социальном управлении, и проблема двойных стандартов может перейти из виртуальной сферы в социально-структурную сферу. Анализ феномена двойной суверенности усиливает прогностическую роль данных о развитии проблемных ситуаций в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и разным уровнем образования так называемых «срединных групп».

Третья гипотеза. Отставание российской системы управления от решения задач модернизации обусловлено историческими и социокультурными особенностями регионов, влияющими на формирование в каждом из них уникальной и недеклаируемой модели организационного развития и социального управления со своими интересами элитных групп. Неизвестно только, какую роль здесь играют и какую могут сыграть лица с высшим образованием. Конкретно это связано, скорее всего, с нежеланием использовать потенциал россиян с высшим образованием в решении проблем модернизации, а то и с сознательным вытеснением их из узкого круга лиц, принимающих стратегические решения.

Нами предполагается, что радикальным решением проблемы создания *российской модели организационного развития* и управления в современных условиях могла бы стать оптимизация работы административных органов, силовых структур, бизнес-групп и заинтересованной в деле общественности на основе консолидации совместных усилий с помощью образовательных учреждений высшего образования федерального и регионального уровня. При этом не исключена была бы возможность гибридации западного и отечественного опыта работы высшей школы, активизации процессов разработки на локальных уровнях собственных

стандартов образовательно-профессиональных компетенций, направленных на формирование и согласование общественных интересов в реализации модернизационного потенциала регионов. Подобная постановка проблем требует не только признания спонтанности и исторической необходимости нового этапа модернизации в России, но и обостренного чувства сознательного участия в этом процессе как аппарата властно-управленческой вертикали, так и всех слоев общества при ведущей роли наиболее подготовленной в образовательном и научном отношении социальной группы.

Некоторые теоретико-методологические аспекты возможного поворота исследования и практики

В 2000–2008 гг. научно зафиксирован быстрый рост индексов первичной модернизации регионов при вхождении нашей страны в экономический кризис. В 2010–2012 гг. у нас закрепилась вторичная модернизация (на ее подготовительной фазе). Однако ирония судьбы состоит в том, что этот «прорыв» соответствовал состоянию модернизированной развитых стран мира начала 60-х гг. XX века. Неравномерность отечественного межрегионального развития оказалась в 2,5 раза острее, нежели аналогичная неравномерность между странами мира [1]. Становится ясным, что процесс модернизации в России является скорее спонтанным, чем управляемым, и происходит при этом вопреки противодействию коррумпированных верхов. Фрагментарная роль управления, после принятия стратегий и федеральных программ, на самом деле не обеспечивает сбалансированности взаимодействия между основными социальными переменными модернизации. Среди них – *технично-технологическая* (переход к новому технологическому укладу), *социальноэкономическая* (изменения пропорций основных секторов экономики), *социокультурная* (совокупность социальных и культурных изменений) и *институционально-регулятивная* (изменения совокупности регулирующих институтов) [10]. Торможение модернизации обусловлено структурно-социальными, материальными и ценностно-культурными факторами. Мы предполагаем, что *необходимо целенаправленное регулирование модернизационного процесса*. И дело не только в инвестициях в эконо-

мику, но и в социальном аспекте – реальном повышении уровня и качества жизни за счет роста культурно-образовательного потенциала населения.

В этой ситуации в теоретико-методологическом плане появляется необходимость пересмотра основного положения исторического материализма об общественно-исторических законах общества и замене его представлением о социально-исторических законах с выдвинутым человеческой деятельностью в качестве ведущей силы. В поле зрения социологии попадают такие категории, как *природа социального*, законы генезиса и трансформации *социального порядка*, механизмы его установления и изменения. Внимание к социальным механизмам означает стремление социологии, как и в классический период ее развития, выйти на открытие законов социальных трансформаций, но уже как естественно-искусственных, с учетом преднамеренно устанавливаемых самой человеческой деятельностью целей и способов их достижения. В науке это известная *проблема различения и связи спонтанных процессов социальных изменений и программируемых процессов социального развития*.

Сегодня уже нельзя сказать, что социальные институты складываются только естественным путем. Они отражают возникшие в обществе проблемы регуляции, и кем-то, в конечном счете, разрабатываются и утверждаются как необходимые и достаточные механизмы. Но институты не спускаются «сверху», они конструируются творческими людьми и поддерживаются «снизу», если проявляют себя адекватными реальным вызовам и угрозам. И если это не происходит вовремя, то общество погружается в катастрофы, как это было в нашей стране дважды, в начале и в конце XX века.

Институт высшего образования, осуществляющий производство, сохранение и приумножение научных знаний, духовных ценностей и культурных норм, в конечном счете определяет уровень научно-технического, экономического и культурного прогресса в обществе. Он должен не только соответствовать его потребностям, но и обладать способностью к подготовке общественной системы к опережающему развитию, упреждающему неблагоприятные обстоятельства, в том числе путем

подготовки высококвалифицированных специалистов для экономики и кадров для науки. Здесь особо важным является понимание следующих аспектов.

Первый аспект. Речь идет о национальных интересах, которые, в изменившихся условиях развития российского социума, связаны с поиском ответов на «большие вызовы». Среди них – исчерпание (на фоне формирования цифровой экономики) возможностей экстенсивного экономического роста за счет эксплуатации сырьевых ресурсов, возрастание антропогенных нагрузок на окружающую среду, социальные и медицинские вопросы, связанные со старением населения и т.п. Высшая школа является одним из тех институтов, благодаря которым наша страна остается участником глобальных процессов, где качество человеческого капитала выходит на первый план, в частности – в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2030 г., в программах, разрабатываемых Минобрнауки России, другими министерствами и организациями органов исполнительной власти, включая институты РАН.

Второй аспект. Обращение к социальному прогнозированию отвечает фундаментальным перспективам социолого-управленческого знания. Дело в том, что существенным трендом в развитии современной социологической теории и практики становится смещение акцентов с аналитической, теоретико-гносеологической функции на диагностическую и прогностическую, социально-преобразовательную (социоконструкторскую или даже социоинженерную) функции. Общество уже достаточно созрело, чтобы от воздействия на окружающий мир (и природу как его часть) перейти к воздействию на себя, на самосовершенствование и самоудержание в диапазоне управляемости своих эволюционных механизмов.

Развитие специальной социологической теории управления образовательной сферой, в которой все более ощущается общественная потребность, основывается на наметившейся тенденции высвобождения людей из сферы производственной экономики и их перехода в сегменты быстро увеличивающейся сервисной экономики, связанной с удовлетворением духовных и культурных запросов разных слоев

населения (детей, молодежи, лиц среднего и старшего возраста). Это подразумевает также успешное решение ряда социальных задач модернизации высшего образования. Среди них – переход к всеобщему бесплатному образованию на уровне бакалавриата; снижение традиционной учебной нагрузки на преподавателей и ее замещение научной работой совместно со студентами; трансформация классно-урочной системы в особую, поисковую организацию учебного дела; переход к всеобщему непрерывному образованию и дистанционной занятости преподавателей без жестких нормативов времени труда и отдыха; вменение в обязанность аспирантов научной работы и по ее итогам защиты диссертаций. С позиций успешного решения страной и регионами проблемы социокультурной модернизации и выхода на современный этап мирового цивилизационного развития особое значение с нашей точки зрения приобретает проблема обеспечения консолидации федеральных государственных образовательных стандартов и профессиональных стандартов, актуализирующая *необходимость перехода от координации исследований к координационной парадигме управления в высшем образовании.*

Мы предполагаем, что в отечественной социологии классическая триада научного познания «анализ – диагноз – прогноз» больше не хромает на последнюю из своих компонент. Социологи в целом научились анализировать, описывая существующие социальные процессы и явления. Они могут поставить диагноз, объяснив причину их возникновения. Но еще недавно они редко брались за прогнозирование развития социокультурных процессов. Обеспечены этим, например, организаторы VII Социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях» (Москва, РАН-ХиГС, 2017), которые формулируют принципиальные требования к профессиональному социологическому сообществу: «*Много ли современные российские социологи знают о технологических нововведениях, которые должны появиться в ближайшие два десятилетия, и пробовали ли они хотя бы немного оценить социальные последствия открывающихся возможностей, спрогнозировать изменения социальной среды, общественных отношений, самой сущности человека?*»

Дело еще и в том, что за сравнительно короткий исторический период человечество перешло в качественно новые условия жизнедеятельности, становление которых обусловлено *ускоряющейся и усложняющейся динамикой как человеческих сообществ, так и природных реалий*, что требует отдельного осмысления. В силу этого востребованы инновационные взгляды на сущность будущего, в том числе будущего высшего образования, и выбор возможных путей его достижения. Среди них — *единство сложных социоприродных реалий, плюрализм времени и сетевое пространство, «эффект бабочки», «рефлексивная реальность», инсценирование будущего на основе виртуальной реальности, детерминированность будущего социоприродной реальностью, новый социальный тип счастливого человека* [9; 21]. Это нам хорошо известно из литературы, которая характеризуется открытием все новых и новых «возможных» и «невозможных» миров. Однако для ответа на вопрос «Что делать?» необходимо, как это делают современные ученые-естественники, придерживаться во всех отраслях научного познания, в том числе и социологического, твердо определенных критериев научности. Для науки «возможные миры» имеют значение, если новые процессы и явления отвечают требованиям наблюдаемости, познаваемости, логичности, предсказуемости, детерминизма как проявлений свойств объективной реальности [3]. Сегодня на смену социологическому представлению об общностях как относительно простых, естественно возникающих и саморазвивающихся системах приходит представление об общностях как сложных, естественно-искусственных *социоприродных реалиях*, имеющих глоболокальную природу. Созданные человеком, они все более проявляют свою «волю», что становится важным свидетельством *нелинейного развития*, предполагающего *нормативность* рефлексивного детерминизма, бифуркации, ненамеренные последствия. Уже принято, что сложные системы обладают саморефлексивностью, включают в себя многообразный виртуальный мир и транссоциальные сети.

Отражению высокой роли материальной и духовной культуры в механизмах регуляции общественной жизни в таком мире содействуют проектируемые механизмы управления, кото-

рые способны оказывать существенное влияние на трансформацию сложных социокультурных процессов. Мы постулируем возможность их искусственного конструирования. Это важное уточнение, поскольку были намечены отход от традиционного представления об обществе как процессе только естественной трансформации и признание возможности его развития через разработку нетрадиционных ответов человечества на осуществление в общественной системе институциональных преобразований. По этой причине социальное управление рассматривается нами как *сознательно конструируемый, встраиваемый в социальный процесс, персонифицированный социокультурный механизм целедостижения, способный оптимально сочетать организацию и самоорганизацию, формальные правила и неформальные нормы поведения полусубъектных участников совместной жизни и деятельности*.

Новые возможности социологической интерпретации проблем социальной организации и управления высшим образованием в России развиваются нами в соответствии с оригинальной концепцией *социопрогностического подхода* как особого направления научного познания, интегрирующего социолого-гуманитарное знание с научно обоснованной разработкой решений перспективных проблем на основе разработки проектных технологий. В указанном подходе особое внимание уделяется не только организациям, но и тем *субъектам*, которые своей деятельностью создают и изменяют их. Наряду с представителями бизнес- и силовых структур, доминирующими акторами выступают *россияне с высшим образованием*. Они включены в скоординированную с другими участниками систему действий и взаимодействий, конструктивно изменяют социальный порядок в общностях в контексте национальной культуры, без насилия и манипуляции другими участниками совместной деятельности, поддерживают социальные силы, способные осуществить социокультурную модернизацию в стране и регионах.

Таким образом, мы предполагаем появление на авансцене акторов с действиями, сопоставимыми с деятельностью социальных институтов. Они не только интернализуют нормы и ценности общества, но и воздейству-

ют на их компоненты в соответствии с новыми потребностями и интересами при возрастании (за счет научно-технологического прогресса) обеспеченности ресурсами как групповой, так и персонифицированной деятельности. При этом в эмпирическую интерпретацию указанного феномена нами вводится понятие *субъектности* как свидетельства проявления нового качества в отношениях между субъектами социального действия и взаимодействия при выработке нестандартных решений в заданных обстоятельствах. Такой взгляд позволяет социологически лучше понять и эмпирически исследовать реальные тренды трансформации отношений между властно-управленческой вертикалью и россиянами с высшим образованием в условиях повышения роли спонтанных нелинейных связей в процессах постановки и решения проблем модернизации.

Для успешной работы в этом направлении необходима перестройка теории и методологии исследования проблем управления в высшей школе России на основе, как нам представляется, *прогностической парадигмы* с применением специально разработанных средств социальной диагностики и прогностического проектирования. Социопрогностический подход интегрирует ряд исследовательских концепций. Среди них – *экоантропоцентрическая парадигма социального познания и управления Т.М. Дридзе, социоантропоцентристская концепция социологии Н.И. Лапина, алгоритмическая концепция стадий и этапов управления Ж.Т. Тощенко, концепция социокультурной модели управления А.В. Тихонова*. Объявленный подход предполагает использование проектных технологий *социального прогнозирования и социального проектирования*. Он крайне необходим для исследования перспективных потребностей российского общества, выявления детерминант общественных изменений и творческого преобразования социальной реальности [11].

Специфика российской сети социально-трудовых отношений заключается в сравнительно высокой сплоченности субъектов по горизонтали и неформальном, часто латентном, противостоянии отношениям по вертикали. Подобное противоречие иногда рассматривают как специфический признак российской культуры, но это верно в той части, где отношения управления подминаются отношениями власти и собственности. Это выводит на необходимость *программы модернизации системы управления в высшей школе, в основе которой должно находиться высвобождение управленческих функций от несвойственных им отношений власти и собственности*.

Модернизация России и ее регионов есть интенсификация всех сторон социальной жизни. Властно-управленческая вертикаль без социального участия населения и активной поддержки им стратегии и практики работы органов федеральной, региональной и муниципальной власти – непродуктивна. Современная и обозримая в ближайшем будущем ситуация предполагает дальнейшее становление российских образовательных учреждений высшего образования, прежде всего университетов, которые активно вовлечены в модернизационные процессы, а также совмещают роли объекта и субъекта модернизации, в качестве центров инновационного развития страны и регионов. Речь идет уже не только о подготовке кадров, но и о формировании новой экосистемы образования, стимулировании создания на базе университетов высокотехнологичных инновационных организаций, о чем достаточно широко говорилось на IV Московском международном салоне образования (ММСО 2017). Все это потребует определенной реструктуризации, вовлечения в систему управления вузом и в образовательный процесс широкого круга субъектов – студенческой молодежи и взрослых людей, которые проходят переподготовку, представителей бизнеса и общественных объединений [5].

Литература

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы [Текст] / Л.И. Беляева [и др.]; сост.-отв. ред. Н.И. Лапин. – М.: Весь Мир, 2016. – 360 с.
2. Ахиезер, А. История России: конец или новое начало? [Текст] / А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко. – М.: Новое издательство, 2005. – 708 с.

3. Бранский, В.П. *Философия физики XX века. Итоги и перспективы* [Текст] / В.П. Бранский. – СПб.: Политехника, 2003. – 253 с.
4. Булдаков, В.П. *Модернизация и Россия. Между прогрессом и застоём?* [Текст] / В.П. Булдаков // *Вопросы философии*. – 2015. – № 12. – С. 15-26.
5. Васильев, В. *Только вузы...* [Электронный ресурс] / В. Васильев. – М.: Известия, 2017. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/658692>, свободный.
6. Волков, Ю.Г. *Солидарная активность в российском обществе: креативные практики* [Текст] / Ю.Г. Волков // *Социологические исследования*. – 2017. – № 2. – С. 41-48.
7. Давыдов, А.П. *Социокультурный анализ социальной динамики России (Предмет и основы методологии)* [Текст] / А.П. Давыдов. – М.: Гуманитарий, 2012. – 48 с.
8. *Доступность высшего образования в регионах России* [Текст] / А.Д. Громов, Д.П. Платонова, Д.С. Семенов, Т.Л. Пырова. – М.: НИУ ВШЭ, 2016. – 32 с.
9. Кравченко, С.А. *Проблема доверия к знанию о будущем: по материалам 3го Форума Международной социологической ассоциации (Австрия, Вена, 1014 июля 2016 г.)* [Текст] / С.А. Кравченко // *Социологическая наука и социальная практика*. – 2016. – № 4(16). – С. 127-141.
10. Лапин, Н.И. *Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов* [Текст] / Н.И. Лапин // *Социологические исследования*. – 2014. – № 7. – С. 8-19.
11. Леньков, Р.В. *Социопрогностический подход к анализу феномена социального управления* [Текст] / Р.В. Леньков, А.В. Пацула // *Высшее образование сегодня*. – 2014. – № 10. – С. 44-49.
12. *Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010)* [Текст] / Хэ Чуаньци [и др.]; отв. ред. Н.И. Лапин. – М.: Весь мир, 2011. – 252 с.
13. Плискевич, Н.М. *Трансформация системы власти-собственности в России: региональный аспект. Реформы и качество государства* [Текст] / Н.М. Плискевич // *Мир России*. – 2015. – № 1. – С. 8-34.
14. *Проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов* [Электронный ресурс] / Е.М. Акимкин [и др.]; отв. ред. А.В. Тихонов. – М.: ИС РАН, 2016. – 348 с. – 1 электрон. опт. диск (CD ROM).
15. Розов, Н.С. *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке* [Текст] / Н.С. Розов. – М.: РОССПЭН, 2011. – 735 с.
16. *Свобода. Неравенство. Братство: социологический портрет современной России* [Текст] / авт.-сост. Е.П. Добрынина; под общ. ред. М.К. Горшкова. – М.: ИИК «Российская газета», 2007. – 448 с.
17. Сорокин, П.А. *Человек. Цивилизация. Общество* [Текст] / П.А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
18. Тощенко, Ж.Т. *Новые явления в социальной структуре общества: прекариат* [Текст] / Ж.Т. Тощенко // *Материалы Междунар. науч.-практ. конф.* – Уфа: Аэтерна, 2015. – С. 11-17.
19. Федотова, В.Г. *Какая модернизация и какой капитализм нужны России?* [Текст] / В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова // *Вопросы философии*. – 2013. – № 10. – С. 3-12.
20. He Chuangui. *Modernization Science. The Principles and Methods of National Advancement* [Text] / He Chuangui. – Springer, 2012. – 346 p.
21. Urry, J. *What is Future?* [Text] / J. Urry. – Cambridge: Polity Press, 2016. – 200 p.

Сведения об авторах

Александр Васильевич Тихонов – доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий, Институт социологии РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35)

Роман Викторович Леньков – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социологии и психологии управления, Государственный университет управления (Российская Федерация, 109542, г. Москва, Рязанский пр-т, д. 99)

Tikhonov A.V., Len'kov R.V.

The Role of Institute of Higher Education in Solving the Issues of Socio-Cultural Modernization of Regions

Abstract. The article deals with the issue of significance of institutional and regulatory components in the socio-cultural modernization of regions. The authors draw attention to the special role of institution of higher education as a factor affecting the level of social support for the actions of government authorities and mechanisms to ensure a high level of solidarity of the Russian society in addressing the issues of socio-cultural modernization. The purpose for the research is to scientifically substantiate and develop the procedures for identifying the degree of social support for the policy of the government and its separate units by social groups with higher education. In the context of implementation of Project on diagnostic study of the status and prospects of modernization in regions, a special research objective is to assess the correlation between the concentration of people with higher education in regional structures and types of modernization, the equilibrium in the process of regional modernization. The method of secondary analysis of the research results helps refine empirically meaningful hypotheses developed in the Project taking into account the social role of higher education in the modernization model of the regional management system. The article offers some theoretical and methodological aspects of a possible shift in the research and practice. The authors believe that purposeful regulation of the modernization process is necessary. And it is not just investing in the economy, but also the social aspect – the real increase in the quality of life and standard of living due to an increase in the cultural and educational potential of the population. Within this framework, the authors mainstream the issue of distinction and connection of a spontaneous processes of social change and programmable processes of social development. The authors characterize the theory of sociological management of education, design technology in higher education, innovative vision of the nature of future education and the choice of possible ways of its development in connection with the issues of managing modernization processes in countries and regions. New opportunities of the evolution of sociological views on the development issues of social management in higher education in Russia are interpreted by the authors according to the original concept of the socio-forecast approach as a special sphere of scientific knowledge integrating socio-humanitarian knowledge and scientifically sound development of solutions to future problems through the development of design technology. Theoretical generalizations contained in the article can be used as discussion materials in scientific debates. They can also be of relevance to scientific and educational activities.

Key words: socio-cultural modernization, regions, higher education, subjectivity, human capital, design technology.

References

1. Lapin N.I. (Ed.). L.I. Belyaeva et al. *Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokul'turnye tendentsii i problemy* [Modernization atlas of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and issues]. Moscow: Ves' Mir, 2016. 360 p. (In Russian).
2. Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. *Istoriya Rossii: konets ili novoe nachalo?* [History of Russia: the end or the new beginning?]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005. 708 p. (In Russian).
3. Branskii V.P. *Filosofiya fiziki XX veka. Itogi i perspektivy* [Philosophy of physics in the 20th century. Results and prospects]. Saint Petersburg: Politekhnik, 2003. 253 p. (In Russian).
4. Buldakov V.P. Modernizatsiya i Rossiya. Mezhdru progressom i zastoem? [Modennization and Russia. Between progress and stagnation?]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 2015, no. 12, pp. 15-26. (In Russian).
5. Vasil'ev V. *Tol'ko vuzy...* [Only higher educational institutions...]. Moscow: Izvestiya, 2017. Available at: <http://izvestia.ru/news/658692>. (In Russian).
6. Volkov Yu.G. Solidarnaya aktivnost' v rossiiskom obshchestve: kreativnye praktiki [Solidary activity in Russian society: creative practice]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2017, no. 2, pp. 41-48. (In Russian).

7. Davydov A.P. *Sotsiokul'turnyi analiz sotsial'noi dinamiki Rossii (Predmet i osnovy metodologii)* [Socio-cultural analysis of Russia's social performance]. Moscow: Gumanitarii, 2012. 48 p. (In Russian).
8. Gromov A.D., Platonova D.P., Semenov D.S., Pyrova T.L. *Dostupnost' vysshego obrazovaniya v regionakh Rossii* [Accessibility of higher education in Russian regions]. Moscow: NIU VShE, 2016. 32 p. (In Russian).
9. Kravchenko S.A. Problema doveriya k znaniyu o budushchem: po materialam 3 go Foruma Mezhdunarodnoi sotsiologicheskoi assotsiatsii (Avstriya, Vena, 10-14 iyulya 2016 g.) [The issue of trust in knowledge about the future: with ref. to the 3rd Forum of the International sociological Association (Austria, Vienna, July 10-14, 2016)]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological science and social practice], 2016, no. 4(16), pp. 127-141. (In Russian).
10. Lapin N.I. Problemy formirovaniya kontseptsii i chelovecheskikh izmerenii strategii po etapnoi modernizatsii Rossii i ee regionov [The issues of concept formation and human changes in the strategy of gradual modernization of Russia and its regions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2014, no. 7, pp. 8-19. (In Russian).
11. Len'kov R.V., Patsula A.V. Sotsioprognosticheskiy podkhod k analizu fenomena sotsial'nogo upravleniya [Socio-prognostic approach to the analysis of social management phenomenon]. *Vysshee obrazovanie segodnya* [Higher education today], 2014, no. 10, pp. 44-49. (In Russian).
12. Lapin N.I. (Ed.). Chuanqi H. et al. *Obzornyi doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001–2010)* [China modernization report outlook (2001–2010)]. Moscow: Ves' mir, 2011. 252 p. (In Russian).
13. Pliskevich N.M. Transformatsiya sistemy vlasti-sobstvennosti v Rossii: regional'nyi aspekt. Reformy i kachestvo gosudarstva [The transformation of 'power-ownership' relations in Russia: a regional perspective on the reforms and the quality of the state]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 2015, no. 1, pp. 8-34. (In Russian).
14. Tikhonov A.V. (Ed.). Akimkin E.M. et al. *Problemy reformirovaniya vlastno-upravlencheskoi vertikali v kontekste protsessov sotsiokul'turnoi modernizatsii regionov* [Issues of power structure formation amid the processes of socio-cultural modernization in regions]. Moscow: IS RAN, 2016. 348 p. (In Russian).
15. Rozov N.S. *Koleya i pereval: makrosotsiologicheskie osnovaniya strategii Rossii v XXI veke* [Track and pass: macrosocial foundations of the strategy of Russia in the 20th century]. Moscow: ROSSPEN, 2011. 735 p. (In Russian).
16. Gorshkov M.K. (Ed.). Dobrynina E.P. *Svoboda. Neravenstvo. Bratstvo: sotsiologicheskii portret sovremennoi Rossii* [Freedom. Inequality. Fraternity: the sociological image of modern Russia]. Moscow: IIK «Rossiiskaya gazeta», 2007. 448 p. (In Russian).
17. Sorokin P.A. *Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat, 1992. 543 p. (In Russian).
18. Toshchenko Zh.T. Novye yavleniya v sotsial'noi strukture obshchestva: prekariat [New phenomena in the social structure of the society: precariat]. *Materialy Mezhdunar. nauch-prakt. Konf* [Proceedings of the international scientific conference]. Ufa: Aeterna, 2015. Pp. 11–17. (In Russian).
19. Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. Kakaya modernizatsiya i kakoi kapitalizm nuzhny Rossii? [What modernization and what capitalism does Russia need?]. *Voprosy filosofii* [Issue of philosophy], 2013, no. 10, pp. 3-12. (In Russian).
20. He Chuangui. *Modernization Science. The Principles and Methods of National Advancement*. Springer, 2012. 346 p.
21. Urry J. *What is Future?* Cambridge: Polity Press, 2016. 200 p.

Information about the Authors

Aleksandr Vasil'evich Tikhonov – Doctor of Sociology, Professor, Head of Centre for Management Sociology and Social technology, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (24/35, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russian Federation)

Roman Viktorovich Len'kov – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department for Management Sociology and Psychology, State University of Management (99, Ryazansky Avenue, Moscow, 109542, Russian Federation)

Статья поступила 28.06.2017.

DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.12

УДК 330.112.2, ББК 65-971

© Корнейко О.В.

Ценностные ориентации современного предпринимательства в России

**Ольга Валентиновна
КОРНЕЙКО**

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток, Российская Федерация, 690104, ул. Гоголя, д. 41
E-mail: olga30300@mail.ru

Аннотация. В теории предпринимательства есть отчетливое убеждение в том, что система ценностей предпринимателей и их поведение оказывают влияние на экономическую эффективность и в конечном итоге на благосостояние всего общества. Вопросы, связанные с описанием набора профессиональных и личностных качеств российских предпринимателей, их ценностных ориентаций и мотиваций, сегодня выходят на первый план и становятся как никогда актуальными. Развитие и обогащение национальных научных знаний в области российского предпринимательства во многом определит наше представление об эффективности его для российской экономики. В отечественной литературе имеется явный дефицит работ в этом проблемном поле, вызванный ограниченными возможностями существующих баз данных. В настоящей статье предпринимается попытка выявить иерархию ценностей и их структуру в виде более широких ориентаций в экономическом поведении российских предпринимателей на примере рыбохозяйственных предпринимательских компаний Приморского края. С опорой на междисциплинарный синтез в работе доказано, что современные теории предпринимательства не только не отвергают концепции корифеев научной мысли, а лишь обогащают их содержательную трактовку. Рассмотрены существующие подходы к измерению ценностей. Анализ, представленный в статье, выполнен на основе наблюдений во время визитов на рыбохозяйственные предприятия региона, анкетирования и углубленного интервьюирования приморских предпринимателей рыбохозяйственной специализации. Установлено, что «внешние» ценности имеют на сегодняшний день большую значимость в иерархии ценностей для приморских рыбохозяйственников, чем «внутренние», несмотря на их значительную близость. При наличии индивидуалистической доминанты ценностей можно говорить о сильной социальной ориентации и ориентации на

Для цитирования: Корнейко, О.В. Ценностные ориентации современного предпринимательства в России / О.В. Корнейко // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 169-183. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.12

For citation: Korneiko O.V. Value orientations of modern entrepreneurship in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 169-183. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.12

«базовые» ценности. Данное исследование делает возможным охарактеризовать современного российского предпринимателя как цивилизованную, социально ответственную личность, мотивированную внутренней системой ценностей. Предложено ввести в научный оборот категорию «этическое предпринимательство», т.е. осуществление деятельности не только исходя из экономической выгоды, но и под воздействием «базовых» ценностей (порядочность, честность, ответственность) и социальной ориентации. Исследование позиционируется как пилотное и предполагает дальнейшую углубленную разработку методики с учетом полученных результатов.

Ключевые слова: Приморский край, предпринимательство, ценности, рыбохозяйственные предприниматели, ценностные ориентации, мотивы предпринимательства.

Введение. В последнее время значительно вырос политический и стратегический спрос на исследования в области российского предпринимательства. Это вызвано ослаблением государственного сектора на фоне сокращающихся ресурсных доходов и турбулентной экономической ситуации, сложившейся в стране. Россия продолжает страдать от искаженной структуры экономики, в которой доминирующее положение занимает ресурсный сектор. Согласно Глобальному мониторингу предпринимательства в экономиках ресурсного характера проявляется более высокий уровень предпринимательской активности, поскольку создание собственного бизнеса там является необходимостью из-за отсутствия альтернативных вариантов занятости [26]. В пользу роста спроса на предпринимательство свидетельствуют уроки российской истории: в 90-х гг. прошлого столетия именно тяжелые экономические условия, с одной стороны, вызвали медленное, но последовательное снижение трудового участия, но, с другой стороны, создавали фундаментальные основы для самозанятости населения. Новый класс предпринимателей играл важную роль в обеспечении выживаемости нации за счет создания предприятий и генерирования определенной доли валового продукта. Но процесс формирования этого класса в зарождающейся рыночной экономике не был гладким, скорее это стало тяжким испытанием для страны. События, которые поменяли все сферы общественной жизни, выбили почву из-под ног, перечеркнули наработанный социальный опыт и заставили примерять себя к новой, к тому же еще не сформировавшейся, социальной и экономической реальности, превратили Россию в страну «бандитского», или «олигархического», «феодалного», «варварского», «спекулятивно-го», капитализма без государства» [19].

Согласно польскому политологу А. Пшевскому, реформа экономики «подобна прыжку в омут: она стимулирована отчаянием и надеждой, а не реальным расчетом... Стратегия реформ часто... не учитывает в полной мере социальную цену, которая должна быть за нее заплачена... И даже если подобные реформы поначалу получают всеобщую поддержку, то по мере продвижения реформ вперед и ухудшения качества жизни их поддержка заметно уменьшается...» [12].

Предприниматель образца 90-х гг. имел нецивилизованное лицо. Он часто выбирал разрушительные стратегии в своем экономическом поведении, демонстрируя разные мотивы: от жажды наживы и базового отсутствия моральных ценностей до принципиальных ригидных установок типа «бей чеченцев», «грабь награбленное».

Так, нерегулируемое вхождение в рынок самостоятельных, независимых предпринимателей в рыбохозяйственной деятельности (РХД) Приморского края часто граничило с организацией преступных групп и жесткой борьбой за передел собственности и сфер влияния. Результатом этого стали формирование теневой экономики, криминализация, браконьерство, утечка валюты за границу, уход от налогообложения и таможенного контроля, что значительно тормозило экономический рост. Уровень нелегального экспорта по разным оценкам достигал запредельных размеров. Так, например, по данным японской статистики, в период 1994–2002 гг. Япония импортировала из РФ 643,7 тыс. т ракообразных на сумму 52,5 млрд. долл., и только 44 тысячи тонн (387,2 млн. долл.) из них прошли через российские таможенные [7]. Потери России от вывоза неучтенной продукции составляли свыше 1 млрд. долл. в год. Предпринимательство проявилось в росте

числа предприятий, не выполняющих важнейшие предпринимательские функции: функции эффективного и полного удовлетворения потребностей населения по всем качественным параметрам; функции оптимального комбинирования и интегрирования факторов производства и тем самым наиболее эффективного использования экономических ресурсов; функции развития инновационного типа воспроизводства.

Нежелание апеллировать к морали в предпринимательской деятельности чаще объясняется тем, что в 90-е годы мы имели дело с особым видом вынужденного предпринимательства, обусловленного необходимостью, а не возможностью, сопряженного со страхом социальной эксклюзии, легитимизацией новых деградированных ценностей и норм [16; 19]. Такая позиция согласуется с принципами исторического материализма: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет сознание» [8].

В рамках теории культурной травмы переходного периода П. Штомпки трансформационные процессы, так же как у Маркса и Энгельса, рассматриваются с точки зрения социальных субъектов. П. Штомпка вводит понятие культурной травмы, т.е. враждебного разрушительного вмешательства в сферу восприятия привычной социальной реальности [17; 31]. Размышляя в русле этой теории, понимаем, что распад социокультурных основ личности предпринимателя вызван культурной травмой, спровоцированной изменениями в стране.

Исходя из вышеизложенного возникают следующие вопросы:

– как изменилось лицо современного предпринимателя;

– кто такой российский предприниматель сегодня: цивилизованная, социально ответственная личность, ориентированная на долгосрочную стратегию построения своего имиджа, мотивированная внутренней системой жизненных ценностей, отвечающая за свои действия, или жертва обстоятельств и сиюминутных соблазнов, с трудом регламентируемая извне различными нормами (этики, морали, права), личность, за которую отвечает регулятор и общество, а не сам предприниматель;

– к каким ценностям будет апеллировать предприниматель, решая проблемы различного характера и масштаба в меняющейся экономике.

От ответов на эти вопросы будет зависеть эффективность предпринимательства в экономической системе нашей страны. Ценности являются центральным, можно сказать, высшим звеном в цепи культуры, результатом динамики социокультурной практики, а значит, критерием формирования индивидуального бытия личности [11]. Ценности в экономическом поведении предпринимателя (или трудовые ценности) – это общие суждения человека, отражающие сравнительную важность различных аспектов его работы/деятельности, включая ее смысл, содержание, результаты. Например, в рамках данной работы мы попробуем определить ценности предпринимателей на основе их суждений о внешних и внутренних факторах, определяющих успех и эффективность предпринимательской деятельности. Индивидуальные трудовые ценности являются одним из ключевых концептов в данной работе, поскольку они лежат в основе ролевой идентификации и мотивируют действия предпринимателя. Ценности упорядочиваются по относительной важности, организуя систему ценностей личности. Групповые элементы данной системы называют ценностными ориентациями. В эмпирических исследованиях, как правило, рассматривается набор из 10–15 трудовых ценностей, которые объединяются в группы от 2 до 7 ориентаций. Типология ценностей довольно многообразна в научной литературе. Наиболее распространенным является концептуальное различие внутренних и внешних (инструментальных) ценностей [14]. Внутренние связаны с самореализацией непосредственно в процессе труда (например, интерес к работе, соответствие способностям, возможность проявить инициативу), тогда как внешние ориентированы на результаты трудовой деятельности, которые становятся средствами для достижения других жизненных целей (например, высокий доход, самостоятельность, независимость). Другие типологии ценностей выделяют индивидуалистическую и социальную ориентации, предпринимательскую (терпимость к

рису, стремление к высоким доходам) и бюрократическую (минимизация рисков, стабильность занятости, карьерный рост). Для целей данного исследования выделим понятие «базовые ценности», т.е. такие, которые связаны с общечеловеческими добродетелями, а также с утверждением достаточно жестких неписаных законов – принципов, предписаний, запретов и норм (порядочность, ответственность, честность, доверие, добрая воля, любовь к ближнему, мудрость, скромность, справедливость). «Базовые» ценности служат важным фактором социально-нравственного регулирования поведения людей, их взаимоотношений.

Согласно Шварцу, ценности соотносятся с целями, мотивирующими к действию [32]. Люди, для которых важны социальный порядок, справедливость и взаимопомощь, мотивированы к их достижению. Поэтому анализ ценностей «предпринимательского класса» позволит прояснить системообразующие факторы экономической деятельности современного российского предпринимательства, спрогнозировать эффективность расширения его масштабов в экономике России. Система ценностей и поведение даже отдельного «класса» в конечном итоге влияет на возможность прогресса и гуманизации всего общества. Таким образом, не вызывает сомнений своевременность и актуальность вопроса, кто и куда стремится вести Россию.

Цель исследования – выявить иерархию ценностей и их структуру в виде более широких ориентаций в экономическом поведении российских предпринимателей на примере рыбохозяйственных предпринимательских компаний Приморского края.

Обзор литературы

Трудовые ценности зависят от исторической эпохи, культуры, национальной идентичности и других факторов. Так, Аристотель называл деятельность, направленную на извлечение прибыли, на накопление богатства, неестественной и относил к хрематистике. Взгляды Аристотеля по этим вопросам вошли в общественное сознание и дали направление экономической мысли, по меньшей мере, на два тысячелетия вперед. До тех пор пока преобладали идеи о земной жизни как о мучительном этапе жизни вечной, предпринимательский дух не только не поощрялся, но и не находил достаточной поддержки.

С годами происходит ослабление морального давления на накопление богатства. В средние века духовная и хозяйственная жизни уже не противопоставляются, а объединяются в гармоничное целое. Многие связывают это с эпохой реформации в христианстве. Интеллектуальные корни такой позиции относят нас к знаменитой «Протестантской этике» М. Вебера, где утверждается, что именно протестантская этика производит дух капитализма, который ведет к экономическому развитию и формированию совершенно нового общественного уклада [2]. По выражению Р. Хайлбронера, именно в проповедях протестантов восхваляется использование данного Богом таланта к ведению бизнеса и предприимчивость называется добродетелью [15]. Идея о том, что протестантская этика лежит в основе зарождения капитализма и предпринимательства поддерживается не всеми в экономической теории [5]. Например, альтернативное объяснение того факта, что после протестантской реформации центры экономической активности переместились из католических Франции, Италии, Испании в протестантские Нидерланды, Англию и Германию, предлагают исследователи, утверждающие, что главную роль здесь сыграла не протестантская этика как таковая, а уровень образования протестантов, для которых грамотность считалась обязательной [21].

Со времен А. Смита о предпринимателях принято говорить в терминах личного интереса. Сам автор концепции разумного эгоизма дает следующее представление о целевой функции предпринимателя: «...Управляя производством таким способом, чтобы оно производило бы наибольшую стоимость, он (предприниматель) руководствуется собственной выгодой, и он в этом случае, как и во многих других, ведется невидимой рукой к созданию итога, который никоим образом не входил в его намерения... Преследуя свой личный интерес, он чаще служит общественным интересам, чем если делает это намеренно» [13]. Таким образом, А. Смит делает акцент на экономическом факторе, мотивирующем предпринимателя. Его главная ценность – расчетливость (*prudence*).

Однако уже у Й. Шумпетера мы находим четко сформулированное утверждение, что доходность служит лишь средством оценки результата, а не главной целью. Он описывает

довольно широкую палитру ценностей предпринимателя, подчеркивая его безразличность к финансовому результату и выделяя ценности неэкономического происхождения (свобода, условия для развития личности, желание борьбы, стремление к успеху, радость творчества) [18].

Современные исследователи, как и Й. Шумпетер, признают, что прибыль является результатом предпринимательской деятельности, а не ее целью. Ключевое свойство всякого предпринимательства – это не создание прибыли, а создание ценности [10]. Предпринимателем движет стремление к самореализации через решение проблем и удовлетворение потребностей общества [1]. Его деятельность направлена на обеспечение более высокого уровня удовлетворенности всех участников системы [7]. Считается, что индивидуальный выбор формируется под воздействием не только рационального личного интереса, но и моральных ограничений, социальных обязательств и ожиданий, которые ограничивают спектр выбора как целей, так и средств их достижения [25].

Таким образом, в науке экономическое действие рассматривается как действие социальное. При этом социальная ориентация в системе ценностей может представлять интерес для предпринимателя как средство повышения конкурентоспособности, увеличения числа модификаций продукта (услуги), повышения доверия потребителей [22; 23]. Следование «базовым» ценностям само по себе может быть рациональным и приносить выгоду всем заинтересованным сторонам. Как отмечали Хирш и другие, экономическая эффективность зависит от нравственных ценностей. Без честности, доверия и доброй воли экономическая жизнь зашла бы в тупик [20; 28; 29]. Таким образом, ценность моральных установок, их широта рассматриваются как инструмент по отношению к заданным экономическим целям.

Кроме того, ценности предпринимателя представлены в литературе в качестве антецедента, так как они изначально оказывают влияние сначала на склонность к предпринимательству, а в дальнейшем уже управляют поведением и определяют результативность деятельности предпринимателя («сознание определяет бытие») [27].

Таким образом, ценности влияют на предпринимательство, и целый поток исследований на эту тему, в том числе представленный выше, позволяет сформировать картину подобного влияния. Современная экономика признает социальный характер экономического действия: наряду с эгоистическими материальными интересами, учитываются морально-культурные, социокультурные и другие аспекты предпринимательских решений.

Методология и результаты исследований

Основным подходом к измерению ценностей является инструментарий Ш. Шварца, реализованный в Европейском социальном исследовании (European Social Survey, ESS) с помощью «Портретного ценностного опросника» для сравнительного анализа базовых ценностей жителей 32 стран Европы, в том числе и в России. Для изучения межстрановых различий в ценностях российские исследователи В. Магун, М. Руднев и П. Шмидт на основе типологического подхода обнаружили однородные классы европейцев с аналогичными системами ценностей [30].

Взвешенные исследования ценностей самих предпринимателей представляют явный дефицит.

Центр управления благосостоянием и филантропией «Сколково» провел в 2015 году «Исследование владельцев капиталов России», в котором были рассмотрены вопросы благотворительности бизнесменов, преемственности их бизнеса, управления активами, на основе чего был создан портрет владельца капитала. Однако в выборку авторов попали не предприниматели, а 39 владельцев крупного бизнеса России, 13% из которых (пять человек) входят в список Forbes [3].

Главная особенность данного исследования состоит в его очень специфической целевой группе. Это предприниматели, ведущие свою деятельность в Приморском крае, с относительно высокими капиталовложениями. На открытие микропредприятия (копильного цеха) потребуется минимум 5 млн. руб. В социологической классификации эта категория относится к труднодоступной категории информантов. Эти обстоятельства в значительной мере определили и методологию, и процедуру сбора данных.

Вообще, изучение предпринимательских предприятий подвергается многочисленным методологическим и статистическим проблемам, которые могут привести к вводящим в заблуждение результатам в силу следующих причин [6].

Во-первых, качество данных (нет данных, данные неточны). У предприятий малого бизнеса упрощенные требования к финансовой отчетности, которая не носит публичного характера, часто связаны с непрозрачной бухгалтерией для уклонения от уплаты налогов. Половина вновь созданных малых компаний умирает в течение первых трех лет, что делает их вообще невидимыми в обычных наборах данных. Анализ, представленный в статье, выполнен на основе наблюдений во время визитов на рыбохозяйственные предприятия региона, анкетирования и углубленного интервьюирования приморских предпринимателей рыбохозяйственной специализации. Кроме того, сбор данных проходил в условиях строгой конфиденциальности и анонимной обработки полученных сведений, что в какой-то степени минимизирует проблему их качества.

Во-вторых, в литературе отсутствует единое определение понятия «предпринимательство». Например, ван Праг и Верслут относят к предпринимательским такие фирмы, которые удовлетворяют одному из следующих условий: (1) они нанимают меньше, чем 100 сотрудников; (2) они моложе 7 лет; (3) они – новые участники рынка [33]. С учетом этих трудностей не удивительно, что среди большинства влиятельных политиков есть также «неистовый беспорядок... между понятиями „новая”, „небольшая” и „предпринимательская” фирма» [24, с. 92].

И все-таки именно малый бизнес часто используют в качестве синонима предпринимательства, несмотря на то что определение малых фирм тоже неясно. Так, в Соединенных Штатах к ним относят компании с численностью менее 500 сотрудников, а в Европе малые и средние предприятия чаще рассматриваются как фирмы до 250 человек. В данной статье предлагается принять единую категорию «предпринимательские фирмы» в соответствии с российскими критериями отнесения субъектов хозяйствования к предприятиям малого и среднего бизнеса (МСП). В 2015 году в Российской Федерации предпринимались меры по

расширению границ коридора для микропредприятий, а также МСП на основе увеличения суммы годового хозяйственного оборота, что сближает Россию со странами Евросоюза. В нашу выборку возьмем 46 рыбохозяйственных предприятий Приморского края с численностью до 250 человек и суммой годового хозяйственного оборота до 2000 млн. руб.

Для полноты анализа определим социальные-демографические характеристики рыбохозяйственных предпринимателей, попавших в нашу выборку, его покюгортную структуру с помощью компонентов *таблицы 1*.

На основе полученных данных мы видим, что рыбохозяйственный предприниматель в Приморском крае – это хорошо образованный мужчина средних лет. Он не рассматривает свой бизнес как альтернативу занятости по найму, а доходы – как заменитель заработной платы, его дело – это устоявшийся, добровольный, осознанный вид деятельности, куда не может попасть случайный человек, потерявший работу, так как уже на старте требуются существенные инвестиции. Экономическая турбулентность последних двух лет не вызвала к жизни новые субъекты хозяйствования, а среди 6,5% вновь созданных предприятий возрастом до 42 месяцев все были образованы в результате реорганизации. При этом сложный период в жизни страны не оказал существенного влияния на оценку текущей ситуации в бизнесе и наличие планов его развития. В большинстве случаев предприниматель оценивает текущую ситуацию в бизнесе как стабильно позитивную (95,6%) и имеет планы увеличения своей доли как минимум на внутреннем рынке страны. В 74% случаев он создает рыбоперерабатывающие предприятия, так как вход в рыболовство блокируется в нашей стране существующей системой распределения квот на промысел водных биологических ресурсов по историческому принципу и требует более существенных капиталовложений. В результате такие компании скорее являются микропредприятиями и малыми, численностью до 100 человек (65,2%), а основная организационно-правовая форма этого бизнеса – общество с ограниченной ответственностью (91,2%), так как она позволяет работать с НДС, но использовать при этом специальные режимы налогообложения. На 69,6% предприниматель предпочитает получать доход на уровне минимальных

Таблица 1. Социально-демографическая характеристика и покогортная структура рыбохозяйственных предпринимателей Приморского края

№	Концепт	Интерпретация	Операционализация	Результаты	
1.	Социально-демографические характеристики рыбохозяйственного предпринимателя	1.1. Пол	Указание респондентом своего пола.	Мужской	100 %
				Женский	0%
		1.2. Возраст	Указание респондентом своего возраста.	До 30 лет	4,3%
				31–60 лет	79,5%
				Старше 60	16,2%
		1.3. Достигнутая ступень образования	Указание респондентом наивысшей достигнутой ступени образования.	Высшее	87%
				Среднее специальное	10,9%
		1.4. Уровень доходов	Указание респондентом уровня своих доходов.	Среднее	2,1%
				До 336 тыс. в год	69,6%
				336–500 тыс. руб. в год	19,6%
2.	Покогортная структура рыбохозяйственного предпринимательства	2.1. Доля ранних рыбохозяйственных предпринимателей (владельцы вновь созданного бизнеса)	Указание респондентом информации о том, управляет ли он и получает ли доход от деятельности собственного, вновь созданного бизнеса менее 42 месяцев.	Менее 42 месяцев	6,5%
				2.2. Доля владельцев устоявшегося рыбохозяйственного предпринимательства	Указание респондентом информации о том, управляет ли он и получает ли доход от деятельности собственного бизнеса более 42 месяцев.
3.	Мотивация предпринимателя	3.1. Добровольная	Указание респондентом собственных мотивов, способствующих открытию предприятия: - стремление к финансовой независимости; - возможность личного роста; - поиск новых возможностей.	Добровольное предпринимательство	100%
		3.2. Вынужденная	Указание респондентом собственных мотивов, способствующих открытию предприятия: - отсутствие других возможностей найти работу; - материальные трудности.	Вынужденное предпринимательство	0%
4.	Характеристика организации	4.1. Размер	Указание респондентом количества сотрудников, занятых в его организации как на постоянной, так и на временной основе.	Микропредприятие	8,8%
				Малое предприятие	65,2%
				Среднее предприятие	26%
		4.2. Организационно-правовая форма предприятия	Указание респондентом организационно-правовой формы своего предприятия.	ИПБЮЛ	8,8%
				ООО	91,2%
		4.3. Секторальная принадлежность	Указание респондентом типа, к которому относится его организация по своей секторальной принадлежности: - рыболовство; - рыбопереработка.	Рыболовство	26%
				Рыбопереработка	74%
		4.4. Оценка ситуации в бизнесе	Указание респондентом общей ситуации в его бизнесе.	Позитивная	21,7%
				Стабильная	73,9%
				Негативная	4,4%
4.5. Оценка планов и масштабов по расширению бизнеса	Указание респондентом наличия планов и масштабов в ближайшие год-два по расширению своего бизнеса.	Есть планы расширения на местном уровне	19,6%		
		Есть планы расширения на уровне региона или нескольких	60,9%		
		Есть планы расширения в международном масштабе	15,2%		
		Нет планов	4,3%		

отраслевых требований Приморского края (28 тыс. руб. в месяц), что скорее всего свидетельствует о желании обеспечить финансовую безопасность своего бизнеса и потенциал роста.

Предпринимательство – своеобразный полигон, на котором проверяются ценностные ориентации человека. Именно возможность создать свое дело, исходя из собственных представлений о цели, которой хочешь достичь, а также согласно собственным ценностям и жизненным принципам, выступает очень мощным драйвером предпринимательской активности. Как уже было отмечено выше, категория «ценности» коррелирует с мотивационным поведением предпринимателя и его установками. Вообще, мотивы и ценности – довольно близкие понятия, и некоторые авторы их отождествляют [9]. В рамках данного исследования мотивы выступают как синоним трудовых ценностей. Выявив и ранжировав мотивы предпринимательской деятельности, мы сможем получить иерархию ценностей и судить о ценностных ориентациях рыбохозяйственных предпринимателей Приморского края. В ходе анкетирования респондентам было предложено восемь мотивов, побуждающих к предпринимательству, каждый из которых необходимо оценить по 8-бальной шкале от 8 – «очень ценный мотив» до 1 – «совсем не важный мотив»; бóльший балл свидетельствует о большей важности для респондента соответствующего мотива. Это позволило ранжировать мотивы по степени их значимости для субъектов хозяйствования (табл. 2).

Высокий ранг (1) получили экономические мотивы (расчетливость как таковая все-таки доминирует в иерархии ценностей). Несколько уступают им по значимости потребности в не-

зависимости (ранг 2). На 3-м и 4-м местах расположились мотивы, связанные с социальной позицией в обществе. Желание создать ценность, которая наилучшим образом удовлетворит постоянно меняющиеся и возрастающие потребности покупателей, и тем самым занять уважаемую позицию в обществе, получив статус предпринимателя, говорит о разрушении традиционных среди россиян предубеждений о предпринимателях как нечестных, изворотливых, алчных дельцах, ведущих неприглядные деловые практики, таких, кто, заботясь о личных интересах, наносит вред людям. Сами приморские рыбохозяйственники уверены, что, став предпринимателями, они получают честное, доброе имя, общественное уважение и признание и, тем самым наладив связь с потребителями, приобретут стратегические основы развития своего бизнеса. Примечательно, что мотивы, связанные с преемственностью поколений, с созданием предпринимательской династии, занимают лишь 6-ое место. Это связано с убеждениями, что участие в предпринимательской деятельности не может быть передано по наследству и во многом определяется особыми личностными характеристиками, которыми обладает лишь малая часть населения. Замыкают рейтинг мотивы 7-го и 8-го рангов, связанные с желанием помочь стране или региону с помощью команды. Очевидно, что 8 характеристик, приведенных в таблице 2, рассматриваемых в качестве мотивов/ценностей предпринимателей, не являются независимыми. Напротив, можно предположить, что за этими индикаторами кроются глубинные предпочтения, обуславливающие то или иное отношение человека к предпринимательской деятельности. Для того чтобы выделить эти латентные

Таблица 2. Оценка мотивов, влияющих на решение о предпринимательстве в рыбохозяйственной деятельности

Ранг	Мотив	Средняя арифметическая, баллов
1	Желание заработать	7,96
2	Быть независимым	6,34
3	Создать ценность, удовлетворяющую потребности человека	5,92
4	Приобрести социальный статус предпринимателя	4,56
5	Самореализоваться	3,75
6	Оставить работающий бизнес следующим поколениям	1,92
7	Стать лидером команды	1,74
8	Патриотизм, желание внести вклад в развитие региона/страны	1,64

факторы, которые мы назовем ценностными ориентациями, разобьем все мотивы на две группы – индивидуалистические и социальные. Мы видим, что «внешние» (высокий доход, независимость) ценности предпринимательства имеют на сегодняшний день большую значимость в иерархии ценностей для приморских рыбохозяйственников, чем «внутренние» (самореализация, создание ценности), несмотря на их значительную близость. Кроме того, полученные результаты показывают, что, несмотря на наличие индивидуалистической доминанты ценностей (быть богатым и свободным), можно говорить о сильной социальной ориентации приморских предпринимателей (желание создать ценность, удовлетворяющую потребности человека, и приобрести социальный статус предпринимателя), т.е. их действия продиктованы не только личными, но и общественными интересами. Данное ранжирование делает возможным трактовать цели современного предпринимательства не с позиции максимизации прибыли, как это делают существующие дефиниции, а с позиции сочетания личной выгоды и пользы общества.

На следующем этапе респондентам было предложено выбрать факторы, определяющие успех рыбохозяйственного предпринимателя (табл. 3). Они оценили их по 13-балльной шкале от 13 – «очень важный фактор успеха» до 1 – «совсем не важный фактор успеха»; бóльший балл свидетельствует о бóльшей важности для респондента соответствующего фактора.

13-балльная разрядность связана с возможностью ранжирования самим информантом всех перечисленных факторов успеха. Т.е. каждому новому фактору можно было присвоить минус один балл и расположить его на следующей строчке. Однако некоторые респонденты в своих ответах оценили определенные факторы как равноценные и присвоили им одинаковое количество баллов.

Как видим, для приморских рыбохозяйственников успех определяется прежде всего эндогенными факторами, что свидетельствует о признании личной ответственности за результаты своего дела. Это, так сказать, «общество взрослых» предпринимателей, которое полагается в первую очередь на свою команду («кадры решают все») и на свой продукт, с которым выходят на рынок. Кроме этого, они прекрасно осознают важность нового знания или технологии как ключевого звена инновационного процесса. А всем экзогенным факторам (уровень конкуренции, деловой климат, отношения с регулятором) отводится второстепенная роль.

На следующем этапе респонденты провели оценку качеств успешного предпринимателя с помощью присвоения баллов каждой из предложенных характеристик успешного предпринимателя из расчета: 13 – «очень важное качество», а 1 – «совсем не важное качество»; бóльший балл свидетельствовал о бóльшей важности для респондента соответствующего качества (табл. 4).

Таблица 3. Оценка факторов успешности в рыбохозяйственном предпринимательстве

Ранг	Фактор успеха	Средняя арифметическая, баллов
1	Человеческий ресурс	12,54
2	Производство качественного продукта	12,34
3	Инновация/новаторство	12,22
4	Надежные, профессиональные партнеры	11,12
5	Удачная рыночная конъюнктура	9,56
6	Хорошая деловая репутация, честное имя, положительный имидж	9,02
7	Неконфликтные взаимоотношения с органами власти	8,00
8	Доступ к дешевым финансовым ресурсам	7,38
9	Отсутствие конкурентов	7,12
10	Благоприятный деловой климат	7,00
11	Наличие конкурентов	3,74
12	Участие друзей, членов семьи в деле	1,24
13	Другое	1,00

Таблица 4. Оценка качеств успешного предпринимателя

Ранг	Качество	Средняя арифметическая, баллов
1	«Базовые» ценности (порядочность, ответственность, честность, доверие, добрая воля и др.)	12,95
2	Умение управлять командой, быть лидером	11,45
3	Развитый интеллект	10,24
4	Умение генерировать свои и воспринимать чужие идеи	10,12
5	Стратегическое мышление	10,00
6	Работоспособность, трудолюбие	9,84
7	Настойчивость, целеустремленность	6,98
8	Повышенная интуиция	6,64
9	Коммуникабельность, умение налаживать деловые связи	6,24
10	Гибкость, адаптивность	6,00
11	Готовность к риску	5,50
12	Удачливость	5,24
13	Другое	1

В ходе анализа данных были получены некоторые неожиданные результаты. Например, у значительного большинства предпринимателей сильнее всего выражена ориентация на «базовые» ценности. Получается, что сильная, строгая система ценностей не мешает быть успешным предпринимателем, не влияет на его гибкость и адаптивность. Нечестный предприниматель, готовый нарушить этические нормы, умеющий дружить с правильными людьми, «договороспособный» коррупционер, уходит в прошлое. Также интересным оказалось то, что рыбохозяйственные предприниматели в Приморье отводят готовности к риску довольно незначительную роль, хотя риск традиционно назывался титулом предпринимателя. Скорее всего, это связано с низкой оценкой уровня риска в своей деятельности.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет нам заключить, что «внешние» ценности имеют на сегодняшний день большую значимость в иерархии ценностей для приморских рыбохозяйственников, чем «внутренние», несмотря на их значительную близость. При наличии индивидуалистической доминанты ценностей можно говорить о сильной социальной ориентации и ориентации на «базовые» ценности приморских предпринимателей, что делает возможным охарактеризовать современного российского предпринимателя как цивилизованную, социально ответственную личность,

мотивированную внутренней системой ценностей, и трактовать цели современного предпринимательства не с позиции максимизации прибыли, как это делают существующие дефиниции, а с позиции сочетания личной выгоды и пользы общества.

Квинтэссенция результатов проведенного научного исследования выражается в предложении ввести в научный оборот категорию «этическое предпринимательство», связанную с осуществлением деятельности не только исходя из экономической выгоды, но и под воздействием «базовых» ценностей (порядочность, честность, ответственность, пр.) и социальной ориентации, с учетом условий и последствий этой деятельности. Этическое предпринимательство – это реакция предпринимательской структуры на угрожающее состояние окружающей среды, на неприглядные деловые практики; это противодействие тем, кто, заботясь о личных интересах, наносит вред людям (их здоровью, жизни, материальному благополучию или другим элементам достойной жизни), животным, природе или/и увеличивает риски такого вреда. Этическое предпринимательство исключает нанесение вреда окружающей среде, нарушение условий труда работников, дискриминацию женщин, использование некачественных ингредиентов, нарушение технологий и стандартов производства, нелегальную деятельность, двойную бухгалтерию, применение серых схем ведения бизнеса.

Результаты исследования свидетельствуют о формировании и распространении этического предпринимательства в нашей стране. Следовательно, Россия, несмотря на особенности культурного, институционального, экономического контекстов, является частью единого, глобального цивилизованного пространства. Ее экономические и ценностные системы, несмотря на собственную логику и определённую автономию, не замкнуты. Приморские рыбоперерабатывающие предпринимательские структуры, осуществляя деятельность на прибрежной территории, вынуждены «подгонять» свои предпочтения и представления под распространённые в мире социальные позиции, чтобы встроиться в единое пространство глобального рыбного рынка. Так, например, приморские рыбохозяйственники тесно сотрудничают с японскими предпринимателями. Те, в свою очередь, хорошо известны как энергичные, трудолюбивые хозяйственники-новаторы. Эти мо-

рально авторитетные доблестные «самураи» не могли не повлиять на систему ценностей российских производителей.

Кроме того, на морально-культурные нормы и ценности оказывают влияние и экономические факторы, а именно рост благосостояния населения, наметившийся с 2000-х гг., несмотря на циклические колебания в 2008 и 2014–2015 годах. Очевидно, что чем богаче страна, тем менее там противопоставляются ценности социальной и индивидуалистической ориентации. Действует логика А. Маслоу, согласно которой потребности и ценности более высокого уровня становятся достаточно сильными при условии некоторой степени удовлетворения потребностей более низких уровней. Удовлетворив свои личные потребности, предприниматели в большей степени готовы делиться и оказывать помощь другим.

Данные выводы актуальны при оценке эффективности предпринимательства в экономической системе нашей страны.

Литература

1. Васянин, М.С. Ценности и ценностные ориентации предпринимателей в современном российском обществе: дис. ... канд. соц. наук: специальность 22.00.04 [Текст] / М.С. Васянин; Пензенский государственный университет. – Пенза, 2013. – 174 с.
2. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма [Текст] / М. Вебер [пер. с нем.: М.И. Левина и др.; отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов; послесл. П.П. Гайденко и др.]. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: РОССПЭН, 2006. – 656 с.
3. Исследование владельцев капиталов России [Текст] / Центр управления благосостоянием и филантропии. Московская школа управления Сколково. – М., 2015. – 102 с.
4. Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания [Текст] / под ред.: Я.И. Кузьминов; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 671 с.
5. Корнейко, О.В. История экономических учений: учеб. пособие [для студентов вузов, обуч. по направл. 38.03.01 «Экономика»] / О.В. Корнейко, Е.В. Астахова; Владивосток. гос. ун-т экономики и сервиса. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2015. – 88 с.
6. Корнейко, О.В. Теория предпринимательства в контексте современного развития российской экономики [Текст] / О.В. Корнейко, Б. Ма // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2016. – № 2 (25). – С. 35-41.
7. Латкин, А.П. Особенности государственного регулирования предпринимательства в рыбохозяйственной деятельности (на примере Приморского края). [Текст] / А.П. Латкин, О.В. Корнейко; Владивосток. гос. ун-т экономики и сервиса. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2011. – 180 с.
8. Маркс, К. К критике политической экономии [Текст] / К. Маркс; под ред. А.И. Малыша. – М.: ЛКИ, 2010. – 176 с.
9. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы [Текст] / А. Маслоу; пер. с англ. – М.: Смысл, 1999. – 425 с.
10. Московская, А.А. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования [Текст] / А.А. Московская. – М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2011. – 288 с.

11. Петровская, О.В. Ценности «креативного класса» в культуре постиндустриального общества: дис. ... канд. культ. наук: специальность 24.00.01 [Текст] / О.В. Петровская; Пензенский государственный университет. – Ростов-на-Дону, 2013. – 198 с.
12. Пшеворский, А. Демократия и рынок: Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке [Текст] / А. Пшеворский. – М., 1999. – 296 с.
13. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов : пер. с англ. / А. Смит; [предисл. В.С. Афанасьева; под науч. ред. П.Н. Ключкина]. – М. : Эксмо, 2007. – 960 с.
14. Стребков, Д.О. Трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости [Текст] / Д.О. Стребков, А.В. Шевчук // СОЦИС. – 2017. – № 1. – С. 81-93.
15. Хайлбронер, Р.Л. Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи [Текст] / Р.Л. Хайлбронер ; пер. с англ. И. Файбисовича. – М. : КоЛибри, 2008. – 432 с.
16. Чепуренко, А.Ю. Что такое предпринимательство и какая политика в отношении предпринимательства нужна России? (Заметки на полях работ современных зарубежных классиков) [Текст] / Ю.А. Чепуренко // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2012. – № 2 (14). – С. 102-124.
17. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст]: П. Штомпка: пер. с англ.; под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект пресс, 1996. – 50 с.
18. Шумпетер, Й.А. Теория экономического развития [Электронный ресурс]. / Й.А. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982., гл. 2. Основной феномен экономического развития. – Режим доступа: https://vk.com/doc-81195643_345611914?hash=4a7a38fa26063a08e2&dl=87014217319a1ef81a.
19. Ядова, Е.Н. Предпринимательство в России 90-х годов. Челночество как социальный ресурс трансформационного периода [Текст] / Е.Н. Ядова. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 216 с.
20. Arrow, K. The Limits of Organization [Text] / K. Arrow. – 1st ed. – N.Y.: Norton, 1974. – P. 137.
21. Becker, S. O. Was Weber Wrong? A Human Capital Theory of Protestant Economic History [Text] / S.O. Becker, L. Woessmann // The Quarterly Journal of Economics. – 2009. – Vol. 124. – No. 2, pp. 531-596. doi: 10.1162/qjec.2009.124.2.531.
22. Brekke, K.A. An economic modal of moral motivation. [Text] / K.A. Brekke, S. Kverndokk, K. Nyborg // Journal of Public Economiks. – 2003. – Vol. 87. – No. 9-10. – P. 1967-1983.
23. Callan, S. J. Corporate financial performance and corporate social performance: An update and reinvestigation. [Text] / S.J. Callan, J.M. Thomas // Corporate Social Responsibility and Environmental Management. - 2009. – Vol. 16. – No. 2. – P. 61-78.
24. Dennis, W. J. Entrepreneurship, small business and public policy levers [Text] / W. J. Dennis // Journal of Small Business Management. – 2011. – No 49 (1). – P. 92-106.
25. Etzioni, A. Toward a new Socio-Economic Paradigm [Text] / A. Etzioni // Socio-Economic Rewiew. – 2003. – Vol. 1. – No. 1. – P. 105-118.
26. Global Entrepreneurship Monitor, GEM [2015 / 2016 Global Report] Available at: <http://www.gemconsortium.org/report>.
27. Hausman, D.M. Taking Ethics Seriously: Economics and Contemporary Moral Philosophy [Text] / D.M. Hausman, M.S. McPherson // Journal of Economic Literature. – 1993. – Vol. 31. – No. 2. June. – P. 671-731.
28. Hirsch, F. Social Limits to Growth [Text] / F. Hirsch. – Cambridge: Harvard University Press, 1976. – P. 204.
29. Hirschman. A.O. Against Parsimony: Three Easy Ways of Complicating. Some Categories of Economic Discourse [Text] / A.O. Hirschman. // Economics and Philosophy. – 1985. – April. Vol. 1. – No. 1. – P. 7-21.
30. Magun, V. Within-and Between-Country Value Diversity in Europe: A Typological Approach [Text] / V. Magun, M. Rudnev, P. Schmidt // European Sociological Review. – 2016. – No. First published online: August 24, 2015.- P. 1-14.
31. Sztompka, P. The Sociology of Social Change [Text] / P. Sztompka. – Oxford, 1993. P. 214.
32. Schwartz, S.H. Are there universal aspects in the content and structure of values? [Text] / S. H. Schwartz // Journal of Social Issues. – 1994. – Vol. 50. – P. 19-45.
33. van Praag, C. M. What is the value of entrepreneurship? [Text] / C.M. van Praag, P.H Versloot: a review of recent research // Small Business Economics. – 2007. – No. 29. – P. 351-382.

Сведения об авторе

Ольга Валентиновна Корнейко — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международного бизнеса и финансов, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (Российская Федерация, 690104, г. Владивосток ул. Гоголя, д. 41; e-mail: olga30300@mail.ru)

Korneiko O.V.

Value Orientations of Modern Entrepreneurship in Russia

Abstract. In the theory of entrepreneurship there is a distinct conviction that the value system of entrepreneurs and their behavior have an impact on economic efficiency and, ultimately, on the welfare of the whole society. The issues related to the description of professional and personal qualities of Russian entrepreneurs, their values and motivations, are currently becoming more and more relevant. The development and enrichment of national scientific knowledge in Russian entrepreneurship will largely determine our understanding of its effectiveness for the Russian economy. In domestic literature, there is clear shortage of works devoted to this problem, which is caused by limited capabilities of existing databases. This article attempts to identify the hierarchy of values and their structure in the form of broader orientations in economic behavior of Russian entrepreneurs in the case of fishery business enterprises in Primorsky Krai. Based on an interdisciplinary synthesis, the research proves that the modern theory of entrepreneurship does not only accept the concepts of scientific masterminds, but also enriches their meaningful interpretation. The author reviews the existing approaches to measuring values. The analysis presented in the article is conducted on the basis of observations during visits to fishery enterprises of the region, questionnaires and in-depth interviews of coastal entrepreneurs specializing in fishery. It has been established that the “external” values are currently more important in the hierarchy of values for coastal entrepreneurs than the “internal” ones despite their considerable affinity. With the individualistic value dominant element available, we can talk about strong social focus and the focus on “basic” values. This study makes it possible to characterize a modern Russian entrepreneur as a civilized, socially responsible personality motivated by an internal system of values. We propose to introduce into scientific circulation the category of “ethical entrepreneurship”, i.e. the implementation of activities based not only on economic benefits, but also under the influence of “basic” values (integrity, honesty, and responsibility) and social focus. The study is presented as a pilot one and suggests further in-depth development of the methodology taking into account the obtained results.

Key words: Primorsky Krai, entrepreneurship, values, fishery entrepreneurs, system of values, entrepreneurial motives.

References

1. Vasyanin M.S. *Tsennosti i tsennostnye orientatsii predprinimatelei v sovremennom rossiiskom obshchestve: dis. ... kand. sots. nauk: spetsial'nost' 22.00.04* [Values and system of values of entrepreneurs in the modern Russian society: Ph.D. in Sociology dissertation: 22.00.04]. Penza State University. Penza, 2013. 174 p. (In Russian).
2. Weber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The protestant ethic and the spirit of capitalism]. Translated from German by M.I. Levina et al. 2nd edition, revised and expanded. Moscow: ROSSPEN, 2006. 656 p. (In Russian).
3. *Issledovanie vladel'tsev kapitalov Rossii* [Study of capital owners in Russia]. Tsentr upravleniya blagosostoyaniem i filantropii. Moskovskaya shkola upravleniya Skolkovo [Skolkovo Wealth Transformation Centre]. Moscow, 2015. 102 p. (In Russian).

4. Kuz'minov Ya.I. *Istoki: sotsiokul'turnaya sreda ekonomicheskoi deyatel'nosti i ekonomicheskogo poznaniya* [Origins: the socio-cultural environment of the economic activity and economic knowledge]. National Research University Higher School of Economics. Moscow: dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2011. 671 p. (In Russian).
5. Korneiko O.V., Astakhova E.V. *Istoriya ekonomicheskikh uchenii: ucheb. posobie [dlya studentov vuzov, obuch. po napravl. 38.03.01 "Ekonomika"]* [The history of economic studies: study guide for students of higher educational institutions in Economics]. Vladivostok : Izd-vo VGUES, 2015. 88 p. (In Russian).
6. Korneiko O.V., Ma B. *Teoriya predprinimatel'stva v kontekste sovremennogo razvitiya rossiiskoi ekonomiki* [The theory of entrepreneurship in the context of modern development of the Russian economy]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Vector of Science of Togliatti State University: Series: Economics and management], 2016, no. 2 (25), pp. 35-41. (In Russian).
7. Latkin A.P., Korneiko O.V. *Osobennosti gosudarstvennogo regulirovaniya predprinimatel'stva v rybnokhozyaistvennoi deyatel'nosti (na primere Primorskogo kraja)* [Features of state regulation of fishery entrepreneurship (case study of Primorsky Krai)]. Vladivostok : Izd-vo VGUES, 2011. 180 p. (In Russian).
8. Malysh A.I. (Ed.). Marx K. *K kritike politicheskoi ekonomii* [A contribution to the critique of political economy]. Moscow: LKI, 2010. 176 p. (In Russian).
9. Maslow A. *Novye rubezhi chelovecheskoi prirody* [The farther reaches of human nature]. Translated from English. Moscow: Smysl, 1999. 425 p. (In Russian).
10. Moskovskaya A.A. *Sotsial'noe predprinimatel'stvo v Rossii i v mire: praktika i issledovaniya* [Social entrepreneurship in Russia and around the world: practice and research]. Moscow: Izd. dom NIU VShE, 2011. 288 p. (In Russian).
11. Petrovskaya O.V. *Tsennosti "kreativnogo klassa" v kul'ture postindustrial'nogo obshchestva: dis ... kand. kul't. nauk: spetsial'nost' 24.00.01* [The value of the "creative class" in the culture of the post-industrial society: Ph.D. in Cultural Studies dissertation: 24.00.01]. Penza State University. Rostov-on-Don, 2013. 198 p. (In Russian).
12. Pshevorskii A. *Demokratiya i rynek: Politicheskie i ekonomicheskie reformy v Vostochnoi Evrope i Latinskoj Amerike* [Democracy and market: political and economic reforms in Eastern Europe and Latin America]. Moscow, 1999. 296 p. (In Russian).
13. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. Translated from English. Moscow: Eksmo, 2007. 960 p. (In Russian).
14. Strebkov D.O., Shevchuk A.V. *Trudovye tsennosti samostoyatel'noi i organizatsionnoi zanyatosti* [Work values of self-employment and organization employment]. *SOTsIS* [Sociological studies], 2017, no. 1, pp. 81-93. (In Russian).
15. Heilbroner R.L. *Filosofy ot mira sego. Velikie ekonomicheskie mysliteli: ikh zhizn', epokha i idei* [The worldly philosophers]. Translated from English by I. Faibisovich. Moscow: KoLibri, 2008. 432 p. (In Russian).
16. Chepurenko A. Yu. *Chto takoe predprinimatel'stvo i kakaya politika v otnoshenii predprinimatel'stva nuzhna Rossii? (Zametki na polyakh rabot sovremennykh zarubezhnykh klassikov)* [What is entrepreneurship and what entrepreneurship policy does Russia need? (marginal notes on works of modern foreign classics)]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2012, no. 2 (14), pp. 102-124. (In Russian).
17. Yadov V.A. (Ed.). Sztompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* [The sociology of social change]. Translated from English. Moscow: Aspekt press, 1996. — 50 s. (In Russian).
18. Schumpeter J.A. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [The theory of economic development]. Moscow: Progress, 1982., Ch. 2. *Osnovnoi fenomen ekonomicheskogo razvitiya* [Main phenomenon of economic development]. Available at: https://vk.com/doc-81195643_345611914?hash=4a7a38fa26063a08e2&dl=87014217319a1ef81a. (In Russian).
19. Yadova E.N. *Predprinimatel'stvo v Rossii 90-kh godov. Chelnochestvo kak sotsial'nyi resurs transformatsionnogo perioda* [Entrepreneurship in Russian in the 1990-s. Shuttle trade as a social resource during the transformation period]. LAMBERT Academic Publishing, 2011. 216 p. (In Russian).
20. Arrow K. *The Limits of Organization*. 1st ed. N.Y.: Norton, 1974. 137 p.
21. Becker S.O., Woessmann L. Was Weber Wrong? A Human Capital Theory of Protestant Economic History. *The Quarterly Journal of Economics*, 2009, vol. 124, no 2, pp. 531-596. DOI: 10.1162/qjec.2009.124.2.531

22. Brekke K.A., Kverndokk S., Nyborg K. An economic modal of moral motivation. *Journal of Public Economics*, 2003, vol. 87, no. 9-10, pp. 1967-1983.
23. Callan S.J., Thomas J.M. Corporate financial performance and corporate social performance: An update and reinvestigation. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2009, vol. 16, no. 2, pp. 61-78.
24. Dennis W.J. Entrepreneurship, small business and public policy levers [Text]. *Journal of Small Business Management*, 2011, no 49 (1), pp. 92-106.
25. Etzioni A. Toward a new Socio-Economic Paradigm. *Socio-Economic Review*, 2003, vol. 1, no. 1, pp. 105-118.
26. *Global Entrepreneurship Monitor, GEM (2015 / 2016 Global Report)* Available at: <http://www.gemconsortium.org/report>.
27. Hausman D.M., McPherson M.S. Taking Ethics Seriously: Economics and Contemporary Moral Philosophy. *Journal of Economic Literature*, 1993, vol. 31, no. 2, June, pp. 671-731.
28. Hirsch F. *Social Limits to Growth*. Cambridge: Harvard University Press, 1976. 204 p.
29. Hirschman A.O. Against Parsimony: Three Easy Ways of Complicating. Some Categories of Economic Discourse. *Economics and Philosophy*, 1985, April, vol. 1, no. 1, p. 7-1.
30. Magun V., Rudnev M., Schmidt P. Within-and Between-Country Value Diversity in Europe: A Typological Approach. *European Sociological Review*, 2016, no. First published online: August 24, 2015. Pp. 1-14.
31. Sztompka P. *The Sociology of Social Change*. Oxford, 1993. 214 p.
32. Schwartz S.H. Are there universal aspects in the content and structure of values? *Journal of Social Issues*, 1994, vol. 50, pp. 19-45.
33. van Praag C.M., Versloot P.H. What is the value of entrepreneurship? *Small Business Economics*, 2007, no. 29, pp. 351-382.

Information about the Author

Ol'ga Valentinovna Korneiko – Ph.D. in Economics, Associate Professor at the Department for International Business and Finance, Vladivostok State University of Economics and Service. (41, Gogol Street, Vladivostok, 690104, Russian Federation; e-mail: olga30300@mail.ru)

Статья поступила 17.03.2017.

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.13

УДК 338:597; ББК 65.28

© Торцев А.М., Студёнов И.И., Белоусов А.Н.

Сравнительный анализ отечественных подходов к возмещению вреда, наносимого водным биоресурсам*

Алексей Михайлович

ТОРЦЕВ

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
им. академика Н.П. Лаверова Российской академии наук
Архангельск, Российская Федерация, 163000, наб. Северной Двины, д. 23
E-mail: torzevalex@yandex.ru

Игорь Иванович

СТУДЁНОВ

Северный филиал Полярного научно-исследовательского института морского
рыбного хозяйства и океанографии им. Н.М. Книповича
Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
им. академика Н.П. Лаверова Российской академии наук
Архангельск, Российская Федерация, 163000, ул. Урицкого, д. 17
E-mail: studenov@pinro.ru

Александр Николаевич

БЕЛОУСОВ

г. Москва, Российская Федерация
E-mail: belofish@rambler.ru

* Исследование проведено в рамках государственного задания ФАНО № 0409-2014-0009

Для цитирования: Торцев, А.М. Сравнительный анализ отечественных подходов к возмещению вреда, наносимого водным биоресурсам / А.М. Торцев, И.И. Студёнов, А.Н. Белоусов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 184-196. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.13

For citation: Tortsev A.M., Studenov I.I., Belousov A.N. Comparative Analysis of Domestic Approaches to Compensation for Damage Caused to Water Bioresources. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 184-196. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.13

Аннотация. Вопросы, связанные с использованием возобновляемых природных ресурсов и возмещением вреда, наносимого ресурсам в результате хозяйственной деятельности, находятся в центре внимания российских и зарубежных ученых. В статье представлены сформировавшиеся в нашей стране подходы к возмещению вреда, наносимого водным биоресурсам и среде их обитания. Целью статьи является проведение сравнительного анализа двух существующих в России подходов к возмещению вреда, наносимого водным биоресурсам: в результате осуществления хозяйственной деятельности (строительство объектов, прокладка трубопроводов и иное) и незаконного вылова водных биоресурсов (браконьерство). Проведен анализ открытых данных по навеске водных биоресурсов, промысловому возврату и стоимостным характеристикам возмещения ущерба путем осуществления работ по искусственному воспроизводству водных биоресурсов как основного направления восстановления природного ресурса. Используются сведения в отношении Архангельской области, Мурманской области, Республики Карелия, Республики Коми. Рассмотрены вопросы возмещения ущерба за незаконную добычу водных биоресурсов с использованием таксового подхода. Установлено, что хозяйствующие субъекты, выполняющие возмещение вреда, наносимого природному ресурсу в результате осуществления деятельности, несут в несколько раз большие затраты, чем лица, осуществляющие браконьерство в указанных регионах. При этом воздействию подвергается один и тот же природный ресурс. Авторами разработаны меры по совершенствованию государственного управления в сфере возмещения вреда в Российской Федерации. Целесообразен единый подход к восстановлению экосистем, независимо от вида осуществляемой деятельности.

Ключевые слова: водные биоресурсы, возмещение ущерба, стоимость, таксы, государственное управление.

Введение. Социально-экономическое развитие государства и сохранение окружающей среды должны быть взаимосвязаны, поскольку окружающая среда, экономика страны, здоровье человека, социальное и экологическое благополучие населения находятся в неразрывном единстве. На природу постоянно оказывается негативное антропогенное воздействие, которое приводит к изменениям компонентов природной среды, трансформации экосистем, ухудшению качества и истощению природных ресурсов, в том числе водных биологических ресурсов¹. В связи с этим наблюдается значительный рост причинения вреда природным компонентам и становится весьма актуальным направлением обеспечение национальной безопасности в сфере экологии. Таким образом, целью настоящего исследования является проведение сравнительного анализа двух существующих в Российской Федерации подходов к возмещению вреда, наносимого водным биоресурсам: в результате осуществления хозяй-

ственной деятельности и незаконного вылова водных биоресурсов. Для этого необходимо: рассмотреть правовые основания возмещения вреда в России, провести обзор некоторых применяемых в зарубежных странах инструментов возмещения вреда; разобрать схемы возмещения вреда и сделать стоимостный анализ затрат на эти цели; предложить направления совершенствования государственного управления в указанной сфере.

Хозяйственная деятельность ухудшает или даже полностью уничтожает среду обитания объектов животного мира, нарушает ход естественных процессов в популяциях животных, в том числе размножения, миграций и т.д., а сопутствующие хозяйственной деятельности техногенные факторы оказывают сильное косвенное воздействие на животный мир, как факторы беспокойства [20, с. 97]. Кроме того, следует отметить, что достаточно актуальна в настоящее время проблема возмещения прошлого (накопленного) вреда. Эта проблема связана как с деградацией природной среды, жизнедеятельностью целых регионов, так и с инвестиционной привлекательностью страны, отдельных территорий и промышленных производств [7, с. 90]. По экспертным оценкам потери внутрен-

¹ Водные биологические ресурсы (далее – водные биоресурсы, ВБР) – рыбы, водные беспозвоночные, водные млекопитающие, водоросли, другие водные животные и растения, находящиеся в состоянии естественной свободы.

него валового продукта России, обусловленные ухудшением качества окружающей среды и связанными с ними экономическими факторами, ежегодно составляют от 4 до 6%. Также необходимо отметить, что в России, несмотря на значительное количество документов, регламентирующих вопросы оценки ущерба, единые методические принципы и стандарты оценки экологического ущерба, признанные государством, отсутствуют. Это приводит к тому, что вновь созданные документы и документы, разработанные в более раннее время, содержат несовместимые методические подходы [11, с. 141].

Возмещение вреда, наносимого водным биологическим ресурсам. Хозяйствующие субъекты при осуществлении своей деятельности загрязняют и истощают природные ресурсы, тем самым не только нанося непоправимый вред окружающей среде, но и нарушая конституционные права граждан [13, с. 298]. Так, в Российской Федерации размер согласованного Росрыболовством непредотвращаемого ущерба составляет в среднем 9000 тонн ежегодно. За 2015 год Росрыболовством принято 6128 решений о согласовании хозяйственной деятельности, после реализации которой необходимо возместить ущерб, наносимый водным биоресурсам, путем выпуска 2 564 млн. экземпляров молоди водных биоресурсов. В связи с этим восстановление нарушенной природной среды и ее компонентов становится актуальной задачей и важной составной частью государственного управления в Российской Федерации. В 2004 году принят Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (далее – Закон о рыболовстве)². В развитие данной нормы правовыми институтами предусмотрено, что до начала осуществления хозяйственной деятельности реализуется ряд мер, в том числе оценка воздействия планируемой деятельности на биоресурсы и среду их обитания, разработка и проведение мероприятий по устранению последствий такого негативного воздействия, направленных на восстановление их нарушенного состояния. Устранение последствий негативного воздействия на состояние биоресурсов и среды их обитания осу-

ществляется посредством искусственного воспроизводства, акклиматизации биоресурсов или рыбохозяйственной мелиорации водных объектов, в том числе создания новых, расширения или модернизации существующих производственных мощностей, обеспечивающих выполнение таких мероприятий [28, с. 119].

Необходимо отметить, что последствия негативного воздействия на водные биоресурсы (вред) определяются до их фактического наступления на стадии планирования намечаемой деятельности и возмещаются затем в установленном порядке именно на основе ожидаемых, а не фактических последствий [15, с. 16]. При этом понятие «вред» часто рассматривается в максимально широком смысле. Вред в узком значении – это вред, причиненный окружающей среде, ее компонентам; в широком значении – вред, причиненный здоровью человека в результате воздействия неблагоприятных факторов окружающей среды (экогенный вред), а также вред имуществу (экономический вред) [2, 14]. Необходимо сказать, что в Федеральном законе «О рыболовстве» используются одновременно термины «вред» и «ущерб». Терминологическая неопределенность сохраняется и в подзаконных актах. В настоящем исследовании авторы используют термин «вред» и понимают его как негативное изменение состояния естественных популяций водных биологических ресурсов и среды их обитания в результате антропогенного воздействия. При этом виды и факторы такого воздействия на водные биоресурсы определяются сложившейся нормативно-правовой базой.

Основным направлением проведения мероприятий по возмещению вреда, наносимого водным биоресурсам, в России является искусственное воспроизводство водных биоресурсов. Такие мероприятия практически во всех случаях стали сводиться к выпуску молоди действующими предприятиями Росрыболовства или коммерческими рыбными хозяйствами. Даже в тех случаях, когда величина ущерба такова, что предполагается проведение мероприятий капитального характера, хозяйствующие субъекты предпочитают ограничиваться выпуском молоди [6, с. 176]. Нельзя не отметить, что возмещение вреда направлено исключительно на «компенсацию» его количественных параметров, в то время как качественные характеристики

² Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20.12.2004 г. № 166-ФЗ. – URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 27.01.2017 г.).

существенно расходятся, что находит свое отражение в соотношении экономических показателей ценности теряемых и восполняемых ресурсов, а также отрицательно сказывается на состоянии водных экосистем. Действующими нормативными документами не определены показатели оценки эффективности компенсационных мероприятий, механизмы мониторинга и контроля их достижения.

Наряду с этим, установлено, что лица, совершившие правонарушения в области незаконного вылова водных биоресурсов, несут ответственность согласно законодательству Российской Федерации. Судя по данным Государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году», по-прежнему на большинстве водоемов сохраняется очень низкий уровень численности наиболее ценных видов – осетровых и пресноводных лососевых. Одним из основных факторов, влияющих на состояние запасов этих рыб, является незаконный вылов [4, с. 162]. В прибрежных субъектах, где развито рыболовство, главной причиной высокого уровня противоправной деятельности в сфере незаконного вылова является сложная социально-экономическая ситуация в населенных пунктах регионов [1, с. 109].

Определение размера вреда, наносимого вследствие незаконного вылова, осуществляется по таксам. Они представляют собой условные единицы оценки вреда и устанавливаются за каждый экземпляр уничтоженного, незаконно добытого компонента природной среды, а размер взысканий определяется по количеству уничтоженных или поврежденных компонентов природной среды в соответствии с установленными таксами [18, с. 127]. Таксовый подход к возмещению ущерба используется и для исчисления взыскания за вред, нанесенный другим природным ресурсам [5, с. 250]. Применительно к целям исследования под термином «такса» авторы понимают условную единицу оценки вреда за каждый экземпляр незаконно добытого водного биологического ресурса.

Зарубежные инструменты возмещения вреда. В Республике Беларусь размер возмещения вреда, причиненного окружающей среде (в том числе незаконное изъятие или уничтожение диких животных, включая гибель рыбы или других водных животных), определяется в соот-

ветствии с таксами, а при их отсутствии – по фактическим затратам на восстановление нарушенного состояния окружающей среды с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды [3, с. 59].

В странах Западной Европы и в США развита институциональная среда в сфере защиты окружающей среды и возмещения ущерба, нанесенного природным компонентам. В Европейском союзе Директивой № 2004/35/ЕС «Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранение его последствий» устанавливается режим административной ответственности за ущерб, причиненный охраняемым видам и среде обитания, за загрязнение земель и ущерб поверхностным, подземным и прибрежным водам. Согласно Директиве, компетентные государственные ведомства обязаны распорядиться о принятии мер к предотвращению или ликвидации ущерба, без предварительного судебного решения [26, с. 24]. Возмещение экологического вреда в большинстве стран Европы понимается не как уплата денежного штрафа ответственной стороной, но как мера по восстановлению или возмещению ответственной стороной ущерба, причиненного окружающей среде. Цель такой политики заключается не в наказании хозяйствующего субъекта, причинившего ущерб, а в восстановлении окружающей среды [9, с. 75]. Таким образом, директива Евросоюза рекомендует при осуществлении хозяйственной деятельности применять правило: поврежденные участки окружающей среды должны быть восстановлены до их исходного состояния. Кроме того, в европейских странах приняты и национальные нормативно-правовые документы по сохранению окружающей среды. Например, во Франции действуют Конвенция по биоразнообразию и Стратегия по биоразнообразию, направленные на мониторинг ситуации и возмещение ущерба, наносимого природным ресурсам [24, р. 40]. В Великобритании также установлен принцип «загрязнитель – платит». Загрязнитель должен принять меры, направленные на возмещение и смягчение последствий неблагоприятных воздействий на природные компоненты. Целью возмещения ущерба является восстановление видового состава, структуры среды обитания, функционирования экосистем [22, р. 10].

В Германии в случае причинения ущерба окружающей среде ответственное лицо обязано принять меры к ограничению ущерба и провести необходимые мероприятия по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды в соответствии с планом восстановления, утвержденным компетентным органом [8, с. 24].

В США действуют основной законодательный акт об экологической ответственности — Комплексный акт об экологических мерах, компенсации и ответственности (CERCLA) 1986 года, известный как «Суперфонд», и Закон о борьбе с загрязнением нефтью (1990). На хозяйствующего субъекта возложены обязанности по проведению очистных мероприятий в отношении загрязненного ресурса и возмещению причиненных загрязнением такого ресурса убытков, в том числе экологического вреда, который рассчитывается исходя из стоимости работ по восстановлению. Поскольку расходы в двух указанных категориях могут пересекаться, приняты законодательные меры к исключению ситуаций двойного учета расходов [23, р. 126]. При этом существуют два режима возмещения ущерба: от несанкционированных действий/аварий — «Оценка ущерба, реабилитация и восстановление» и от санкционированных действий — «Соглашение о воздействии на окружающую среду». Первый режим предполагает принятие мер по возмещению нанесенного ущерба, второй режим требует предотвращать, смягчать или возмещать ущерб в случае его нанесения [25, р. 1202]. Заслуживает внимания факт, что зарубежными учеными отмечается повышение открытости и экологической ответственности глобальных компаний в сфере использования природных ресурсов, в том числе российских. Такие компании осуществляют раскрытие и доступ к информации о влиянии их деятельности на окружающую среду [21, р. 96].

Стоит отметить, что в США также приняты законодательные акты по рыболовству и сохранению водных биоресурсов. Так, актом Магнусона-Стивенса «Рыболовство, сохранение, управление» установлены штрафные санкции за незаконное рыболовство в морских водах. Определены градации штрафов (такс) в зависимости от совершенного правонарушения и

величины незаконного вылова, а также возмещение вреда в размере рыночной стоимости улова водных биоресурсов в случае его продажи. Так, в одном случае за незаконный вылов 430 фунтов морского гребешка и его продажу хозяйствующий субъект был наказан штрафом общей суммой 37 580 долл. [26].

Как мы видим, в США и Европейском союзе приняты и реализуются единые методические подходы в сфере возмещения вреда. При этом в Российской Федерации преобладает разобщенный набор отдельных методических рекомендаций, сегментированных по отдельным отраслям или видам ущербов [10, с. 5]. Вместе с тем следует отметить более справедливый подход государственных органов США к возмещению вреда, нанесенного водным биоресурсам вследствие незаконного вылова, учитывающего рыночную стоимость уловов водных биоресурсов.

Кроме того, в настоящее время в зарубежных странах широко применяется концепция экосистемных услуг, под которыми понимаются выгоды, получаемые людьми от экосистем [19]. Так, например, в Финляндии с 2008 г. на всей территории страны применяется практика выплаты государством компенсации частным владельцам за отказ от хозяйственной деятельности. В Португалии фирма «Кока-кола» на основе соглашения выплачивает лесовладельцам плату за поддержание лесов (отказ от деятельности) для обеспечения качества воды в водохранилище Тагуа [17, с. 139].

Сравнительный анализ подходов к возмещению вреда. В Российской Федерации функционируют 2 подхода к возмещению вреда, нанесенного водным биоресурсам и среде их обитания:

- в результате осуществления хозяйственной деятельности;
- в результате осуществления незаконного вылова водных биоресурсов.

На рисунке приведена схема возмещения вреда хозяйствующими субъектами, реализующими деятельность на акватории и берегах водных объектов, и лицами, осуществляющими незаконный вылов водных биоресурсов.

В Архангельской области, Мурманской области, Республике Карелия, Республике Коми мероприятия по возмещению вреда осуществ-

вляются, в подавляющем большинстве случаев, посредством искусственного воспроизводства молоди лосося атлантического (семги), кумжи, сига. Учитывая, что в регионах, несмотря на принимаемые меры, имеются случаи осуществления незаконного вылова семги, кумжи, сига, авторы провели сравнительный анализ стоимостных характеристик возмещения вреда хозяйствующими субъектами и возмещения вреда в результате уничтожения, незаконного вылова водных биоресурсов (браконьерства) применительно к условиям указанных регионов. Принимая во внимание, что до настоящего времени сравнение стоимостных характеристик, применяемых в двух подходах к возмещению вреда, не осуществлялось, авторы выполнили такой сравнительный анализ. В этих целях за основу использован ущерб равный 100 кг в обоих случаях. Стоит отметить, что возмещение вреда, в случае нанесения хозяйствующим субъектом

ущерба водным биоресурсам менее 10 кг, в соответствии с действующим законодательством не производится.

В соответствии с «Методикой исчисления размера вреда, причиненного водным биологическим ресурсам», расчет количества личинок (молоди) водных биоресурсов, необходимого для возмещения ущерба посредством искусственного воспроизводства, проводится с использованием данных о размере вреда, средней массы одной воспроизводимой молоди и промыслового возврата. Стоимость воспроизводства водных биоресурсов определялась по сведениям торговой площадки и публикаций. Данные представлены в *таблице 1*.

Необходимо отметить, что большая вариация стоимости возмещения вреда обусловлена отличиями в навеске воспроизводимых водных биоресурсов и величине затрат на их выращивание.

Таблица 1. Данные о стоимости возмещения вреда хозяйствующими субъектами

Показатель	Стоимость, рублей					
	Архангельская область			Мурманская область	Республика Карелия	Республика Коми
	Семга	Кумжа	Сиг	Семга	Семга	Сиг
Ущерб, кг	100	100	100	100	100	100
Навеска, кг	4,125	1,1	0,18	3,05	4,5	0,45
Количество экземпляров	485	1 818	15 432	656	444	79 365
Стоимость искусственного воспроизводства 1 экземпляра, рублей	181,64	181,64	46,16	129,8	367	9,12
Стоимость возмещения 100 кг вреда, рублей	88 095	330 222	712 341	85 149	162 948	723 809

Источники: составлено по данным: Об утверждении Методики расчета объема добычи (вылова) водных биологических ресурсов, необходимого для обеспечения сохранения водных биологических ресурсов и обеспечения деятельности рыболовных хозяйств, при осуществлении рыболовства в целях аквакультуры (рыбоводства): приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 30.01.2015 г. № 25. – URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 27.01.2017); Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным биологическим ресурсам: приказ Федерального агентства по рыболовству от 25.11.2011 г. № 1166. – URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 01.02.2017); СБЕРБАНК-АСТ. – URL: <http://utp.sberbank-ast.ru> (дата обращения: 27.01.2017).

Таблица 2. Данные о стоимости возмещения вреда, причиненного в результате уничтожения, незаконного вылова водных биоресурсов (браконьерства)

Показатель	Стоимость, рублей					
	Архангельская область			Мурманская область	Республика Карелия	Республика Коми
	Семга	Кумжа	Сиг	Семга	Семга	Сиг
Ущерб, кг	100	100	100	100	100	100
Навеска, кг	4,125	1,1	0,18	3,05	4,5	0,45
Количество экземпляров	25	91	556	33	22	222
Такса за 1 экземпляр, независимо от веса и размера, рублей	1250	580	250	1250	1250	250
Стоимость возмещения 100 кг вреда, рублей	31 250	52 780	139 000	41 250	27 500	55 500

Источники: составлено по данным: Об утверждении Методики расчета объема добычи (вылова) водных биологических ресурсов, необходимого для обеспечения сохранения водных биологических ресурсов и обеспечения деятельности рыболовных хозяйств, при осуществлении рыболовства в целях аквакультуры (рыбоводства): приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 30.01.2015 г. № 25. – URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 27.01.2017); Об утверждении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный уничтожением, незаконным выловом или добычей водных биологических ресурсов Постановление Правительства РФ от 25.05.1994 г. № 515. – URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 27.01.2017).

Расчет стоимости возмещения вреда, причиненного уничтожением, незаконным выловом водных биоресурсов (браконьерством), осуществляется с использованием данных о размере вреда, средней массы одного экземпляра вида водного биоресурса и величины утвержденных такс. Данные представлены в *таблице 2*.

Таким образом, стоимость возмещения вреда хозяйствующими субъектами, получившими согласование Росрыболовства (его территориальных управлений) и легально осуществляющими деятельность, больше в несколько раз,

чем стоимость возмещения вреда лицами, осуществляющими уничтожение, незаконный вылов водных биоресурсов (браконьерство):

- в Архангельской области: в 2,8 раза больше по лососю атлантическому (семге), в 6,3 раза больше по кумже и в 5,1 раза больше по сигу;
- в Мурманской области: в 2 раза больше по лососю атлантическому (семге);
- в Республике Карелия: в 5,9 раза больше по лососю атлантическому (семге);
- в Республике Коми: в 13 раз больше по сигу.

Заключение. Такая ситуация ставит в неравное положение хозяйствующих субъектов, возмещающих ущерб, и лиц, осуществляющих незаконный вылов водных биоресурсов. Конечно, лица, осуществляющие незаконный вылов водных биоресурсов, привлекаются к ответственности в виде штрафа, достигающего в зависимости от статьи Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях 200 тысяч рублей. Но в данном случае авторами рассматривается вопрос возмещения вреда, причиненного водным биоресурсам.

Вместе с тем таксовый метод возмещения вреда, основанный на использовании специальных такс, рассматриваемых в качестве «стандарта вреда» — модельного объема возмещения вреда, ставит под сомнение факт возмещения вреда в полном объеме. Следует также отметить, что стоимость 1 экземпляра лосося атлантического (семги), выловленного в реках Архангельской области, намного выше в торговых сетях, чем размер таксы. Средняя стоимость 1 экземпляра семги средней навески может достигать до 5 тысяч рублей. Таким образом, нельзя не отметить фактическое несоответствие размера такс современным рыночным ценам на водные биоресурсы.

Компенсационные платежи за незаконный вылов собираются и обычно распределяются без прямой связи с расходами на восстановление окружающей среды. При этом фактически ущерб за незаконный вылов водных биоресурсов поступает в бюджет без каких-либо гарантий того, что взысканные средства будут направлены на возмещение ущерба и восстановление окружающей среды. При существующих условиях, когда восстановление нарушенных незаконным изъятием объектов животного мира практически невозможно и не осуществляется на практике, возмещение ущерба превращается фактически в административное наказание. Тем самым на практике гражданско-правовая ответственность, не исполняя полностью свою функцию именно возмещения нанесенного ущерба, превращается в административную, несущую карательную функцию — суммы исков нарушителем оплачиваются как штрафные санкции [12, с. 22]. Так, существующий в стране экономический инструмент, направленный на предот-

вращение и возмещение вреда, носит преимущественно фискальный характер и не стимулирует проведение природоохранных и восстановительных мероприятий.

В связи с изложенным, в целях единого подхода к возмещению вреда, авторы считают целесообразным проведение работы по следующим направлениям:

1. Разработка Министерством сельского хозяйства России и Федеральным агентством по рыболовству, во взаимодействии с научными организациями, единого стандарта стоимостной оценки размера такс за уничтожение, незаконный вылов водных биоресурсов, который не менялся с 2000 г., и стоимости возмещения вреда хозяйствующими субъектами. Практическая реализация и применение разработки.

2. Объективное определение размера такс и стоимости возмещения вреда хозяйствующими субъектами, исходя из экономической ситуации и разумного сочетания экономических показателей теряемых и восполняемых ресурсов. При этом следует отметить, что значения этих показателей должны быть соизмеримы. Ориентирами для определения размера такс могут служить сложившиеся на рынке за последнее время стоимостные размеры возмещения вреда хозяйствующими субъектами в рамках возмещения непредотвращаемого вреда. Конечно, нельзя не отметить, что размер такс также обусловлен и другими факторами, например величиной доходов населения.

3. Разработка Министерством сельского хозяйства России института экосистемных услуг в сфере возмещения вреда, наносимого водным биоресурсам. Например, одним из таких направлений может быть временный отказ рыболовецких предприятий от осуществления рыболовства на водном объекте в обмен на выплату им со стороны хозяйствующего субъекта компенсации. Это позволит на период прекращения рыболовства восстановить часть популяций водных биоресурсов, что возместит вред, нанесенный хозяйствующим субъектом. Вместе с тем стоимостная оценка компенсации будет являться весьма сложной и нетривиальной задачей.

4. Принятие мер по фактическому возмещению вреда, причиненного водным биоресурсам вследствие их незаконного вылова.

Также авторы считают, что в государственном управлении необходим единообразный подход к возмещению вреда, причиненного в результате какой-либо деятельности — без разделения на легальную хозяйственную деятельность (например, строительство моста) и незаконную хозяйственную деятельность (например, браконьерство). Поскольку в обоих случаях субъектом нанесения вреда выступает человек,

осуществляющий какую-то деятельность, связанную с использованием природных компонентов. Это будет являться справедливым подходом к деятельности человека и более полному возмещению вреда, наносимому водным биоресурсам и среде их обитания. По мнению авторов, приведенные данные можно использовать при разработке мер государственного управления в сфере сохранения водных биоресурсов.

Литература

1. Белоус, А.И. Борьба с незаконным выловом водных биологических ресурсов в условиях Крайнего Севера / А.И. Белоус // Криминологические проблемы регионов Крайнего Севера / под ред. А.И. Долговой. — М.: Российская криминологическая ассоциация, 2015. — С. 108-112.
2. Велиева, Д.С. Сущность экологического вреда и специфика его возмещения: конституционно-правовой аспект / Д.С. Велиева // Современное право. — 2011. — № 5. — С. 43-47.
3. Водопьянова, Т.П. О возмещении вреда, причиненного окружающей среде / Т.П. Водопьянова, О.А. Варапаева // Труды БГТУ. Экономика и управление. — 2012. — № 7. — С. 56-59.
4. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2015 году». — М.: Минприроды России; НИИ-Природа. — 2016. — 639 с.
5. Гулак, Н.В. Понятие и правовые способы возмещения вреда, причиненного экологическим правонарушением / Н.В. Гулак // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. — 2015. — № 2 (52). — С. 249-250.
6. Ефимов, А.Б. К проблеме осуществления мероприятий с целью компенсации ущерба, наносимого планируемой хозяйственной деятельностью на водные биоресурсы / А.Б. Ефимов // Труды ВНИРО. — 2015. — Т. 153. — С. 175-178.
7. Жаворонкова, Н.Г. Правовые проблемы возмещения прошлого (накопленного) экологического вреда в сфере недропользования / Н.Г. Жаворонкова, В.Б. Агафонов // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 1 (62). — С. 85-92.
8. Кодолова, А.В. Публично-правовые элементы гражданско-правовой ответственности за вред окружающей среде / А.В. Кодолова // Правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде: сборник материалов Международной научно-практической конференции (МИИГАиК, ИЗиСП, 23 марта 2017 г.) / отв. ред. С.А. Боголюбов, Н.Р. Камынина, М.В. Пономарев. — М.: МИИГАиК, 2017. — 240 с. — С. 19-24.
9. Локоть, Л.И. Институт возмещения вреда в России и зарубежных странах / Л.И. Локоть, А.Г. Николаева // Актуальные проблемы государственно-правового строительства в России (региональная научная конференция, посвященная Дню юриста и Дню Конституции России): сб. статей / под редакцией И.Ю. Лупенко. — Чита, 2014. — С. 72-81.
10. Медведев, П.В. Экономическая безопасность и современные мировые тенденции в сфере оценки и возмещения экологического ущерба / П.В. Медведев, О.Е. Медведева // Интернет-журнал «Науковедение». — 2015. — Т. 7. — № 5 (30). — С. 66.
11. Медведева, О.Е. Задачи оценки экологического ущерба в Арктической зоне / О.Е. Медведева // Арктика и Север. — 2015. — № 18. — С. 131-147.
12. Мохначевский, И.И. Порядок привлечения к имущественной ответственности за вред, причиненный незаконным изъятием объектов животного мира / И.И. Мохначевский, А.А. Кардашевская // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. — 2015. — № 16. — С. 19-22.
13. Насибуллин, С.Н. Гражданско-правовая ответственность за экологические правонарушения в РФ / С.Н. Насибуллин, З.Р. Хусаинова // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. — 2013. — № 4. — С. 298-301.
14. Никишин, В.В. Теоретические проблемы возмещения экологического вреда / В.В. Никишин // Экологическое право. — 2009. — № 2/3. — С. 28-32.

15. Практическое руководство по разработке и применению мер по сохранению водных биологических ресурсов в целях возмещения вреда при ведении хозяйственной и иной деятельности: монография / под общей редакцией А.Н. Белоусова. – М.: Эдитус, 2016. – 272 с.
16. Студёнов, И.И. Компенсация ущерба, наносимого водным биоресурсам европейской части Арктики / И.И. Студёнов, А.М. Торцев, А.П. Новоселов, В.И. Павленко // Природные ресурсы и комплексное освоение прибрежных районов Арктической зоны: сб. науч. тр. – Архангельск, 2016. – С. 429-433.
17. Тихонова, Т.В. Экосистемные услуги: роль в региональной экономике и подходы к оценке / Т.В. Тихонова // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2016. – № 3 (27). – С. 134-143.
18. Шубин, Ю.П. Актуальные вопросы возмещения вреда, причиненного окружающей среде / Ю.П. Шубин // XX Юбилейные Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции, 2016. – С. 127-130.
19. Экономика сохранения биоразнообразия / под ред. А.А. Тишкова; Институт экономики природопользования. – М.: ГЭФ проект «Сохранение биоразнообразия», 2002. – 604 с.
20. Яковлев, Ю.В. Опыт возмещения вреда, причиняемого объектам животного мира и среде их обитания от реализации проектов хозяйственной деятельности на территории Иркутской области, а также вследствие нарушения природоохранного законодательства / Ю.В. Яковлев, П.И. Жовтюк, А.В. Синько // Байкальский зоологический журнал. – 2015. – № 2 (17). – С. 97-100.
21. Cunha, D.R., Moneva, J. M. Environmental Reporting of Global Oil Companies // International Research Journal of Finance and Economics. – 2016. – Issue 158. – P. 84-99.
22. Dickie, I., McAleese, L., Pearce, B., Treweek, J. Marine Biodiversity Offsetting – UK Scoping Study. Report to The Crown Estate. – 2013.
23. Fernandez, D.P., Andrews, C.P., Conrecode, J.R. Reporting Contingencies: Environmental Liabilities // Journal of Business Case Studies. – 2012. – Volume 8. – Number 2. – P. 123-133.
24. Levrel, H., Jacob, C., Bailly, D., Charles, M., Guyader, O., Aoubid, S., Bas, A., Cujus, A., Frésard, M., Girard, S., Hay, J., Laurans, Y., Paillet, J., Pérez Agúndez, J.A., Mongruel, R. The maintenance costs of marine natural capital: A case study from the initial assessment of the Marine Strategy Framework Directive in France // Marine Policy. – 2014. – № 49. – P. 37-47.
25. Levrel, H., Pioch, S., Spieler, R. Compensatory mitigation in marine ecosystems: Which indicators for assessing the «no net loss» goal of ecosystem services and ecological functions? // Marine Policy. – 2012. – № 36. – P. 1202-1210.
26. Policy for the Assessment of Civil Administrative Penalties and Permit Sanctions NOAA Office of the General Counsel – Enforcement and Litigation [Электронный ресурс] // National Marine Fisheries Service National Oceanic and Atmospheric Administration USA.
27. Refocusing Economic and Other Monetary Instruments for Greater Environmental Impact: How to Unblock Reform in Eastern Europe, Caucasus and Central Asia, OECD Publishing, 2012. – P. 33.
28. Tortsev, A., Studenov, I. The Russian system of public administration by compensation of the damage, caused to water bioresources Arctic zone // Modern European Researches. – 2016. – № 3. – P. 118-125.

Сведения об авторах

Алексей Михайлович Торцев – научный сотрудник лаборатории управления водными экосистемами АЗРФ, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Российской академии наук (Российская Федерация, 163000, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23; e-mail: torzevalex@yandex.ru)

Игорь Иванович Студёнов – кандидат биологических наук, заведующий лабораторией биоресурсов внутренних водоёмов, заведующий лабораторией управления водными экосистемами АЗРФ, Северный филиал Полярного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии им. Н.М. Книповича, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Российской академии наук (Российская Федерация, 163000, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 17; e-mail: studenov@pinro.ru)

Александр Николаевич Белоусов – член-корреспондент РАЕН, заслуженный работник рыбного хозяйства Российской Федерации, консультант (г. Москва; e-mail: belofish@rambler.ru)

Tortsev A.M., Studenov I.I., Belousov A.N.

Comparative Analysis of Domestic Approaches to Compensation for Damage Caused to Water Bioresources

Abstract. Issues related to renewable natural resources and compensation for damage to resources as a result of economic activities are in the focus of Russian and foreign scientists. The article presents domestic approaches to compensation for harm caused to water bioresources and their habitats. The purpose for the research is to conduct comparative analysis of two existing Russian approaches to compensation for harm caused to water bioresources: as a result of economic activities (construction of facilities, pipeline stringing, etc.) and illegal fishery of water biological resources (poaching). The authors conduct analysis of open data on water biological resources linkage, fishery yield and value characteristics of compensation through artificial reproduction of water bioresources as the main direction of natural resource recovery. The authors use data on the Arkhangelsk and Murmansk oblasts, Republic of Karelia, Komi Republic. They cover the issues of damage compensation from illegal extraction of water bioresources with use of the fixed charge approach. It has been established that business entities which compensate for the damage caused to natural resources resulting from the economic activities bear greater costs than those engaged in poaching in these regions. In this case, the same natural resource is affected. The authors have developed measures to improve state control in the sphere of compensation in the Russian Federation. It is appropriate to have a unified approach to ecosystem recovery regardless of the type of activities undertaken.

Key words: water bioresources, compensation, value, fixed charges, state control.

References

1. Belous A.I. Bor'ba s nezakonnym vylovom vodnykh biologicheskikh resursov v usloviyakh Krainego Severa [Suppression of illegal extraction of water bioresources in the Far North]. *Kriminologicheskie problemy regionov Krainego Severa* [Criminological issues of the Far Northern regions], 2015. Pp. 108-112. (In Russian).
2. Velieva D.S. Sushchnost' ekologicheskogo vreda i spetsifika ego vozmeshcheniya: konstitutsionno-pravovoi aspect [Environmental damage and specific features of its compensation: constitutional and legal aspects]. *Sovremennoe pravo* [The modern law], 2011, no. 5, pp. 43-47.
3. Vodop'yanova T.P., Varapaeva, O.A. O vozmeshchenii vreda, prichinennogo okruzhayushchei srede [On compensation for environmental damage]. *Trudy BGTU. Ekonomika i upravlenie* [Proceedings of BSTU. Economics and management], 2012, no. 7, pp. 56-59.
4. Gosudarstvennyi doklad "O sostoyanii i ob okhrane okruzhayushchei sredy Rossiiskoi Federatsii v 2015 godu" [State report "On environment state and protection in the Russian federation in 2015"]. Moscow: Minprirody Rossii; NIA-Priroda, 2016. 639 p.
5. Gulak N.V. Ponyatie i pravovye sposoby vozmeshcheniya vreda, prichinennogo ekologicheskim pravonarusheniem [Definition and legal ways of compensation for environmental crimes]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State Agrarian University], 2015, no. 2 (52), pp. 249-250.
6. Efimov A.B. K probleme osushchestvleniya meropriyatii s tsel'yu kompensatsii ushcherba, nanosimogo planiruemoi khozyaistvennoi deyatel'nost'yu na vodnye bioresursy [About the problem of compensation for damage to the water bioresources caused by the planned economic activity]. *Trudy VNIRO*, 2015, vol. 153, pp. 175-178.
7. Zhavoronkova N.G., Agafonov, V.B. Pravovye problemy vozmeshcheniya proshlogo (nakoplenno) ekologicheskogo vreda v sfere nedropol'zovaniya [Legal problems of compensating for the past (accumulated) environmental harm in the sphere of subsoil management]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Relevant issues of the Russian Law], 2016, no. 1 (62), pp. 85-92.
8. Kodolova A.V. Publichno-pravovye elementy grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti za vred okruzhayushchei srede [Public and legal elements of civil-legal responsibility for environmental damage]. *Pravovye problemy vozmeshcheniya vreda, prichinennogo okruzhayushchei srede: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (MIIGAiK, IZiSP, 23 marta 2017 g.)* [Legal issues of environmental damage

- compensation: collection of materials of the International Scientific Conference (MIIGAiK, IZiSP, 23rd March, 2017)]. Moscow: MIIGAiK, 2017. 240 p. Pp. 19-24.
9. Lokot' L.I., Nikolaeva A.G. Institut vozmeshcheniya vreda v Rossii i zarubezhnykh stranakh [Institution of damage compensation in Russia and abroad]. "Aktual'nye problemy gosudarstvenno-pravovogo stroitel'stva v Rossii", regional'naya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya Dnyu yurista i Dnyu Konstitutsii Rossii: sbornik statei ["Relevant issues of state legal development in Russia", regional scientific conference devoted to Lawyer's Day and Constitution Day: collection of articles], 2014. Pp. 72-81.
  10. Medvedev P.V., Medvedeva O.E. Ekonomicheskaya bezopasnost' i sovremennye mirovye tendentsii v sfere otsenki i vozmeshcheniya ekologicheskogo ushcherba [Economic security and modern global trends in environmental damage assessment and compensation]. *Internet-zhurnal Naukovedenie* [Scientific open access journal "Naukovedenie"], 2015, vol. 7, no. 5 (30), p. 66.
  11. Medvedeva O.E. Zadachi otsenki ekologicheskogo ushcherba v Arkticheskoi zone [The tasks of the assessment of environmental damage in the Arctic]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2015, no. 18, pp. 131-147.
  12. Mokhnachevskii I.I., Kardashevskaya, A.A. Poryadok privlecheniya k imushchestvennoi otvetstvennosti za vred, prichinennyi nezakonnym iz'yatiem ob'ektov zhivotnogo mira [The procedure for prosecution for damage caused by illegal extraction of fauna objects]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie v XXI veke: teoriya, metodologiya, praktika* [State and municipal administration in the 21st century: theory, methodology, practice], 2015, no. 16, pp. 19-22.
  13. Nasibullin S.N., Khusainova, Z.R. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za ekologicheskie pravonarusheniya v RF [Civil and legal responsibility for environmental crimes in Russia]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezul'taty* [Fundamental and applied research: issues and results], 2013, no. 4, pp. 298-301.
  14. Nikishin V.V. Teoreticheskie problemy vozmeshcheniya ekologicheskogo vreda [Theoretical issues of environmental damage compensation]. *Ekologicheskoe parvo* [Environmental law], 2009, no. 2/3, pp. 28-32.
  15. Belousov A.N. (Ed.). *Prakticheskoe rukovodstvo po razrabotke i primeneniyu mer po sokhraneniyu vodnykh biologicheskikh resursov v tselyakh vozmeshcheniya vreda pri vedenii khozyaistvennoi i inoi deyatel'nosti. Monografiya* [Practical guide to the development and application of measures to preserve water bioresources in order to compensate for damage caused by economic and other activities. Monograph]. Moscow: Editus, 2016. 272 p.
  16. Studenov I.I., Tortsev A.M., Novoselov A.P., Pavlenko V.I. Kompensatsiya ushcherba, nanosimogo vodnym bioresursam evropeiskoi chasti Arktiki []. *Prirodnye resursy i kompleksnoe osvoenie pribrezhnykh raionov Arkticheskoi zony. Sbornik nauchnykh trudov* [Natural resources and complex development of coastal areas of the Arctic zone]. Arkhangel'sk, 2016. Pp. 429-433.
  17. Tikhonova T.V. Ekosistemnye uslugi: rol' v regional'noi ekonomike i podkhody k otsenke [Ecosystem services: the role in regional economy and the approaches to evaluation]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN* [Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences], 2016, no. 3 (27), pp. 134-143.
  18. Shubin Yu.P. Aktual'nye voprosy vozmeshcheniya vreda, prichinennogo okruzhayushchei sfere [Relevant issues of environmental damage compensation]. *XX Yubileinye Tsarskosel'skie chteniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [20th Anniversary Tsarskosel'skie readings. Proceedings of the international scientific conference], 2016. Pp. 127-130.
  19. Tishkov A.A. (Ed.). *Ekonomika sokhraneniya bioraznoobraziya* [Biodiversity preservation economy]. Institut ekonomiki prirodopol'zovaniya [Institute for Environmental Economics]. Moscow: GEF proekt "Sokhranenie bioraznoobraziya", 2002. 604 p.
  20. Yakovlev Yu.V., Zhovtyuk P.I., Sin'ko A.V. Opyt vozmeshcheniya vreda, prichinyaemogo ob'ektam zhivotnogo mira i sfere ikh obitaniya ot realizatsii proektov khozyaistvennoi deyatel'nosti na territorii Irkutskoi oblasti, a takzhe vsledstvie narusheniya prirodookhrannogo zakonodatel'stva [Experience of compensation for damage caused to fauna objects and their habitats as a result of implementation of economic projects in the Irkutsk Oblast, as well as from violation of environmental legislation]. *Baikal'skii zoologicheskii zhurnal* [Baikal zoological journal], 2015, no. 2 (17), pp. 97-100.
  21. Cunha D.R., Moneva J. M. Environmental Reporting of Global Oil Companies. *International Research Journal of Finance and Economics*, 2016, issue 158, pp. 84-99.
  22. Dickie I., McAleese L., Pearce B., Treweek J. Marine Biodiversity Offsetting – UK Scoping Study. *Report to The Crown Estate*, 2013.

23. Fernandez D.P., Andrews C.P., Conrecode J.R. Reporting Contingencies: Environmental Liabilities. *Journal of Business Case Studies*, 2012, vol. 8, no. 2, pp. 123-133.
24. Levrel H., Jacob C., Bailly D., Charles M., Guyader O., Aoubid S., Bas A., Cujus A., Frésard M., Girard S., Hay J., Laurans Y., Paillet J., Pérez Agúndez J.A., Mongruel R. The maintenance costs of marine natural capital: A case study from the initial assessment of the Marine Strategy Framework Directive in France. *Marine Policy*, 2014, no. 49, pp. 37-47.
25. Levrel H., Pioch S., Spieler R. Compensatory mitigation in marine ecosystems: Which indicators for assessing the «no net loss» goal of ecosystem services and ecological functions? *Marine Policy*, 2012, no. 36, pp. 1202-1210.
26. Policy for the Assessment of Civil Administrative Penalties and Permit Sanctions NOAA Office of the General Counsel – Enforcement and Litigation. *National Marine Fisheries Service National Oceanic and Atmospheric Administration USA*.
27. *Refocusing Economic and Other Monetary Instruments for Greater Environmental Impact: How to Unblock Reform in Eastern Europe, Caucasus and Central Asia*. OECD Publishing, 2012. 33 p.
28. Tortsev A., Studenov I. The Russian system of public administration by compensation of the damage, caused to water bioresources Arctic zone. *Modern European Researches*, 2016, no. 3, pp. 118-125.

Information about the Authors

Aleksei Mikhailovich Tortsev – Research Associate at Laboratory for Water Ecosystems Management of the Arctic Zone of the Russian Federation, RAS Academician N.P. Laverov Federal Research Center for Integrated Arctic Research (23, Severnoi Dviny Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: torzevalex@fciactic.ru)

Igor' Ivanovich Studenov – Ph.D. in Biology, Head of Laboratory Bioresources of Inland Waters, Head of Laboratory for Water Ecosystems Management of the Arctic Zone of the Russian Federation, norther Branch of Knipovich Polar Research Institute of Marine Fisheries and Oceanography, RAS Academician N.P. Laverov Federal Research Center for Integrated Arctic Research (17, Uritsky Street, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: studenov@pinro.ru)

Aleksandr Nikolaevich Belousov – Honored Fishery Worker of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Supervisor of the UNDP/GEF-Ministry of Natural Resources and Environment of Russia project “Mainstreaming Biodiversity Conservation into Russia’s Energy Sector Policies and Operations” (9, Leont’evskii Lane, Moscow, 124009, Russian Federation; e-mail: belofish@rambler.ru)

Статья поступила 10.03.2017.

К вопросу о взаимодействии власти, бизнеса и общества в решении задач развития территорий

**Екатерина Дмитриевна
КОПЫТОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru

Аннотация. Современный этап социально-экономического развития ведущих стран характеризуется активизацией взаимоотношений государства, бизнеса и общества. В условиях повышения самостоятельности территорий хозяйствующие субъекты выступают в качестве одного из источников финансирования решения наиболее острых проблем, приоритетность которых невозможно определить без участия населения. Изучение эволюции взаимодействия органов власти, бизнеса и общества в России свидетельствует о том, что степень государственного участия в экономике зависит от особенностей национального пути развития на различных этапах, что предопределяет многообразие моделей такого взаимодействия. На основе обобщения работ отечественных и зарубежных ученых систематизированы сложившиеся модели трехстороннего взаимодействия. В работе проведен анализ реализации органами власти совместных с бизнесом проектов и программ на территории РФ, на примере Вологодской области выявлены формы участия общества в решении региональных проблем. Совершенствование рассматриваемого взаимодействия позволит объединить усилия всех сторон для решения приоритетных задач развития территории. В связи с этим автором предложен комплекс рекомендаций для органов власти по развитию трехстороннего взаимодействия. В работе использованы системный подход, структурно-функциональный анализ, метод экспертных оценок, группировки, сравнения и обобщения, а также табличные и графические приемы визуализации данных. Информационной базой исследования послужили законодательные акты и иные нормативно-правовые документы органов государственной власти и управления, официальные данные Минэкономразвития,

Для цитирования: Копытова, Е.Д. К вопросу о взаимодействии власти, бизнеса и общества в решении задач развития территорий / Е.Д. Копытова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 197-215. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.14

For citation: Kopytova E.D. Revisiting the development of cooperation between the state, business, and society in addressing territorial development issues. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 197-215. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.14

Российского союза промышленников и предпринимателей. Кроме того, использовались материалы опроса руководителей предприятий г. Вологды, проведенного ВолНЦ РАН при непосредственном участии автора. Материалы статьи могут быть применены в научной, образовательной деятельности. Они представляют практический интерес для органов власти и управления, совершенствующих экономическую политику с целью активизации участия бизнес-структур и общества в решении проблем территорий.

Ключевые слова: взаимодействие, органы власти, бизнес, общество, развитие территорий, проектное управление, мониторинг.

Введение. В условиях затянувшегося экономического спада практически во всех субъектах РФ происходит обострение социальных проблем. При этом финансово-экономические возможности региональных и муниципальных органов власти по их решению за счет бюджетных ресурсов весьма ограничены. В таких обстоятельствах регионам необходимо искать дополнительные источники финансирования для развития территорий. Однако привлечение этих средств невозможно без активизации участия в социальных процессах всех субъектов экономических отношений и объединения их усилий и ресурсов.

Характер современных процессов, происходящих в обществе, проявляющийся в быстром развитии сферы обслуживания и информационных технологий, осознании ценности человеческого капитала и важности регулирования социальной стабильности в государстве, повышении роли бизнеса в развитии территорий вызывает необходимость поиска оптимальных форм взаимоотношений основных экономических агентов [10].

Методология и методы исследования. Методическую основу исследования составляют принципы экономического и статистического анализа, методы обобщения и экспертного опроса. Методологическую основу — труды отечественных и зарубежных экономистов в области региональной экономики. В частности, в исследованиях ведущих российских (В.Г. Варнавский [4], Г.Б. Клейнер [9], В.Н. Лексин [11], М.И. Либоракина [7], А.И. Татаркин [20], В.Ф. Уколов [22], Т.В. Ускова [24], В.Н. Якимец [26] и др.) и зарубежных (А. Кэрролл [27], Р. Фримэн [28] и др.) ученых доказано, что объединяющим звеном этих концепций должно стать признание значимости партнерского взаимодействия власти, бизнеса и общества для обеспечения социально-экономического

развития как на общегосударственном, так и на региональном и муниципальном уровнях.

Любое общество (в том числе бизнес-сообщество) или государство обладают жизненно важными интересами, без которых невозможно их существование и развитие: для общества — это совокупность потребностей, удовлетворение которых обеспечивает возможность гармоничного совершенствования; для государства — это социально-экономическое развитие территорий; для бизнеса — это максимизация прибыли. И только непрерывное взаимовыгодное взаимодействие между этими акторами будет способствовать обеспечению высоких и устойчивых темпов развития регионов и достижению стратегических целей государственной власти.

В этой связи исследование тенденций, а также поиск инструментов управления, необходимых для развития трехстороннего взаимодействия власти, бизнеса и общества, обусловили актуальность, научную и практическую значимость и выбор цели данной работы.

Результаты исследования. Следует отметить, что взгляды на роль партнерских отношений власти, бизнеса и общества в управлении территориями неоднократно изменялись. Так, в XIX веке, согласно одному из подходов, государство способствовало повышению эффективности средств производства частных собственников (основоположниками данного подхода являются Г. Гегель и К. Маркс). Первая половина XX века характеризовалась тем, что государство представляло интересы определенной социальной группы, при этом объединение людей носило принудительный характер (А. Грамши, Г. Гинс). С середины 60–70-х годов отношения между государствами и представителями бизнеса и общества стали носить не авторитарный, а партнерский характер (Г. Лембрух, Ф. Шмиттер) [25].

Изучение эволюции взаимодействия бизнеса и власти в России позволяет констатировать заметное изменение их роли в экономической системе, расширение круга субъектов социальной политики и значительное расширение роли предпринимательских структур в решении социально-экономических проблем. Особенно активно данные преобразования проходили во 2-й половине XX века (табл. 1).

В последнее время в регионах России проявляется тенденция к формированию принципиально новой системы взаимодействия власти, бизнеса и населения. Она представляет собой не только совокупность инструментов согласования интересов взаимодействующих сторон при решении приоритетных социально-экономических проблем, но и является важнейшей составляющей процесса социализации современной российской экономики. При этом эффективное взаимодействие государства и бизнеса способствует увеличению темпов роста экономики, повышению наполняемости регионального бюджета, повышению качества жизни, развитию науки и образования, расширению доступности социально-экономической инфраструктуры, технологий, привлечению инвестиций [24].

Кроме того, взаимодействие бизнеса и власти отражает состояние общества в целом, поскольку влияет на модели, формы и технологии управления. Важно отметить, что в реальной ситуации всегда сочетаются несколько видов подобных моделей (рис. 1). В частности, территории может быть свойственна как одна из базовых моделей взаимодействия власти и бизнес-структур (идеальная, национальная, нормативная, реальная), так и модель в зависимости от уровня конфликтности (функциональная, партнерская, симбиотическая, конфликтная, либеральная и государственного патроната [17, 21]), а также в зависимости от степени участия хозяйствующих субъектов в решении задач развития регионов (добровольно-принудительная благотворительность, торг, партийная благотворительность, город-комбинат, социальное партнерство [7]).

Активным участником социально-экономической системы региона выступает гражданское общество. Его взаимодействие с органами власти может проявляться в виде партнерства, игнорирования, конфронтации, доминирования [19]. Существуют и другие классификации моделей такого взаимодействия. В частности, В.Н. Якимец [26] выделяет квазисоветские

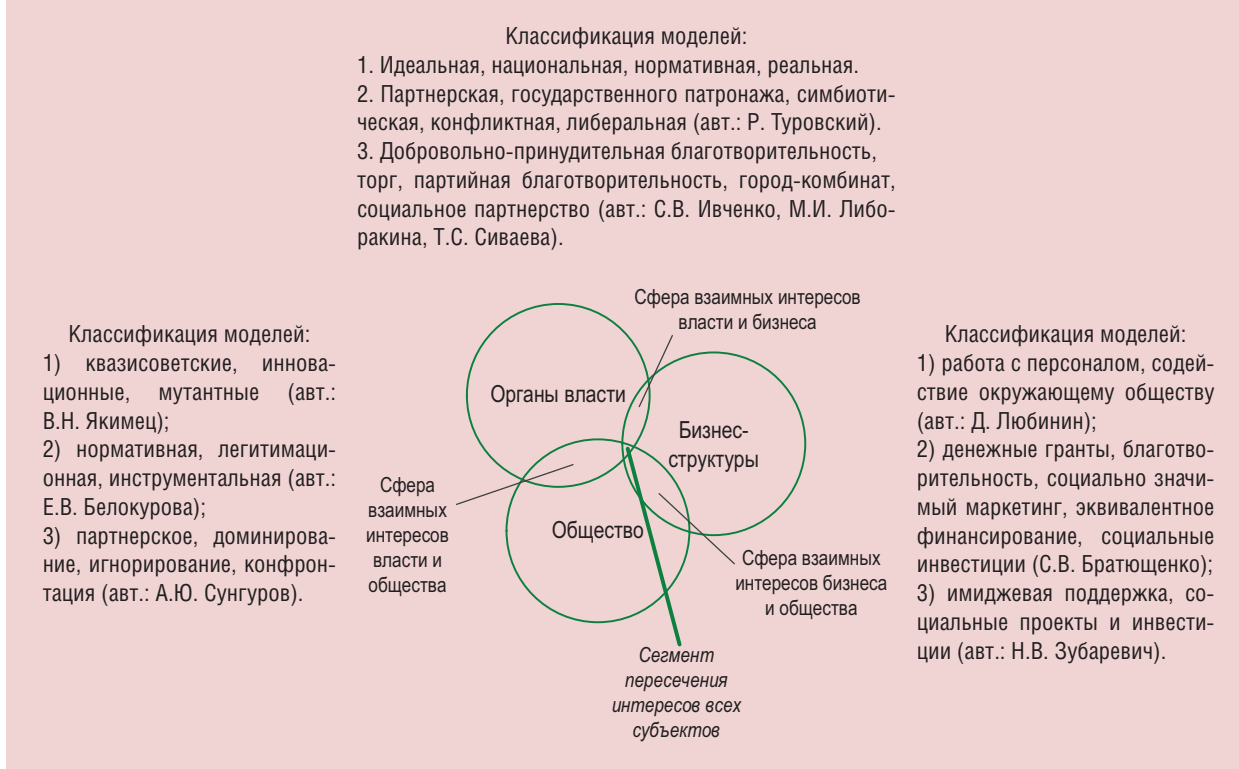
Таблица 1. Эволюция взаимодействия бизнеса и государства в экономике России (со 2-й половины XX в.)

Этап	Период	Содержание
1	1960–1979 гг.	Хозяйствующие субъекты, обладающие экономическими ресурсами, становятся ведущей силой территориального развития. Наряду с этим регион обслуживает интересы градообразующего предприятия, а он, в свою очередь, формирует и обслуживает социальную инфраструктуру.
2	1980–1989 гг.	Органы власти в большинстве случаев отстранились от вмешательства в деятельность хозяйствующих субъектов. Часть исследователей [1, 15] характеризуют данный период как время «приватизации власти» бизнесом.
3	1990–1994 гг.	Государственные ресурсы активно перемещаются в частную собственность, что способствовало снижению качества жизни, росту инфляции и социальной напряженности в обществе. В результате этого в отношении бизнес-структур органы власти реализуют стратегию жесткой финансовой, кредитной и налоговой политики, вводят ограничения, квоты и лицензии.
4	1994–1999 гг.	Период сближения власти и бизнеса, при котором государство привлекает крупнейших представителей частного сектора на высокие посты в органы власти. При этом огромный объем финансовых ресурсов сосредотачивается у группы крупнейших бизнесменов, которые активно уводят за рубеж свои капиталы.
5	1999– по наст. время	Начинают формироваться формы сотрудничества власти и бизнеса в связи с тем, что государству необходимо контролировать финансово-хозяйственную деятельность предприятий, а последним для успешного функционирования в условиях рыночной экономики необходимы «правила игры».

Составлено по: [18, 22].

Рисунок 1. Практическая реализация трехстороннего взаимодействия

(традиционно сложившиеся в советский период способы взаимоотношений граждан и власти, перенесенные в современность); инновационные (новые или крайне редко применявшиеся в доперестроечный период модели сотрудничества, появление которых стало возможным в связи с изменением государственного устройства и доминирующего типа экономических отношений) и мутантные (взаимодействия, объединившие в себе особенности первых двух видов, при этом в основе лежит некий квазисоветский вариант сотрудничества, обладающий при этом внешними свойствами, характерными для инновационных методов).

Автор другого исследования [2] предлагает использовать следующую классификацию моделей взаимодействия власти и общества:

- нормативная, основанная на либеральной традиции, в рамках которой общественные организации выступают важными институтами, осуществляющими связь между публичной и частной сферами;

- легитимационная, основанная на системном подходе, в рамках которого общест-

венные организации выполняют важные функции политической системы (функции артикуляции и агрегации интересов);

- инструментальная, основанная на общении как социальном механизме управления и передачи информации, необходимым для эффективного решения социальных проблем.

Особого внимания в рамках изучения трехстороннего взаимодействия заслуживают модели сотрудничества бизнес-структур и общества. Устоявшимся является разделение взаимодействия субъектов хозяйствования с персоналом и с окружающим сообществом [12]. С.В. Братющенко [3] выделил многообразие моделей взаимодействия данных субъектов: денежные гранты; благотворительные пожертвования и спонсорская помощь; социально значимый маркетинг, суть которого состоит в направлении процента от прибыли; эквивалентное финансирование, заключающееся в направлении процента от продаж конкретного товара на реализацию социальных программ компании; социальные инвестиции; социальный бюджет.

Классификацию взаимодействия субъектов хозяйствования и общества в зависимости от вида реализуемой бизнесом социальной программы представила Н.В. Зубаревич [6]:

- благотворительность по типу Римской империи – разовые благотворительные проекты в преддверии выборов или региональные (городские) празднования;
- систематическая имиджевая поддержка социально уязвимых групп населения;
- внутренние и внешние социальные проекты и программы;
- социальные инвестиции в общество, в развитие человеческого капитала (вложения в образовательные проекты, в здоровье населения, спортивные мероприятия и т.д.);
- вход бизнеса во власть (улучшение администрирования территорий в своих интересах и интересах устойчивого социального развития местных сообществ).

Изучение теоретических аспектов взаимодействия власти, бизнеса и общества позволяет сделать вывод о большом количестве и много-

образии классификаций моделей данного сотрудничества. В настоящее время оно используется как беспроигрышная модель с высоким потенциалом, в которой партнерские отношения между равноправными стейкхолдерами расширяют возможности решения актуальных социально-экономических проблем и вносят существенный вклад в развитие гражданского общества (рис. 2) [8, 29, 30].

По отдельности каждая из сотрудничающих сторон, обладая определенными специфическими ресурсами, не способна удовлетворить все общественные потребности. Однако при объединении ресурсов достигается синергетический эффект, суть которого состоит в том, что итог партнерского взаимодействия дает не просто сумму объединенных ресурсов, а превосходящий результат.

Именно поэтому совместные проекты становятся основополагающим инструментом развития экономики территорий, привлечения инвестиций, повышения качества оказываемых населению услуг. По состоянию на 01.01.2016

Рисунок 2. Социально-экономическая значимость взаимодействия власти, бизнеса и общества

года на территории РФ реализуется 873 проекта, по которым заключены соответствующие соглашения суммарным объемом частных средств 640,3 млрд. руб. (на федеральном уровне 12 проектов на сумму 133,7 млрд. руб.; на региональном уровне 104 проекта на сумму 408,1 млрд. руб.; на муниципальном уровне 757 проектов на сумму 98,5 млрд. руб.) [16].

Однако потенциал такого взаимодействия используется не в полной мере. Выявлено, что отношение объема частных средств в совместных с органами власти проектах к номинальному валовому внутреннему продукту России составляет менее 1%. Данное соотношение, по экспертным оценкам, должно находиться на уровне примерно 4–5%. Только в этом случае можно будет непосредственно говорить о системном привлечении в экономику России средств на принципах партнерства органов власти, бизнес-структур и общества [16].

Анализ опыта реализации проектов партнерства власти и бизнеса в отраслевом разрезе показывает следующие особенности (табл. 2):

- наиболее востребованными в сфере транспортной инфраструктуры являются проекты по строительству автомобильных дорог и инфраструктуры (при этом федеральный и региональный уровни имеют равное количество проектов – 10 единиц);
- в социальной сфере больше всего проектов реализуется в отрасли здравоохранения на региональном уровне (45 проектов) и обра-

зования на муниципальном уровне (43 проекта); отрасль здравоохранения традиционно привлекательна тем, что есть достаточный гарантированный поток через платные услуги [16];

- коммунальная инфраструктура представлена проектами на муниципальном уровне в области системы водоснабжения и водоотведения (310 проектов), а также производства и передачи тепловой энергии (280 проектов); на региональном уровне осуществляется 11 проектов в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами;

- проекты в энергетической инфраструктуре реализуются только на муниципальном уровне.

Стоит сказать об объеме средств, привлекаемых к реализации проектов со стороны частного сектора. По итогам 2014 года было привлечено 200,9 млрд. рублей таких средств. Наиболее активным в этом плане из федеральных округов является Центральный (102,3 млрд. руб.; рис. 3). Худшая ситуация в привлечении ресурсов бизнеса наблюдается в Северо-Кавказском (655,5 млн. руб.) и Северо-Западном (4,1 млрд. руб.) федеральных округах, где большую долю в таких проектах составляют бюджетные средства.

При этом география благотворительной поддержки распределилась аналогичным образом (рис. 4). По данным конкурса «Лидеры корпоративной благотворительности»¹, который проводит организация «Форум доноров»²,

Таблица 2. Реализация совместных проектов власти и бизнеса в разрезе отраслей инфраструктуры на территории РФ по состоянию на 2015 год

Отрасль реализации проекта	Уровень локализации проекта			Общее количество проектов
	Федеральный	Региональный	Муниципальный	
Транспортная	12	25	10	47
Социальная	1	76	95	172
Коммунальная	0	11	615	626
Энергетическая	0	0	28	28

Источники: данные Минэкономразвития России; расчеты Центра развития ГЧП.

¹ В исследовании 2016 года приняло участие 60 российских и международных компаний с общим оборотом более 100 млн. рублей в 2015 году, осуществляющих свою благотворительную деятельность на территории Российской Федерации. Расходы на социальные и благотворительные проекты по итогам 2015 года раскрыты 56 участниками. Исходя из предоставленных данных, отметим, что они потратили на благотворительность и социальную поддержку почти 20 млрд. рублей.

² «Форум доноров» – партнерство крупнейших российских и иностранных благотворительных (донорских) организаций, работающих в России. Официальный сайт: <http://www.donorsforum.ru/>

Рисунок 3. Объем средств, привлекаемых в партнерские проекты власти и бизнеса, в разрезе федеральных округов РФ в 2014 году [16]

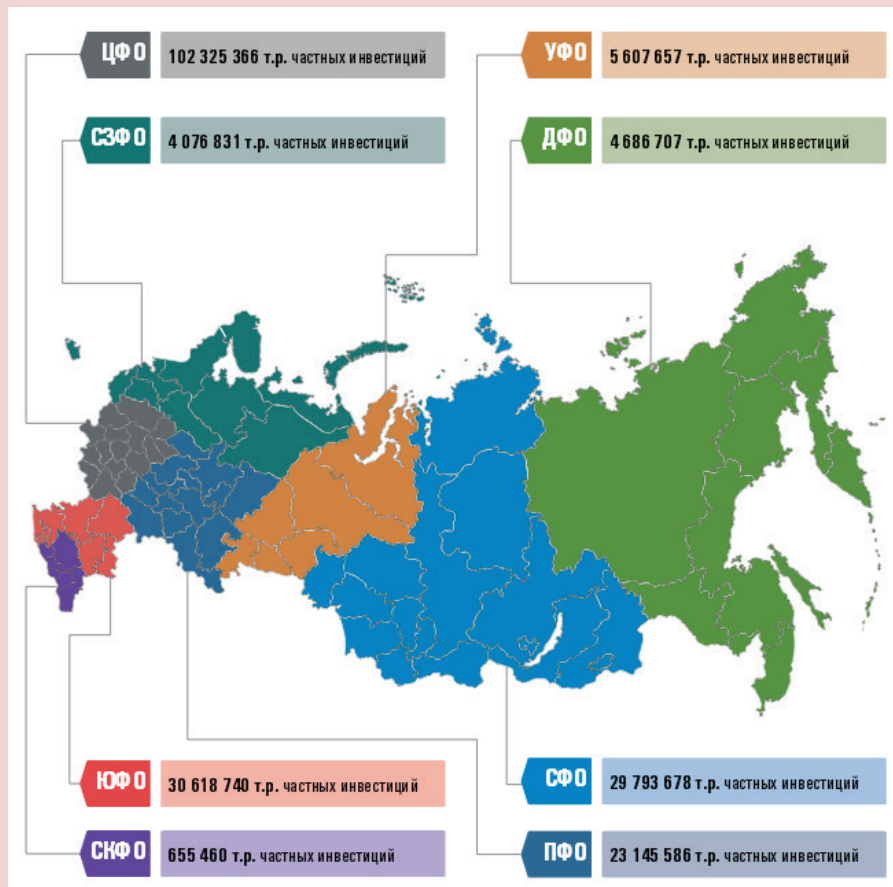
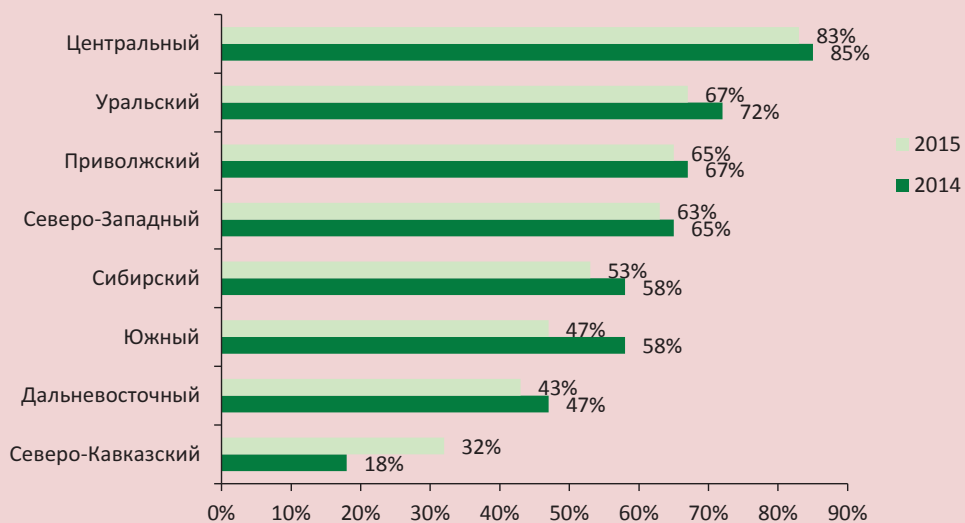

Рисунок 4. География благотворительной деятельности бизнес-структур в разрезе федеральных округов РФ в 2014–2015 гг. [5]

в фокусе внимания участников проекта наиболее часто оказывались благополучатели из Центральной России, Урала и Поволжья.

Что касается участия хозяйствующих субъектов в решении задач развития территорий посредством реализации социальных программ, то, несмотря на увеличение за 2013–2015 гг. их количества почти в 1,5 раза по сравнению с числом программ, направленных на работников компании, социальных программ пока значительно меньше (табл. 3). Это свидетельствует о том, что больше внимания они уделяют развитию своих работников.

Однако участие хозяйствующих субъектов в решении вопросов социально-экономического развития территорий может быть значительно расширено. Это подтверждается результатами проводимого Ассоциацией менеджеров России ежегодного опроса руководителей организаций по оценке роли российских предприятий

в решении социально-экономических проблем. Большинство опрошенных (52,9%) негативно относятся к ситуации, когда основополагающие функции по социальному обслуживанию населения перекладываются на хозяйствующие субъекты. Мнения респондентов сталкиваются в той части, что предприятия не предназначены для выполнения данных задач, они отчисляют в бюджет налоговые платежи, следовательно, в распоряжении государства имеются необходимые ресурсы для осуществления этой деятельности.

Такого же мнения придерживаются и руководители хозяйствующих субъектов г. Вологды. Более 70% руководителей предприятий областного центра считают, что бизнес должен соблюдать базовое социальное законодательство, т.е. обеспечивать выплату достойной, «белой» заработной платы (76%) и безопасные условия труда, социальную защиту своих работников (70%).

Таблица 3. Практика российских бизнес-структур в области реализации социальных программ*

Отраслевая принадлежность хозяйствующих субъектов	Кол-во хозяйствующих субъектов		Программы							
			Всего		направленные на работников компании		направленные на внешнее сообщество		Кодексы, политики, стандарты	
	2013 г.	2015 г.	2013 г.	2015 г.	2013 г.	2015 г.	2013 г.	2015 г.	2013 г.	2015 г.
Нефтегазовая	17	21	51	70	22	25	17	24	12	21
Энергетика	19	25	30	54	14	15	10	13	6	26
Металлургическая и горнодобывающая	18	21	44	74	28	30	13	23	3	21
Производство машин и оборудования	18	21	26	34	20	23	3	3	3	8
Химическая	9	10	18	23	8	8	4	9	6	6
Деревообрабатывающая	1	2	1	2	1	1	–	–	–	1
Производство пищевых продуктов	4	5	14	16	6	6	4	5	4	5
Телекоммуникационная	5	6	7	8	3	3	4	4	–	1
Финансы и страхование	8	11	17	26	6	6	6	9	5	11
ЖКХ и бытовое обслуживание	2	3	4	5	1	1	1	2	2	2
Розничная торговля	2	3	3	4	2	2	1	1	–	1
Транспорт и дорожное хозяйство	10	10	22	24	13	13	3	5	6	6
Общественное питание	1	1	1	1	1	1	–	–	–	–
Строительство	3	3	6	8	3	4	3	4	–	–
Сельское и лесное хозяйство	3	3	5	5	2	2	3	3	–	–
Образование, наука, культура	2	2	2	2	1	1	1	1	–	–
Прочие виды услуг	4	1	5	1	4	–	1	1	–	–
Итого	126	155	256	365	135	145	74	111	47	109

* Составлено по: [14].

Около половины руководителей уверены, что от них требуется соблюдать взятые на себя обязательства перед деловыми партнерами (42%) и потребителями, обеспечивать выпуск качественной продукции (54%). По мнению четверти респондентов, участие в развитии территории присутствия может ограничиваться только уплатой налогов³.

Вместе с тем только одни предприятия и организации территории не могут удовлетворить потребности жителей. В улучшении ситуации должны быть заинтересованы прежде всего органы власти, работодатели и профсоюзы, как основные стороны производственных и социальных отношений.

В Вологодской области органами местного самоуправления совместно с отдельными представителями бизнеса и их ассоциациями, с общественными объединениями работодателей и профсоюзами области регулярно осуществляется работа по развитию социального партнерства, и в первую очередь с целью совершенствования практик заключения коллективных договоров и соглашений. Законодательной базой деятельности институтов социального партнерства являются законы Вологодской области «О социальном партнерстве в Вологодской области» (с последующими изменениями) от 29 ноября 1996 года № 120-ОЗ, «Об общественной палате Вологодской области» (с изм. 29.06.2016 г.) от 02 июля 2008 года № 1811-ОЗ.

Кроме того, регулярно заключаются региональные соглашения между Правительством области, профсоюзами и работодателями по созданию условий для реализации гражданами своих прав на достойный труд и его оплату, на свободное развитие человека, для сокращения разрыва между наиболее и наименее обеспеченными слоями населения и др.

Наиболее распространены такие формы взаимодействия региональных органов власти и населения, как работа с письмами и обращениями и личный прием граждан по различным вопросам, общественные экспертизы, област-

ные информационные дни, работа Общественной палаты области. В городах и районах функционируют приемные Губернатора Вологодской области, налажена система общественных слушаний областного бюджета и значимых для развития области законодательных актов.

Среди неэкономических форм взаимодействия власти, бизнеса и населения в Вологодской области можно выделить прежде всего совместные общественные мероприятия, открытые советы, лоббирование интересов, а также публичные слушания.

При всем разнообразии методов связей с общественностью необходимым компонентом каждого из них является коммуникация, предполагающая взаимный обмен информацией о целях деятельности, интересах и запросах, предлагаемых сторонами путях и методах решения проблем, учет мнений и точек зрения. Важную роль в выполнении этой задачи на протяжении многих лет играет Общественная палата Вологодской области, в состав которой входят представители различных некоммерческих организаций и политических партий, защищающих интересы определенных слоев и социальных категорий.

На сегодняшний день Областная общественная палата – это востребованный общественный институт. Во-первых, это возможность прямого диалога с органами государственного управления, публичного выражения интересов своих социальных групп. Во-вторых, общественным объединениям предоставлена возможность свободно проводить общественную экспертизу проектов решений органов государственной власти и тем самым способствовать реализации своих программных целей и задач. В-третьих, обладая достаточным интеллектуальным, профессиональным и политическим потенциалом, действуя добровольно и организованно, некоммерческие организации зарекомендовали себя надежными социальными партнерами органов власти при выполнении общественно значимых программ. В-четвертых, Областная общественная палата играет важную роль в социально-экономической и политической жизни региона, способствует консолидации общественных объединений, основных политических сил, органов исполнительной и законодательной власти, сохранению стабильной общественно-политической ситуации, реализации социальных проектов [8].

³ Вологодским научным центром РАН при непосредственном участии автора в августе–сентябре 2015 года проведен опрос руководителей организаций с целью определения их отношения к сущности экономической категории «социальная ответственность бизнеса», выявления направлений повышения социальной ответственности бизнеса.

Особое место в сфере реализации общественно значимых проектов занимают социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО), деятельность которых поддерживается Правительством Вологодской области на основании Закона Вологодской области от 18.10.2013 года № 3184-ОЗ. По состоянию на 31.12.2016 года в области зарегистрировано 1894 НКО, 899 из них – общественные организации. При этом с каждым годом увеличивается количество вовлекаемых в них граждан, а также общественно полезных проектов, реализуемых в регионе.

Таким образом, взаимодействие власти, бизнеса и населения на территории России в настоящее время осуществляется достаточно активно. Однако при этом оно не всегда носит системный и комплексный характер, зачастую не имеет должной ресурсной поддержки и в результате влияет на социально-экономическую политику региона не так значительно, как это необходимо в современных условиях.

В связи с этим одной из важнейших задач региональных органов является *использование и расширение инструментов стимулирования бизнес-структур и общества к участию в решении проблем территории*. Данная цель, по нашему мнению, может быть достигнута при реализации следующих направлений:

- развитие системы информирования и формирование мер, направленных на популяризацию и продвижение опыта участия бизнеса и общества в региональном развитии;
- формирование личной ответственности граждан за решение задач развития территорий.

Реализации первого направления будут способствовать информационная поддержка хозяйствующих субъектов, организация выставок-ярмарок социальных проектов и просветительских мероприятий, конкурса на лучшее социально ответственное предприятие-партнер, а также создание специальной страницы на сайте субъекта РФ, отражающей участие бизнеса в развитии территории. В контексте данного направления задачей органов власти является оказание совместно с научными и образовательными учреждениями методической поддержки в части подготовки и проведения обучающих программ, научно-методического сопровождения формирования социального отчета. Кроме того, предполагается организа-

ция благотворительных концертов, вырученные средства от которых будут направлены на реализацию социально значимых проектов территории.

Реализация второго направления предполагает мероприятия в сфере повышения роли социальных институтов в воспитании и развитии чувства ответственности населения, а также его вовлечения в решение региональных проблем.

В связи с повышением роли институтов гражданского общества в управлении территорией (профсоюзов, территориально-общественного самоуправления, некоммерческих организаций, добровольческих обществ, общественных советов, общественной палаты, молодежного парламента и т.п.) органы власти не могут не учитывать их мнения и должны уделять внимание их интересам.

Стоит отметить, что «фундамент» будущей личности, которая впоследствии и может стать бизнесменом, государственным служащим и т.п., закладывается в детстве, поэтому в педагогический процесс (в детском саду, в школе) необходимо включать различные инструменты по формированию ответственности. Для этого целесообразно разработать методические рекомендации родителям, воспитателям и учителям, содержащие универсальные знания, умения, навыки и основанные на опыте в данной сфере.

Органы власти и управления субъекта РФ совместно с учреждениями социальной сферы проводят мероприятия, формирующие положительный имидж социально ответственного бизнесмена, а также с целью привития подрастающему поколению ценностей добра, жертвенности, чувства личной ответственности за социально-экономическое развитие региона и сопричастности к этому. Просветительская деятельность для детей, подростков и молодежи проводится в форме лекций и семинаров, учебных видео, экскурсий на предприятия, игр и т.п.

Вовлекать население в решение проблем социально-экономического развития территории позволяют следующие методические приемы:

1. Организация экспертных советов для обсуждения вариантов решения проблем социально-экономического развития территории.

2. Развитие краудфандинга (народного финансирования) социальных инициатив. Эта деятельность заключается в разработке приложения на официальной web-странице субъекта РФ, что позволяет объединить банк объектов, нуждающихся в помощи, и возможность моментального перевода средств на реализацию конкретного проекта.

3. Разработка и внедрение мобильного приложения «Активный гражданин». Представляет собой возможность голосовать онлайн на референдумах, организуемых органами власти (голосование за восстановление парка, место установления памятника или арт-объекта, открытие нового проката велосипедов и др.).

4. Организация и проведение конкурса социальной рекламы «Мой город – моя крепость» с целью привлечения внимания к решению задач социально-экономического развития территории на принципах «город – это я», а также стимулирования активности жителей в участии в процессе управления территорией.

5. Ведение электронной базы данных об общественных объединениях и организациях для привлечения их к реализации проектов и мероприятий на основе соответствия интересов населения предлагаемому решению проблемы.

Одним из инструментов активизации участия бизнес-структур и общества в решении социально-экономических проблем территории является *проектный подход к управлению экономикой региона*, поскольку он позволяет одновременно решать несколько задач: привлекать ресурсы бизнес-структур, обеспечивать вовлечение населения в решение региональных проблем, повышать его доверие к органам власти, гармонизировать интересы сторон, развивать чувство ответственности за

развитие территории, организовывать взаимодействие и конструктивный диалог между участниками проекта.

При этом расширение использования проектного подхода требует формирования институциональных условий управления. Для этого необходимо создание офиса социального проектирования при региональном органе власти, осуществляющем полномочия в сфере стратегического планирования социально-экономического развития территории, содействие которому представляет основную цель функционирования офиса. При этом задачи специалистов состоят в развитии взаимодействия власти, бизнеса и общества; разработке инструментов привлечения хозяйствующих субъектов и населения; содействии популяризации и продвижению опыта участия в региональном развитии; в подготовке законодательных инициатив и региональных стратегий развития; проведении мониторинга развития взаимодействия власти и бизнес-структур; создании базы данных о проектах, организации и проведении круглых столов; в отборе и реализации проектов.

Как показало исследование, положительный опыт использования рассматриваемого подхода имеется в Белгородской, Вологодской и Иркутской областях, Краснодарском крае, в республиках Башкортостан (г. Уфа), Удмуртия (г. Ижевск) и др. Анализ реализации проектов в г. Вологде позволил сделать заключение о ежегодном увеличении количества проектов, а также предприятий, участвующих в них (табл. 4).

При этом определено, что осуществление таких проектов способствует поддержке социально незащищенных слоев населения, снижению социальной напряженности, росту финансово-хозяйственных показателей организаций-участников. Так, в г. Вологде в процессе

Таблица 4. Показатели по реализуемым в г. Вологде социально значимым проектам*

Показатель	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. к 2010 г., раз
Количество проектов всего, ед.	5	5	10	25	40	50	70	14,0
Количество организаций-участников всего, ед.	15	15	25	65	150	400	450	30,0
Количество предприятий-участников проекта «Забота», ед.	22	192	174	208	241	251	263	11,9
Количество точек реализации проекта «Забота», ед.	86	452	438	506	522	590	613	7,1

* Составлено по: [25].

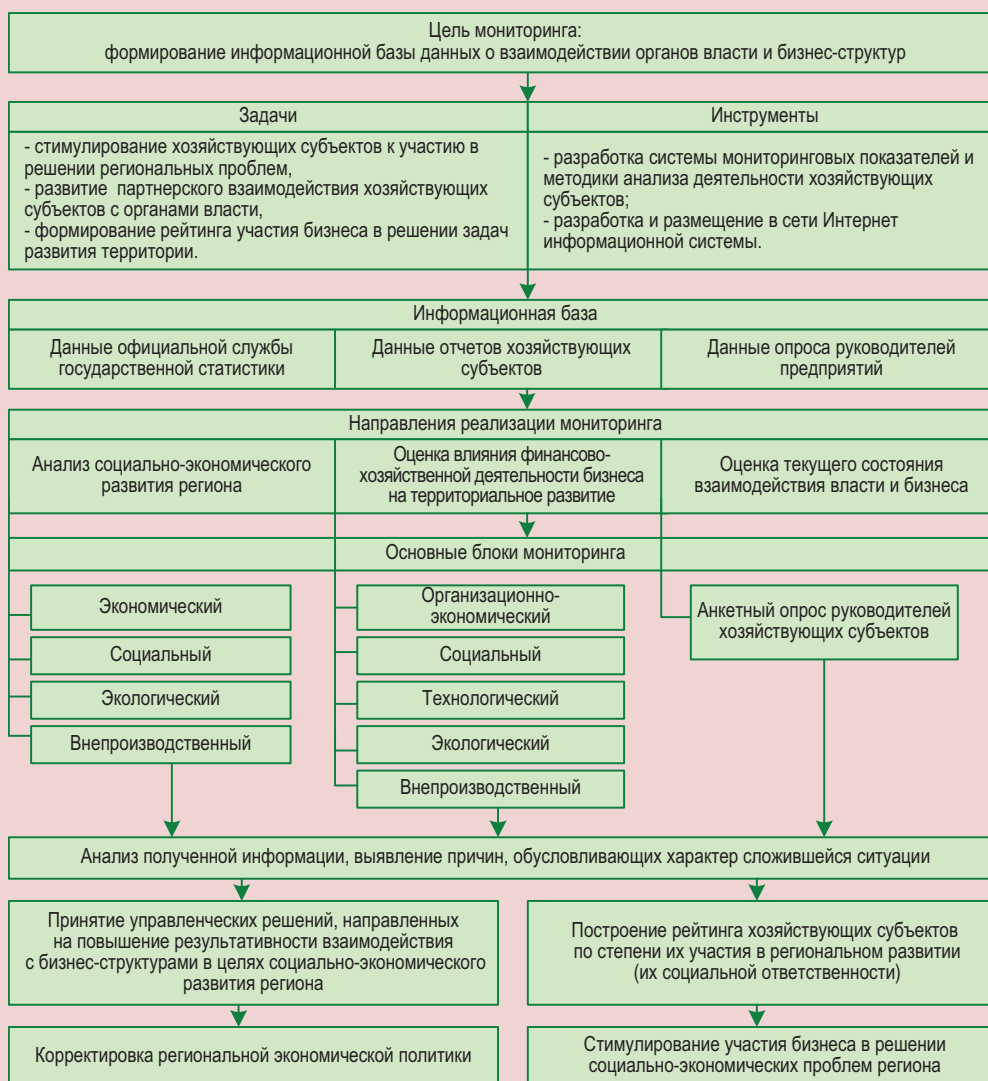
реализации проекта «Забота» экономия держателей дисконтных карт за 2009–2015 гг. составила около 150 млн. руб., объем реализованных товаров и услуг – 2,4 млрд. руб. Выгода предприятий от участия в данном проекте заключается в дополнительной рекламе, укреплении имиджа и связей с органами власти и местным сообществом, увеличении привлекательности в глазах потребителя и среди бизнес-сообщества, в повышении товарооборота, за счет которого возрастает доходность бизнеса [23].

Очевидно, что развитие взаимодействия власти и бизнеса требует своевременной кор-

ректировки региональной экономической политики. По нашему мнению, *организация системы мониторинга* данного сотрудничества служит важнейшим инструментом, способным обеспечить получение обратной связи и объективной информации для принятия эффективных управленческих решений.

Выделенные нами основные компоненты предлагаемого методического инструментария организации мониторинга взаимодействия органов власти и бизнес-структур при управлении экономикой региона представлены на рисунке 5.

Рисунок 5. Схема осуществления мониторинга взаимодействия региональных органов власти и бизнес-структур

Источник: составлено автором.

Первоначальным этапом проведения мониторинга является формирование информационной базы исследования. В качестве источников информации выступают данные официальной службы государственной статистики, федеральных и региональных органов исполнительной власти, министерств и ведомств, отчетов хозяйствующих субъектов в разрезе выделяемых блоков, опросов руководителей предприятий.

Второй этап заключается в анализе текущей ситуации. При этом немаловажным для формирования системы мониторинга взаимодействия органов власти и бизнес-структур представляется определение направлений реализации мониторинга. Изучение научных публикаций выявило недостаточность проработки его методического инструментария, который, в частности, рассматривается исключительно в аспекте реализации проектов партнерства власти и бизнеса. Кроме того, не освещена методология проведения мониторинга результатов участия хозяйствующих субъектов в социально-экономическом развитии территорий. Вместе с тем для процесса управления важна оценка достижения поставленных целей, т.е. соответствия задачам социально-экономического развития региона.

Особенность управления экономикой региона на основе взаимодействия органов власти и бизнес-структур заключается в необходимости согласования принимаемых решений с мнением хозяйствующих субъектов. В связи с этим нами предложено третье направление осуществления мониторинга — оценка текущего состояния взаимодействия власти и бизнеса, заключающееся в проведении анкетного опроса руководителей бизнес-структур об оценке их взаимодействия с органами власти и о тенденциях участия в социально-экономическом развитии территории присутствия. С помощью опроса выявляются:

- отношение представителей бизнеса к различным формам партнерства;
- региональные проблемы, устранение которых возможно с привлечением бизнеса;
- оценка текущего уровня взаимодействия данных экономических агентов;
- причины, сдерживающие его развитие.

В свете сказанного направлениями мониторинга взаимодействия власти, бизнес-структур и населения, на наш взгляд, могут быть следующие.

Первое направление — анализ социально-экономического развития региона, позволяющий оценить результаты указанного взаимодействия и его влияние на сложившуюся ситуацию. Исходя из этого данное направление предлагается отслеживать по динамике таких показателей, как:

- экономические (налоговые отчисления в региональный и местный бюджеты; объем реализованной продукции, работ, услуг; объем работ, выполненных в рамках договоров партнерства власти и бизнеса; объем инвестиций в основную капитал и др.);

- социальные (среднегодовая численность занятых в регионе; среднемесячная заработная плата работников организаций и др.);

- экологические (удельные выбросы загрязняющих веществ в атмосферу; доля используемого вторичного сырья; объем инвестиций в охрану окружающей среды и др.);

- показатели внепроизводственной сферы (количество предприятий, вовлеченных в процесс партнерства с органами власти и/или участвующих в проектах по развитию территории; количество реализованных проектов по развитию территории; объем средств, выделяемых бизнесом на финансирование социальных проектов и др.).

Основу анализа представляют данные Росстата, федеральных и региональных органов власти.

Второе направление мониторинга — оценка влияния деятельности бизнес-структур на территориальное развитие, проводимая посредством показателей, объединенных в пять блоков и характеризующих экономическую, социальную, технологическую, экологическую и внепроизводственную сферы деятельности. Информационной базой служит отчетность хозяйствующих субъектов. Результаты оценки позволяют строить рейтинг субъектов хозяйствования по степени их участия в региональном развитии.

Третье направление мониторинга — оценка текущего состояния взаимодействия власти,

бизнеса и населения. Включает проведение анкетного опроса руководителей хозяйствующих субъектов, который дает возможность оценить степень их взаимодействия и выявить причины, сдерживающие участие бизнеса и населения в развитии территорий.

Как показал выполненный нами опрос, 21% респондентов-руководителей бизнес-структур г. Вологды считают, что бизнес в той или иной мере должен нести бремя по решению социальных проблем. Причем ведущую роль в этом, по мнению бизнесменов, должны взять на себя органы местного самоуправления (80%), федеральные и региональные органы власти (73%; табл. 5). Лишь 12% опрошенных полагают, что решением социальных проблем должен заниматься малый и средний бизнес.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «Кто должен заниматься решением социальных проблем территорий?», % от числа ответивших руководителей предприятий г. Вологды

Субъект	Доля, %
Органы местного самоуправления	80
Федеральные и региональные органы власти	73
Жители	30
Крупный бизнес	29
Малый и средний бизнес	12

Выявлено, что социальные программы реализуются хозяйствующими субъектами эпизодически (41,1% респондентов) и только крупным бизнесом (32,2%). Вместе с тем бизнес готов инициировать новые проекты в спорте (33%), образовании (32%), благоустройстве территории (27%), культуре (18%) и здравоохранении (11%).

Руководители хозяйствующих субъектов, участвуя в проектах по развитию территории, ориентируются на получение дополнительных преимуществ, и прежде всего установление

положительной общественной репутации (64%), повышение доверия органов власти, партнеров, населения к их деятельности и расширение списка клиентов (48%), создание кадрового потенциала (48%), а также формирование партнерского взаимодействия с органами власти (46%).

В качестве одной из главных проблем в развитии взаимодействия с органами власти руководители опрошенных предприятий отмечают недостаточную степень освещения их участия в решении проблем территории в средствах массовой информации (табл. 6).

На последнем этапе мониторинга разрабатываются рекомендации и мероприятия, обеспечивающие расширение взаимодействия органов власти и бизнес-структур в целях социально-экономического развития региона. Рекомендации, подготовленные исходя из сформированной информационной базы, должны быть адресованы соответствующим уровням управления, в зависимости от которых выделяются следующие типы информации:

- стратегическая, предназначенная для высшего уровня управления экономикой региона и включающая в себя показатели эффективности деятельности органов власти;
- тактическая, направленная на средний уровень управления, в который входят руководители структурных подразделений;
- оперативная, предназначенная для конкретных специалистов отдельных подразделений (нижний уровень управления), используемая для решения текущих проблем [13].

Таким образом, организованный регулярный мониторинг взаимодействия региональных органов власти и бизнес-структур будет способствовать большей обоснованности внесения корректировок в региональную экономическую политику.

Таблица 6. Достаточность информации об участии бизнес-структур в решении проблем г. Вологды в средствах массовой информации, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Доля			
	Газеты	Журналы	Телевидение	Радио
Достаточно	13,1	7,1	19,0	9,5
Скорее недостаточно	36,9	32,1	26,2	29,8
Практически нет	33,3	36,9	39,3	38,1
Затрудняюсь ответить	16,7	23,8	15,5	22,6

Выводы и заключение. Следует отметить, что в условиях слабых финансово-экономических возможностей органов власти для выполнения в необходимом объеме переданных им полномочий, а также нестабильной внешнеэкономической конъюнктуры, неблагоприятно влияющие на социально-экономическую ситуацию в российских регионах, представляется перспективным развитие взаимодействия власти, бизнеса и общества.

Сложившаяся ситуация характеризуется тем, что их участие в решении социально-

экономических проблем территории используется не в полной мере. Активизация данного процесса невозможна без повышения роли государства в установлении партнерского взаимодействия между властными, предпринимательскими структурами и населением и в обеспечении баланса их интересов. Именно такое взаимодействие имеет значительный потенциал, использование которого даст синергетический эффект для социально-экономического развития российских территорий.

Литература

1. Багдасарян, В.Э. О трансформациях системы государственного управления в России [Текст] / В.Э. Багдасарян // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2010. – Т. 3. – № 2. – С. 106-110.
2. Белокурова, Е.В. Государство и благотворительные организации: трансформация моделей взаимодействия (на примере Германии и России): автореф. дис. ... канд. полит. наук / Е.В. Белокурова. – М., 2000.
3. Братющенко, С.В. Социальная ответственность предпринимательства (обзор концепций) / С.В. Братющенко // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2005. – С. 166-178.
4. Варнавский, В.Г. Партнерство государства и частного сектора: формы, проекты, риски [Текст] / В.Г. Варнавский. – М.: Наука, 2005. – С. 34-37.
5. Всё о лидерах 2016: по материалам проекта «Лидеры корпоративной благотворительности – 2016». – М.: Форум доноров, 2016. – 202 с.
6. Зубаревич, Н.В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы / Н.В. Зубаревич. – М.: Поматур, 2005.
7. Ивченко, С.В. Город и бизнес: формирование социальной ответственности российских компаний [Текст] / С.В. Ивченко, М.И. Либоракина, Т.С. Сиваева; под ред. М.И. Либоракиной. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2003.
8. Киварина, М.В. Социальное партнерство: ключевые условия эффективности / М.В. Киварина // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. – 2015. – Т. 2. – № 4-2 (2). – С. 109-117.
9. Клейнер, Г.Б. Государство – регион – отрасль – предприятие: каркас системной устойчивости экономики России. – Ч. 1 [Текст] / Г.Б. Клейнер // Экономика региона. – 2015. – № 2 (42). – С. 50-58.
10. Кулакова, Т.А. Политика изменений: административные реформы и взаимодействие государства и общества / Т.А. Кулакова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. – 382 с.
11. Лексин, В.Н. Общегосударственная система стратегического планирования территориального развития [Текст] / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов // Труды ИСА РАН. – 2006. – Т. 22. – С. 192-212.
12. Любинин, Д.А. Партнерство государства и бизнеса: необходимость, содержание и формы реализации: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Д.А. Любинин. – М., 2008. – 23 с.
13. Орлова, Э.О. Механизм инвестиционного взаимодействия бизнес-структур и местного самоуправления [Текст] / Э.О. Орлова, П.М. Советов. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 184 с.
14. Официальный сайт Российского союза промышленников и предпринимателей. – Режим доступа: <http://rspp.ru/simplepage/476>
15. Петров, Ю. «Тринадцатая пятилетка» российской экономики (о ее итогах и о необходимости смены экономической политики) [Текст] / Ю. Петров // Российский экономический журнал. – 1995. – № 8. – С. 3-19.

16. Развитие государственно-частного партнерства в России в 2015–2016 гг. Рейтинг регионов по уровню развития ГЧП [Текст] / Ассоциация «Центр развития ГЧП». Министерство экономического развития РФ. – М.: Ассоциация «Центр развития ГЧП», 2016. – 36 с.
17. Региональные модели взаимодействия между деловыми и властными элитами: современные процессы и их социально-политические последствия: аналитический отчет [Текст] / Фонд «Центр политических технологий». – М., июнь 2009. – 160 с.
18. Смирнова, Е.В. Взаимоотношения бизнеса и власти как фактор качества жизни населения [Электронный ресурс] / Е.В. Смирнова // Вестник Ставропольского государственного университета. – Режим доступа: <http://vestnik.stavsu.ru/68-2010/05.pdf>
19. Сунгуров, А.Ю. Модели взаимодействия органов государственной власти и структур гражданского общества: российский опыт. – Ч. 1 [Электронный ресурс] / А.Ю. Сунгуров. – Режим доступа: <http://politpriklad.net.ru/book/export/html/839>.
20. Татаркин, А.И. Партнерство власти и бизнеса в реализации стратегий развития территорий [Текст] / А.И. Татаркин, Д.А. Татаркин, К.А. Леванова // Экономика региона. – 2008. – № 4. – С. 18-30.
21. Туровский, Р. Региональные модели взаимодействия между деловыми и властными элитами: современные процессы и их социально-политические последствия: итоговый аналитический отчет [Текст] / Р. Туровский. – М., 2009. – 42 с.
22. Уколов, В.Ф. Взаимодействие власти, бизнеса и общества / В.Ф. Уколов. – М.: Экономика, 2009. – 621 с.
23. Ускова, Т.В. Социальная ответственность бизнеса: состояние и инструменты развития [Текст] / Т.В. Ускова, Е.Д. Копытова // Проблемы развития территорий. – 2016. – № 6 (86). – С. 7-19.
24. Ускова, Т.В. Частно-государственное партнерство как механизм модернизации экономики территорий: теоретико-методологические основы [Текст] / Т.В. Ускова // Проблемы развития территории. – 2013. – № 3. – С. 7-16.
25. Шулепов, Е.Б. Социальный корпоратизм: теоретические основы и опыт реализации [Текст] / Е.Б. Шулепов. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 154 с.
26. Якимец, В. Межсекторные взаимодействия в России: методология, технологии, правовые нормы, механизмы, примеры (Настольная Книга–1999) / В. Якимец, Н. Хананашвили. – М.: ИСА РАН, Фонд НАН, 2000. – 184 с.
27. Carroll A.B. A three-dimensional conceptual model of corporate performance / A.B. Carroll // Academy of Management Review. – 1979. – Vol. 4. – № 4. – P. 497-505.
28. Freeman R.E. The stakeholder approach revisited / R.E. Freeman // Zeitschrift fur Wirtschafts und Unternehmensethik. – 2004. – Vol. 5. – № 3. – P. 228-241.
29. Joseph E. A New Business Agenda for Government / E.L. Joseph. – 2003.
30. McGuire J.W. Business and Society / J.W. McGuire. – N.Y.: McGraw-Hill, 1963. – P. 144.

Сведения об авторе

Екатерина Дмитриевна Копытова – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru)

Kopytova E.D.

Revisiting the Development of Cooperation Between the State, Business, and Society in Addressing Territorial Development Issues

Abstract. At present, socio-economic development in leading countries is characterized by intensive development of cooperation between government, business and society. In conditions when territories gain more autonomy in solving socio-economic development problems, business entities act as funding sources for addressing the most urgent issues, the priority of which is impossible to determine without

participation of the public. Having studied the evolution of cooperation between government and business in Russia we point out that the extent of government participation in the economy depends on its national development specifics at different stages, which determines the diversity of their interaction models. Having reviewed domestic and foreign research works we systematize the existing models of trilateral interaction. The paper analyzes the implementation of joint projects and programs by the authorities and business in the Russian Federation and reveals forms of participation of society in addressing regional problems on the example of the Vologda Oblast. Streamlining the interaction between the authorities, business and society will help unite their efforts to solve priority development tasks in the territory. In this regard, we propose a set of recommendations for the authorities that will help develop this trilateral cooperation. The study uses system approach, structural-functional analysis, method of expert estimations, groupings, comparison and generalization; tabular and graphical techniques for data visualization are applied, as well. Legislative acts and other regulatory documents of state authorities and administration, official data of the Ministry of Economic Development, and the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs serve as information base of the study. We also use the results of a survey of heads of Vologda City enterprises conducted by VolRC RAS with our direct participation. The findings of the paper can be used in scientific and educational activities. They are of practical interest to the authorities, because they can help improve economic policy aimed to promote participation of business and society in dealing with problems of the territory.

Key words: cooperation, authorities, business, society, development of territories, project management, monitoring.

References

1. Bagdasaryan V.E. O transformatsiyakh sistemy gosudarstvennogo upravleniya v Rossii [On the transformations of public administration system in Russia]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem analysis and government administration planning], 2010, vol. 3, no. 2, pp. 106-110. (In Russian).
2. Belokurova E.V. *Gosudarstvo i blagotvoritel'nye organizatsii: transformatsiya modelei vzaimodeystviya (na primere Germanii i Rossii): avtoref. diss. ... kand. polit. n.* [The government and charitable organizations: transformation of interaction models (case study of Germany and Russia): Ph.D. in Political Sciences thesis abstract]. Moscow, 2000. (In Russian).
3. Bratyushchenko, S.V. Sotsial'naya otvetstvennost' predprinimatel'stva (obzor kontseptsii) [Social responsibility of business (review of concepts)]. *Aktual'nye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: vzglyad molodykh uchenykh* [Topical issues of socio-economic development: a viewpoint of young scientists]. Novosibirsk: IEOPP SO RAN, 2005. Pp. 166-178. (In Russian).
4. Varnavskii V.G. *Partnerstvo gosudarstva i chastnogo sektora: formy, proekty, riski* [Partnership of the state and the private sector: forms, projects, risks]. Moscow: Nauka, 2005. Pp. 34–37. (In Russian).
5. *Vse o liderakh 2016: po materialam proekta "Lidery korporativnoi blagotvoritel'nosti — 2016"* [Everything about the leaders of 2016: on the materials of the research project "Corporate philanthropy leaders – 2016"]. Moscow: Forum Donorov, 2016. 202 p. (In Russian).
6. Zubarevich N.V. *Krupnyi biznes v regionakh Rossii: territorial'nye strategii razvitiya i sotsial'nye interesy.* [Big business in Russian regions: territorial development strategies and social interests]. Moscow: Pomatur, 2005. (In Russian).
7. Ivchenko S.V., Liborakina M.I., Sivaeva T.S. *Gorod i biznes: formirovanie sotsial'noi otvetstvennosti rossiiskikh kompanii* [City and business: formation of social responsibility of Russian companies]. Ed. by M.I. Liborakina. Moscow: Fond "Institut ekonomiki goroda", 2003. (In Russian).
8. Kivarina M.V. Sotsial'noe partnerstvo: klyuchevye usloviya effektivnosti [Social partnership: the key terms of efficiency]. *Vestnik Novgorodskogo filiala RANKhiGS* [Bulletin of the Novgorod branch of RANEPa], 2015, no. 2, no. 4-2 (2), pp. 109-117. (In Russian).
9. Kleiner G.B. Gosudarstvo – region – otrasl' – predpriyatie: karkas sistemnoi ustoychivosti ekonomiki Rossii. Chast' 1 [State – Region – Field— Enterprise: Framework of Economics System Stability of Russia. Part 1]. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 2015, no. 2 (42), pp. 50-58. (In Russian).

10. Kulakova T.A. *Politika izmenenii: administrativnye reformy i vzaimodeistvie gosudarstva i obshchestva* [Policy of changes: administrative reform and the interaction between government and society]. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2011. 382 p. (In Russian).
11. Leksin V.N., Shvetsov A.N. *Obshchegosudarstvennaya sistema strategicheskogo planirovaniya territorial'nogo razvitiya* [National system for strategic planning of territorial development]. *Trudy ISA RAN* [Works of the Institute for Systems Analysis of Russian Academy of Sciences], 2006, vol. 22, pp. 192-212. (In Russian).
12. Lyubinin D.A. *Partnerstvo gosudarstva i biznesa: neobkhodimost', sodержanie i formy realizatsii: avtoref. diss. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05*. [Partnership between government and business: the need, content and forms of implementation: Ph.D. in Economics thesis abstract]. Moscow, 2008. 23 p. (In Russian).
13. Orlova E.O., Sovetov P.M. *Mekhanizm investitsionnogo vzaimodeistviya biznes-struktur i mestnogo samoupravleniya* [Mechanism of investment cooperation of business structures and local self-government]. Vologda: ISERT RAN, 2010. 184 p. (In Russian).
14. *Official website of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs*. Available at: <http://rspp.ru/simplepage/476> (In Russian).
15. Petrov Yu. "Trinadtsataya pyatiletka" rossiiskoi ekonomiki (o ee itogakh i o neobkhodimosti smeny ekonomicheskoi politiki) ["The thirteenth five-year plan" of the Russian economy (about its results and about the need to change economic policy)]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 1995, no. 8, pp. 3-19. (In Russian).
16. *Razvitiye gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii v 2015–2016 gg. Reiting regionov po urovnyu razvitiya GChP* [Development of public-private partnership in Russia in 2015–2016. A ranking of regions by PPP development level]. Moscow: Assotsiatsiya "Tsentr razvitiya GChP", 2016. 36 p. (In Russian).
17. *Regional'nye modeli vzaimodeistviya mezhdru delovymi i vlastnymi elitami: sovremennye protsessy i ikh sotsial'no-politicheskie posledstviya: analiticheskii otchet. Moskva, iyun' 2009* [Regional models of cooperation between business and power elites: modern processes and their socio-political implications: an analytical report. Moscow, June 2009]. 160 p. (In Russian).
18. Smirnova E.V. *Vzaimootnosheniya biznesa i vlasti kak faktor kachestva zhizni naseleniya* [Relationship between business and government as a driver of the quality of life]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Stavropol State University]. Available at: <http://vestnik.stavsu.ru/68-2010/05.pdf> (In Russian).
19. Sungurov A.Yu. *Modeli vzaimodeistviya organov gosudarstvennoi vlasti i struktur grazhdanskogo obshchestva: rossiiskii opyt. Ch. 1* [Models of interaction of state authorities and civil society: the Russian experience. Part 1]. Available at: <http://politpriklad.net.ru/book/export/html/839> (In Russian).
20. Tatarin A.I., Tatarin D.A., Levanova K.A. *Partnerstvo vlasti i biznesa v realizatsii strategii razvitiya territorii* [Government-business partnership in the implementation the strategy for territorial development]. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 2008, no. 4, pp. 18-30. (In Russian).
21. Turovskii R. *Regional'nye modeli vzaimodeistviya mezhdru delovymi i vlastnymi elitami: sovremennye protsessy i ikh sotsial'no-politicheskie posledstviya. Itogovi analiticheskii otchet* [Regional models of cooperation between business elites and power elites: modern processes and their socio-political consequences: final analytical report]. Moscow, 2009. 42 p. (In Russian).
22. Ukolov V.F. *Vzaimodeistvie vlasti, biznesa i obshchestva* [Interaction of government, business and society]. Moscow: Ekonomika, 2009. 621 p. (In Russian).
23. Uskova T.V., Kopytova E.D. *Sotsial'naya otvetstvennost' biznesa: sostoyanie i instrumenty razvitiya* [Corporate Social Responsibility Current State and Development Tools]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2016, no. 6 (86), pp. 7-19. (In Russian).
24. Uskova T.V. *Chastno-gosudarstvennoe partnerstvo kak mekhanizm modernizatsii ekonomiki territorii: teoretiko-metodologicheskie osnovy* [Public-private partnership as the mechanism of the territories economic modernization: theoretical and methodological foundations]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2013, no. 3, pp. 7-16. (In Russian).
25. Shulepov E.B. *Sotsial'nyi korporatizm: teoreticheskie osnovy i opyt realizatsii* [Social corporatism: theoretical foundations and experience of implementation]. Vologda: ISERT RAN, 2014. 154 p. (In Russian).
26. Yakimets V., Khananashvili N. *Mezhsektornye vzaimodeistviya v Rossii: metodologiya, tekhnologii, pravovye normy, mekhanizmy, primery (Nastol'naya Kniga – 1999)* [Cross-sectoral interaction in Russia: methodology, technology, legal norms, mechanisms and practices (Handbook–1999)]. Moscow: ISA RAN, Fond NAN, 2000. 184 p. (In Russian).

27. Carroll A.B. A three-dimensional conceptual model of corporate performance. *Academy of Management Review*, 1979, vol. 4, no. 4, pp. 497-505.
28. Freeman R.E. The stakeholder approach revisited. *Zeitschrift für Wirtschafts und Unternehmensethik*, 2004, vol. 5, no. 3, pp. 228-241.
29. Joseph E. *A New Business Agenda for Government*. 2003.
30. McGuire J.W. *Business and Society*. New York: McGraw-Hill, 1963. P. 144.

Information about the Author

Ekaterina Dmitrievna Kopytova – Ph.D. in Economics, Research Associate, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru)

Статья поступила 28.02.2017.

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ. НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ. ОТЗЫВЫ

DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.15

УДК 330.1, ББК 65.01

© Гулин К.А., Усков В.С.

Тренды четвертой промышленной революции

Рецензируется: Шваб К. Четвертая промышленная революция: монография: пер. с англ. — М.: Изд-во «Э», 2017. — 208 с.: ил. — (Top Business Awards)

Константин Анатольевич

ГУЛИН

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: gil@vscc.ac.ru

Владимир Сергеевич

УСКОВ

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: v-uskov@mail.ru

Смена парадигмы глобального экономического развития, переход к очередному технологическому укладу, кардинальная смена организации промышленного производства приводят к формированию экономики, которая открывает новые направления экономического роста, повышает экономическую эффективность

производства и расширяет возможности потребления, создавая новые сферы экономической деятельности.

В настоящий момент мы являемся свидетелями усиления тенденции технологизации различных сфер жизнедеятельности. Информационные и телекоммуникационные технологии

Для цитирования: Гулин, К.А. Тренды четвертой промышленной революции (рецензируется: Шваб К. Четвертая промышленная революция: монография: пер. с англ. — М.: Изд-во «Э», 2017) / К.А. Гулин, В.С. Усков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 5. — С. 216-221. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.15

For citation: Gulin K.A., Uskov V.S. Trends of the Fourth Industrial Revolution (a review of the monograph: Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Translated from English. Moscow: Izd-vo "E", 2017). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 216-221. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.15

стали не только неотъемлемой частью повседневной жизни современного человека, но и необходимой технологической платформой для организации современных бизнес-процессов.

Информационные технологии и цифровая трансформация выступают основным фактором технологических перемен и условием обеспечения конкурентоспособности как на уровне отдельных предприятий, так и на уровне стран и наднациональных объединений, приводя к перестройке всех экономических и производственных процессов, радикальному росту производительности, повышению качества и снижению себестоимости товаров и услуг.

В России перевод национальной промышленности на цифровую технологическую платформу призвана осуществить программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р), целью которой является системное развитие и внедрение цифровых технологий во всех областях жизни: в экономике, предпринимательстве, социальной деятельности и в госуправлении. Новые технологии выводят сбор, агрегацию и обмен накопленной информацией на принципиально иной качественный уровень с минимальными ролью и степенью участия человека. Именно эти технологии становятся драйверами четвертой промышленной революции.

Поэтому, на наш взгляд, целесообразно поставить задачу переосмысления основных положений и выводов монографии К. Шваба, раскрывающей особенности и главные тренды четверной промышленной революции.

Данное издание актуально с точки зрения комплексного представления о том, как технологии изменяют нашу жизнь и жизнь будущих поколений, как они преобразуют экономическую, социальную, культурную и гуманитарную среду нашего обитания.

В книге акцентируется внимание на способе сосуществования технологии и общества. Автор подчеркивает, что «фундаментальный и глобальный характер данной революции означает, что она станет неотъемлемой частью всех стран, экономических систем, отраслей и людей. Поэтому принципиальное значение приобретают внимание и силы, которые мы обращаем на многостороннее сотрудничество, не имеющее

научных, социальных, политических, национальных и промышленных границ». Такое взаимодействие и сотрудничество необходимо для создания позитивной, единой и многообещающей концепции, благодаря которой отдельные люди и сообщества во всех странах мира смогут принять участие в текущих преобразованиях и воспользоваться их преимуществами.

Монография состоит из трех частей. В первой части представлены общие сведения о четвертой промышленной революции. Во второй дается описание основных трансформативных технологий. Третья детально описывает последствия революции и некоторые политические вызовы, которые она ставит. В завершение автор предлагает некоторые практические идеи и решения по эффективному внедрению, формированию и использованию потенциала этого масштабного преобразования.

Основная идейная предпосылка монографии заключается в выдвигании тезиса о том, что с каждой фазой технологического развития человечество постоянно переходило от одних методов хозяйствования к новым, более эффективным; от одних источников энергии, более затратных, к более экономным; от более тяжелых и хрупких материалов к более легким, прочным, гибким и стойким; усложняло и повышало эффективность средств производства; расширяло и осваивало среду обитания. Все это сопровождалось технологическим прогрессом, который был как драйвером этих изменений, так и инструментом развития человека и человечества.

Автором подчеркивается, что на каждом витке технологических и социальных циклов происходит разрыв между старыми поколениями и методами, которыми они работали, и новыми поколениями и новыми инструментами и методами их работы.

В центре внимания данной монографии положение о том, что мир стоит на пороге новой промышленной революции — четвертой, превышающей по силе воздействия на мир и человека прежние, вместе взятые. Первая революция ознаменовалась механизацией, вторая — электрификацией, третья — автоматизацией производства, а четвертая характеризуется кульминацией развития информационных технологий, проникновением

интернета во все сферы хозяйства, развитием экосистемы интернета вещей и связанных с ними технологий искусственного интеллекта, нейронных сетей.

Четвертая индустриальная революция разворачивается на наших глазах. Некоторые считают, что это продолжение «цифровой» революции, новый ее этап, на котором техника начинает вытеснять человека. По словам Клауса Шваба, качественным отличием четвертой революции от третьей является также синергетический эффект, который возникает от слияния разных технологий: компьютерных, информационных, нанотехнологий, биотехнологий и т.д. Другой гранью четвертой революции, по мнению Шваба и других социологов и футурологов, может стать стирание граней между физическим, цифровым (информационным) и биологическим (в том числе человеческим) мирами.

Самостоятельность четвертой промышленной революции К. Шваб обосновывает тремя факторами: темпом развития, широтой и глубиной, системным воздействием.

Он акцентирует внимание на том, что, в отличие от предыдущих, эта промышленная революция развивается не линейными, а скорее экспоненциальными темпами. Основанная на цифровой революции, она сочетает разнообразные технологии, обуславливающие возникновение беспрецедентных изменений парадигм в экономике, бизнесе, социуме, в каждой отдельной личности. Она предусматривает целостные внешние и внутренние преобразования всех систем во всех странах, компаниях, отраслях и обществе.

Как отмечает автор, его книга является базовым руководством по четвертой промышленной революции, определяющим сущность этого явления, его последствия, воздействие на человечество и возможности его использования для общего блага. Книга предназначена для тех, кто интересуется нашим общим будущим, кто твердо намерен использовать возможности революционных изменений, чтобы изменить мир к лучшему.

Судя по тексту монографии, автор не дает определения четвертой промышленной революции, но указывает на конкретные области ее анализа — сосуществование технологии и об-

щества. Однако акцент все же делается на технологических инновациях: «С помощью радикальных технологических изменений мы имеем возможность поразмышлять, кто мы есть на самом деле и как мы воспринимаем мир».

К. Шваб справедливо заключает, что «существующий уровень управления и осознания текущих изменений по всем областям крайне низок в сравнении с необходимостью пересмысления экономических, социальных и политических систем».

Анализируя изменения, продуцируемые четвертой промышленной революцией, ученый разделяет их на пять критических моментов и последующих состояний: переломный момент; положительный эффект; отрицательный эффект; неопределенный эффект и глубинное изменение в действии.

Он констатирует, что в настоящее время «отсутствует также последовательная, позитивная концепция на глобальном уровне, которая могла бы определить возможности и вызовы четвертой промышленной революции для предотвращения негативной реакции общества на происходящие кардинальные изменения».

Обращаясь к современной парадигме научной мысли в отношении четвертой промышленной революции и сопутствующих ей технологий, заметим, что она строится на положении о том, что для современных организаций открываются как неоспоримые возможности, так и угрозы, часть которых пока не очень хорошо осознается бизнесменами и обществом в целом.

Анализ современных исследований, а также обобщение экономической литературы по данным вопросам позволяет систематизировать основные аспекты влияния новой технологической революции.

Во-первых, четвертая промышленная революция не только приведет к модернизации отдельных инструментов и методов управления, но и будет способствовать кардинальной перестройке функций управления, способов организации деятельности в современных компаниях. Реализация новых технологических решений потребует принципиальных изменений в области организации взаимодействия человека и машин, новых квалификационных характеристик от работников и новых методов управления производством.

Во-вторых, переход к четвертой промышленной революции будет приводить к трансформациям на рынке труда, поскольку это связано с потребностью в работниках нового типа, с другими профессиональными, процессуальными, организационными и даже социальными навыками и умениями. Внедрение новых прогрессивных технологий будет сопряжено с деквалификацией существующих сотрудников и необходимостью либо их переобучения, либо роста затрат на рекрутирование сотрудников с соответствующими знаниями и умениями из внешней среды. Ведущиеся в настоящий момент дискуссии о влиянии четвертой промышленной революции на занятость сильно поляризованы: между сторонниками технологий, видящими в них безграничные возможности для формирования новых профессиональных групп, роста производительности труда текущих сотрудников, снижения процессов его рутинизации, и их противниками, которые указывают на массовое замещение труда, значительное сокращение и даже исчезновение отдельных профессиональных групп, рост социального неравенства.

В-третьих, новая промышленная революция будет способствовать снижению затрат организаций на сбор, анализ информации. При этом они могут непрерывно обеспечиваться разнообразными данными гораздо дешевле, чем ранее, анализировать их, получая готовые решения.

В наибольшей степени это коснется процессов взаимодействия с целевыми сегментами, где технологии будут не только упрощать создание новых продуктов и сокращать сроки вывода их на рынок за счет новых инструментов учета, анализа и прогнозирования потребительских предпочтений, но и создавать основу для учета и формирования опыта потребителя, анализа его индивидуальных предпочтений.

Таким образом, как отмечает автор, четвертая промышленная революция «изменяет не только то, что мы делаем, но и то, чем мы являемся». «В силу всех тех причин, которые уже были названы, мы стоим на пороге радикального системного изменения, к которым людям придется непрерывно приспосабливаться. В результате мы можем стать свидетелями нарастающей поляризации в мире, которая разделит тех, кто принимает происходящие изменения, и тех, кто им сопротивляется».

Монография К. Шваба завершается кратким, но весьма содержательным описанием 23 «глубинных изменений», которые принесет четвертая промышленная революция. Среди них самые разные аспекты внедрения цифровых технологий — от имплантируемых в тело человека технологий, «цифровидения» как нового интерфейса и интернета вещей и до «умных городов», «больших данных» для принятия решений и самых разных применений 3D-печати.

Таким образом, по мнению К. Шваба, новая промышленная революция оказывает и будет оказывать влияние на все сферы общества.

В настоящее время промышленно развитые страны уже стоят на пороге четвертой промышленной революции, которая еще не получила общепризнанного названия. Для России данные вопросы в условиях поиска новой модели роста экономики имеют исключительно важное значение. Экономику, основанную на знаниях и интеллектуальных возможностях человечества, будут обеспечивать новые технологии, которые будут определять глобальное экономическое развитие в ближайшие два-три десятилетия.

Четвертая промышленная революция приведет к перераспределению мест стран в глобальной конкуренции, и это дает шанс для успешного выхода российской экономики из кризиса и обеспечения экономической и технологической безопасности страны.

Литература

1. Гулин, К.А. О роли интернета вещей в условиях перехода к четвертой промышленной революции [Текст] / К.А. Гулин, В.С. Усков // Проблемы развития территории. — 2017. — № 4 (90). — С. 112-131.
2. Маркеева, А.В. Интернет вещей (iot): возможности и угрозы для современных организаций [Текст] / А.В. Маркеева // Общество: социология, психология, педагогика. — 2016. — № 2. — С. 42-46.

3. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>
4. Шваб, К. Четвертая промышленная революция: монография: пер. с англ. / К. Шваб. – М.: Изд-во «Э», 2017. – 208 с.: ил. – (Top Business Awards).
5. Шеховцев, М. Что сулит миру мир Интернет вещей [Текст] / М. Шеховцев // Эксперт. – 2016. – № 48. – С. 15-25.
6. Яницкий, О.Н. Размышления над книгой: Клаус Шваб. Четвертая промышленная революция: пер. с англ. – М.: Изд-во «Э», 2017. – 208 с., с ил. (с предисловием Германа Грефа) [Электронный ресурс] / О.Н. Яницкий // Официальный портал ИС РАН. – 2017. – URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4972>.

Сведения об авторах

Константин Анатольевич Гулин – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом проблем научно-технологического развития и экономики знаний, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: gil@vscc.ac.ru)

Владимир Сергеевич Усков – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела проблем научно-технологического развития и экономики знаний, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: v-uskov@mail.ru)

Gulin K.A., Uskov V.S.

Trends of the Fourth Industrial Revolution

A review of the monograph: Schwab K. The Fourth Industrial Revolution.

Translated from English. Moscow: Izd-vo “E”, 2017. 208 p., ill.

(Top Business Awards)

References

1. Gulin K.A., Uskov V.S. O roli interneta veshchei v usloviyakh perekhoda k chetvertoi promyshlennoi revolyutsii [On the role of the Internet of Things in the conditions of transition to the Fourth Industrial Revolution]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2017, no. 4 (90), pp. 112-131.
2. Markeeva A.V. Internet veshchei (iot): vozmozhnosti i ugrozy dlya sovremennykh organizatsii [The Internet of things (iot): opportunities and threats for the modern organizations]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy], 2016, no. 2, pp. 42-46.
3. *Programma “Tsifrovaya ekonomika Rossiiskoi Federatsii” (Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 28 iyulya 2017 g. № 1632-r)* [The program ‘Digital economy of the Russian Federation’ (Decree of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 No. 1632-r)]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>
4. Schwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya: monografiya* [The Fourth Industrial Revolution: monograph]. Translated from English. Moscow: Izd-vo “E”, 2017. 208 p.: ill.
5. Shekhovtsev M. Chto sulit miru mir Internet veshchei [What the Internet of things has in store for the world]. *Ekspert* [Expert], 2016, no. 48, pp. 15-25.
6. Yanitskii O.N. Razmyshleniya nad knigoi: Klaus Schwab. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya: per. s angl. – М.: Изд-во “E”, 2017. – 208 с., с ил. (с предисловием Германа Грефа) [Reflections on the book: Klaus Schwab. The Fourth Industrial Revolution. Translated from English. Moscow: Izd-vo “E”, 2017 (with a foreword by German Gref)]. *Official portal of IS RAS*. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4972>.

Information about the Authors

Konstantin Anatol'evich Gulin – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director, Head of the Department of Scientific and Technological Development and Knowledge Economics, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: gil@vscc.ac.ru)

Vladimir Sergeevich Uskov – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate at the Department of Scientific and Technological Development and Knowledge Economics, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: v-uskov@mail.ru)

Статья поступила 17.10.2017.

DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.16

УДК 316.4; 316.422, ББК 60.524.122.115

© Андрианова Е.В., Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф.

**V Тюменский международный социологический форум
и XIII Всероссийская научно-практическая конференция
по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов»***

**Елена Владимировна
АНДРИАНОВА**

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация, 625003, ул. Володарского, д. 6
E-mail: andrelena78@mail.ru

**Владимир Александрович
ДАВЫДЕНКО**

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация, 625003, ул. Володарского, д. 6
E-mail: vlad_davydenko@mail.ru

**Гульнара Фатыховна
РОМАШКИНА**

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация, 625003, ул. Володарского, д. 6
E-mail: gr136@mail.ru

* При финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант №16-03-00500), Тюменский государственный университет.

Для цитирования: Андрианова, Е.В. V Тюменский международный социологический форум и XIII Всероссийская научно-практическая конференция по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов» / Е.В. Андрианова, В.А. Давыденко, Г.Ф. Ромашкина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 5. — С. 222-227. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.16

For citation: Andrianova E.V., Davydenko V.A., Romashkina G.F. 5th Tyumen International Sociological Forum and 13th All-Russian Scientific-Practical Conference on the Program “Socio-cultural evolution in Russia and its regions”. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 5, pp. 222-227. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.16

В Тюмени 5–6 октября 2017 года прошёл V Тюменский международный социологический форум по теме «Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты», в котором приняли участие более 300 представителей вузов, научных организаций, органов государственной власти из 40 регионов Российской Федерации, а также из Беларуси, Казахстана, Латвии, Польши, Республики Корея и США. Масштаб и уровень научного мероприятия характеризуют следующие цифры: в работе секций и круглых столов были задействованы три члена-корреспондента РАН, 71 доктор наук, 113 кандидатов наук; в работе форума участвовали 248 человек. К началу конференции был издан сборник всех поступивших материалов.

Организаторами форума выступили: Тюменская областная Дума, Правительство Тюменской области, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Тюменское областное отделение Академии социальных наук, Тюменский государственный университет, Тюменский индустриальный университет, Сургутский государственный университет. Сопредседателями организационного комитета являлись: вице-губернатор Тюменской области кандидат соц. наук С.М. Сарычев; заместитель председателя комитета Тюменской областной Думы доктор соц. наук, проф. Ю.М. Конев; научный руководитель Тюменского государственного университета доктор филос. наук, академик РАО Г.Ф. Куцев.

Приветствуя участников форума, вице-губернатор Тюменской области С.М. Сарычев подчеркнул, что форум стал традиционной площадкой для научно-практического осмысления самых назревших проблем социально-экономического развития российских регионов. Он отметил, что рост числа участников форума и расширение его географии вплоть до международного уровня свидетельствует о его научной и практической востребованности у научного сообщества и органов управления. Председатель Тюменской областной Думы С.Е. Корепанов акцентировал внимание на том, что, лидируя в сфере экономического развития, Тюменский регион одним из первых сталкивается с новыми вызовами и рисками, которые связаны не столько с самой экономикой, сколько с состо-

янием социальной структуры общества. По его словам, изменения в сфере коммуникации и виртуализация жизни обуславливают появление новых социальных слоёв и групп, уровни и стили жизни жителей региона. Поскольку эти изменения рано или поздно будут оказывать сильное воздействие на развитие экономики, то прогнозировать возможные последствия необходимо сегодня. Важно, что стратегические задачи науки и власти в этом вопросе совпадают. Поэтому, по мнению С.Е. Корепанова, органы государственной власти экономически развитых и успешных регионов России стремятся активизировать взаимодействие с научным сообществом, реализуя имеющийся интеллектуальный потенциал. Он сделал также акцент на том, что организаторы форума рассчитывают на практические результаты работы, ожидая получить от участников форума конкретные рекомендации, реализация которых послужит повышению уровня жизни людей, инновационному и технологическому развитию российских регионов.

Тематика пленарных докладов отразила животрепещущие вопросы и высветила новые проблемы, актуальные для развития России и её регионов, и охватила достаточно широкий спектр как теоретических, так и практических решений. С пленарными докладами выступили: Ж.Т. Тощенко («Старые и новые смыслы труда»); Г.Ф. Куцев («О социологических закономерностях развития образования в цифровую эпоху»); В.В. Маркин («Регионы в социальном пространстве России: некоторые уроки современной кризисной реальности»); Joonseo Song («Branding Local Towns in Post-Soviet Russia: Local Symbols and Identities»); А.А. Шабунова («Пространственные аспекты социокультурной трансформации российского общества»); З.Т. Голенкова («Социальные аспекты трудового поведения населения в современной России»); Д.Л. Константиновский («Экспансия и дифференциация высшего образования»); Т.А. Гурко («Развитие брачно-семейных отношений и реализация концепции семейной политики в Российской Федерации»); Ю.В. Латов («Межпоселенческая дифференциация распространения модернизационных социокультурных ценностей в современной России»). Не имея возможности из-за небольшого форма-

та данной статьи охватить весь круг вопросов, представленных в пленарных докладах, отметим кратко самые, на наш взгляд, актуальные. Ж.Т. Тощенко в своём докладе раскрыл старые и новые смыслы труда. Опираясь на данные статистики и социологических исследований, он показал, что трудовые мотивации и отношение к труду, которые были во времена СССР, сейчас не работают, так как изменился и сам характер труда, и его ценность. По мнению Ж.Т. Тощенко, сегодня в России центральная смысловая проблема труда – это занятость. Оплачиваемый труд стал ценностью, к которой стремятся и которую боятся потерять около 31% наших сограждан. Ж.Т. Тощенко обратился к теме новых форм занятости и формирования класса «прекариата», ключевые характеристики которого – временная занятость, неустойчивое социальное положение, незначительный доход, социальная незащищенность, неясность жизненных перспектив; это те, кто стиснут со всех сторон обстоятельствами непреодолимой силы: непомерными налогами, безработицей, притеснениями на работе, нехваткой времени, переработками, нищетой, неустроенностью, бездомностью. Они не могут создать семью, поскольку живут в условиях неопределенности; и это навеивает достаточно неприятные эмоциональные ассоциации, сопряжённые с бедностью, нуждой, убогостью, трущобами, откровенной нищетой (по оценкам председателя Счётной палаты Т. Голиковой и данным Росстата, в России за чертой бедности в 2017 г. находятся 22,1 миллиона человек). В своём докладе, посвященном развитию образования в цифровую эпоху, Г.Ф. Куцев подчеркнул особенности нынешнего общества – это переход к новому технологическому укладу на основе мощнейшего информационного взрыва и приобретение образованием фундаментального значения.

Как стало видно из содержания других пленарных докладов, учёными была проведена колоссальная работа по изучению нынешнего состояния российского общества, его возможностей, ценностно-смысловых факторов, экономического и социального поведения, вовлеченности в процессы социоэкономической модернизации. Учёные констатировали, что российское общество продолжает деформироваться как новая социальная реальность, что

сложилась такие социально-экономические отношения и механизмы распределения собственности и доходов, которые ведут к общей деградации населения. Внешнеполитическое и экономическое давление на Россию стало катализатором многих социальных трансформаций внутри страны, и самое очевидное – рост патриотических настроений. Людей беспокоят явления социального неравенства, которые противоречат базовым ценностно-мировоззренческим установкам большинства граждан. Двадцать лет реформ, преобразований, рухнувших надежд, разочарований – это очень долго. А ведь в 1990-е годы россиянам обещали европейский уровень жизни. Вместо этого Россия и её регионы получили огромные структурные, экономические, социальные, культурные и региональные диспропорции.

На втором пленарном заседании участники форума приняли *резолцию*, которая содержит конкретные рекомендации как органам государственной власти, так и российскому социологическому сообществу. В частности, органам государственной власти России и субъектов Российской Федерации рекомендовано: продолжить осуществление мер по реиндустриализации, инновационно-технологической модернизации страны, импортозамещению, адаптации системы подготовки кадров к новым задачам; обобщить и закрепить в системе государственного и муниципального управления практику проведения мониторинговых исследований состояния и развития основных сфер жизни в регионах и муниципальных образованиях; рассматривать социологические исследования как неотъемлемую часть информационного обеспечения разработки управленческих решений.

В ходе форума состоялись заседания *пяти научных секций*: «Культура, идеология, религия в современном обществе: тенденции, детерминанты, факторы»; «Особенности развития института образования в России и за рубежом, трансформации региональных образовательных подсистем»; «Политико-управленческий контекст социальных трансформаций в российских регионах»; «Социальные трансформации в экономической сфере жизнедеятельности российских регионов: тенденции, детерминанты, факторы». В рамках форума состоялась XIII

Всероссийская научно-практическая конференция «Социокультурная эволюция России и её регионов» по теме «Сравнительный анализ процессов социокультурной и социально-экономической модернизации в регионах России: полипарадигмальный подход». На этой секции-конференции было представлено 38 докладов из 14 регионов (Москва, Тюмень, Чебоксары, Томск, Новосибирск, Волгоград, Самара, Ульяновск, Курск, Уфа, Тула, Владимир, Тольятти, Грозный), из их авторов 26 приняли очное участие.

«Портретистами» был обсужден доклад чл.-корр. РАН Н.И. Лапина, который, будучи председателем Научно-координационного совета по проблемам социокультурной эволюции России и её регионов, все эти годы способствовал его эффективной работе, направляя свои усилия на решение животрепещущих проблем развития территорий. Обращая особое внимание на работу секции по программе «Социокультурная эволюция России и её регионов», важно отметить, что участники обсудили следующие проблемы: большие вызовы новой России и развитие инновационных систем её регионов (Н.И. Лапин); институт собственности в постсоветской России: проблемы экономической и социальной эффективности (Л.А. Беляева); социокультурные и социально-экономические компоненты и факторы модернизации (Г.Ф. Ромашкина, Е.А. Когай, И.А. Кох, В.Т. Тарасов, Е.Б. Мостовая, Е.В. Андрианова, И.Ф. Печеркина, А.Н. Тарасова, А.В. Хорошилова, Ю.А. Афанасьева, С.И. Шумилова); анализ программ стратегического развития в контексте социокультурной и социально-экономической модернизации регионов (Т.А. Булатова, Т.Г. Маклакова); развитие человеческого потенциала, демографические проблемы и вопросы социальной идентичности (Р.М. Валиахметов, В.Г. Харитонов, А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова); проблемы, связанные с оценками динамики социального самочувствия жителей российских регионов (В.А. Давыденко, Д.И. Петросян); методический потенциал «смешанной» методологии исследований (Е.Б. Плотникова) и другие вопросы региональной компаративистики. Завершились мероприятия подведением итогов секции и конференции, разработкой их резолюций.

Гости ознакомились с работой таких значимых предприятий Тюменского экономического кластера нефтехимии, которые можно отнести к инновационным бизнесам, как Антипинский НПЗ и Завод полимерных труб. Ведущие представители этих заводов подробно описали социально-экономический контекст бизнеса, объяснили принципы их взаимодействия с муниципальными властями. По сути, это было такое «проникновение» внутрь бизнесов для понимания того, как устроены подобные инновационные заводы, как они реально работают, как сопровождается создание инновационного кластера: «что происходит и что за этим стоит», в терминах Н. Лумана. Все участники отметили, что такие углубленные экскурсии очень полезны.

В качестве культурной программы были организованы ознакомительная экскурсия по Тюмени и посещение первого частного музея в России – дома-музея Г. Распутина.

При подведении итогов секции «портретистов» было подчеркнуто, что в современной России социальная и экономическая эффективность института собственности остается недостаточно высокой. Экономика остается высокомонополизированной, предприятия находятся в тесной связке с властью на всех уровнях, что препятствует развитию рыночных институтов и конкуренции. Определено, что на новом этапе экономического развития со всей очевидностью будет возрастать роль государства и государственных предприятий в экономике. В то время как для достижения долговременных стратегических результатов развития необходимо действовать в направлении создания институциональных условий для становления полноценной рыночной экономики и конкуренции (Л.А. Беляева). Важно также учитывать негативное влияние на развитие регионов «избыточного неравенства» в тех регионах, в которых существует большая по численности доля населения с доходами ниже величины прожиточного уровня, что сказывается отрицательно на их модернизации (В.Т. Тарасов). Регионы с относительно невысоким уровнем душевых доходов находятся в «ловушке» избыточного неравенства, когда в них наблюдается значительное количество так называемых «работающих бедных», получающих минимальный

размер заработной платы в условиях более высокого уровня прожиточного минимума. Был проведен анализ возможных сценариев развития России и её регионов – стагнационного и лидерского и показана необходимость формирования региональных и общероссийской инновационных систем.

Участники секции «портретистов» резюмировали, что в каждом регионе необходимо создание инновационной системы, отвечающей его культурно-историческим условиям, как и социокультурным, экономическим и управленческим практикам (Н.И. Лапин). В целях дальнейшего совершенствования методики оценки социокультурных портретов регионов участники считают целесообразным актуализировать систему индикаторов, предназначенных для оценки социально-трудовой сферы региона. Необходимо разработать критерии её модернизированности и найти социальные индикаторы, адекватно отражающие трансформационные процессы в этой сфере (Р.М. Валиахметов). Были высказаны предложения о повышении минимального размера оплаты труда и введении прогрессивной шкалы налогов (В.Т. Тарасов). Выявлена необходимость направить усилия на развитие гражданского общества. Рост потенциала социальной напряженности обусловлен противоречивым характером институционально-регулятивной компоненты модернизации: одновременно возрастают са-

моценки уровня защищенности и удовлетворенности жизни в целом и повышаются оценки частоты нарушений базовых прав и свобод граждан (в наибольшей степени: права на эмиграцию, религиозные права и свободы и на собственный язык и культуру) (Г.Ф. Ромашкина, В.А. Давыденко). Был рассмотрен методический потенциал «смешанной» методологии исследования модернизационных проектов, жизненных миров локальных сообществ. Внутри каждого региона в качестве объектов эмпирических исследований могут выбираться те локальные сообщества, в которых произошли (происходят) значимые для их членов изменения (Е.Б. Плотникова). Перспективной методикой для оценки уровня модернизации российских регионов является классификационный подход по смешанной методологии (Е.Б. Мостовая).

Участники конференции подтвердили, что «Социокультурный портрет регионов России» стоит в ряду крупнейших социологических проектов, реализуемых в России. Цели, которые авторы и участники проекта поставили перед собой, амбициозны и отражают несомненную социальную значимость проекта. Проект является профессиональным и гражданским поступком, и решение задач дальнейшего совершенствования методологии программы «Социокультурная эволюция России и её регионов» должно быть результатом сотрудничества участников проекта.

Сведения об авторах

Елена Владимировна Андрианова – кандидат социологических наук, и. о. заведующего кафедрой общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: andrelena78@mail.ru)

Владимир Александрович Давыденко – доктор социологических наук, профессор, начальник Научно-исследовательского центра Финансово-экономического института, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: vlad_davidenko@mail.ru)

Гульнара Фатыховна Ромашкина – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой математических методов, информационных технологий и систем управления в экономике, Тюменский государственный университет (Российская Федерация, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: gr136@mail.ru)

Andrianova E.V., Davydenko V.A., Romashkina G.F.

**5th Tyumen International Sociological Forum
and 13th All-Russian Scientific-Practical Conference
on the Program “Socio-cultural evolution in Russia and its regions”**

Information about the Authors

Elena Vladimirovna Andrianova – Ph.D. in Sociology, Deputy Head at the Department for General and Economic Sociology, University of Tyumen (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: andrelena78@mail.ru)

Vladimir Aleksandrovich Davydenko – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Research Center at the University of Economics and Finance, University of Tyumen (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: vlad_davydenko@mail.ru)

Gul'nara Fatykhovna Romashkina – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department for Mathematic Methods, Information Technology and Management Systems in Economics, University of Tyumen (6, Volodarsky Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: gr136@mail.ru)

Статья поступила 17.10.2017.

В разделе «Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества» представлены результаты регулярных социологических опросов, проводимых ВолНЦ РАН на территории Вологодской области. Эти данные публикуются в нашем журнале начиная с марта 2009 г. (с выпуска №1(5)) как составная часть статьи от главного редактора.

С октября 2017 г. (с № 5, том 10) «Мониторинг общественного мнения» публикуется как приложение к очередному номеру в качестве справочной информации об основных тенденциях социального самочувствия жителей региона.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в августе – октябре 2017 гг., а также в среднем за последние 6 опросов (декабрь 2016 – октябрь 2017 гг.). Дается сопоставление их с данными за 2007-й (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности) и 2011 г. (последний год президентства Д.А. Медведева). С 2013 г. представлена годовая динамика данных.

В августе – октябре 2017 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился (68–70%). Это соответствует среднегодовому показателю за 2015–2016 гг. и **незначительно выше, чем в начале 2017 г. (66%)**. Доля негативных оценок деятельности главы государства в последние два месяца составила 17–19%.

В динамике поддержки деятельности Председателя Правительства РФ существенных изменений также не наблюдается: в августе – октябре доля положительных оценок составила 50-52%. Удельный вес отрицательных суждений составил 30%, **что несколько выше, чем в 2015 (22%) и 2016 (28%) гг.**

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте: <http://www.vscac.ru/>.

Для справки: в целом по стране уровень одобрения деятельности Президента РФ остается стабильным. По данным ВЦИОМ в сентябре – первой половине октября он составил 83-85% (удельный вес негативных оценок – 11%). Доля положительных суждений о работе Председателя Правительства в сентябре – первой половине октября составила 52-54% (удельный вес отрицательных оценок – 31-32%).

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2016	2011	2007
Президент РФ																
Одобрю	75,3	58,7	55,3	64,1	69,1	67,8	67,3	65,7	63,6	67,5	69,7	68,3	67,0	-1	+8	-8
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	22,3	17,5	18,8	19,3	21,1	23,6	19,3	17,3	19,4	20,0	+1	-6	+9
Председатель Правительства РФ*																
Одобрю	-*	59,3	48,9	54,2	58,1	52,3	50,4	50,4	47,5	47,9	49,7	51,5	49,6	-3	-10	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	27,6	21,7	27,6	30,1	29,8	32,8	32,1	30,9	29,9	30,9	+3	+6	-
Губернатор																
Одобрю	55,8	45,7	44,4	40,1	39,3	37,7	40,2	38,9	36,7	40,6	42,3	40,8	39,9	+2	-6	-16
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	38,9	36,2	39,3	38,5	37,8	41,1	38,9	38,7	39,2	39,0	0	+9	+17
* Вопрос задается с 2008 г.																

Существенных изменений в оценке успешности решения Президентом ключевых проблем страны за последние два месяца не произошло:

- доля людей, считающих успешными действия Президента по укреплению международных позиций России, составляет 58% (противоположного мнения придерживаются 26% жителей области);
- по наведению порядка в стране – 52-53% (доля отрицательных оценок – 35-36%);
- по защите демократии и укреплению свобод граждан – 42% (удельный вес негативных суждений – 38-39%);
- по подъему экономики и росту благосостояния населения – 31-32% (неуспешными действиями Президента по решению данной проблемы считают 55-56% жителей области).

Следует отметить, что на протяжении периода с декабря 2016 по октябрь 2017 г. постепенно увеличивается индекс успешности решения Президентом наиболее болезненного для людей вопроса – подъема экономики и роста благосостояния (за это время индекс возрос на 11 пунктов, с 66 до 77 п.). Тем не менее значение данного индекса по-прежнему составляет менее 100 пунктов, что означает преобладание негативных суждений в оценках населением деятельности главы государства по повышению благосостояния населения.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2016	2011	2007
Укрепление международных позиций России																
Успешно	58,4	46,2	45,7	50,4	51,7	51,2	51,9	54,5	52,4	55,3	58,1	57,6	55,0	+4	+9	-3
Не успешно	24,9	33,7	36,2	32,4	31,3	29,9	31,1	26,5	27,7	25,8	26,1	26,3	27,3	-3	-6	+2
Индекс успешности	133,5	112,5	109,5	118,0	120,4	121,3	120,8	128,0	124,7	129,5	132,0	131,3	127,7	+6	+15	-6
Наведение порядка в стране																
Успешно	53,2	36,6	39,4	48,0	50,2	49,2	50,2	49,5	47,3	49,9	52,0	52,7	50,3	+1	+14	-3
Не успешно	34,0	50,0	47,5	39,1	37,9	36,7	36,7	36,8	38,8	35,8	35,6	35,1	36,5	0	-14	+2
Индекс успешности	119,2	86,6	91,9	108,9	112,3	112,6	113,5	112,7	108,5	114,1	116,4	117,6	113,8	+1	+27	-5
Защита демократии и укрепление свобод граждан																
Успешно	44,4	32,4	31,8	37,5	40,4	36,6	36,2	38,6	36,8	39,1	41,7	42,5	39,2	+3	+7	-5
Не успешно	37,0	48,3	51,0	45,4	41,5	44,3	44,3	41,3	43,5	39,7	38,8	38,3	41,0	-3	-7	+4
Индекс успешности	107,4	84,1	80,8	92,1	99,0	92,3	91,9	97,3	93,3	99,4	102,9	104,2	98,2	+6	+14	-9
Подъем экономики, рост благосостояния граждан																
Успешно	47,2	30,7	31,3	34,8	34,2	27,2	27,2	26,1	25,8	28,5	31,3	32,3	28,5	+1	-2	-19
Не успешно	39,1	56,1	56,8	53,4	52,3	59,4	61,1	59,1	57,3	57,2	55,9	55,3	57,7	-2	+2	+19
Индекс успешности	108,1	74,6	74,5	81,4	81,8	67,8	66,1	67,0	68,5	71,3	75,4	77,0	70,9	+3	-4	-37

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2016 г.

Структура партийно-политических предпочтений населения за последние два месяца существенно не изменилась. Уровень поддержки „Единой России” составляет 35% (что соответствует 2016 г. (35%), но ниже, чем в 2015 г. (39%)), ЛДПР – 11%, КПРФ – 7-8%, Справедливой России – 5%.

Следует также отметить, что в октябре 2017 г., также как и в августе, 40% людей затруднились выбрать из представленных в парламенте партий ту, которая отражает их интересы, или отметили, что ни одна из них не выражает их мнение.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	2011		2013	2014	2015	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...			
		Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт													2016	2011	2007	
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	32,8	38,8	35,4	38,0	34,5	33,9	31,8	33,8	35,2	35,6	34,1	-1	+3	+4
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	7,6	6,2	10,4	21,9	13,9	10,2	10,7	11,1	10,9	11,5	11,4	+1	+4	+4
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	9,7	7,1	8,3	14,2	8,7	7,2	6,2	8,5	8,0	7,3	7,7	-1	-3	+1
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	3,5	3,6	4,2	10,8	4,9	4,3	4,8	5,1	5,8	4,5	4,9	+1	-1	-3
Другая	1,8	–	1,9	–	0,6	0,3	0,2	0,3	–	0,3	0,1	0,5	0,3	0,4	0,8	0,4	0	-2	-1
Никакая	17,8	–	29,4	–	34,9	34,4	31,8	29,4	–	30,1	30,7	34,8	29,1	26,1	26,2	29,5	0	0	+12
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	10,2	11,7	12,2	12,0	–	7,7	13,6	11,2	12,1	13,7	14,1	12,1	0	-1	-9

Наиболее значимые изменения в августе – октябре 2017 г. произошли в динамике оценок социального самочувствия:

- за последние два месяца уменьшилась доля людей, характеризующих свое эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное» (на 3 п.п., с 74 до 71%);
- удельный вес жителей области, считающих, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», снизился на 7 п.п. (с 81 до 74%).

Как показывают результаты исследования, это может быть связано с динамикой оценок уровня жизни населения. Так, за период с августа по октябрь 2017 г. доля людей, субъективно причисляющих себя к категории «бедных и нищих», увеличилась на 3 п.п. (с 46 до 49%, что является наиболее высоким значением за последние 6 опросов).

Между тем в динамике индекса потребительских настроений (ИПН) негативных изменений пока не наблюдается: как и двумя месяцами ранее он составляет 86 пунктов, что свидетельствует о преобладании пессимистических прогнозов населения относительно перспектив развития экономической ситуации в стране и своего личного материального положения.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2016	2011	2007
Настроение																
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	68,0	70,4	67,2	68,6	71,0	73,8	71,0	70,3	+2	+7	+7
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	24,9	25,9	26,2	26,1	28,5	25,5	23,2	21,2	22,8	24,6	-2	-4	-3
Запас терпения																
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	80,8	78,4	78,0	81,1	78,2	77,3	78,7	80,5	74,4	78,4	0	+4	+4
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	12,6	14,5	15,6	14,9	16,1	16,4	14,8	13,5	17,5	15,5	0	0	+2
Социальная самоидентификация*																
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	43,2	38,7	42,1	43,7	42,5	42,8	43,5	45,2	43,0	43,5	+1	0	-5
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	49,1	50,7	49,0	47,4	47,2	47,3	43,2	45,8	48,8	46,6	-2	+2	+4
Индекс потребительских настроений																
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	87,6	77,1	77,7	79,4	82,0	80,8	84,3	86,2	86,7	83,2	+6	-6	-23
* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»																

Негативные изменения в динамике социального самочувствия за последние два месяца произошли в 6 из 14 социально-демографических категорий населения (в остальных группах существенных изменений не наблюдается). Прежде всего, следует отметить уменьшение доли позитивных характеристик эмоционального состояния среди мужчин (на 4 п.п., с 75 до 71%); лиц в возрасте от 30 до 55 лет (на 5 п.п., с 76 до 71%); людей, по самооценке доходов относящихся к категории 20% наиболее обеспеченных (на 4 п.п., с 86 до 82%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа
«Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2013	2014	2015	2016	Дек. 2016	Фев. 2017	Апр. 2017	Июнь 2017	Авг. 2017	Окт. 2017	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-) последние 6 опросов по отношению к...		
														2016	2011	2007
Пол																
Мужской	65,9	64,5	69,9	68,9	69,5	68,8	73,3	66,9	67,6	72,5	74,6	71,3	71,0	+2	+7	+5
Женский	61,7	62,0	67,5	69,8	68,0	67,4	68,1	67,4	69,4	69,9	73,1	70,8	69,8	+2	+8	+8
Возраст																
До 30 лет	71,3	70,0	75,5	75,1	77,1	76,4	80,8	70,9	80,5	75,4	80,1	79,4	77,9	+1	+8	+7
30-55 лет	64,8	62,5	69,2	69,5	67,2	67,4	71,8	66,7	70,1	72,0	75,9	71,4	71,3	+4	+9	+7
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,4	65,4	65,5	64,0	62,8	65,8	60,4	67,4	67,8	66,4	65,1	+1	+7	+10
Образование																
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	60,6	62,5	63,6	62,1	62,8	61,4	64,9	65,8	65,2	63,3	63,9	+2	+7	+6
Среднее специальное	64,6	63,6	68,1	70,4	70,1	68,4	72,7	67,7	69,3	70,2	76,7	73,3	71,7	+3	+8	+7
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,4	76,2	72,7	74,3	76,9	73,1	71,7	78,0	79,1	77,1	76,0	+2	+8	+7
Доходные группы																
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	46,2	50,8	51,8	52,5	57,5	44,6	49,1	57,1	58,1	57,9	54,1	+2	+9	+2
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	71,9	72,3	71,0	69,4	70,7	70,8	70,6	72,9	73,7	71,7	71,7	+2	+6	+9
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	83,3	84,8	82,0	80,9	83,5	86,3	79,9	81,3	86,4	82,1	83,3	+2	+8	+8
Территории																
Вологда	63,1	67,1	75,0	76,4	73,9	69,9	73,6	67,9	70,6	74,0	77,0	74,0	72,9	+3	+6	+10
Череповец	68,1	71,2	75,3	76,3	70,6	71,7	74,0	73,7	74,1	76,1	77,9	76,9	75,5	+4	+4	+7
Районы	61,6	57,1	61,6	61,8	64,6	64,8	66,6	63,1	64,3	66,6	69,7	66,1	66,1	+1	+9	+4
Область	63,6	63,1	68,6	69,4	68,7	68,0	70,4	67,2	68,6	71,1	73,8	71,1	70,4	+2	+7	+7

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного этапа мониторинга свидетельствуют о том, что, несмотря на по-прежнему стабильно высокий уровень поддержки деятельности Президента (68–69%), в динамике социального самочувствия населения наметились негативные изменения. Уменьшилась доля тех, кто положительно характеризует свое эмоциональное состояние, снизился запас терпения, возрос удельный вес «бедных и нищих». Эти изменения пока не стали тенденцией и вполне могут иметь эпизодический, «сезонный» характер (например, могут быть связаны с окончанием отпускного периода). Однако есть основания полагать, что таким образом люди могут реагировать на несоответствие официальных заявлений представителей органов власти реальному положению дел в динамике уровня и качества жизни.

Вопреки заявлению Министра экономического развития М. Орешкина о том, что «пессимистические прогнозы экспертов относительно роста ВВП не выше одного процента не

оправдались» и что «в ближайшие месяцы после некоторого технического замедления роста в июле мы ожидаем очередную волну позитивных новостей и новую волну ускорения экономического роста»², в динамике уровня жизни существенных изменений пока не наблюдается, о чем свидетельствуют данные официальной статистики. Так в первом полугодии 2017 г. по сравнению с первым полугодием 2016 г. индекс потребительских цен в Вологодской области увеличился на 1,6% (на продовольственные товары – на 2,6%). При этом реальные располагаемые денежные доходы жителей области снизились на 10%. «Почти треть организаций области, – отмечают специалисты Вологдастата, – получили убыток от хозяйственной деятельности. По сравнению с соответствующим периодом предыдущего года (1 полугодие 2017 г. к 1 полугодю 2016 г.) сумма убытка убыточных организаций увеличилась на 54,8% и составила 1,7 млрд. рублей»³.

Примечательно, что негативные изменения социального настроения отмечаются не в социально уязвимых группах населения (пенсионеры, малообеспеченные категории граждан), а, в первую очередь, среди людей среднего возраста и тех, кто по самооценке собственных доходов относится к средне- и высокообеспеченным жителям области. Реальная заработная плата, являющаяся в данных группах основным источником дохода, в 1 полугодии 2017 г. по сравнению с 1 полугодием 2016 г. увеличилась лишь на 1,1%.

Таким образом, тот факт, что «российская экономика из кризиса вышла, набирает обороты»⁴, пока не ощущается рядовыми гражданами. Нереализованные ожидания людей относительно повышения уровня благосостояния отрицательно сказываются на социальной самоидентификации, ухудшают оценки социального самочувствия. В этой связи дальнейшая динамика общественного мнения во многом будет зависеть от того, сможет ли российская экономика не только выйти из кризиса, но и набрать такие темпы развития, которые стали бы ощутимыми для широких слоев населения.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.В. Параничева, Т.В. Урванова.

² Выступление М.С. Орешкина на совещании Президента РФ с членами Правительства 11 сентября 2017 г.: стенограмма [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55590>

³ Социально-экономическое положение Вологодской области в 1 полугодии 2017 г. – Вологдастат, 2017. – 13 с.

⁴ Выступление В.В. Путина на совещании с членами Правительства 11 сентября 2017 г.: стенограмма [Эл. рес.] // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55590>

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьёй в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).

2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.

3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.

4. Цветная фотография автора в формате .jpeg / .jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscc.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи.

1. Поля.

Правое – 1 см., остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 250 до 300 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично пере-

числены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Источники в списке литературы располагаются строго в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, расположенные по алфавиту, затем – иностранные, также расположенные по алфавиту).

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____
_____
Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____
_____
Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);

2) на сайте <http://www.aks.ru>;

3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-10 (доб. 387), адрес электронной почты: bushmanova@vscc.ac.ru).

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 26.10.2017.
Дата выхода в свет 31.10.2017.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 28,2. Тираж 500 экз. Заказ № 286.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-60248 от 19 декабря 2014 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru